

ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»
Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина
Санкт-Петербургского государственного университета
Ernst-Moritz-Arndt-Universität



И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ...

Сборник научных статей,
посвящённый юбилею доктора филологических наук,
профессора Светланы Григорьевны Шулежковой

*Под грифом межкафедрального словарного кабинета
им. проф. Б. А. Ларина СПбГУ*

Магнитогорск
2010

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (Россия)

А. М. Мелерович

Доктор филологических наук, профессор
Грайфсвальдского университета (Германия)

Х. Вальтер

Доктор педагогических наук, профессор
Магнитогорского государственного университета (Россия)

З. М. Уметбаев

И 11 И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. *С. Г. Шулежковой* / гл. ред. *В. М. Мокиенко* ; чл. редкол. : *Л. Н. Мишина, А. А. Осипова*. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – 311 с. [Под грифом межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина СПбГУ.]
ISBN 978–5–86781–810–4

Сборник, приуроченный к юбилею доктора филологических наук, профессора Магнитогорского государственного университета С. Г. Шулежковой, включает более 70 научных статей, в которых рассматриваются история славянских языков, диахронический и синхронический аспекты фразеологии и крылатологии русского и других языков. Круг обсуждаемых лингвистических проблем отражает сферу научных интересов юбиляра. Авторы сборника – учёные из 10 стран мира (Белоруссии, Болгарии, Германии, Польши, России, Сербии, Украины, Франции, Хорватии, Чехии).

Сборник адресован учёным-филологам, аспирантам, студентам, всем, кого интересует лингвистика.

Технические редакторы: **Л. Н. Мишина, А. А. Осипова**
Дизайнер: член Союза дизайнеров России **А. Г. Куликов**
Фото **В. И. Шустикова**
Компьютерная вёрстка **М. А. Прокопенко**

УДК 81'373
ББК Ш141.12-3

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ...

Имя Светланы Григорьевны Шулежковой хорошо известно научному сообществу филологов в России и за рубежом. Авторитетный фразеолог, она является автором более 200 научных публикаций, самыми известными из которых стали монография «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», «Крылатые выражения из области искусства: словарь», «Российско-польский словарь крылатых слов» (в соавторстве с В. Хлебдой и В. М. Мокиенко), «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (в соавторстве с В. П. Берковым и В. М. Мокиенко), «Фразеологический словарь старославянского языка» (в соавторстве с членами Словарной лаборатории и кафедры общего языкознания и истории языка МаГУ) и др. Кроме теоретических и лексикографических исследований, в научном арсенале С. Г. Шулежковой широко представлены учебники и учебные пособия по историко-лингвистическим дисциплинам и теории языка: «Старославянский язык» (в соавторстве с Г. А. Турбиным), «История лингвистических учений», «Общее языкознание» и др.

Как о талантливом учёном и педагоге о С. Г. Шулежковой можно узнать из статей энциклопедии МаГУ «Люди. Дела. Традиции» и энциклопедии, посвящённой известным людям Челябинской области. Под руководством Светланы Григорьевны защитились двенадцать аспирантов, под её патронажем студенты написали более 70 дипломных работ.

Сама Светлана Григорьевна начала трудиться в должности вузовского преподавателя в 1966 г. и вот уже более сорока лет верна своему выбору. Не одно поколение студентов-филологов помнит блестящие лекции по старославянскому языку, исторической грамматике, истории русского литературного языка, общему языкознанию, истории лингвистических учений. Помнятся её яркие спецкурсы по антропонимике, языку старообрядческой литературы, исторической фразеологии, крылатологии.

Жизнь профессора С. Г. Шулежковой в вузе подтверждает справедливость известного высказывания: талантливый человек талантлив во всём. В 1991 г. она была назначена проректором по учебной работе на заочном отделении и девятнадцать лет возглавляла эту службу, практически создав специфический учебный отдел с нуля. В первые годы проректорства Светлана Григорьевна ещё возглавляла кафедру общего языкознания на общественных началах.

Но в её юбилейный год хочется рассказать о Светлане Григорьевне – человеке, с которым многие члены созданной ею кафедры общего языкознания и истории языка работают бок о бок вот уже больше двух десятков лет. На кафедре и в созданной ею научно-исследовательской словарной лаборатории профессора С. Г. Шулежкову любовно называют «мамой Светой» и «Учителем» не случайно. Нет ни одного работника в наших подразделениях, в судьбе которого Светлана Григорьевна не приняла бы прямого и очень важного участия. Она не умеет жаловаться, но внимательно выслушает любого и обязательно поможет, да так, что как будто всё произошло само собой. Совершенно не терпит благодарности: нашего Учителя она смущает и тяготит, поскольку Светлана Григорьевна уверена, что на её месте каждый поступил бы точно так же.

ISBN 978–5–86781–810–4

© Авторы статей, 2010
© Магнитогорский государственный университет, 2010

Помнится содержание одного важного разговора. Я спросила Учителя, что она делает, когда ей невыносимо плохо. В ответ услышала парадоксальное: «Работаю». Этот же ответ прозвучал на вопрос: как она поступает, когда ей хорошо. Именно в состоянии постоянной и очень напряжённой работы мы знаем профессора С. Г. Шулежкову. Её неизменный девиз *«И вновь продолжается бой...»* стал девизом каждого, кому посчастливилось с ней трудиться.

Много лет назад, когда ещё многие из нас были студентами и членами фразеологического кружка, руководимого Светланой Григорьевной, её дом стал нашим родным домом. Занятия проходили именно там, потому что Светлане Григорьевне не с кем было оставить двух маленьких детей и племянницу, дочь умершей сестры, которую она воспитывала как родную. Только через много лет стало понятно, как это архисложно: быть мамой и настоящим учёным. У Светланы Григорьевны всё получалось так органично, что тогда казалось, будто никаких усилий сам процесс подобной жизни не вызывает. Бой с трудностями шёл на наших глазах, и мы вынуждены были писать научные доклады, ездить на студенческие конференции, несмотря на курсовые, экзамены, зачёты. Ведь наш Учитель не жаловался и всё успевал. Скулить было просто неприлично.

Ничего в темпе жизни не изменилось и после того, как из студентов мы превратились в молодых преподавателей. Светлана Григорьевна всегда была полна новыми проектами, идеями, которыми буквально заражала нас. Для каждого как-то незаметно была сформулирована тема диссертационного исследования, план научной деятельности. И всё происходило так, будто ты сам сделал такой выбор, а, следовательно, жаловаться и ныть не имел права. Скоро определился и основной интерес – лексикография. Родилась идея создания научно-исследовательской словарной лаборатории после издания первой энциклопедии МаГУ «Люди, дела, традиции» и первого словаря «Фильтруй базар» (словарь молодёжного жаргона г. Магнитогорска; автор словаря – проф. нашей кафедры Б. Б. Максимов, к сожалению, не успел при жизни подготовить и издать рукопись). Члены кафедры стали и членами лаборатории. Нагрузки удвоились, но жить стало не только труднее, но и интереснее. Каждый почувствовал, что *вновь продолжается бой* со временем, трудностями, самим собой.

Конечно, не каждый из нас выдерживал и выдерживает заданный Светланой Григорьевной темп. С её стороны – ни одного упрека. Она сама делает чью-то невыполненную работу и при этом смущённо скажет: «Вероятно, у вас были уважительные причины...» Лучше бы отругала или высекла. Подобного урока хватает на жизнь, на *вечно продолжающийся бой*.

Общаться со Светланой Григорьевной удивительно легко. Она отзывчива на шутку, всегда иронично говорит о себе и своих успехах, не позволяя подобного по отношению к окружающим. Самым замечательным времяпрепровождением являются вечера-воспоминания о событиях, смешных и печальных, которые происходили с нами в многочисленных поездках на симпозиумы, конференции, совещания.

Общаться со Светланой Григорьевной становится трудно, если вдруг позволишь себе «рассиропиться», впасть в депрессию или унылое настроение. Вот тут-то и проявится железный шулежковский характер. Она обязательно уз-

нает, что случилось, сразу же поможет, а потом стальным тоном посоветует: «Работайте: это лучшее лекарство». В нашем женском коллективе мы часто плачем по поводу и без повода. Слезы на глазах Учителя я видела лишь раз, когда умер любимый муж и друг Николай Семёнович. А вот мы все рыдали по-настоящему на творческом вечере Светланы Григорьевны, посвящённом её шестидесятилетию. Там мы узнали о тяжёлых детских годах Учителя, проведённых в фашистской оккупации, а потом в детском доме. Не сломалась, выжила, победила. *И вновь продолжается бой...*

Последние годы стало подводить сердце. Впервые видим Учителя в больнице. Маленькая, изящная, привычно без возраста, она пожаловалась как ребёнок: «Здесь совершенно негде делать зарядку». И сразу вспомнились поездки со Светланой Григорьевной и обязательная побудка в шесть часов утра с неизменной зарядкой. А потом быстрый завтрак и выполнение утреннего задания: составление картотеки, вычитка статей. Она работает везде: в самолёте, поезде, электричке... План на день должен быть выполнен. В больнице она не оставила своих привычек и вышла оттуда с подготовленным к печати сборником научных трудов. А на другой день на службе бодро заявила: «В больнице я отдохнула и могу приступить к делам с новыми силами». В этом вся Светлана Григорьевна.

Масштаб её личности особенно ярко проявляется во время устройства научных форумов, всегда международного ранга. В наш город приезжают самые известные фразеологии и лексикографы России, ближнего и дальнего зарубежья. Мы восхищённо наблюдаем за тем, с какой любовью и уважением относятся знаменитые учёные к нашему Учителю, как дорожат её советами и рекомендациями. А Светлана Григорьевна в это время умело организует питание, досуг коллег, работу секций и круглых столов, превращая конференции и симпозиумы в незабываемые научные события. При этом она делает блестящие доклады-открытия, презентует новые разработки словарной лаборатории, которой руководит с 2001 г.

Когда особенно трудно сладить с темпом, заданным Учителем, и кажется, что больше не выдержать, применяется главное «лабораторное» лекарство: мы включаем песню, в которой припев начинается строчкой: *«И вновь продолжается бой...»*. Не поверите, настроение меняется: как-то весь подтягиваешься, собираешься и понимаешь, всё получится. Ведь рядом всегда мама Света, которая, работая больше, лучше и продуктивнее, всегда поддержит, похвалит даже за малую удачу и подтянет любимую песню вместе с нами.

Профессор С. Г. Шулежкова не подвластна времени и обстоятельствам. Всегда подтянута, бодра, жизнерадостна. Своим видом и отношением к жизни она заряжает внутренней энергией, убеждённостию в том, что всё получится, нужно только очень захотеть и постараться. После встреч и разговоров с ней вырастают крылья, хочется работать, узнавать, постигать, учиться и учить. В общем, *и вновь продолжается бой...*

С любовью и признательностью «ваши дети»:
Научно-исследовательская словарная лаборатория,
кафедра общего языкознания и истории языка
филологического факультета МаГУ

РАЗДЕЛ I

ВЫСОКОПАРНЫХ СЛОВ НЕ СТОИТ ОПАСАТЬСЯ...

Моё личное восприятие Светланы Григорьевны можно отразить одной фразой: потрясающий контраст внешней хрупкости и мощной внутренней энергии! Наверное, буду субъективным, но именно в этом кроется секрет тех огромных успехов, которых она достигла в жизни и в этом же, наверное, заключается тайна тех, пусть и немногих, разочарований, встретившихся (как и у каждого из нас) на её жизненном пути. Именно так я объясняю феномен С. Г. Шулежковой, заключающийся в том, что, пройдя трагическую гибель близких, фашистскую оккупацию, детдомовское детство, она сумела стать не просто профессором, но и учёным с мировым именем и при этом сохранить истинную любовь к людям, которые встречаются в её жизни и судьбе, причём любовь не абстрактную, а направленную на конкретную помощь этим людям независимо от их чина и ранга. Все, кто сталкивался со Светланой Григорьевной в сложных житейских ситуациях, отмечают, что с ней намного легче в беде, потому что она берёт боль на себя.

Я многому учился и учусь у Светланы Григорьевны, но в первую очередь, умению быть равнодушным к проблемам других. В частности, всегда стараюсь помнить её принцип максимального учёта человеческого фактора и интересов людей при принятии самых сложных управленческих решений. Уверен, что и сейчас, и в будущем могу рассчитывать на её советы и конкретную поддержку!

***В. П. Семёнов**, доктор технических наук,
профессор, ректор МаГУ*

Светлана Шулежкова – удивительный представитель рода человеческого по всем своим позитивным параметрам и характеристикам. Это уникальный сплав могучего интеллекта и лингвистической культуры, безразмерной работоспособности и беззаветной преданности таким общечеловеческим ценностям, как «добро», «долг», «совесть». Она ребёнок войны с многострадальной судьбой, сумевший преодолеть самые страшные преграды и невзгоды и достичь самостоятельно недостижимых высот. Сегодня Светлана Григорьевна могла бы стать украшением самого уважаемого вуза или академического центра планеты. И это не красивые слова. Такова объективная оценка её реальной стоимости на мировом рынке большой науки и образовательных услуг, как принято нынче говорить. Для меня загадка, как можно соединить в одном лице блестящего лектора, скрупулёзного исследователя, негибаемого борца за справедливость, крупномасштабного общественного деятеля. Убеждён, что научное наследие С. Г. Шулежковой переживёт не один век. Так дай же бог процветать ей ещё не одно десятилетие.

***В. Ф. Романов**, доктор философских наук, профессор,
президент МаГУ, Почётный гражданин России*

Говорят, что незаменимых людей нет. Научно-педагогическая деятельность С. Г. Шулежковой, равно как и вся её жизнь, целиком и полностью это утверждение опровергает.

Светлана Григорьевна незаменима во всём и прежде всего как учёный. Это известный исследователь-фразеолог со своим научным направлением, состоявшейся научной школой и оригинальной методологией исследования. В таком статусе профессор С. Г. Шулежкова известна научному миру России и за рубежом.

Но следует помнить и о другом. Светлана Григорьевна – талантливейший учитель. Именно о таких, как она, говорят: учитель от Бога. Как человек, который учился у неё почти 30 лет назад, я полностью подтверждаю эту характеристику.

Не менее талантлива Светлана Григорьевна и как администратор. 20 лет она была проректором по учебной работе (очно-заочное отделение) и сумела создать образцовую службу, готовую помогать студенту во всём.

В настоящее время все, кто работал и работает со Светланой Григорьевной, повторяют вместе и вслед за мной: «Незаменимые люди есть. Это профессор С. Г. Шулежкова».

Дорогая Светлана Григорьевна, желаю Вам здоровья, благополучия и творческого долголетия! Вы незаменимы.

***З. М. Уметбаев**, доктор педагогических наук, профессор,
первый проректор, проректор по научной работе
и международным связям МаГУ,
выпускник С. Г. Шулежковой 1980 года*

Говорить о Светлане Григорьевне можно долго. Однако самыми главными её качествами считаю любовь к людям, способность воспринимать чужую беду как свою. При этом Светлану Григорьевну отличают высокий профессионализм и активная жизненная позиция. Очень благодарен судьбе за возможность долгие годы работать бок о бок с таким замечательным человеком.

Хочется пожелать Светлане Григорьевне здоровья, оптимизма и дальнейших успехов на научном поприще во благо нашего университета.

***В. Б. Петров**, доктор филологических наук, профессор,
проректор по учебной работе и нормативному обеспечению
уставной деятельности МаГУ*

Есть имена, без которых немислим филологический факультет. Одно из таких имён – профессор, доктор филологических наук Светлана Григорьевна Шулежкова. Её заслуги перед факультетом трудно переоценить. Не перечислить всех дел, инициатив и идей, генератором которых являлась Светлана Григорьевна.

Назовём лишь некоторые из них. По инициативе Светланы Григорьевны была открыта кафедра общего языкознания и истории языка. Светлана Гри-

горьевна, получившая в своё время историко-филологическое образование, во многом способствовала открытию на факультете историко-филологического отделения.

Она является основателем и научным руководителем научно-исследовательской словарной лаборатории. Светлана Григорьевна – бессменный организатор международных конференций и симпозиумов в нашем университете. По инициативе Светланы Григорьевны и под её редакторством издаются научные и литературно-художественные сборники. Светлана Григорьевна – автор монографий, учебных пособий, главный редактор и составитель энциклопедических изданий, словарей.

Светлана Григорьевна богата талантливыми учениками, она много лет руководит научной школой, имеет международное признание.

Филологический факультет гордится заслугами Светланы Григорьевны, высоко ценит и любит её!

С юбилеем, дорогая Светлана Григорьевна!

*Л. Д. Пономарёва, доктор педагогических наук, профессор,
декан филологического факультета МаГУ*

Говоря о Светлане Григорьевне, отмечу, прежде всего, что это очень глубокий человек, мудрый, честный, а главное, равнодушный к чужим проблемам. Она бесстрашна и пряма, но и дипломатична одновременно. Её советы – делать своё главное и любимое дело; поступать по закону, если не знаешь, как поступить.

Во-вторых, Светлана Григорьевна – крупный учёный, чьи труды знают филологи всей Европы. Уверен, что такой уровень культуры и знаний по старославянскому и древнерусскому языкам имели только выдающиеся отечественные историки XIX и первой половины XX в. Сейчас остались лишь немногие, бесценные, специалисты, чьи знания необходимы России, в которой, к счастью, несмотря ни на что, существуют люди пушкинского типа, отстаивающие идеи классического образования, а не только таблоиды типа «интерфейс человек – компьютер». *Вначале было Слово!* А перед нами, несомненно, – Мастер Слова!

Наконец, отмечу великолепные качества Светланы Григорьевны как администратора – тактичность, взвешенность решений и поступков, умение отстаивать свою точку зрения, умение защищать. При этом она всегда остаётся Женщиной тонкой и прекрасной души! Желаю дорогой Светлане Григорьевне – Коллеге, Учёному, Женщине – здоровья, энергии, исполнения её замечательных творческих планов!

*М. Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета МаГУ*

О ДРУГЕ И КОЛЛЕГЕ (К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ШУЛЕЖКОВОЙ)

*Из всей благодати
В руках крепко сжатых
Я донесу только капли.
Св. Рерих*

МаГУ – один из научных центров промышленного Урала. Находясь на юго-восточной окраине России, он, благодаря коллективу и руководству, не обрёл печати провинциальности. На доске *почётных докторов* вуза (особая честь!) привлекает внимание портрет красивой женщины с умными пронзительно ясными голубыми глазами. Это Светлана Григорьевна Шулежкова, доктор филологических наук, профессор, проректор по заочному отделению, заведующая Словарной лабораторией, заслуженный работник высшей школы...

Почти полвека меня связывает со Светланой Григорьевной не только душевная приязнь и крепкая дружба, но и непрерывное творческое общение. Хорошо зная её потрясающую самоорганизованность и почти недостижимые для простого смертного трудоспособность и продуктивность, глядя «вживую» на эту изящную, умную, деловую женщину, можно подумать, что в ней заложен какой-то особый солнечный заряд человеческой энергии. Как будто ей дано в сутках не 24, а все 48 часов! Судьба наделила Светлану Григорьевну удивительной жизнестойкостью и творческим талантом. Это проявилось уже в студенческие годы, когда она бегала первые два года на лекции по физике, математике... и филологии! Золотая медалистка из далёкого казахского детдома, эта девушка блестяще разбиралась в премудростях истории языка и других науках. По окончании с отличием историко-филологического факультета ЧГПИ (1962 г.) она была желанной кандидатурой в аспирантуру по политэкономии, отечественной истории, философии, филологии и другим дисциплинам. Но Светлана выбрала историю языка, чтение и анализ архивных текстов под руководством проф. Г. А. Турбина. Поистине подвигом была её работа над самой ранней скорописной книгой Южного Урала – «Миасская крепость» (1736 г.) – рукопись около 1000 стр. почти нечитаемого текста. В 1966 г. С. Г. Шулежкова защитила в МГПИ кандидатскую диссертацию по синонимии устойчивых сочетаний в деловом языке XVIII в. и была распределена в Магнитогорский пединститут, где прошла путь от старшего преподавателя до профессора, зав. кафедрой общего языкознания и истории языка. Это были нелёгкие годы: замужество, двое маленьких детей, руководство организованной ею кафедрой и всё-таки, вопреки всему, – непрерывный научный поиск. От архива отрезана ... нужна новая тема. Светлана Григорьевна нашла её: язык огненного пророка Аввакума, по существу, первого русского писателя XVII в. Она нашла пустозёрский вариант «Жития», выступила с докладом в секторе древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Но другие рукописи старообрядцев оказались в те годы недоступными. Тексты Аввакума и его сподвижников стали предметом первого учебного пособия С. Г. Шулежковой «Язык одного из демократи-

ческих направлений русской литературы второй половины XVIII столетия (к истории публицистики, созданной писателями-старообрядцами)» (Челябинск, 1982). Позже о языке сподвижников Аввакума напишут кандидатские диссертации аспиранты С. Г. Шулежковой – И. В. Петрова и М. А. Коротенко. А сама она, набравшись педагогического опыта, создаст вместе со своим учителем, проф. Г. А. Турбиным, добротный учебник по старославянскому языку для заочного отделения. На конкурсе учебной литературы для вузов ему был присуждён диплом I степени. Пособие выдержало три переиздания; в последнем варианте (автор С. Г. Шулежкова) ему был присвоен гриф МП РФ. В творческой научной работе С. Г. Шулежковой обозначились в последней четверти века три живых направления: чисто научное, научно-методическое, научно-организационное. И во всём она сполна вкладывает свои силы, знания, талант, душу. В 1995 г. в Санкт-Петербургском университете блестяще защитила докторскую диссертацию «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие». Книга была опубликована в Московском издательстве в 2002 г. По существу, эта работа была одной из первых в рождавшемся тогда новом направлении лингвистики – крылатологии. Вслед за этим вместе с В. И. Берковым и В. М. Мокиенко С. Г. Шулежкова стала автором «Большого словаря крылатых слов русского языка» (Москва, 2000).

В 2008–2009 гг. вышли два тома этого словаря под ред. С. Г. Шулежковой с её вступительной статьёй. Это уникальное, отлично изданное справочное пособие с информацией, которая не фиксируется ни в одном аналогичном словаре: где и кем впервые употреблено крылатое словосочетание. Совершенно уникальным обещает быть и «Фразеологический словарь старославянского языка», уже подготовленный Светланой Григорьевной и её молодыми коллегами из Словарной лаборатории МаГУ. Это первый опыт описания старославянского фразеологического фонда. Его источники – древнейшие памятники старославянской письменности. Знали бы читатели, сколько сил понадобилось Светлане Григорьевне, чтобы добыть за границей и в наших архивах копии некоторых из них... И собрать максимум возможных...

Второе направление – научно-учебная работа – продиктовано искренней любовью Светланы Григорьевны к студентам и аспирантам и желанием помочь им. И здесь – опора на самые новые и продуктивные методики. Так появляются сначала «Опорные сигналы» к курсу «Старославянский язык», выдержавшие не одно переиздание, а затем на их основе – новый тип учебно-методического пособия «Старославянский, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка. Опыт сопоставительного анализа» (Москва, 2010). С. Г. Шулежкова читает не только историко-лингвистические курсы, но и общее языкознание. Плод её труда – прекрасное учебное пособие для филологических факультетов университетов – «История лингвистических учений» (Москва, 2004), где в увлекательной и доступной форме с опорой на новейшие достижения научной мысли конца XX – начала XXI века изложена история классического и современного языкознания. С. Г. Шулежкова – автор более 200 научных и учебно-методических работ.

Особая стезя научной работы Светланы Григорьевны – опека молодых, начинающих, аспирантов, дипломников. Скольким коллегам в МаГУ она помогла завершить кандидатские диссертации, монографии. В диссертационном совете при ЧГПУ – Светлана Григорьевна – один из самых интересных, квалифицированных оппонентов и рецензентов. Она умеет увидеть в каждой работе рациональное зерно. Но в период подготовки этих работ трудно найти более строгого руководителя, оппонента... Это и прекрасно! Научно-редакторская работа сливается у неё с организаторской. В МаГУ проходят отлично организованные Международные научные лингвистические конференции, например, «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе», «Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс»; опубликованы под её редакцией шесть выпусков работ молодых исследователей «Благословенны первые шаги», четыре выпуска альманаха «Пушкин», три сборника «Гармонии таинственная власть», юбилейные издания «МаГУ: вчера и сегодня», «Когда соединим слова и руки...», два издания энциклопедии МаГУ. Светлана Григорьевна помогла издать и стала редактором «Духовных стихов Южного Урала», «Казачьих песен», обширного словаря молодёжного жаргона г. Магнитогорска, картотека для которого была собрана профессором кафедры общего языкознания и истории языка Б. Б. Максимовым. Да разве всё назовёшь?!

За всем коротко перечисленным научным багажом – высокий профессионализм, широкая и тонкая душа. Это тот случай, к которому приложимы слова академика В. В. Виноградова: «Воспринимать тонкие веяния мировой культуры в области науки и искусства можно только пройдя через сложные эмоции личной жизни».

А их было у Светланы Григорьевны больше всякой меры.

Каждый день заполнен до предела важными нужными людям делами, праздниками, встречами. В вузе она – «многостаночница»: прекрасный лектор, энергичный творческий проректор, строгий руководитель аспирантов, исследователь славянских древностей, редактор... А дома, в семье – это заботливая мама и лучшая в мире любимая бабушка, весёлая выдумщица и мастерица вкусно накормить, к которой по воскресеньям внуки бегут как на праздник.

Я с любовью кланяюсь талантливому Учёному, Педагогу, Человеку во всех его ипостасях. Сожалею, что «изо всей благодати в руках крепко сжатых донесла только капли...»

Доброго Вам здоровья, новых взлётов, Коллега и Друг!

*Л. А. Глинкина, доктор филологических наук,
профессор Челябинского государственного
педагогического университета*

**ВАС ЗДЕСЬ СТОЯЛО!,
или К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ
(навстречу 70-летию С. Г. Шулежковой)**

Каждый приступающий к научным разысканиям знает, как нелегко найти непроторённую стезю. Более того, уже в XVII в. один собиратель пословиц в предисловии к своему сборнику писал о безрезультатности таких попыток: *Елика отъ человеческого жительства продолжается время, толико человекы мнятся въ художествахъ своихъ древнія превосхитити в всякой вещи, мняшеся, якобы котори забывшие реченное. Ничто же въ мірѣ новое. И индѣ не помышляя начало, хитроче, яко ты художества своего предначинатель, или предначатого украситель. Уже бо быша вся елика подѣ небесемъ...* Однако даже применительно к гуманитарной сфере, где концепции не столько сменяют друг друга, как это обычно происходит в естественных науках, сколько множатся, это утверждение – явное преувеличение; оно, скорее, даёт в назидание тем, кто беззастенчиво забывает о предшественниках, видя только собственные заслуги.

Преданное служение науке, кропотливый труд и, конечно, полёт фантазии – вот то, что способствует открытию в любом исследовательском направлении. Это прекрасно понимает автор неоднократно переиздававшегося учебного пособия по истории лингвистических учений, где даёт максимально объективная – без легко объяснимой в таких случаях приверженности какой-либо научной школе – оценка целого направления, отдельной личности, очерчивается круг крупнейших учёных, доказательно раскрывается весомый вклад в развитие языкознания каждого из них [Шулежкова 2008].

Научное имя самой С. Г. Шулежковой, сейчас широко известное не только в России, но и в целом в Европе, складывалось благодаря творческой и поистине титанической работе в разных направлениях. Креативное мышление и повышенная – прежде всего к себе – требовательность позволили этой хрупкой на вид женщине добиться успехов практически на всех участках её деятельности, будь то ипостась учёного или преподавателя, непосредственного исследователя языка или хронолога языкознания, теоретика или практика, методиста или научного редактора¹.

Примечательно, что С. Г. Шулежковой удалось сказать новое слово и как лингвисту-историку, и как «современнику», и как лингводидакту. Ко многому из сделанного ею в области изучения и преподавания истории языка применима характеристика «впервые»: в первые ещё в середине 1990-х гг. разработаны и опубликованы опорные сигналы по старославянскому языку в его сравнении с (древне-)русским (см. по: [Шулежкова 2010: 29-60]), в первые предложена

концепция фразеологического словаря старославянского языка и составлен полный реестр старославянских фразеологизмов [Проспект 2006], в первые эти фразеологизмы получили специальное словарное описание [Материалы... 2009]¹. А работы С. Г. Шулежковой по современному русскому языку вообще позволили В. М. Мокиенко утверждать: «Лингвистика обращается к “крылатике” лишь недавно, стимулируемая мощным влиянием теоретической и прикладной фразеологии, в которой русисты имеют несомненный приоритет (Шулежкова 2002)» [Мокиенко 2003: 81] (имеется в виду московское переиздание монографии «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие»).

Эта книга, увидевшая свет ещё в 1995 г., стала первой в мировом языкознании монографией, посвящённой исследованию крылатых выражений. В том же году С. Г. Шулежковой была защищена, соответственно, и первая докторская диссертация по данной проблематике. Поступок сам по себе смелый, учитывая количество изломанных фразеологами копий относительно объекта изучения и тот факт, что крылатые выражения обычно располагали как раз на демаркационной линии между фразеологизмами и нефразеологизмами.

Фактически, даже само теоретико-лингвистическое осмысление феномена крылатых выражений было предметом разногласий. Так, если Л. И. Ройзензон в названии своей публикации открыто ставит вопрос о «теории крылатых слов» [Ройзензон 1967], то В. Н. Телия вовсе не предусматривает возможности каких-либо теоретических подходов к образованиям с «печатью авторства», считая, что в рамках фразеологической науки можно лишь «коллекционировать и описывать крылатые выражения, коль скоро ни одна другая лингвистическая и шире – филологическая дисциплина этим не занимается» [Телия 1996: 75]. Столь снисходительное отношение к крылатым выражениям зиждется на отрицании их собственно языкового характера, на чём и ранее настаивали учёные, также придерживающиеся узкого понимания объекта науки об устойчивых сочетаниях слов.

В монографическом исследовании С. Г. Шулежковой доказывается обратное, что обеспечивает новизну и теоретическую ценность работы. Доказательству предшествует чёткое разграничение слов и фразеологизмов, для чего исследовательница вводит в научный оборот родовое обозначение восходящих к определённому автору и / или тексту речеобразований – «крылатые единицы» вместо используемого в литературе термина «крылатые слова». Введение нового терминосочетания было полностью оправданным, тем более в то время, когда фразеология как отдельная лингвистическая дисциплина уже сформировалась и была принята учёным сообществом.

Очевидно, что обоснованию языкового статуса подлежали только крылатые выражения – раздельнооформленные образования, маркированные авторством, так как природа собственно крылатых слов (термин выступает теперь как видовой) – цельнооформленных образований непредикативного характера (таких, как *иуда*, *плюшкин*, *хлестаков*) – сомнений не вызывала и они регулярно включались в толковые словари русского языка, начиная с Даля (см., напр., статью *ИУДА*).

¹ О научной добросовестности С. Г. Шулежковой вообще можно слагать легенды. Донецкий профессор В. М. Калинин с изумлением и восторгом рассказывал автору этих строк о переписке по поводу цитируемого им редчайшего, известного только узкому кругу пушкинистов издания великого русского поэта. А ведь запросы от С. Г. Шулежковой поступают к каждому автору, если он ссылается на практически недоступные публикации. Поэтому в сборниках, выходящих под её редакцией, выверены все данные, уточнены все источники, установлена аутентичность всех цитат, что сейчас не всегда делается даже солидными, с многолетними традициями издаательствами, располагающими соответствующим штатом сотрудников.

¹ Материалы опубликованы в соавторстве; в полном объёме словарь выйдет в ближайшее время.

Ущербоность крылатых выражений (в указанном аспекте) учёные усматривали в том, что эти единицы не являются достоянием всей нации, обычно функционируя в речи так называемых книжных людей. При этом, во-первых, забывалось о том, что и в лексическом фонде национального языка обнаруживаются в обилии слова, с которыми знаком далеко не каждый; во-вторых, по инерции считалось (а нередко и сейчас считается), что источником крылатых выражений является исключительно литература. Однако, как это подчёркивается в монографии С. Г. Шулежковой, в настоящее время круг источников крылатых выражений значительно шире. Он включает в себя произведения синкретических видов искусства, в том числе такие массовые, как песни, а с момента появления звукового кино – ещё и фильмы. Позже в каждый дом вошло кардинально повлиявшее на информированность населения телевидение, которое выступило и как пропагандист мировой культуры, и как создатель собственных жанров. Уже по первым публикациям С. Г. Шулежковой (вначале в соавторстве, а затем индивидуально) по эпонимике, или – в терминах, предпочитаемых самой исследовательницей – крылатике, можно судить о масштабах произошедших перемен. В полной мере динамика эпонимического фонда русского языка была отражена в 1993–1994 гг. в четырёх выпусках материалов к словарю, а впоследствии и в самом словаре крылатых выражений из области искусства [Шулежкова 2003]. Таким образом, всё это: и выявление существенного расширения круга источников образований с «печатью авторства», и раскрытие новых условий бытования разнообразных цитат, и тем более показ впечатляющего количества закрепившихся в обиходе оборотов из повсеместно известных массово-коммуникативных текстов – говорит о качественном преобразовании такого феномена, как крылатые выражения, превратившегося из явления для избранных в явление, входящее в общую лингвокогнитивную базу носителей языка.

Другое важнейшее положение, свидетельствующее в пользу языкового статуса крылатых выражений, касается черты, которая является обязательной для любой языковой единицы, а именно – единство формы и содержания. В рассматриваемом эптологическом труде среди дифференциальных признаков крылатых выражений называются такие, как устойчивость компонентного состава и грамматической структуры (не исключая вариантности), а также устойчивость семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе [Шулежкова 2002: 28–29]. Это положение иллюстрируется тщательной лексикографической проработкой в вышедших до и после монографии словарях. Собственно говоря, С. Г. Шулежковой были впервые подготовлены лингвистические – в строгом смысле этого слова – словари крылатых выражений, включающие в обязательном порядке толкование описываемых единиц и подтверждающие примеры из художественных и публицистических текстов, живого обихода¹. Жесткий отбор словника, когда в словарь включаются лишь те образования, которые встретились не менее чем в 10 контекстах, и сами эти контек-

сты наглядно и убедительно демонстрируют: за данной формой в языке действительно закреплено определенное содержание.

Приведённые аргументы, а также разработка в 1996 г. специального метода исследования крылатых единиц – метода двойной аппликации (см. в: [Дядечко 2002: 145–146]), развёртывающиеся практические (лексико- и фразеографические) и теоретические исследования крылатых слов и выражений в России (см., например, авторефераты защищённых кандидатских диссертаций Е. И. Зыковой, 1997; Т. Г. Варченко, 2001; А. А. Алексеевой, 2001; С. Е. Михайловой, 2003; О. В. Долгополова, 2004; Е. М. Сохиновой, 2004; Ю. А. Лысиковой, 2005), на Украине (см. публикации Л. П. Дядечко и её учеников: Н. А. Бабарики, Т. Е. Набережной, Э. Ш. Куцкир и изучающей эпонимический фонд турецкого языка О. Е. Борух), в Армении (А. Г. Саркисян), в Белоруссии (см. труды С. Ф. Ивановой, Е. Е. Иванова и его учеников), в Германии (см. работы Х. Вальтера о библеизмах), в Польше (В. Хлебда, Х. Маркевич, А. Романовский, Я. Тарса и др.), в Словакии (Я. Складана, И. Рипка) и др. странах позволяют говорить о том, что в настоящее время сформировалось новое научное направление, у истоков которого стояла С. Г. Шулежкова.

Литература

- Дядечко, Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность / Л. П. Дядечко. – Киев : ИПЦ «Київський університет», 2002.
- Материалы... 2009: Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка : свыше 350 ед. / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2009.
- Мокиенко, В. М. Крылатые слова как лингвистическое явление и как объект обучению РКИ / В. М. Мокиенко // Русское слово в мировой культуре : X Конгресс МАПРЯЛ : докл. и сообщения ин-та славистики Грайфсвальд. ун-та, Германия / ред. Х. Вальтер. – Грайфсвальд : Ун-т им. Э. М. Арндта, 2003. – С. 81 – 92.
- Проспект 2006: Фразеологический словарь старославянского языка : проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М. ; Магнитогорск : ЭЛПИС ; МаГУ, 2006.
- Ройзензон, Л. И. К теории крылатых слов / Л. И. Ройзензон // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докл. лингвистической конф. – Новосибирск, 1967. – С. 130 – 132.
- Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Яз. рус. культуры», 1996.
- Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений : учеб. пособие / С. Г. Шулежкова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1995 ; М. : «Азбуковник», 2002.
- Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова – М. : «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.
- Шулежкова, С. Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения : учеб.-метод. пособие / С. Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2010.

*Л. П. Дядечко, доктор филологических наук,
профессор Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко*

¹ О высокой культуре лексикографических изданий, подготовленных С. Г. Шулежковой, см. в рецензии на книгу «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова ; под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск ; Greifswald, 2008–2009, опубли. в «Вестнике МАПРЯЛ», № 65 (М., 2010), режим доступа : <http://www.mapryal.org/content/вестник-№65>.

ПРОФЕССОР С. Г. ШУЛЕЖКОВА КАК РЕДАКТОР И ОДИН ИЗ СОСТАВИТЕЛЕЙ «БОЛЬШОГО СЛОВАРЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Современная отечественная лингвистика (тем более – зарубежная!) в принадлежащей ей персоне чужда требованию энциклопедизма учёного (подобного требования будто бы и вовсе не существует!). Корректнее исследовать если не узкую, то, во всяком случае, единственную на годы вперёд тему, хотя и с разных позиций, многоаспектно, многовекторно. Тем дороже, ярче и значимее для нас люди действительно энциклопедических знаний, энциклопедических повседневных исследовательских усилий. По учебно-методическому пособию профессора С. Г. Шулежковой, по составленным по методике В. Ф. Шаталова выразительным таблицам, в которых историческая грамматика представлена прозрачно и полно, эту трудную дисциплину преподают в различных регионах страны [Шулежкова 1986, 1996-2003]. Большой резонанс вызвал «Словарь крылатых выражений из области искусства» [Шулежкова 2003]. Много внимания Светланой Григорьевной было уделено в 2005 г. редактированию сборника научных статей «Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс» [Россия – Польша... 2005]. Нашлось время для публикации народных духовных стихов [Духовный фольклор... 2005] и песен казачьих посёлков Южного Урала, причём с фоноприложением, то есть «звучащим» текстом [«За Уралухой...» 2007]. Приплюсуем сюда же многолетнюю работу над составлением словаря устойчивых словосочетаний старославянского языка. Мы назвали сейчас отдельные вехи, некоторые узловые точки деятельности профессора С. Г. Шулежковой, определяющие и качество интерпретации материала, и скрупулёзность его обработки, и талант научного руководства молодыми учёными. Так, одна из диссертаций, выполненных под руководством проф. С. Г. Шулежковой, посвящена концепту «Мученичество» в старославянском и древнерусском языке [Мишина 2008]. Добротность этого исследования определяется в том числе традициями магнитогорской научной школы, которую возглавляет профессор С. Г. Шулежкова, приучая аспирантов к тщательности и обоснованности в сборе аргументирующего материала и в его исследовательской трактовке.

Обратимся к недавно вышедшему вторым изданием «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» [БСКСиВ 2008-2009]. Актуальность «Большого словаря» объясняется весьма серьёзными социально-гуманитарными причинами: сокращением читательской аудитории, что ведёт к диссипации, рассеиванию, а потом и забвению многих известных ранее крылатых выражений и слов. Этому печальному процессу придаёт ускорение ЕГЭ с повальным отказом учащихся «сдавать литературу», с нежеланием учителей готовить учащихся по литературе, с формальным чтением текста даже при подготовке к экзамену. Сокращение богатств языка – это утрата не только слов, фразеологизмов, паремий, но и цитат, крылатых выражений, чем всегда славилась русская речь. «А сейчас я расскажу вам о главном признаке русских людей. Вы будете смеяться, но это – опять язык. Точнее – его неискоренимая

идиоматичность. Каким только языком мы, русские не разговариваем: языком Грибоедова и Маяковского, Гайдая и Горбачёва, языком попсы и Библии, словами Штирлица и ёжика в тумане. Живя в России, порой и застонеешь от ежедневных присказок: любви все возрасты, кто не работает, тот ест, пилите, Шура, счастливые – часов, любовная лодка и танки наши быстры. Владивосток говорит с Белгородом на одном языке благодаря не только общей школьной, но и общей жизненной программе <...> Я подчёркиваю эту особенность русского сознания как яркую и отличительную. Ты не услышишь испанцев, стоящих у картины Дали со словами: – Налетай, торопись, покупай живопись! – Никто, кроме русского, не откомментирует крик начальника фразой: Он сказал: «Поехали!» – Он взмахнул рукой! Русские же делают это в условиях вечной мерзлоты и Черноземья. Сибиряки поют того же Высоцкого, что и карелы. Каждый из нас подтвердит, что из песни слова не выкинешь. Из человека – тоже» [Лукьянов 2009: 179]. Словарь крылатых слов и выражений, тем более столь полный и добротный, есть отражение мощного процесса перехода знаков литературы и искусства в факты языка, есть попытка остановить и противоположный процесс возможного оскудения цитатных слоёв, «ухода» литературы из языка.

Словарная статья (профессору С. Г. Шулежковой принадлежит 800 новых словарных статей второго издания) вызывает, не побоимся этого слова, восхищение. Во-первых, сразу после леммы следует стилистическая прописка крылатого слова или выражения. Во-вторых, гораздо подробнее, нежели в других словарях крылатых единиц, объясняется происхождение крылатого слова/выражения. В-третьих, указывается, в каких словарях зафиксирована данная крылатая единица, и легко пронаблюдать как степень признания крылатой фразы в учёных кругах, так и относительную новизну «крылатости». В-четвёртых, другим шрифтом (а графический облик словарных статей великолепен!) даётся значение крылатой единицы. Далее, в-пятых, приведён большой свод примеров употребления слова или выражения, причём употребления многоголосного, зафиксированного в различных интонационно-стилистических регистрах. И, наконец, в-шестых, представлены интересные и многочисленные факты реминисценции, обыгрывания крылатой единицы, напр.: *Борис, ты не прав! – Ты прав, Борис! – Исаак, ты не прав! – Володя, ты не прав!* [БСКСиВ 2008: 118-119]. Разумеется, всё подаётся в контекстах, с обязательным максимально полным указанием источника. Словарь, таким образом, становится своего рода школой употребления крылатых слов и выражений – употребления как прямого, так и переносного, реминисцентного. Восхитимся ещё раз фантастической по объёму и качеству, добросовестной работой составителей словаря, а также реализованной связью культуры давнего и недавнего прошлого с сегодняшним днём.

Было бы наивным полагать, что, приобретя двухтомный словарь и погрузившись в его недра, наш современник сразу обогатит свой лексикон. Лексикон, скорее всего, не изменится, однако образ родного языка, тот самый, ущербный, искажённый образ, который, прячась в коллективном бессознательном и подспудно влияя на поведение носителей русского языка (и оценку ими окружающего), обогатится безусловно. Это первый выигрыш прикладного, со-

циально-гуманитарного характера. Второй выигрыш – теоретический. Развёрнутое «Предисловие» ко второму изданию редактора С. Г. Шулежковой хорошо вписывает данный словарь в систему уже известных словарей крылатых слов и выражений. Мы недооцениваем теоретическую значимость предисловий как жанра или, точнее, жанрового компонента. Предисловие покоряет глубиной знаний, проникновением в теоретические глубины крылатографии. В кандидатской диссертации Ю. А. Лысиковой «Лексикографирование цитат» подчёркивается, что далеко не всегда можно объяснить, почему одно произведение разобрано на цитаты, а другое, тоже известное, тоже принадлежащее перу классика, остаётся в «крылатом смысле» невостребованным. Ю. А. Лысикова отмечает и такой интересный факт: Шекспира цитируют чаще, чем даже Библию (1960 цитат против 1591) [Лысикова 2005: 47, 98]. В теоретическом отношении трудна и проблема границ цитатного блока. С одной стороны, начитанному достаточно намёка, буквально одного слова из крылатой строки (*Sapienti sat*), с другой стороны, в позиции заглавного слова, леммы словаря «оборвыш» фразы не всегда хорошо смотрится. И эту проблему надо решать едва ли не по каждому крылатому выражению.

Третий выигрыш словаря – «фондовый». Носителю языка, даже будто бы и далёкому от мира книг, необходим запас возможных речений-отсылок прежде всего потому, что каждое крылатое слово, крылатое выражение – это уже готовый блок эмоций. «По мнению Б. Виттеса, люди имеют способность перенимать готовые мысли и суждения, которые впоследствии оказывают на них же своё интеллектуальное действие. Данное явление получило название “интеллектуальной рецепции”, которая, согласно теории, подкрепляется не столько рациональной, сколько эмоциональной рецепцией или стимулами, которые воздействуют на органы чувств» [цит по: Лебедев-Любимов 2004: 108]. Недостаточность парадигмы выражения эмоций, в частности отсутствие тех же крылатых слов, одна из причин распространения и жаргона, и воровского аргота, и обшечной лексики. Так что издание словарей крылатых слов, тем более столь развёрнутых и интересных, – это позитивная работа по очищению массового языкового сознания. Получается, что не востребованное, потенциальное для носителей языка столь же актуально, как и реальное, уже работающее.

Литература

БСКСиВ 2008-2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009.

Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005.

«За Уралухой огонёчек горит...»: Песни казачьих посёлков Южного Урала (тексты и фоноприложение) / вступ. ст., науч. коммент. С. Г. Шулежкова ; сост., расшифровка фонозаписей, прим. А. Г. Серов ; под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2007.

Контрольные работы по историко-лингвистическим дисциплинам. Вып. 1. Опорные сигналы. Таблицы. Тексты. – Магнитогорск, 1996 – 2003.

Лебедев-Любимов, А. Н. Психология рекламы / А. Н. Лебедев-Любимов. – СПб. : Питер, 2004.

Лысикова, Ю. А. Лексикографирование цитат : дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Лысикова. – Орёл, 2005.

Мишина, Л. Н. Вербализация концепта «мученичество» в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских памятниках XI–XIV вв. : сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Мишина. – Магнитогорск, 2008.

Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс : сб. ст. участников междунар. науч. конф. / отв. ред.-сост. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол. А. А. Горбачевский, В. А. Токарев. – Магнитогорск : МаГУ, 2005.

Шулежкова, С. Г. Методические указания к самостоятельной работе по исторической грамматике русского языка / С. Г. Шулежкова [и др.]. – Магнитогорск : МГПИ, 1986.

Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

*В. К. Харченко, доктор филологических наук,
профессор Белгородского государственного университета*

РАЗДЕЛ II

НАШ ПАРОВОЗ, ВПЕРЁД ЛЕТИ! (НАУЧНЫЕ СТАТЬИ)

О. И. Авдеева

Адыгейский государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИКИ ФРАЗЕМ-ПОДЛЕЖАЩИХ

Грамматический аспект синтагматики фраземы включает как анализ взаимоотношений её компонентов (внутренняя синтагматика), так и анализ образуемой фраземой и ближайшим контекстом конфигурации, в случае с фраземами-подлежащими – чаще всего предикативной синтагмы (внешняя синтагматика).

Необходимость взаимосвязанного изучения внутреннего и внешнего аспектов функционирования фразем отмечается Ю. А. Гвоздаревым, определяющим их как «два аспекта, тесно связанных между собой и в равной мере необходимых, поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи, представляют собой сущность и явление» [Гвоздарев 1977: 8].

Анализ внутренней синтагматики фразем показал, что функцию подлежащего в предложении выполняют единицы субстантивного характера со структурой «прилаг. + сущ. в им. п.», «сущ. в им. п. + сущ. в р. п.» и единицы инфинитивного характера, имеющие структуру «инф. + сущ.».

Фразеологизмы субстантивного характера со структурой «прилаг. + сущ.» (типа *желторотый птенец*) могут быть представлены структурной формулой Adj + N₁. Во фразеологизмах данной подгруппы возможно использование притяжательных прилагательных (*шарашикина контора, филькина грамота*), что, однако, не порождает различий в грамматических характеристиках фразем.

Кроме того, синтаксическая семантика свободных сочетаний (*желторотый птенец* – «детёныш птицы» [Ожегов 1987: 547]), включающая компоненты «субъект» + «его признак», в составе фразем (*желторотый птенец* – «очень молодой, неопытный, наивный человек» [Молотков 1986: 368]) претерпевает изменения, обозначая в данном случае грамматически только «субъект», хотя с присущими ему особыми качествами. Подобную синтаксическую семантику («субъект» + «его признак») имеют свободные словосочетания – прототипы фразем, типа *бег на месте, совет в Филях*, обладающие структурой «сущ. в им. п. + сущ. в пр. п.» (N₁ + N₆). Трансформация синтаксической семантики приводит к появлению общего значения фраземы «субъект».

Субстантивный характер также имеют фраземы со структурой «сущ. в им. п. + сущ. в р. п.» (структурная формула N₁ + N₂): *злота дня, делёж пирога* и др. Синтаксическая семантика свободных словосочетаний – прототипов данных единиц («субъект» + «объект, на который переходит действие» для фразем типа *делёж пирога*, «субъект» + «объект, характеризуемый субъектом» для фразем типа *злота*

дня) также претерпевает изменения, в результате которых оборот приобретает значение «субъект».

Все фразеологизмы, построенные по рассмотренным выше моделям, имеют полную падежную парадигму, хотя функцию подлежащего в предложении выполняют только в начальной форме – в форме им. п. По количеству составляющих рассмотренные фраземы бывают, как правило, двухкомпонентными (главное слово + зависимое слово).

В качестве подлежащего в предложении также могут выступать фраземы инфинитивного характера со структурой «инф. + сущ.» (типа *болеть душой*). Зависимые существительные в подобных фраземах могут находиться в любом из косвенных падежей, что позволяет обозначить их структуру общей формулой Inf + N₂₋₆.

Инфинитивные фраземы могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными. Зависимые имена существительные в структуре этого типа фразем могут находиться как в разных падежных формах (*сводить концы с концами*), так и в одной (*служить верой и правдой*), в последнем случае зависимые компоненты соединены между собой сочинительной связью. Многокомпонентные фраземы имеют два и более зависимых существительных как в разных падежных формах (*сводить концы с концами*), так и в одинаковых (*служить верой и правдой*), когда компоненты соединены сочинительной связью.

Зависимыми компонентами в структуре фразем, помимо существительных, могут быть субстантивированные прилагательные, местоимения, числительные, наречия: *держаться обеими руками, держать себя в руках, переливать из пустого в порожнее, ходить вокруг да около*.

Внешние синтагматические связи фразеологизмов-подлежащих определяются посредством метода окружения (М. Т. Тагиев). Анализ фразеологизмов методом окружения «предполагает исследование не всех видов связей фразеологизма, а лишь необходимых и достаточных для выполнения конфигураций» [Хатунцева 1969: 4].

Наиболее типичными конфигурациями для фразеологизмов-подлежащих являются сочетания со сказуемыми, т. е. предикативные синтагмы. Рассмотрим типы таких сочетаний.

1. Конфигурация Ф + (Adv + V). Фразеологизм-подлежащее координируется с предикатом в числе: *Конец третьего года войны – такая работа?! Желторотые птенцы лучше вас летают! Весь корпус опозорили...* (Л. Кудреватых. Страницы нашей жизни).

2. Конфигурация Ф + Adj. Фразеологизм-подлежащее координируется с предикатом в роде и числе: *Бег на месте хороши для утренней разминки, но не для общественного развития* (М. Долинский. Голоса из прошлого).

3. Конфигурация Ф + V_{инф.} Фразеологизм-подлежащее координируется с предикатом в роде и числе: *Карташев начал было [говорить] нехотя, но злота дня захватила, и приятели горячо и возбуждённо заговорили на жгучую тему* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты).

4. Конфигурация Ф + (Inf + N₄). Фразеологизм-подлежащее вступает в неординарируемые отношения с предикатом: *Посадить не посадят, но кислород могут перекрыть. Перекрыть кислород – значит не давать работу. Не печатать. За-*

быть. Была такая художница и больше нет (В. Токарева. Сентиментальное путешествие).

Фразеологизмы-подлежащие могут иметь одноместное, двухместное и трёхместное окружение. При одноместном окружении конфигурация совпадает с границами предикативной синтагмы, включающей, помимо фразеологизма-подлежащего, предикат. Напр., конфигурация $\Phi + V_{\text{пр.}}$: *Офицеры тихо совещаются. Мы терпеливо ждём мудрых приказов командиров и начальников... Совет в Филях закончился: майор Осокин медленно идет вдоль строя* (Ю. Поляков. Сто дней до приказа).

Для двухместного окружения характерно включение в конфигурацию, помимо предиката, ещё одного члена. Напр., конфигурация $N_2 + (\text{Adj} + \Phi)$: *У каждого зрителя свой «осенний марафон»* (З. Лобанова, В. Бродский. Смотрите сегодня фильм Г. Данелия. «Комсомольская правда», 30.10.1999).

Трёхместное окружение характеризуется наличием в конфигурации, помимо предиката, ещё двух необходимых для понимания смысла фразеологизма членов. Напр., конфигурация $\text{Adj} + \Phi + \text{Pn} + V_{\text{пр.}}$: *Эта мышиная суета ему надоела, и он перестал обращать внимание на косые взгляды* [РФ 1997: 143].

Возможны и более сложные конфигурации, которые можно определить как многоместное окружение.

Таким образом, на уровне грамматической синтагматики наблюдается влияние внутренних синтагматических отношений на внешние: структурные особенности фразеологизма-подлежащего определяют особенности конфигурации, которая, облигаторно включая предикативную синтагму, может факультативно выходить и за её пределы. Однако анализируя структуру фразеологизмов, следует отдавать приоритет учёту их категориальных признаков как фактору, определяющему роль фраземы в предложении. В процессе образования фразеологизмов упрощается синтаксическая семантика свободных словосочетаний – их прототипов.

Фразеологизмы-подлежащие образуют конфигурации с одноместным, двухместным, трёхместным и многоместным окружением, стержнем которого является предикативная синтагма; её члены координируются друг с другом в роде и числе или вступают в некоординированные отношения.

Литература

Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразеобразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д. : Ростов. гос. ун-т, 1977.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987.

Молотков 1986: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.]; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986.

Хатунцева, Е. Б. Фразеологические единицы типа «прилагательное – существительное» в современном русском языке (Проблемы окружения и значения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Хатунцева. – Баку, 1969.

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский национальный исследовательский университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В СВЕТЕ ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКИ¹

Можно считать доказанным, что в основе любого языкового значения, в том числе и фразеологического, лежит некая когнитивная структура [Шулежкова 2007; Spaginska-Pruszk 2003] – концепт или фрейм. Вспомним определение Е. С. Кубряковой: языковым значением становится лишь концепт, «схваченный знаком» [Кубрякова 2004 208]. Дефиниция не только интересная, но и проблемная, поскольку побуждает нас обратиться к согласованию её с уже имеющимися в лингвистике определениями. Ранее утверждалось, что значением являются вербализованные понятия, представления, образы и т. п. Видимо, это объясняется многообразными проявлениями в нашем сознании и когнитивных структур, и языковых значений. Поэтому не стоит искать однозначных отношений между когнитивной структурой и значением фраземы. Поскольку типичной когнитивной структурой, оязыковляемой фраземами, является концепт, он и предопределяет сущность фразеологического значения.

Категориально-понятийный аппарат когнитивистики обычно представляется терминами *смысл* и *концепт*. Однако их использование в когнитивной фразеологии требует известной осторожности по нескольким причинам. Во-первых, в когнитологии нередко допускают неоднозначное их употребление. Во-вторых, концепты, схемы, фреймы и сценарии представляют главным образом как психологически выделяемые сущности, конструктивные элементы памяти, модели, применяемые в искусственном интеллекте при обработке информации на ЭВМ. В-третьих, их моделирование не соотносится с семантической структурой языковых единиц. И всё же названные категории и проблемы должны стать для когнитивной фразеологии основополагающими. Дело в том, что смысл фраземы – понятие не только научное, но и категория обыденной, житейской философии. Этим, как мне представляется, и создаются противоречивые коллизии: с одной стороны, смысловое содержание фраземы создаёт иллюзию само собой разумеющегося феномена, а с другой – трудно уловимую сущность когнитивно-прагматической природы. Не случайно некоторые учёные смысл отождествляют с концептом. Особенно большое искушение к такому отождествлению испытываешь при исследовании фразеологической семантики, с помощью которой в языковом сознании людей фиксируется и в определенных контекстуальных условиях актуализируется множество имплицитной информации архетипной природы, находящейся на уровне нашего подсознания. Так, употребляя выражение *горе луковое*, говорящий подразумевает не только значение 'незадачливый, нерасторопный человек; недотёпа', но и то, что содержится в этой фраземе имплицитно: выражает тёплую иронию, поскольку так обращаются к человеку, к которому испытывают симпатию, как правило, к ребёнку. За смысловым содержанием фраземы тянется целый шлейф культурных

¹ Работа выполнена в рамках исследовательской программы РНПВИШ № 2.1.3/2460.

и речевых ассоциаций, отсылающих к детской сказке К. И. Чуковского «Федорино горе» и проецирующих необходимые для построения дискурса когнитивно-прагматические указатели: *от ума, не беда, большое, мне, беда, горькое, печаль, несчастье, слёзы* и др. В языковой памяти они удерживаются всё тем же сказочным дискурсом: *И чашки ушли, и стаканы, Остались одни тараканы. Ой, горе Федоре! Горе!* Ещё Пьер Абеляр в XII в. полагал, что звучащие имена по своей природе (*naturaliter*) не входят в обозначенную ими вещь, но существуют в силу «налагания» их людьми на вещи. Это «налагание» имён ниспослано людям Мастером, самим Богом. При этом имена (звуки и целые предложения) оказываются у Абеляра «орудиями восприятия вещей». Концепт вводится в сознание слушающих как сверхличное, целостное орудие восприятия вещи. Итак, концепт — имя вещи, которое закрепляется в сознании слушающих и говорящих. По существу Абеляр рассматривает концепт в контексте коммуникации людей друг с другом и с Богом. Концепт у Абеляра есть Смысл [см. Неретина 1994: 48]. Фразеологический концепт одновременно историчен и интенционален, он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни дискурс. Фразеологический концепт помогает восстановить цепь причин и следствий, движущих сил и интенций. В противоположность понятию концепт не бывает оторванным от соответствующего дискурса, он всегда связан с той или иной денотативной ситуацией. Причём он обладает значительной креативностью: через фразеологический концепт в дискурс вводится новая событийность. Смысл — категориальный атрибут фразеологического концепта, благодаря которому целесообразно говорить о смысловом содержании концепта. Его своеобразие обуславливается тем, что в нём отражается не сама реальность, а скорее определённые представления о ней, при переходе от представления к фраземе (знаку) образ теряет какое-то количество знаний о первичном денотате, но зато вбирает в себя дискурсивные знания, содержащиеся во фразеомообразующем концепте. На самом деле, представления, заключённые в таком концепте, являются смутным знанием, сформировавшимся на основе слабых, нечётких ассоциаций. Они-то и формируют открытый характер концепта. По Р. Барту, концепт не абстрактная, стерильная сущность, а скорее конденсат неоформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций; их единство и когерентность зависят, прежде всего, от дискурсообразующей функции фразеологического концепта.

Обычно, если не придерживаться строгой терминологии, говоря о «внутреннем содержании» языкового знака, имеют в виду семантику, противопоставляя его «внешней форме». Внутреннее содержание концепта — это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и фразеосемантических вариантов фраземы. Соотношение фразеологического значения и совокупности смыслов одноимённого концепта многопланово и причудливо. Так, в концепте «Игра» по существу отсутствуют смыслы 'безделье', 'несерьёзное времяпрепровождение', но они весьма актуальны для фраземы *играть в бирюльки*.

В структуре концепта, как неоднократно отмечалось, весьма велика роль субъективного компонента. Однако хотелось бы подчеркнуть, что субъект дей-

ствует, мыслит в пределах некоего дискурсивно-смыслового пространства, границы которого с точки зрения данного коммуникативного акта объективны. Другими словами, фразеологическое значение формируется на основе «профилирования» (термин Р. Лангакера) конкретного высказывания, т. е. акцентуации конкретной ситуации и оформления её с помощью конкретной схемы предложения. Всё сказанное в качестве важнейшей задачи когнитивной фразеологии выдвигает на первый план проблему формирования смысла, выражаемого фраземами, и моделирования дискурсивно-смыслового пространства фраземы. Исследование смысла в когнитивной фразеологии предполагает раскрытие закономерностей устройства (а) системных значений фразем и (б) дискурсивной семантики тех коммуникативных образований, в рамках которых эти фраземы функционируют.

Можно предположить две стратегии в осмыслении концепта и фразеологического значения. Согласно первой из них, концепт значительно шире, чем та часть концепта, которая актуализируется фраземой. Согласно второй, одна и та же фразема в разном дискурсивном контексте представляет собой некие фразео-семантические варианты, вызывая каждый раз разные её смысловые восприятия, поскольку в дискурсе актуализируется лишь та часть концепта, которая обуславливается характером субъектно-предикатных отношений в составе конкретного высказывания.

Таким образом, фразеологическая семантика (значение и смысл фраземы) своим формированием обязана многим факторам, важнейшими из которых являются смысл, концепт, дискурс и культурно-когнитивная прагматика будущего высказывания. Культурно-прагматическое понимание взаимоотношения значения фраземы и её дискурсивного смысла связано с понятием интенциональности [Алимурадов 2003]. Интенциональность фраземы указывает на внутреннюю связь семантики фраземы с намерением говорящего, с речемыслительным замыслом. Поскольку наше понимание фразеологического значения изложено в предыдущих работах [Алефиренко 2009: 50], остановимся на феномене смысла фраземы. По определению А. А. Леонтьева, смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Леонтьев 2001: 216]. Из данного определения смыслу фразем присущи несколько признаков: (а) он результат отражения действительности, (б) субъективен, (в) элемент индивидуального сознания. Не случайно смысл фраземы формируется языковой личностью. Развивая такое понимание сущности смысла, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут: «Конкретная личность, овладевшая значениями, включает их в свою деятельность, возникают определённые отношения носителя языка к данному значению, и оно приобретает для данной личности смысл, который представляет собой факт индивидуального сознания» [Попова 2007: 98]. В такой интерпретации смысл базируется на конкретном значении как «определённое отношение носителя языка к данному значению». Вот почему мне импонирует попытка Ролана Барта объяснить сущность смысла единой трёхэлементной системой: «концепт — смысл — значение». Смысл при таком подходе

является, наряду с концептом, одним из компонентов значения (*концепт* + *смысл* > фразеологическое значение).

По мнению О. А. Алимурادова, концепт передаёт представления о реалии через образ. Это, надо полагать, предметно-чувственный образ, через отношения к которому появляется в нашем сознании смысл и концепт. «При переходе от смысла к <...> знаку, – пишет О. А. Алимуратов, – образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте» [Алимуратов 2003: 47]. Ведущую роль в этом играет дискурс. Для формирования когнитивно-семантической структуры фраземы дискурс особенно значим, хотя и понимается нами не как миф, как это явствует из теории О. А. Алимурادова. Дело в том, что фразема по своей природе обладает асимметричностью отношений плана выражения и плана содержания. Именно благодаря дискурсу концепт как целостное образование соответствует означающему фраземному знаку, имеющему многокомпонентную структуру.

Смысловое содержание фраземы представляет собой результат взаимодействия её языкового значения (семантической амальгамы, формируемой переосмысленными значениями лексических компонентов фраземы и их фразеомообразовательной комбинаторикой), контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации. В сферу фразеологического смысла входят такие когнитивные категории, как импликация и пресуппозиция. С когнитивной точки зрения, лексические компоненты фраземы находятся в отношениях импликации (лат. *implicatio* – «сплетение, переплетение») тогда, когда один объект познания включает в себя другой. Такого рода включение происходит тогда, когда второй объект неизбежно вытекает из первого. Например: *ни тпру ни ну* (возгласом «тпру!» возница останавливает лошадь, «ну!» – погоняет её) – «что-л. не продвигается, не даёт результатов, бездействует»; *круговая порука* (взаимная выручка / ответственность в сельских общинах XI в.) – «взаимное покрывательство»; *в бирюльки играть* (бирюлька – мелкая игрушка, нарезанные соломинки, которые использовались в пустой и бессмысленной игре) – «заниматься пустяками, даром, попусту тратить время»; *бить баклуши* (смысловое содержание слова *баклуша* включает значение слова *бить*, поскольку осиновый или липовый чурбан разбивали на баклуши (чурки), из которых затем изготавливали ложки) – «праздно проводить время, бездельничать». Импликация в семантике фраземы порождает подразумевание, подтекст, охватывает явления невыявленного, неявного, непрямого (косвенного), «завуалированного» смысла.

Пресуппозиция – не высказываемая вслух часть когнитивной информации, наличие которой предполагается априорно, при построении какого-либо сообщения. Применительно к фразеологии, пресуппозиция – компонент когнитивной структуры, лежащей в основе фразеологического значения, благодаря которому мысль (в конкретном дискурсе) становится истинной либо ложной. При отсутствии пресуппозиции с истинным значением мысль о предмете становится либо неуместной (в конкретном контексте), либо вообще семантически аномальной. Напр.: *в поте лица <своего> <трудиться, работать>* – с большим усердием, напряжением, прилагая все силы (работать, трудиться и т. п.). Фразеологическое значение мотивировано сужением: пот на лице – результат

напряжённого труда, значит, признак усердного труда – пот на лице. Естественность пресуппозиций и то, что они остаются «за кадром», «в тени» фразеологической семантики, придают им особую иллюкативную силу. В отличие от семантической пресуппозиции в знаках прямой номинации, фраземы, как правило, порождаются культурно-прагматической пресуппозицией. Ср.: *пускать/пустить пыль в глаза кому* – (а) «создавать ложное впечатление о себе у кого-л., представляя себя лучше, чем есть на самом деле» (прагматическая пресуппозиция) и (б) «тактический приём», который использовался в русском рукопашном бою (семантическая пресуппозиция). Понимание пресуппозиции как культурного опыта прокладывает путь к её дискурсивной интерпретации в рамках теории культурных архетипов [см. Шулежкова 2007].

Таким образом, для формирования смысла важным является не только системное значение фраземы, но и значение структуры, которая осмысливается на основе характера субъектно-объектных отношений в рамках предложения-высказывания. При этом фразеологическое значение является не узким набором признаков, необходимых для идентификации класса ситуаций, а достаточно широким спектром знаний, в том числе и имплицитных.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009.
- Алимуратов, О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность : моногр. / О. А. Алимуратов. – Петрозаводск : ПГЛУ, 2003.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание : моногр. / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Леонтьев, А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) : моногр. / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001.
- Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Петра Абеляра. – М. : Гнозис, 1994.
- Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
- Шулежкова, С. Г. Старославянские корни русских фразеологизмов / С. Г. Шулежкова // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. – Варна, 2007. – Т. 3. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 333 – 337.
- Spaginska-Pruszk, A. Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwatskiej (z problemów językowego obrazu świata) / A. Spaginska-Pruszk. – Gdansk : Wyd-wo uniwersytetu Gdanskiego, 2003.

С. Л. Андреева

Магнитогорский государственный университет

ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕМЫ ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

В русском языке примерно с середины XIX в. наблюдается фразеологизация словосочетания *хрустальный дворец*. На современном этапе фразема используется в вариантах, которые возникают в результате регулярной лексиче-

ской замены компонентов устойчивого сочетания *хрустальный* (*стеклянный, кристальный, ледяной*) *дворец* (*дом, здание, чертог, замок*). Кроме того, лексическая замена иногда сопровождается грамматическим переоформлением сочетания – заменой его структурной схемы то типу: *хрустальный дворец* – *дворец из хрустала*.

История появления и закрепления оборота в русском языке в качестве фраземы – предмет отдельного рассмотрения. Скажем только, что первые попытки определить источник и авторство для устойчивого сочетания *хрустальный* (*кристальный, стеклянный*) *дворец* (*замок, дом, чертог, здание*) в русском языке привели нас к произведениям Ф. М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), «Записки из подполья» (1864), «Преступление и наказание» (1866), «Братья Карамазовы» (1879). Именно в этих произведениях мы встречаем анализируемое сочетание как знак вторичной номинации: *Тогда-то, – это все вы говорите, – настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда выстроится хрустальный дворец. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган. Конечно, никак нельзя гарантировать (это уж я теперь говорю), что тогда не будет, например, ужасно скучно (потому что что ж и делать-то, когда всё будет расчислено по табличке), зато всё будет чрезвычайно благоразумно* [Достоевский [http](#)].

Толкование фразеологизма *хрустальный* (*кристальный*) *дворец* (*здание*) в произведениях Ф. М. Достоевского было зафиксированного и сформулировано В. В. Розановым в очерке «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1893): «Хрустальный дворец» – это искусственное, возведённое на началах разума и искусства, здание человеческой жизни, которое хуже всякой действительности, потому что, удовлетворяя всем человеческим нуждам и потребностям, не отвечает одной и главной – потребности индивидуального, особенного желания; оно подавляет личность» [Розанов [http](#)]. Более лаконичную формулировку данного устойчивого сочетания – ‘идеальное общежитие для человечества’ – даёт биограф Ф. М. Достоевского Л. Гроссман, который характеризует данное сочетание как своеобразное понятие, вошедшее в особую терминологию Ф. М. Достоевского [Гроссман 1963: 255].

Известно, что у Ф. М. Достоевского оборот *хрустальный дворец* имеет интертекстуальные корни. Он возник в качестве реакции на образ *хрустально-чугунного дома* – идеального дома для идеального общества с идеальными социально-экономическими отношениями, описанного Н. Г. Чернышевским в четвёртом сне Веры Павловны в романе «Что делать?» (1862). Образ, созданный Н. Г. Чернышевским, также вторичен: он навеян впечатлениями от посещения лондонской Всемирной выставки, которая размещалась, начиная с 1851 г., в специально построенном для неё здании из стекла и чугуна – Хрустальном дворце (англ. Crystal Palace). Английское название *Crystal Palace* было дано дворцу сатирическим лондонским журналом «Панч» ещё в период постройки здания. С. Чернов в своем описании, посвященном истории создания Хру-

стального дворца, пишет: «2 ноября журналист Дуглас Джерролд саркастически отозвался в «Панче» о строящемся выставочном павильоне: «Он похож на какой-то Хрустальный дворец». Прозвище публике понравилось и тотчас прилипло к творению Пакстона, быстро утерев иронический оттенок» [Чернов [http](#)]. Общая эйфория современников, в том числе и Н. Г. Чернышевского, от представленных на выставке достижений, их восторг по поводу великолепного вида самого дворца настораживали Ф. М. Достоевского. Для писателя, посетившего Лондон в 1863 г., Хрустальный дворец – только декорация, а не факт достижения глобальной цели человечества. Это отношение впоследствии отразится и в одном из значений анализируемого устойчивого сочетания – ‘иллюзорность благополучия, мнимость, оторванность от жизни, что-то нереальное, искусственное, ненатуральное, непригодное для реальной жизни, реально недостижимое в силу своей искусственности’, а также в сформировавшейся иронической коннотации оборота, которая сопровождает ряд его лексико-семантических вариантов. Тиражирование внешнего облика Хрустального дворца для Ф. М. Достоевского стало знаком определённых умонастроений, стойких надежд современников воплотить в жизнь идеальную модель счастливого человеческого общежития на «английский стеклянно-чугунный манер». Писатель заметил в этом «тиражировании» реализацию неких культурных архетипов утопического сознания европейца.

Мы исследовали современные значения оборота *хрустальный дворец*, опираясь на факты его употребления в Национальном корпусе русского языка, сети Интернет и других источниках. Фразеологическое сочетание *хрустальный дворец* ни в одном из своих вариантов не зафиксировано в общеязыковых лингвистических словарях, поэтому рассмотрим его семантику, основываясь на тех речевых примерах, которые оказались в поле нашего зрения.

Следует заметить, что сочетание *хрустальный дворец* имеет не единственное значение и развивает достаточно широкую полисемию. Приведём обнаруженные нами значения данного устойчивого сочетания.

Во-первых, сочетание *Хрустальный дворец* используется в качестве собственного наименования архитектурного сооружения – здания Всемирной выставки (*Crystal Palace*), работавшей в Лондоне с 1851 по 1936 г. и ставшей, как и сам дворец, событием не только европейской, но и мировой культуры: *Павильон этот, теперь известный всем как Хрустальный дворец, одни оплевали, другие провозгласили началом новой эры в архитектуре. Возможно, садовник Пэкстон был и не против открыть какую-нибудь новую эру, но точно не собирался помещать под стеклянные колпаки все человечество со всем его скарбом* [Попова [http](#)].

Во-вторых, оборот *хрустальный дворец* обозначает ‘идеальный мир, сокровенную мечту человека о гармоничной, абсолютно счастливой жизни всех людей’: *В будущем начинал грезиться вполне конкретный «Город солнца», хрустальный дворец и всеобщее благоденствие: «Даже сроки предсказали – / Кто лет двести, кто пятьсот, / А пока лежи в печали / И мычи, как идиот». Впрочем, сидеть в печали и мычать вовсе не обязательно* [Александров [http](#)]; *Христиан часто обвиняют в том, что они живут в хрустальных дворцах. Дес-*

кать, вы не видите реальной жизни, скрываетесь от правды, отгораживаетесь от реального мира за стенами ваших мечтаний. Не видите жизнь такой, какой она есть. Закрываете глаза на её жёсткость и жестокость [Южная http].

В-третьих, *хрустальный дворец* – это ‘нечто построенное только на идеалах, сокровенная, неосуществимая мечта о чём-либо; идеальный образ, эталон чего либо’: *В самой сердцевине личности отец выстроил хрустальный дворец. Стихи – и причина, и следствие. Отец совершил большой душевный труд, преодолев дьявольский государственный соблазн и гармонизировав хаос войны* [Давыдов http]; *Науку, как хрустальный дворец, построенный на самых возвышенных её идеалах, создавали совсем немногие; теперь их не осталось почти совсем* [Шупер http].

В-четвёртых, оборот *хрустальный дворец* часто используется для обозначения семейного счастья, любви и благополучия: *И понимают все, что мне они не важны, / Что мы с тобой бесстрашно и отважно / Построим светлый дом из хрусталя* [Беляев http].

В-пятых, *хрустальным дворцом* называют вообще какой-нибудь сооружение, дворец, часто ледяной, напоминающий своей красотой волшебный дворец из сказки: *Новый год дедушка [Дед Мороз – А. С.] встретит в Москве, где в Измайлове ему уже построили резиденцию – роскошный хрустальный дворец. А в Устюге остались хозяйничать его младшие братья – двенадцать месяцев* [Носова http].

В-шестых, *хрустальный дворец* – это ‘построение, в котором ничего не скроешь от чужих глаз, или некий институт с открытыми, прозрачными механизмами управления (прежде всего, с финансовой точки зрения)’: *Деревне / например. Это... А у него цу-цу-цу / здесь кругом глаза и уши / «не надо ничего говорить». Ну и что / глаза и уши. Да всё... деревня всегда было открытым стеклянным [вздыхает] каким-то замком. Все всё знают / и никогда ты ничего ни от кого... Наоборот / надо открываться всегда* [О деревне http]; *Любые нововведения в таком «стеклянном доме», каким является русскопишущее ЖЖ-сообщество, должны быть прозрачны для пользователей, они должны обсуждаться за достаточное время перед запуском, чтобы все возможные риски и опасения были учтены* [Новый регион 2 http].

Наконец, *хрустальными дворцами* называют величественные здания из стекла и металла/бетона: *Хрустальные дворцы офисов и торговых центров, музеев и театров, домов и квартир к нашему времени заполнили, кажется, уже весь мир, кроме самых беспокойных его уголков* [Тропченко http].

На развитие семантической структуры данного оборота влияют и лингвистические, и экстралингвистические факторы: с одной стороны, развитию широкой полисемии способствуют языковые значения и коннотации существительных, мотивировавших относительные прилагательные *хрустальный, кристальный, ледяной, стеклянный*, с другой стороны, этому способствует «культурный шлейф», который имеет образ хрустального дворца в русской и европейской культуре. С нашей точки зрения нельзя утверждать, что именно образ английского *Хрустального дворца* лежит в основе фраземы. Хрустальные тере-

ма, храмы, замки широко встречаются в славянском фольклоре, кроме того русская материальная культура, прежде всего архитектура, знала факты постройки сооружений из хрусталя (стекла). Хрустальные величественные сооружения – это архетипический образ, уходящий корнями в мифологию и религию разных народов мира. Именно эти глубинные основания создали почву для закрепления устойчивого сочетания *хрустальный дворец* и развития его фразеологического значения.

Литература

Александров http: Александров, Н. К несчастью, мечты сбываются / Н. Александров // Известия, 2004.09.16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

Беляев http: Беляев, А. Стихи о любви любимому и любимой / А. Беляев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lovestih.ru>. – Загл. с экрана.

Гроссман, Л. Достоевский: Жизнь замечательных людей / Л. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1963. – Вып. 24 (357).

Давыдов http: Давыдов, А. 49 дней с родными душами. Лирические воспоминания / А. Давыдов // Знамя. – 2003. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/4/dav.html>. – Загл. с экрана.

Достоевский http: Достоевский, Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – Т. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml. – Загл. с экрана.

Носова http: Носова, О. Главный российский Дед Мороз: «Баба Яга мне не враг, просто она – хулиганка!» / О. Носова // Комсомольская правда, 2000.12.28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

О деревне http: О деревне // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

Попова http: Попова, Ю. Прозрачные намерения / Ю. Попова // Эксперт: Вещь, 2003.12.22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

Розанов http: Розанов, В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml>. – Загл. с экрана.

Новый Регион 2 http: Российское информационное агентство «Новый Регион». Версия 2.0 // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

Тропченко http: Тропченко, В. Хрустальные замки. За что архитекторы любят стекло / В. Тропченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zagorod.spb.ru/articles/2331> (25.05.2008 11:20). – Загл. с экрана.

Чернов http: Чернов, С. Хрустальный дворец: от задумки до постройки / С. Чернов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svetozarchernov.livejournal.com/17870.html>. – Загл. с экрана.

Шупер http: Шупер, В. Время Курдюмова. Воспоминания о хрустальном дворце / В. Шупер // ПОЛИТ.РУ 23.05.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.POLIT.ru/...2007/05/23/nauchnyeshkoly.htm>. – Загл. с экрана.

Южная http: Южная, Ю. Хрустальный дворец / Ю. Южная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foru.ru/slovo.7866.2.html> 12.09.2006. – Загл. с экрана.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В. РАСПУТИНА

В. Распутин нечасто использует в своих произведениях крылатые выражения (КВ), но каждое из них привлекает к себе внимание, заставляет задумываться над причинами, побудившими писателя использовать данную языковую единицу. КВ в силу присущих им «семантического довеска», памяти о собственных «корнях», об обстоятельствах «рождения» крылатой единицы, её связи с автором или произведением-источником» [Шулежкова 2002: 30], являются, кроме средства образной номинации, способом передачи позиции автора. Писатель с помощью прецедентных единиц ведёт своеобразный диалог с авторами КВ, подключая к этому диалогу своего читателя, заставляя задуматься не только о сюжетных линиях самого произведения, но и о связях, пронизывающих русскую культуру в целом.

В настоящей статье анализируется функционирование в речи персонажей КВ, восходящих к фольклору и литературе. При общем взгляде на творчество В. Распутина выявляются определённые закономерности в употреблении им тех или иных групп КВ. Персонажи, в речь которых писатель включает КВ, как правило, выражают взгляды самого автора, высказывают его мысли. Этими персонажами являются и распутинские старухи, и «лишние люди» из рассказов 1990-х гг.

Интересный материал для наблюдений представляют собой фольклорные КВ, функционирующие в произведениях В. Распутина. «Отрываясь от источников, испытывая всевозможные изменения в своих значениях (чаще – в сторону обобщения), эти единицы сохраняют “генетическую память” о породивших их произведениях» [Шулежкова 2002: 43]. Для творческой манеры В. Распутина характерно обращение к фольклорным мотивам, мифологическим представлениям русского народа. Интерес писателя к истокам родной культуры проявляется и на языковом уровне – в использовании КВ, восходящих к устному народному творчеству. Фольклорные КВ в произведениях В. Распутина создают особую атмосферу преемственности культур, которая со смертью героинь или, например, с затоплением Матёры может исчезнуть. Чаще всего фольклорные КВ встречаются в высказываниях персонажей (преимущественно старшего поколения): *И принялась Агафья ворочать брёвнышки в одиночку. Попробовала – ничего: тянем-потянем-вытянем* (Изба); *«А я уж про себя молчу. Молчу-у, молчу, – заунывно подхватила Сима и опять притянула к себе Кольку. – Мы с Коляней сядем в лодку, оттолкнёмся и покатым куда глаза глядят, в море-окиян...»* (Прощание с Матёрой).

В высказываниях старух фольклорные КВ, как правило, функционируют в нетрансформированном виде, чтобы подчеркнуть трепетно-уважительное отношение этих героинь к словесным формулам, в которых сконцентрирована мудрость предшествующих поколений: *[Дарья – Катерине:] – Чё ты мне опять*

про корову? Ты-то, христовенькая, чё делать будешь, как сгонют нас отсель? Сгонют ить. Ты-то куда? Ты об этом подумала? Она мне про корову толкует, коровы уж сто годов в живых нету.

– Я и говорю... – Сказать Катерине было нечего, голос её без твёрдости и надежды звучал пусто. – Ежли бы он [Петруха] куды пристроился... дали бы угол...

Дарья громко, на всю избу вздохнула: ах, кабы на цветы да не морозы... (Прощание с Матёрой).

Распутинские старухи ещё помнят и соблюдают русские обычаи, но некому им передать свои представления о жизни, подтверждённые веками. Их дети, покинувшие родные дома и матерей, утрачивают связь с народной культурой. Внукам незнакомы и чужды глубочайшие мифологические представления их матерей и бабушек. Фольклорные КВ в речи персонажей «младшего» поколения встречаются крайне редко.

Детям распутинских старух удалось усвоить лишь «поверхностный слой» народной культуры, то, что не требовало ни интеллектуальных, ни духовных усилий. Таково, например, отношение Петрухи к народной песне. Он не расстаётся с *гармошкой, которая в Петрухиных руках знала только: «Ты, Подгорна, ты, Подгорна, широкая улица, по тебе никто не ходит – ни петух, ни курица...»* (Прощание с Матёрой). Но в то же время подсознательная потребность в общении с культурой, воспитавшей их матерей, да и их самих, хоть это и не так заметно, сохраняется и у детей. Подтверждением служат слова Степана, старшего сына старухи Анны, о «теперешних» песнях: *Они какие-то... Пока поют, забавно, не так забавно, как щекотно, будто с тобой как с ребёнком, кто-то играет. А пропели – помнишь, у ребятшек есть обманка «А кто слушал, тот дурак». Так и тут* (Последний срок).

Отношение героев к фольклору, частотность употребления ими КВ фольклорного происхождения являются одним из средств речевой характеристики персонажей. Способность разделять традиционные для русского человека мифологические представления для В. Распутина является важным критерием оценки героев: не зная и не уважая прошлого своего народа, человек не сможет стать «узлом», который связывает поколения.

Другую концептуально важную группу КВ, используемых В. Распутиным, составляют единицы, восходящие к художественной литературе. Показательно их употребление в рассказе «Новая профессия», главный герой которого – человек начитанный, причём предпочитающий классическую литературу, поэтому в его речи и словах автора, посвященных Алёше, активно функционируют КВ, восходящие к произведениям русских писателей XIX в.: Н. В. Гоголя (*дурак на дураке сидит и дураком погоняет* (у В. Распутина – *новое на новом и новым погоняет*)), И. А. Крылова (*ахнуть не успел, как на него медведь налет*), И. С. Тургенева (*дворянское гнездо*), Ф. М. Достоевского (*красота спасёт мир* (у В. Распутина – *любовь спасёт мир*)), Н. Г. Чернышевского (*новые люди*).

Из пяти отмеченных нами в рассказе «Новая профессия» КВ, восходящих к художественной литературе, три подверглись трансформации. В. Распутин меняет компонентный состав выражения *красота спасёт мир*, т. к. его произ-

носит главный герой рассказа, освоивший «новую профессию», для которой ещё не придумано название, – он «облагораживает» свадьбы «новых людей», рассказывая притчи собственного сочинения, в которых важное место занимает любовь: *Наконец он [Алёша] решительно поднимается, подвязывает перед зеркалом в прихожей тёмно-красный, не слишком яркий галстук, натягивает холстинковый костюм <...> уже у дверей суёт ноги в чёрные парадные туфли со шнуровкой и – готов! Подбадривая себя, он воздевает руки и громко возглашает:*

– *Только любовь спасёт мир!* (Новая профессия). В данном случае замена компонента приводит к тому, что КВ приобретает отчасти евангельский оттенок (ср. *возлюби ближнего своего*).

Два других КВ исследуемой группы связаны общим компонентом *новый* и негативной коннотацией: *... ни одного знакомого лица. И это почти всегда – ни одного знакомого лица. На свадьбах гуляют, выходя вперед, новые люди – да, это так* (Новая профессия); – *О, помилуйте! – Алёше впервые удаётся без усилий рассмеяться. – Ныне гадать <...> таких кроссвордов ещё никогда не бывало. Новое на новом и новым погоняет* (Новая профессия). Если в гоголевском КВ негативная коннотативная сема проявляется в узуальном употреблении, то в выражение *новые люди* её вносит В. Распутин. Данное КВ в системе русской литературы XIX в. связано с выражением *лишний человек*, восходящим к творчеству И. С. Тургенева. Вероятно, ассоциативная связь между этими КВ подразумевается В. Распутиным, однако он меняет «полюса» коннотации: *новые люди* вызывают у автора лишь негативное отношение (безусловно, свою роль здесь играет ассоциация с фразеологизмом *новые русские*), а *лишний человек* Алёша Коренев (хотя в рассказе он так не назван) – искреннюю симпатию.

В своей «Нобелевской лекции» А. И. Солженицын говорил: «От человека к человеку, восполняя его кучее время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздаёт опыт, пережитый другими, – и даёт усвоить как собственный» [Солженицын 1991: 50-51]. Эти слова, на наш взгляд, можно отнести и к КВ, восходящим к различным источникам. Их употребление в художественном тексте позволяет В. Распутину, а вслед за ним и читателю, обращаться к текстам, породившим КВ, спорить или соглашаться с ними. «Радость, с которой мы “бросаемся в море общеизвестных текстов”, по словам А. Моруа, “объединяет нас в любви к одному и тому же, позволяет каждому из нас почувствовать свою причастность к родной культуре, к родному языку”» [Шулежкова 2002: 243].

Литература

Солженицын, А. И. Избранное / А. И. Солженицын; сост., вступ. очерк А. Архангельского. – М.: Мол. гвардия, 1991.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: моногр. / С. Г. Шулежкова. – М.: «Азбуковник», 2002.

С. В. Анохина
Курганский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТРОПОНОМИНАНТОВ В КАЧЕСТВЕ ЗАГОЛОВКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

В прозе И. А. Бунина слова и фразеологизмы (ФЕ), называющие человека, часто выполняют заголовочную функцию. По мнению Н. А. Кожиной, «название является темой художественного сообщения <...> Текст же по отношению к названию всегда находится на втором месте и чаще всего является ремой. По мере чтения художественного текста заглавная конструкция вбирает в себя содержание всего художественного произведения...» [Кожина 1986: 5]. Многие исследователи творчества И. А. Бунина (И. Ю. Андрианов, О. В. Сливичкая, А. Щербенок и др.) указывают, что заглавия в прозе и поэзии писателя организуют формальную, композиционную и смысловую структуру текста, семантический потенциал художественного произведения «концентрируется в краткой заглавной форме, что ведёт к “символической уплотнённости значений” заглавия» [Кожина 1986: 7].

Заглавия занимают сильные позиции текста. В прозе И. А. Бунина в функции заглавий используются следующие антропонимы: «Птицы небесные», «Князь во князьях», «Худая трава», «Господин из Сан-Франциско», «Святые», «Учитель», «Братья» и др. В одном из рассказов И. А. Бунина ФЕ *худая трава* образована в результате индивидуально-авторской трансформации поговорки *худая трава из поля вон*, причём данная единица в тексте произведения не используется, она является только заглавием рассказа. ФЕ *худая трава* служит наименованием человека, ослабевшего физически, заболевшего, находящегося между жизнью и смертью. Этим фразеологизмом назван главный герой Аверкий, чувствующий приближение смерти.

С помощью ФЕ *худая трава* создаётся обобщённый образ людей, в силу каких-л. обстоятельств обречённых на смерть и готовых принять свою судьбу. В значении фразеологизма объединяются семы «физическое состояние» и «психическое состояние».

Фразеологизм, использованный в роли заглавия рассказа «Птицы небесные», является частью качественно-обстоятельной ФЕ (*жить*) как *птица небесная*, имеющей значение «(жить) беззаботно» [Молотков 2001: 343]. В тексте рассказа И. А. Бунина функционирует и качественно-обстоятельный фразеологизм, и свободное словосочетание: *Нищий тоже взглянул ему [студенту] в глаза. – А что ж мне? – спросил он. – Беден только бес, на нём креста нет. А я живу себе. – Живёшь, как птицы небесные? – А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, об Раях не думают, замёрзнуть не боятся* (т. 1, 314).

С нашей точки зрения, выражение *птицы небесные* становится фразеологизмом-антропонимом, образованным на основе качественно-обстоятельного фразеологизма. Это обусловлено тем, что данная ФЕ занимает силь-

ную позицию (заглавие), она становится наименованием определённой группы людей, живущих не материальной, а духовной жизнью, во всём уповающих на Бога. Эта ФЕ отсылает читателя к Библии. В Евангелии от Матфея приводится проповедь Иисуса: *Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?* [Библия 2001: 987]. Возможно, И. А. Бунин ввёл ФЕ *птицы небесные* в качестве заглавия рассказа для того, чтобы подчеркнуть, что всё живое на Земле неделимо, взаимосвязано, создано одним творцом. Все мы божьи создания, *птицы небесные*. Контекст всего рассказа служит раскрытию смысла его названия. В то же время наблюдается переключки с романом Л. Н. Толстого «Война и мир»: *Когда княжна Марья заплакала, он [князь Андрей] понял, что она плакала о том, что Никулишка останется без отца. С большим усилием над собой он постарался вернуться назад в жизнь и перенёлся на их точку зрения. «Да, им это должно казаться жалко! – подумал он. – А как это просто!» «Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их», – сказал он сам себе и хотел то же сказать княжне. «Но нет, они поймут это по-своему, они не поймут! Этого они не могут понимать, что все эти чувства, которыми они дорожат, все наши, все эти мысли, которые кажутся нам так важны, что они – не нужны. Мы не можем понимать друг друга!» – И он замолчал* [Толстой 1974: 474]. Нищий из рассказа И. А. Бунина, как и князь Андрей из романа Л. Н. Толстого, уже отрешился от жизни, он готов перейти в нечто иное, в смерть, для него уже не важны и не нужны земные заботы, ему всё ясно, просто, естественно.

Символично заглавие рассказа «Господин из Сан-Франциско». Это одно из наиболее известных произведений И. А. Бунина. Рассказ был опубликован в 1915 г., возникновение его замысла писатель связывал с работой над «Братьями». И. А. Бунин вспоминал: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий! – Эти страшные слова Апокалипсиса неотступно звучали в моей душе, когда я писал “Братьев” и задумывал “Господина из Сан-Франциско”, за несколько месяцев до войны» [Бунин 1956: 379]. Многие критики и современники писателя считали этот рассказ вершиной его дореволюционного творчества. А. Б. Дерман утверждал, что «Господин из Сан-Франциско» – «самое сильное произведение в русской художественной литературе за целое десятилетие и самое сильное произведение этого художника вообще» [Дерман <http://> 7]. В роли названия употребляется устойчивая номинация главного героя произведения, перифраза. С помощью подобного заголовка автор стремится создать обобщённый образ человека, типизировать его. Как отмечал А. Б. Дерман, И. А. Бунин «намеренно отвлек своего героя от прошлого, от личных, конкретных особенностей, конкретной биографии: это буквально имярек, «тип», обобщённый социальным сопоставлением с подобными противоположными ему в своих, так сказать, нарицательных чертах, а не в особенностях» [Там же: 5]. В рассказе речь идёт о смерти некоего человека, вернее, *господина* (эта лексема подчёркивает статус лица в обществе) из Сан-Франциско. Первоначально рассказ и назывался

«Смерть на Капри». Очевидно, что этот господин мог быть из Амстердама, Парижа, Москвы и т. д., но автору важно подчеркнуть принадлежность героя к Новому Свету, чтобы показать обречённость «Нового Человека со старым сердцем». Слово *господин* имеет значение «человек из привилегированных кругов», а также является формой вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании [СОШ 2003: 141]. В тексте рассказа анализируемая лексема обогащается новыми смыслами и реализует добавочные значения ‘повелитель’, ‘властелин’, ‘хозяин’. В характеристиках героя повторяются слова, содержащие семы ‘право’, ‘власть’, ‘обладание’, ‘порядок’, усиливающие указанные значения слова. Напр.: *Он был твёрдо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствие, на путешествие долгое и комфортабельное и мало ли ещё на что* (т. 3, 217). ... *он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячих певцов и тем, что люди в его годы чувствуют особенно тонко, – любовью молоденьких неаполитанок <...> начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим, чтобы слушать там Miserere; входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония...* (Там же, 218). *Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы* (Там же, 221). Господин из Сан-Франциско стремится к обладанию и материальными, и духовными ценностями, не делая между ними никакого различия. Такой порядок кажется ему вполне естественным, о чём свидетельствует приведённый выше перечень целей его путешествия.

Таким образом, употребление антропонимов в качестве названий произведений является одной из характерных черт идиостиля И. А. Бунина.

Источники

Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 5 т. / И. А. Бунин. – М. : Правда, 1956.

Литература

Библия 2001: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское библейское общество, 2001.

Дерман <http://> Дерман, А. Б. Победа художника / А. Б. Дерман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russianway.rchgi.spb.ru/Bunin/41_derma.pdf. – Загл. с экрана.

Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология: (на материале русской прозы XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Кожина. – М., 1986.

Молотков 2001: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.] ; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2001.

СОШ 2003: Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003.

Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. – М. : Правда, 1974. – Т. 3 – 4.

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ – НАИМЕНОВАНИЯ БОГОРОДИЦЫ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ XIX в.

В православной церковной традиции сформировалось два основных представления о матери Иисуса Христа – Богоматеринство и Приснодевство [ПЭ 2002: 498]. В фольклорных духовных стихах [см. Бессонов 1861, 1863а, 1863б, 1864; Варенцов 1860; Ефименко 1878; Киреевский 1848] частотными являются устойчивые словесные комплексы (УСК) *Пресвятая Богородица*, *Мать Пресвятая Богородица*, *Мать Мария*, *Мать Божья Богородица*, *Святая Дева* и др.

УСК *Пресвятая Богородица* – общепринятое церковное наименование матери Иисуса Христа. Лексема *Богородица* является калькой с греч. *Θεοτόκος*. «В святоотеческой литературе и литургических текстах широко представлены наименования Богородицы *пресвятой* и *пречистой*» [ПЭ 2002: 498].

УСК *Пресвятая Богородица* и *Пречистая Богородица* представляют собой лексико-синонимические варианты. Зависимые компоненты реализуют в них близкие значения: *пресвятая* – ‘обладающая святостью, непорочная, праведная’ [СРЯ XI–XVII, вып. 23, 2000: 211], ‘всесовершенно чистая, пренепорочная, праведная’ [СЦРЯ, кн. 2, т. 4, 2001: 109], [САР 2005: 388]; *пречистая* – ‘безгрешная, непорочная’ [СРЯ XI–XVII, вып. 18, 1992: 83], ‘чистая, непорочная’ [СДЯ XI–XIV, т. 8, 2008: 333], см., напр.:

*На паперти Василий стоит, –
Молитву творит – яко гром гремит,
Из уст выпускает до небес:
Прости мене, Пресвятая Богородица, и помилуй
Василия великаго, Кысарийскаго чудотворца!* [Бессонов 1864: 115];

*На небеса возирали,
Горячие слёзы проливали,
Молились оне Спасу, Пречистой Богородице,
И святому Димитрию Солунскому* [Бессонов 1861: 592].

УСК *Мать Божья*, *Мать Божья Богородица*, *Мать Богородица*, *Мать Божья Мария* называют Богородицу, актуализируя комплексную сему ‘мать Иисуса Христа’. Единица *Мать Божья* как устойчивая отмечена в «Словаре русского языка XVIII в.» [СРЯ XVIII, вып. 2, 1985: 91] и активно используется в фольклорных духовных стихах XIX в.:

*Молился Алексей во Одесе, трудился,
Семь лет-годов на десяток,
Мать Божья его зрела,
Прогласила во церкви* [Бессонов 1861: 103].

Компонентный состав УСК *Мать Божья* может расширяться за счёт включения лексемы *Богородица*:

*Повели Христа на распятие,
Плакала, плакала Мати Божья Богородица
По своём сыне по возлюбленном* [Ефименко 1878: 608].

Согласно христианским догматам, Дева Мария является Приснодевой (греч. *Αειπαρθενος* – ‘всегда Дева’): «Это означает, что Она была Девой до рождения от Нёе Иисуса Христа, во время Его рождения и осталась Девой после рождения» [ПЭ 2002: 496]. Приснодевство Богородицы отражено в сверхсловных образованиях лексемой *дева*, которая является главным компонентом в четырёх УСК (*Божья Дева*, *Дева Мария*, *Пречистая Дева*, *Святая Дева*).

По частной фразеологической модели «прил. + *Дева*» в духовных стихах построены три УСК, называющих Богородицу. В семантической структуре данных единиц комплексная сема ‘мать Иисуса Христа’ отходит на задний план, уступая место семе ‘дева’.

УСК *Святая Дева* зафиксирован в словарях в значении ‘Богородица’ [СРЯ XVIII, вып. 6, 1991: 64], [СРЯ XI–XVII, вып. 23, 2000: 211]. Зависимый компонент *святая* вносит в семантическую структуру УСК семы ‘всесовершенно чистая, пренепорочная, праведная’ [СЦРЯ, кн. 2, т. 4, 2001: 109], [САР 2005: 388], ‘обладающая святостью, непорочная, праведная’ [СРЯ XI–XVII, вып. 23, 2000: 211], см., напр.:

*Ходила Святая Дева
По горам, по крутым горам,
Искала-искала Иисуса Христа:
На встречу Деве жидовья,
Жидовские дети* [Бессонов 1863а: 242].

В русских духовных стихах УСК *Святая Дева* и *Пречистая Дева* вступают в синонимические отношения: они называют Богородицу и характеризуют её как непорочную. УСК *Божья Дева* называет Богородицу, подчёркивая ее близость к Богу:

*Я Сам был от Божьей Девы рождён,
В пасху Христову ко кресту пригвождён,
И всё ради вашего спасения!* [Бессонов 1863б: 88].

УСК *Дева Мария* отмечается в словарях в значении ‘Божья Матерь’ [Христианство 1993: 268], [Скляревская 2008: 121]. Имя Богородицы *Мария* несколько раз упоминается в Священном Писании (Мф 1: 16, 18; Мк 3: 31–32; Лк 1: 26 и др.). Оно восходит через греч. *Μαρία* к еврейскому *Марьям* – ‘горечь, возмущение или сопротивление’, а также ‘госпожа’ или ‘надежда’. В духовных стихах УСК *Дева Мария* функционирует со значением ‘мать Иисуса Христа’:

*Не плачься, мать Моя, Дева Мария:
Я на третий день воскрешуся
И на небеса вознесуся* [Бессонов 1864: 202];

*В ту Пятницу родился
Сам Иисус Христос от Девы Марии* [Бессонов 1864: 147].

УСК *Мать Мария* имеет ту же частную фразеологическую модель, что и УСК *Дева Мария*. Включая в свой состав личное имя Богородицы, единица *Мать Мария* реализует доминантную сему ‘мать’:

*И расплчется **мати** Мария,*

Пресвятая Богородица:

Чадо моё возлюбленное

И Христос Царь небесный [Бессонов 1864: 192].

Три УСК (*Владычица Богородица*, *Мать Владычица*, *царица небесная*) называют Богородицу *госпожой*, *повелительницей* [Даль: 213]. Лексема *владычица* в значении ‘мать Иисуса Христа’ отмечена в двух словарях [СРЯ XVIII, вып. 3, 1987: 199], [СЦРЯ, кн. 1, т. 1, 2001: 132]. Оборот *Владычица Богородица*, не отмеченный доступными нам словарями как устойчивый, восходит к свято-отеческой и литургической литературе [ПЭ 2002: 498] и широко используется в фольклорных духовных стихах XIX в.:

Вы поверуйте веру самому Христу,

Самому Христу, царю небесному,

Владычице Богородице,

Святой Троице неразделимая! [Бессонов 1861: 455].

УСК *царица небесная* (*небесная царица*) отмечен в словарях в значении ‘Богородица’ [СРЯ XVIII, вып. 14, 2004: 120], ‘одно из именований Богородицы’ [Скляревская 2008: 401]. Данная единица создана по аналогии с самым частотным в духовном фольклоре УСК, называющим вторую ипостась Святой Троицы, – *царь небесный*:

О небесная Царица, Богородица!

Вослыши молитву грешных раб своих,

Прими наша рыдания, слёзы горючия [Бессонов 1863б: 153].

Таким образом, УСК, называющие мать Иисуса Христа в фольклорных духовных стихах XIX в., в структуре своих значений содержат следующие компоненты:

1. Семантический признак ‘божья мать’ является центральным в структуре следующих УСК: *Мать Богородица*, *Мать Божья Мария*, *Мать Божья, Мать Божья Богородица*, *Мать Мария (Пресвятая)*, *Мать Пресвятая Богородица*, *Мать Пречистая Богородица*, *Пресвятая Богородица*, *Пречистая Богородица* (76 % от общего количества УСК в подгруппе «Богородица»).

2. Семантический признак ‘дева’ выходит на первый план в структуре УСК *Божья Дева*, *Дева Мария*, *Пречистая Дева*, *Святая Дева* (17 % от общего количества УСК в подгруппе «Богородица»).

3. Семантический признак ‘госпожа, повелительница’ представлен в семантической структуре УСК *Владычица Богородица*, *Мать Владычица*, *царица небесная* (7 % от общего количества УСК в подгруппе «Богородица»).

Источники

Бессонов 1861: Бессонов, П. А. Калеки переходные: сб. стихов и исследование П. Бессонова: в 2 ч. / П. А. Бессонов. – М.: Тип. А. Семёна, 1861. – Ч. 1. Вып. 1 – 3.

Бессонов 1863а: Бессонов, П. А. Калеки переходные: сб. стихов и исследование П. Бессонова: в 2 ч. / П. А. Бессонов. – М.: Тип. Бахметьева, 1863. – Ч. 2. Вып. 4.

Бессонов 1863б: Бессонов, П. А. Калеки переходные: сб. стихов и исследование П. Бессонова: в 2 ч. / П. А. Бессонов. – М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1863. – Ч. 2. Вып. 5.

Бессонов 1864: Бессонов, П. А. Калеки переходные: сб. стихов и исследование П. Бессонова: в 2 ч. / П. А. Бессонов. – М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1864. – Ч. 2. Вып. 6.

Варенцов, В. Г. Сборник русских духовных стихов / сост. и предисл. В. Г. Варенцов. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1860.

Ефименко, П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: в 2 ч. ч. 2. Народная словесность. М.: Тип. С. П. Архипова, 1878.

Киреевский, П. В. Русские народные песни / сост. П. В. Киреевский. – М.: Университ. тип., 1848. – Ч. 1. Русские народные стихи.

Литература

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1.

ПЭ 2002: Православная энциклопедия. – М.: Православная энциклопедия, 2002. – Т. 5.

САР 2005: Словарь Академии Российской 1789 – 1794: в 6 т. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2005. – Т. 5.

СДЯ XI–XIV 1988–2008: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988 – 2008 (издание продолжается).

Скляревская 2008: Скляревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г. Н. Скляревская. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008.

СРЯ XI–XVII 1975–2008: Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975 – 2008. – Вып. 1 – 28 (издание продолжается).

СРЯ XVIII 1984–2007: Словарь русского языка XVIII в. – Л.-СПб.: Наука, 1984 – 2007. – Вып. 1 – 17 (издание продолжается).

СЦРЯ 2001: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. из 2 кн. – СПб.: СПбГУ, 2001.

Христианство 1993: Христианство: энцикл. слов.: в 3 т. / под ред. С. С. Аверинцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – Т. 1.

Л. К. Байрамова

Казанский государственный университет

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Востребованное и актуализированное современным состоянием общества крылатое выражение (КВ) *момент истины* обойдено вниманием лингвистов: в море словарей лишь три-четыре содержат дефиницию и раскрывают этимологию этого КВ. К числу таких словарей относится «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [БСКСиВ 2008–2009], где читателю предлагается следующая информация, иллюстрируемая примерами из современных текстов, и даётся ссылка на два более ранних словаря: «*Момент истины*, книжн. Время прозрения. Решающий момент, когда положение дел в чём-то видится наиболее чётко из-за открытых, недвусмысленных действий кого-л. Восходит к исп. *El momento de la verdad*. Так в испанской корриде называется решающий момент

поединка, когда становится ясно, кто станет победителем – бык или матадор. Выражение приобрело популярность после того, как было использовано в романе амер. писателя Эрнеста Хемингуэя “Смерть после полудня” (1932)» [БСКСиВ 2008: 634].

Среди зарубежных словарей, раскрывающих происхождение и значение анализируемого КВ, отметим словарь идиом Ammer Christine «American Heritage Dictionary of Idioms» [2003], где оборот *the moment of truth* (из исп. *el momento de la verdad*) поясняется как ‘критическое или решающее время, когда матадор убивает быка во время корриды’: «A critical or decisive time, at which one is put to the ultimate test, as in *Now that all the bills are in, we've come to the moment of truth – can we afford to live here or not?* This expression, a translation of the Spanish *el momento de la verdad*, signifies the in a bullfight when the matador makes the kill. It was first used in English in Ernest Hemingway's story *Death in the Afternoon* (1932)» [Ammer 2003: 276].

Сам Э. Хемингуэй в произведении «Death in the Afternoon» («Смерть после полудня») характеризует *момент истины* сначала как *the actual moment of killing* [Hemingway 1994: 18] (букв. ‘актуальный момент убоя/убийства’), а затем и ссылается на испанское выражение, которое по-английски звучит как *the moment of truth: The whole end of the bullfight was the final sword thrust, the actual encounter between the man and the animal, what the Spanish call the moment of truth, and every move in the fight was to prepare the bull for that killing* [Hemingway 1994: 59].

Интерес представляет тот факт, что более чем за сто лет до Э. Хемингуэя о корриде подробно написал П. Мериме в «Письмах из Испании» (1830). П. Мериме не использует испанское выражение *el momento de la verdad*, а называет этот момент *temps d'en finir avec lui: Quand le taureau porte au cou trois ou quatre paires de banderilles, il est temps d'en finir avec lui* [Mérimée 1995: 168-169].

В другой раз П. Мериме называет решающий момент боя с быком *se moment que le matador lui porte le coup mortel* (букв. ‘этот момент, когда матадор наносит ему смертельный удар’): *Après plusieurs passes, quand le matador croit bien connaître son antagoniste, il se prépare à lui donner le dernier coup. Affermi sur ses jambes, il se place bien en face de lui et l'attend, immobile, à la distance convenable. Le bras droit, armé de l'épée, est replié à la hauteur de la tête; le gauche, étendu en avant, tient la muleta qui, touchant presque à terre, excite le taureau à baisser la tête. C'est dans ce moment que le matador lui porte le coup mortel, de toute la force de son bras, augmentée du poids de son corps et de l'impétuosité même du taureau* [Mérimée 1995: 171].

Таким образом, выходит, что англ. *the moment of truth* и рус. *момент истины* вошли в употребление в обоих языках благодаря произведению Э. Хемингуэя.

В принципе книга Э. Хемингуэя, как отмечают критики, – «это сухой и сугубо технический трактат о бое быков, о различных приёмах раздраживания, увёртывания, закалывания, с подробными биографиями знаменитых матадоров, с богатой фотодокументацией, весь пересыпан лирическими вставками от авто-

ра. Лиричны начало и конец книги...» [Кашкин 1934: 12]. Но книга глубоко интенциональна: она воздействует на читателя эмоционально и интеллектуально. В эпицентре произведения, на наш взгляд, – *момент истины*, и это не случайно, ибо сам автор, как пишут критики, «органически не переносит обмана ни в жизни, ни в искусстве <...> Он показывает то, что показать ему было нужно, и делает это прямо. Чисто мальчишеская нескромность, называние вещей своими именами нередко звучит совсем по-толстовски: “Это может шокировать, но это правда”» [Кашкин 1934: 16-17].

Итак, *момент истины*. Стало ли это выражение популярным в русском языке благодаря произведению Э. Хемингуэя? Ведь русский читатель в 1934 г. познакомился с книгой «Death in the Afternoon» («Смерть после полудня») фрагментарно, ибо была переведена только двенадцатая глава и то не целиком, и, кроме того, не та глава, где описывается *момент истины* [Хемингуэй 1934].

Возможно, выражение *момент истины* стало популярным благодаря роману В. О. Богомолова «Момент истины. (В августе сорок четвертого...)» (1981) о советской контрразведке в годы Великой Отечественной войны. В этом произведении выражение *момент истины* использовано пять раз. При первом его употреблении (Безусловно, оптимально <...> попытаться заставить [агентов – Л.Б.] проявить свою суть – это уже залог или вероятная предпосылка незамедлительного получения **момента истины!**.. – заключил Поляков и улыбнулся. – Был бы «**момент истины**», а костры мы и сами разложим!) автор даёт в сноске следующее пояснение: «Момент истины – момент получения от захваченного агента сведений, способствующих поимке всей разыскиваемой группы и полной реализации дела» [Богомолов 1981: 179].

Далее В. О. Богомолов по ходу развёртывания сюжета ещё три раза использует идиому *момент истины*: Он держался напряжением всех сил <...> А до получения «**момента истины**», до осмысления и принятия им как старшим группы соответствующего решения он просто не имел права терять сознание [Богомолов 1981: 401]; Это было необыкновенное, испытанное за войну всего лишь несколькими чистильщиками пронзительное ощущение – «**момент истины**» по делу, взятому на контроль Ставкой <...> В эти мгновения только он, Таманцев, единственный обладал «**моментом истины**», и при мысли, что есть возможность сегодня же взять и «Матильду» (а кто это сделает лучше, чем он, кто?!), у него захватывало дыхание [Там же: 406].

Но знал ли В. О. Богомолов, что выражение *момент истины* связано с испанской корридой и является калькой испанского выражения *el momento de la verdad*? Ответ есть в самом романе В. О. Богомолова. Конечно, этот ответ косвенный: некоторую ясность вносит употребление автором фразеологизма *брать быка за рога*: – А кто?! Кто же его убил?! Может, ты ещё скажешь, что вообще в нас не стрелял?! – яростно орал Таманцев, прикидывая и определяя, что лежащий перед ним уже доведён до потребного состояния и надо **брать быка за рога**. – Ты ещё смеешь врать?! Может, ты и позывные уже забыл?! [Богомолов 1981: 405].

Выражение *брать быка за рога* в «Словаре русской фразеологии» трактуется как возможная калька фр. оборота *prendre le taureau par les cornes* [Бирх

1998: 63]. Однако в английском словаре идиом «Idioms Dictionary» (2005) чётко указывается, что единица *take the bull by the horns* («брать быка за рога») восходит к обозначению одного из этапов боя тореадора с быком: «In bullfighting, the matador sometimes grasps the bull's horns before killing it» [Collins 2005: 49] (в корриде матадор иногда хватает быка за рога перед тем как убить его).

Такова история происхождения КВ *момент истины*.

Источники

Богомолов, В. О. Момент истины (В августе сорок четвёртого...) / В. О. Богомолов. – Л. : Лениздат, 1981.

Хэмингуэй, Э. Смерть после полудня. Из главы двенадцатой // Смерть после полудня / Э. Хэмингуэй; пер. В. М. Топер. – М. : Гослитиздат, 1934. – С. 217 – 227.

Hemingway, E. Death in the Afternoon / E. Hemingway. – Published by Arrow Books in 1994.

Mérimée, P. Lettres d'Espagne / P. Mérimée. Les combats de taureaux // Mateo Falcone et autres nouvelles de Mosaïque. – Le livre de Poche classique, 1995. – P. 158 – 177.

Литература

БСКСиВ: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009.

Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

Кашкин, И. Эрнест Хэмингуэй / И. Кашкин // Эрнест Хэмингуэй. Смерть после полудня. – М. : Гослитиздат, 1934. – С. 3 – 29.

Ammer, C. American Heritage Dictionary of Idioms / C. Ammer. – Boston ; New York, 2003.

Collins, C. Idioms Dictionary / C. Collins. – Birmingham : The University of Birmingham, 2005.

Г. В. Бобровская

Волгоградский государственный педагогический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Формы использования прецедентных текстов разнообразны. Они стали объектом многочисленных когнитивных и функциональных исследований интертекстуальности (см. труды И. В. Арнольд, Н. Д. Бурвиковой, Д. Б. Гудкова, Л. П. Дядечко, Е. А. Земской, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, Г. Г. Слышкина, А. Е. Супруна, Н. А. Фатеевой и многих других лингвистов). Как правило, прецедентные тексты вводятся «в свёрнутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом, намёком» [Караулов 2006: 218].

Проявление интертекстуальных связей происходит благодаря фигурам интертекста. В нашем понимании фигуры интертекста могут быть определены как способы элокутивной организации, механизмы которых заключаются в объективации интертекстуальных связей. Иными словами, в основе фигур интертекста лежит приём использования фрагментов прецедентных текстов. Фи-

гуры интертекста рассматриваются в статье как разновидности фигур выразительной речи, являющиеся в настоящее время одним из наиболее частотных прагматически заданных способов экспрессивизации публицистических текстов.

В современной российской публицистике, анализируемой нами на газетном материале, выявлены следующие типы фигур интертекста:

- цитирование – воспроизведение с указанием на первоисточник: *Ничто так красноречиво не говорит о времени и эпохе, как портрет: ведь «уста высказывают только мысль человека, лицо – мысль природы»*, как сказал Шопенгауэр; *Ватиканское нововведение вызвало у россиян заинтересованную, а среди «сливок общества» и нервную реакцию. Последуют ли в России инициативе Ватикана? Или, как говорил Ленин, «мы пойдем другим путём»?*;

- аппликация – вставка фрагмента прецедентного текста без указания на первоисточник: *Попытки же искусственно подстегнуть любовь к «родному пепелищу» созданием всякого рода молодёжных движений оборачиваются показным любвеобилием к начальству и патриотическим сюсюканием; Самое простое и самое опасное сегодня – выпустить на улицу «гроздь гнева»;*

- парафраз – перифразирование фрагмента прецедентного текста, видоизменённая цитата: *Деньги подземелья. В Москве начались слушания по иску «потребители против подземки»; Здесь русский дух, здесь грудью пахнет. Кризис моментально сделал нас пессимистами;*

- аллюзия – подчёркнуто фрагментарно выраженный намёк на прецедентный текст: *Современный роман состоит из трёх важных компонентов, качественное исполнение которых определяет успешность, актуальность и популярность произведения. Это название, Обложка и Первая фраза. Магическая комбинация, тройка-семёрка-туз нынешнего книгописания; Эту войну никто не назовёт «незаметной». Тут мы ввязались в серьёзное дело.*

Приём использования фрагментов прецедентных текстов, таким образом, оказывается востребованным при элокутивном воплощении целого ряда интенциональных установок. В соответствии с коммуникативными тактиками, свойственными газетной публицистике, представляется возможным выделить следующие цели использования фигур интертекста:

- информирование (сообщить какие-либо сведения): *Преступление и наказание. Сотрудники швейцарской диспетчерской компании «Скайгайд» признаны виновными в убийстве по неосторожности – из-за их халатности в 2002 г. в небе столкнулись два самолёта, погиб 71 человек, в том числе 49 детей из России;*

- комментирование (дать пояснение): *Но случаются отдельные исторические катаклизмы, когда это делается оттого, что «не могу молчать»;*

- разъяснение (объяснить, сделать доходчивым): *Или же наверху стало казаться, что некоторые индивиды и группы ведут себя неправильно. Оттого и решили подсказать им на уровне идейных понятий, что такое хорошо, а что такое плохо;*

- иллюстрирование (показать на примере, наглядно пояснить): *«В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе. / Зимы ждала, ждала природа. /*

Снег выпал только в январе. / На третью ночь». Так о капризах природы написал Пушкин. Капризы такого рода были всегда и на нашей памяти тоже;

- аргументирование (доказать, обосновать): *Не будь в советском народе столь мощного чувства патриотизма, ни числом, ни умением победы нам было не одержать;*

- оспаривание (выразить несогласие): *«Бог создал человека без запасных частей», – утверждал Генри Форд и очень сильно ошибался;*

- критика (указать на недостатки): *Сочей разочарование. Спецкор «МК» побывал в столице Олимпиады-2014 и выяснил, почему местные жители ей уже не рады.*

Выделение первого типа носит в значительной степени условный характер, поскольку информирование является одной из главных публицистических коммуникативных целеустановок. Определение «информирование» свидетельствует, что в одних случаях межтекстовые связи помогают в сообщении новостной информации, тогда как в других случаях очевидна более сложная прагматическая структура. Неоднозначность трактовки фрагментов прецедентных текстов информирующего типа связывается и с широким спектром эмотивных окрасок, передаваемых с помощью фигур интертекста. Это позволяет говорить о синкретизме тех или иных тактик, дополняемых тактической задачей оценивания.

Ещё одним специфическим проявлением интенциональности, связанным с приёмом использования фрагментов прецедентных текстов, является, по нашему мнению, «наслаивание» вышеназванных тактик на тактику акцентирования внимания. В любых своих проявлениях (цитирование, аппликация, парафраз, аллюзия) интертекстуальные включения выступают одним из эффективнейших средств привлечения читательского внимания.

Контекстуальная актуализация интертекстуальных связей потенциально допускает трансформацию смысловой структуры фрагментов прецедентных текстов, что нередко влечёт за собой семантическое опустошение. Приёмы использования прецедентных текстов предполагают как экстенсиональные, так и интенциональные изменения [Гудков 1999].

По степени смысловой связи с опорным текстом фигуры интертекста демонстрируют как смысловую преемственность, так и значительные смысловые трансформации. В первом случае отмечается сохранение содержательно-смыслового ядра текста-ассоциата. Во втором случае характерно переосмысление одного из содержательных аспектов текста-источника. Анализ газетных текстов различной жанровой принадлежности свидетельствует, что по степени смысловой связи с опорным текстом использование фрагментов прецедентных текстов может, по нашему мнению, принимать следующие формы:

1. Соответствие, или дублирование, – сохраняется содержательно-смысловое ядро текста-ассоциата: *Нынешняя ситуация формировалась на протяжении последних лет. В основе «дистанции огромного размера» – три главных причины; Новый мажорис открывает Назарбаеву двери в Европу; Настало время выяснить, из какого сора рождаются стихи Ильи Резника.* В данном случае отличие от текста-источника заключается в формальной синтагматической сочетаемости либо грамматической оформленности.

2. Частичное совпадение – наследуется лексико-синтаксический каркас исходного высказывания, однако прослеживаются значительные смысловые трансформации. В этой группе можно выделить следующие подгруппы:

- а) дополнение – развивается основная мысль, заключённая в первоначальном высказывании: *Брутальная оппозиция очень успешно создаёт эффект своей неподконтрольности и независимости от властных структур. Каждая акция – это переозвучка князя Святослава «Иду на вы», обращённая к государству; Урны грязи не боятся. 11 марта нам продемонстрировали черновой сценарий декабрьских выборов в Госдуму.* В приведённых контекстах реминисценции метафорически переосмыслены;

- б) уточнение – переосмысливается один из содержательных аспектов текста-источника: *Голландцы построили прямо на границе кафе, где можно легально курить марихуану. Бельгийцы возмущены, что их молодёжи навязывают дым чуждого отечества; Вышли мы все из народа. В свободное время волжане вышивают крестиком, шьют кукол и лепят из теста; Бюллетень – оружие пролетариата.* Значение трансформированной интертекстемы более конкретно по сравнению с обобщённо-образным значением опорного текста.

3. Контрастирование – наблюдаются существенные структурные и семантические отличия от текста-источника: *Генералы кремлёвских карьер. Кто главнее в тандеме Путин – Медведев, станет известно не скоро. Ср. также: Один в банке не доллар; Инфекциям все возрасты покорны.*

Итак, межтекстовые связи в публицистике служат генерированию эмотивно-оценочных смыслов, обусловленных референтной основой газетного текста: апелляция к тексту-источнику позволяет автору дать рациональную и эмоциональную оценку сообщаемому, вовлечь читателя в свои рассуждения.

Литература

- Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности: моногр. / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: КомКнига, 2006.

Т. Г. Бочина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИРОНИИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Как известно, стилистический приём иронии своим назначением имеет имплицитное выражение насмешки и акцентирование внимания на отсутствии каких-либо качеств. Наиболее частотной разновидностью этого приёма в русском провербиальном пространстве является ироническая антитеза, в которой контрастируют две части высказывания, напр.: *Получил (взял) добровольно, наступая на горло* [Даль, т. 2, 1984: 272]; *На старости две радости: один сын – вор, другой – пьяница* [Даль, т. 1, 1984: 300].

Ирония-троп образуется вследствие контраста значения языкового знака и речевого смысла иронической лексемы; при этом важной особенностью образительно-выразительного средства является релевантность и узуального, и контекстуального значений ключевого слова. Ирония-приём создаётся смысловым контрастом нейтрального общепринятого значения языковой единицы и содержания его текстового развёртывания, в результате которого формируется внешняя алогичность высказывания, разрешающаяся путём ретроспективного переосмысления семантики слова, не согласующегося с контекстом. Стилистическая значимость приёма иронии определяется семантической двуплановостью экспрессивно-иронической лексемы, мнимым нарушением законов синтагматического согласования, эффектом обманутого ожидания.

Среди способов осуществления иронии выделяются два основных, определяемых сильным или слабым отрицанием: экспрессивно-ироническая омонимия (*Голодны курчата: и проса не клюют* [Даль, т. 2, 1984: 294]) и экспрессивно-ироническое отрицание неопредельного характера (*Друг сердечный, а как зовут, не знаю* [Даль, т. 2, 1984: 173]). Определяющую роль в репрезентации типа иронического отрицания играет вербально-смысловой код поясняющей части контекста, эксплицитно выражающий актуальный смысл экспрессивно-иронического слова.

Необходимо отметить, что эмоциональная сторона речи, выразительность и семантические особенности иронии нередко усиливаются словами, находящимися в препозиции к характеризующему слову. Так, анализируя особое значение краткой формы прилагательного *хороший* в современном русском языке, Д. Н. Шмелёв приходит к выводу, что «находясь в препозиции к имени, оно нередко употребляется для отрицательной оценки. При этом, однако, оно получает не только “обратное значение” (‘плохой’, ‘нехороший’), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного (или субстантивированного прилагательного)» [Шмелёв 1958: 68]. Полагаем, эта функция прилагательного *хороший* сформировалась в результате частого употребления в иронических высказываниях, в том числе типа: *Хорош богатырь, коли пьян с вина на алтын* [Даль, т. 2, 1984: 273]; *Хорош молодец: ни коз, ни овец* [Жигулев 1986: 214]. Здесь семантика поясняющей части контекста указывает и на ироническую инверсию оценки *хорош* в значении ‘плох’, и на отрицание приписанного субъекту свойства ‘богатырь’, ‘молодец’.

В паремиях встречаются примеры употребления других прилагательных (а также и наречий) как экспрессивных омонимов, отрицающих значимость последующего компонента высказывания: *Велико диво – опёнки* [РНО 1883: 60]; *Старый знакомец! Впервые видимся* [Даль, т. 2, 1984: 229]; *Ближняя родня: на одном солнце платье сушили* [Мельц 1961: 66]. В другом варианте последней паремии осмыслению иронического отрицания как предельного может способствовать стилистическая сниженность, задающаяся компонентом *онучи*: *Ближняя родня: на одном солнышке онучи сушили* [Даль, т. 1, 1984: 303]. Язвительно-сатирическая тональность обоснования оценки наблюдается в высказывании *Мы ближняя родня: моя бабушка шла пеши из Царского села, на ней сарафан горел, а твой дедушка подошёл, да руки погрел* [СД, т. 1, 1981: 97].

В высказывании *Много красы: одни скулы да усы* [Даль, т. 1, 1984: 243] переплетаются две линии иронического противопоставления: первая – количественная противоположность *много – один*, т. е. мало, и вторая – противоречивые ценностные отношения красоты и скуластости, которая в картине мира русского народа никогда не была эталоном, приметой красоты. Поэтому вторая часть высказывания в зависимости от ситуации речи может пониматься и как аргумент весьма небольшой степени красоты, когда акцент падает на слово *много*, и как знак отсутствия красоты, когда иронически осмысляются количественная и качественная оценки в совокупности, причём последнее представляется более вероятным. Другими словами, наречие *много* выражает значение ‘мало’ и в то же время служит для отрицания значения последующего существительного *краса*.

В паремии *Легко ранили – и головы не нашли* [Даль, т. 1, 1984: 312] актуальный смысл второй части указывает не столько на экспрессивную омонимию *легко* в значении ‘тяжело’, сколько на реальность де-факто значения ‘убить’. Другими словами, глагол *ранить* в значении ‘убить’ является омогипонимом кодифицированного *ранить*. Наречие же играет усилительную роль, подчёркивая семантическое расстояние между ними.

Ещё один пример экспрессивно-иронического отрицания даёт изречение *Хитро сколотил ведро: клепки под лавку, а обручи в печь – и не будет течь* [Жигулев 1986: 455]. В нём описание реально совершённых действий выполняет функцию указания на отсутствие декларированного *сколотил*. Сложнее обстоит дело с наречием, оно многопланово по своей смысловой направленности. В узусе сосуществуют омонимы: *хитро* ‘искусно, замысловато, мудро, затейливо’ и *хитро* ‘лукаво, пронырливо’. Сочетание первого из них с отрицательным глаголом алогично: нельзя искусно сделать что-либо, не делая этого. Значение второго, соотносимого с субстантивом *хитрость* ‘умение достигать своей цели, нередко обманом’, определяет возможность контекстуальной релевантности буквальных значений каждого из членов словосочетания: цель «чтобы ведро не текло» достигнута, а хитрость действия заключалась в том, чтобы его не совершать. Ритмический рисунок *хитро – ведро* устанавливает большую вероятность первого варианта, но и в этом случае второй подразумевается и реализуется одновременно с первым, обогащая ироническое отрицание дополнительными нюансами.

Функцию акцентирования иронического содержания выполняют определительные местоимения, эмоционально-экспрессивные частицы и междометия. Употребление в этой роли местоимений, напр., связано с их основным назначением – определения, усиления меры, степени качества. Так, в изречении *Такая красавица, что в окно глянет – конь прыгнет; на двор выйдет – три дня собаки лают* [Даль, т. 1, 1984: 243] утрированное описание реакций на оцениваемый объект обнаруживает экспрессивно-ироническое значение ‘уродливая, безобразная’, антонимичное нейтральному омониму, а местоимение *такая* только подчёркивает его. В насмешках над теми, кто удивляется чему-нибудь обыкновенному (*Эка диковина – рыба сиговина!* [СД, т. 4, 1982: 663]; *Эко чудо! Корова черная, молоко белое* [РНО 1883: 61]; *Эко диво – у свиньи пятаком рыло* [СД,

т. 1, 1981: 435]; *Эко чудо: два пузыря на ложку* [СД, т. 1, 1981: 588] значение 'обычное, неудивительное' наряду с интонационными средствами определяется посредством воспроизведения банальнейших ситуаций, презентации обычных предметов и атрибутов, а слово *эко* лишь усиливает экспрессию. Аналогична роль междометий и эмоционально-экспрессивных частиц: *Ай молодца – широка лица, глаза узеньки, нос – пятка* [РНО 1883: 55]; *Вот так ловкий: на лежащую берёзу до самого веру влез* [РНО 1883: 29].

Таким образом, в роли интенсификаторов иронии, которые не только сами используются в противоположном смысле, но и отрицают значение последующего субстантива, выступают как прилагательные, так и наречия, определительные местоимения, эмоционально-экспрессивные частицы и междометия.

Источники

Даль 1984: Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. И. Даль; послесл. В. П. Аникина. – М.: Худож. лит., 1984.

Жигулев 1986: Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. М. Жигулев. – 3-е изд., испр. и доп. – Устинов: Удмуртия, 1986.

Мельц 1961: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX вв. / подгот. изд. М. Я. Мельц. – М.; Л.: АН СССР, 1961.

РНО 1883: Русское народное остроумие. Сборник характерных комических пословиц, поговорок, побасенок, прибауток и выражений / сост. Н. А. С-в. – Казань: Тип.-лит. В. М. Ключникова, 1883.

СД: Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1981 – 1982.

Литература

Шмелёв, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 38 – 42.

В. Э. Будейко

Челябинский государственный университет

РУССКИЕ АЗБУЧНЫЕ И АЛФАБЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

*Выражаю свою благодарность и признательность,
посвящая это исследование началу великой работы
Светланы Григорьевны Шулежковой по составлению
«Фразеологического словаря старославянского языка»*

Попытаемся дать общий обзор фразеологизмов (ФЕ), тематически связанных с буквенными наименованиями русского алфавита и русской азбуки в культуре XI – XXI вв. Эти своеобразные ФЕ продолжают существовать в современном языке, и в них в качестве элементов присутствуют наименования букв (так называемые буквенные имена) из славянской кириллицы. Состав таких ФЕ пополняется даже из советской гражданки, причём после реформы русского алфавита 1917 – 1918 гг. мы наблюдаем в подобных фразеологизмах уже наименования букв с условной, бессмысленной семантикой (а, бэ, вэ, гэ и

т. п.). Изучение ФЕ, в структуру которых входят названия букв, остаётся актуальным до настоящего времени, несмотря на реформирование алфавита и перемены исторических значений буквенных имён.

Рассмотрим, напр., выражения *писать ногами мыслёте* и *писать ногами букву, стоять фертом* и *стоять прямо*. Каждое отдельно взятое слово в первой ФЕ не имеет собственной семантики: *писать* здесь не значит 'изображать какие-л. графические знаки на чём-л.' Это слово нуждается в соединении со строго определёнными словами, отчего возникают устойчивые словосочетания, передающие нечленимое, единое для всего оборота значение: *писать ногами мыслёте* – 'быть пьяным', *стоять фертом* – 'важничать'. Говорящий не осознаёт, какое отношение к значению 'важничать, красоваться' имеют слова *стоять* и *ферт* (собственно слово *ферт* нам частью или почти непонятно). Не знаем мы, и как возникает значение 'быть пьяным' при соединении слов *писать ногами* и *мыслёте*. Эта особенность фразеологизмов была подмечена, определена и теоретически основательно разработана Б. Н. Головиным в 1980-х гг. [Головин 1983: 80]. В том случае, если возникает потребность в выражении значений, передаваемых в языке не отдельными словами, а фразеологизмами, тогда используются готовые словосочетания, например, алфаветные фразеологизмы: *пройти от А до Я, поставить точки над и (i)*. Отличие обычного, свободного словосочетания от ФЕ заключается в том, что слова являются членами свободных сочетаний слов, где они имеют своё собственное значение: *начинать* и *начало*, *стоять* и *согнувшись*. Такие слова соединяются по выбору говорящего не только одно с другим, но и с другими словами языка. В свободных словосочетаниях значения отдельных слов складываются, а общее значение словосочетания достаточно ясно вытекает из значений соединяемых слов. Таким образом, в свободном словосочетании налицо соответствие между членимостью формы и содержания [Головин 1983: 80].

Ранее мы писали о русских алфавитных фразеологизмах [Будейко 2009: 407]. Теперь же попытаемся внести некоторое уточнение в определение этого термина. По нашему мнению, существует разница между русским алфавитом и собственно древнецерковнославянской азбукой. Первенство рождения этой идеи мы приписываем Л. В. Савельевой [Савельева <http://>], впервые в русской филологии разграничившей эти два понятия. И это так, поскольку в истории русского письма есть определённый рубеж, – это 1917 г., когда имена букв были полностью десемантизированы, трансформированы в односложные слова, превращены в эрзацный материал для аббревиатур (хотя здесь следует уточнить характер употребления старых буквенных названий, которые с XVIII в. и до 1917 г. использовались наряду с односложными «а», «бэ», «вэ» [Иванова 1976: 51-53]). После этого государственного символического действия 1917 г. следует ограничение, старая азбука (в ней имена букв родственны словам и хотя бы частично осмысляемы) пребывает под спудом, и актуализируется новый алфавит – русский, латинский или какой-либо ещё западноевропейский (в коих имена букв непонятны, строго семиотически определены в сцепах письменного знака и фактически лишены словесного

значения). Но старая азбука всё-таки напоминает о себе появлением в письменной или устной речи прежних азбучных ФЕ: *от аза до ижицы*, *ни аза в глаза*, *писать собаку через ять* и т. п. Если для сравнения посмотреть историю алфавита греческого (от чего же произошло это наименование), то окажется, что греческий никогда не менял ни состава, ни буквенных имён с 403 г. до н. э., а русский менял и состав, и имена. С петровских реформ имена были модифицированы (пусть факультативно, но ведь работала культурная инерция) по подобию латинского алфавётума (от лат. *alphabetum*). Однако исторически за новой знаковой совокупностью закрепилось наименование *алфавит*, хотя это уже был по сути *алфавётум*. Но мы не вправе переименовывать исторический термин. Пусть будет *алфавит*, хотя, если вводить новый смысловоразличительный термин, то логичнее по аналогии назвать ФЕ от такого алфавита-алфавётума *алфавётными*, а не *алфавитными*.

Значимо, что азбучный фразеологизм, с одной стороны, может быть использован как основа в истолковании смыслов азбуки, а с другой – эта особая ФЕ оказывается порождением азбуки как культурной постоянной, являющейся источником новообразований во фразеологии. Следует отметить, что в своей истории русский язык испытал и испытывает влияние не менее трёх алфавитов (кириллицы, имперской гражданцы в XVIII – начале XX в. и советской гражданцы с 1917 г. по настоящее время). Сюда возможно добавить и дополнительное влияние латинского (или любого западноевропейского), греческого (византийского, церковногреческого) алфавитов. Касательно последнего можно отметить, что в истории греческого языка есть два термина для наименования азбуки-алфавита – это древняя классическая совокупность *τα στοιχεῖα* (500 – 350 гг. до н. э.) и позднейшее образование *τὸ ἀλφάβητον* [Славятинская 2003: 21]. Эти термины так же, как и в русской истории письма *азбука* и *алфавит*, заставляют по-новому взглянуть на проблему разграничения соответствующих типов фразеологизмов, знаменуют разные вехи восприятия письменной культуры носителями литературного языка.

Анализ содержания ФЕ русского языка (в исторической ретроспективе до X – XI вв.) позволяет обратить внимание на азбуку, алфавит как на словообразовательный источник. Необходимо отметить, что при формировании новых единиц учитывались не только названия, но и графический образ письменных знаков [Саблина 2000; Савельева 1994: 67]. Последний аспект практически не был учтён исследователями.

Очевидно, что появилась возможность основательно разделить понятия *русский алфавётный* и *русский (славянский) азбучный* фразеологизм, дабы внести ясность в понимание разных, но исторически взаимосвязанных непрерывным течением языкового времени констант русской культуры. Итак, русский алфавётный фразеологизм – фразеологическая единица языка, т. е. семантически слитная, устойчивая совокупность, состоящая из слов (предложений), не производимая в соответствии с общими закономерностями выбора и расположения слов при рождении высказывания в отличие от сходных по форме синтаксических структур, а воспроизводимая в речи в устойчивом соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава, в

которую обязательно входит наименование буквы из русского алфавита XX в., в коем имена букв десемантизированы и односложны по примеру латинского алфавита-алфавётума. Напротив, азбучный славянский или русский фразеологизм – это фразеологическая единица языка, т. е. семантически слитная, устойчивая совокупность... [см. предыдущее определение], в которую входит наименование буквы из старославянской, церковнославянской, древнерусской или старорусской азбуки, где имена букв имеют словесную форму, семантику, хотя бы и скрытую, имеют возможный образ и обеспечивают этим образом фразеологизм. Примечательно, что графическая форма, первоначальный или позднейший образ старославянской буквы дали мощный творческий импульс художественным ассоциациям, порождающим выразительную и ёмкую фразеологию. Однако после реформы русского письма (в частности алфавита и графики) в 1917 – 1918 гг. и строгого запрета со стороны государственной власти на преподавание старославянского и церковнославянского языков в школах имена кириллических букв исчезли из общего употребления и стали восприниматься носителями современного русского языка как архаизмы.

Литература

- Будейко, В. Э. Русские алфавитные фразеологизмы: лингвокультурный аспект фразеологии / В. Э. Будейко // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 407 – 410.
- Головин, Б. Н. Введение в языкознание : учеб. пособие для студ. филол. спец-тей педвузов / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1983.
- Иванова, В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография : учеб. пособие / В. Ф. Иванова. – М. : Просвещение, 1976.
- Саблина, Н. П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты / Н. П. Саблина. – СПб. : Ижица, 2000.
- Савельева, Л. В. Истоки и загадки нашей азбуки / Л. В. Савельева // Русская речь. – 1994. – № 5. – С. 67 – 74.
- Савельева [http: Савельева, Л. В. Славянская азбука – Благая весть от Кирилла / Л. В. Савельева // Соотечественники в США \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа : <http://www.compatriotsru.com/russian/sobytiya/lokalnye-sobytiya/slavjanskaja-azbuka---blagaja-vest-ot-kirilla?layout=flat>. – Заглавие с экрана.](http://www.compatriotsru.com/russian/sobytiya/lokalnye-sobytiya/slavjanskaja-azbuka---blagaja-vest-ot-kirilla?layout=flat)
- Славятинская, М. Н. Учебник древнегреческого языка / М. Н. Славятинская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Филоматис, 2003.

Х. Вальтер

Грайфсвальдский университет им. Э. М. Арндта

РУССКАЯ СЛАДКАЯ ПАРОЧКА И НЕМЕЦКАЯ ХОЛОДНАЯ СОБАКА

Всем известен неутомимый интерес Светланы Григорьевны Шулежковой к крылатым словам и выражениям русского языка, да и не только русского. Диапазон таких оборотов весьма широк: от высказываний двух князей Владимирова – Красное Солнышко и Мономаха – до новейших эпитонимов типа путинского *мочить в сортире* или рекламного *сладкая парочка*. Кстати, именно последнее крылатое выражение стало объектом инновативного, как сказал бы

президент России, анализа, где наш Юбилар не только продемонстрировала блестящие знания рекламных роликов, но и глубокую осведомлённость в качестве рекламируемых товаров [Шулежкова 2001].

Что же такое *сладкая парочка*?

Нусскому обывателю это выражение, конечно, напоминает о сладкой конфете «Твикс». Но Юбилар даёт этому выражению точную дефиницию, указывая на его последовательно ироническую окраску: «1. Назв. плиток шоколада «Твикс», упакованных попарно. 2. О неразлучной паре (супругов, влюблённых). 3. О паре деловых партнёров (компаний, друзей), чья деятельность или способ существования нередко оцениваются *ирон.*» [БСКСиВ 2009: 360].

Известно, что уже давно у Светланы Григорьевны на Украине есть последовательница и единомышленница по крылатологии, ставшая её неразлучной научной эптонимической соратницей, – Л. П. Дядечко. В её словаре не повторяется ни один контекст с оборотом *сладкая парочка*, но зато число дефиниций к нему точно совпадает с их числом в БСКСиВ. При этом определения формулируются иначе: «1. О влюблённых. 2. О преуспевающих партнерах. 3. О двух восхитительных, желанных предметах (*перен.*)» [Дядечко 2003: 28]. Как видим, последнее значение выделено Л. П. Дядечко особо.

Несколько иначе в названных словарях рассматривается и происхождение данного оборота. В них русское выражение возводится к телерекламе шоколадных батончиков «Твикс» (с 1993 г.), одна упаковка которых содержит две одинаковые плитки – *сладкую парочку*. Л. П. Дядечко также указывает, что этот оборот восходит к названию в российском прокате американской романтической комедии (реж. Р. Маркарелли, 1992). Поскольку дата выпуска фильма предшествует первой «рекламной» фиксации (1993), он, по-видимому, и является источником оборота. Словари крылатых русских выражений фиксируют оборот лишь спустя четыре года и позднее [Душенко 1997: 445; БСКС 2000: 456; Грушко 2000: 427; Шулежкова 2003: 292; РПСКС 2003: 522; Дядечко 2003: 28; БМС 2007: 517]. Хронология подсказывает, что выражение, возможно, является калькой с английского.

Обилие оригинальных контекстов в словарях С. Г. Шулежковой (с соавторами) и Л. П. Дядечко даёт возможность, как кажется, более детализировано распределить семантику и функциональные характеристики оборота *сладкая парочка*. Понятно, что сам словарный жанр не позволил это сделать авторам двух названных замечательных собраний русской эптонимии. Попробуем это сделать, опираясь на яркие уникальные контексты, найденные С. Г. Шулежковой и её соратницей по крылатике.

Можно, как кажется, выделить не три значения этого эптонима, а 10, хотя – оговоримся сразу – некоторые из них имеют скорее качество оттенков (см. и [Николаева 2005; 2006]). Представим предлагаемую семантическую матрицу:

1. *Гастрономическое значение*: А голландцы пришли в восторг, когда узнали, что у нас на телеэкране непрерывно пляшут *сладкие парочки* «твиксов», льются густые реки шоколада «Марс», кошки поедают «Вискас» и регулярно появляется счастливый юноша со сникерсом в руке и победным криком

«*Satisfaction!*». М. Денисова. Аромат альпийской розы. Изв., 13.05.94. [БСКСиВ 2009: 360].

Оттенком к этому значению можно считать употребление оборота в рекламе в ироническом контексте с коннотациями «буржуазного образа жизни»: *Ирония и парадокс в том, что «марсы» и «сникерсы», «вискас» и прочие «сладкие парочки», сделавшие эту корпорацию знаменитой на весь мир, делающие ей ежегодно двенадцатимиллиардный оборот – долларовый, естественно, – воспринимаются некоторыми нашими политиками <...> как некий символ экономического империализма, который продукция трёх ступинских «оборонок» призвана была сдерживать... А. Шальнев. «Марс» и Ступино – *сладкая парочка*. Изв., 9.04.94. [БСКСиВ 2009: 360].*

2. Пара поп-звёзд в кино, театре, шоу-бизнесе и т. п.: *Перед банкетом был концерт «нанайцев», на который – не без стараний Федосеевой-Шукиной, по-прежнему составляющей с Алибасовым «сладкую парочку», – съехалась весь бомонд. А. Барабаш. Жизнь в Сочи интереснее любого кино. КП, 13.06.96. [БСКСиВ 2009: 360]; Если судить по вниманию прессы, то «сладкая парочка» Сташевский – Ветлицкая ни в чём не уступает другой звездной паре – Пугачёвой и Киркорову. АиФ, 35/94. [Дядечко 2003: 28]; Недолго длилась идиллия американской кинодивы, 38-летней Шэрон Стоун с 44-летним французским миллионером, одним из руководителей джинсовой компании «Гесс» Мишелем Бенасром. А виной всему, как сообщает американский журнал «Нэйшнл инкуайрер», принципиальные разногласия «сладкой парочки» в вопросах питания и диеты. Р. Габдуллин. Основной инстинкт Шэрон Стоун. КП, 12.11.96. [БСКСиВ 2009: 360]; *Сладкая парочка* – Уитни Хьюстон и её муж Бобби Браун – прибыла в пятницу в Петербург за два дня до концерта в Ледовом. Р. Кравцов, А. Сирота. Уитни Хьюстон ждёт ребёнка. КП, 10.02.2004. [Там же]; Убирайся вон! Нет, вернись... *Сладкая парочка*: Дон Джонсон и Мелани Гриффит • - ВуВ 21.06.95, с. 14. [Дядечко 2003: 28-29].*

3. О паре влюблённых: «Клетка для безумцев-2» (Франция, 1980) • Продолжение приключений двух любовников, которые становятся чем старше, тем капризней. Ситуация требует от «сладкой парочки» проявления настоящих мужских качеств... – анонс кинокомедии [Дядечко 2003: 29].

4. О двух друзьях, компаньонах, товарищах или сообщниках: «*Сладкая парочка*» № 1: Николаич и Имраныч. Подпись под фотографией, на которой сняты президент России Ельцин и спикер парламента Хасбулатов. Соб., № 11-12, 1994. [БСКСиВ 2009: 360]; Орудовали напарники (мнимый инспектор налоговой инспекции, обиравший предпринимателей, и его сообщница, длинноногая красотка) с размахом, но в городах не показывались, предпочитая сельскую глушь <...> Однажды «сладкая парочка» умудрилась «снять навар» с... миллионера, явившегося в магазин заступаться за предпринимателя-родственника. АиФ, № 4, 2000. [Там же]; Преступниками оказывается «сладкая парочка» маньяков – мужчина и женщина – анонс к/ф «Детектив Нэши Бриджес» // Телепрограмма [К.], 11/2001, с. 15. [Дядечко 2003: 29]. Иногда значение оборота *сладкая парочка* 'о двух друзьях, компаньонах, товарищах или сообщниках' рождает коллективное прозвище, см. [Вальтер 2007: 420].

5. О двух мирно и дружно уживающихся животных: *Первое время мопсы мирно спали бок о бок на диване, вызывая умиление у всех, кто видел сладкую парочку*. Д. Донцова. *Прогноз гадостей на завтра*, 2002, с. 129. [Дядечко 2003: 28].

6. О сотрудничающих компаниях: «Марс» и Ступино – *сладкая парочка* [В тексте:] Крупнейшая американская компания создаст своё мощное производство в Подмоскowie. Наверное, есть некая ирония и парадокс в том, что «Марс Инкорпорейтед» решил обосноваться именно в Ступино. Городок этот, в ста с лишним километрах от Москвы, ещё совсем недавно был закрытым: минимум три «Ящика», занятых выпуском оборонной продукции. Статья А. Шальнева. Изв., 9.04.94. [БСКСиВ 2009: 360].

7. Об артефактах: «Сладкая парочка» для Леонида Брежнева • – Рос. газета 5.06.96 [о двух револьверах, сделанных специально для Л. Брежнева] [Дядечко 2003: 29].

8. О тесно связанных друг с другом событиях: *Удача и беда ходят рядом с Егоровым сладкой парочкой*. В дни затишья в сводном батальоне дивизии произошло ЧП. По большому счёту, Аркадий Борисович ни при чём. Могу «сдать» начальству других. Не «сдал». Поэтому заплатил. Армейская аксиома: командиру и первая чарка, и первая палка. А. Хохлов. *Вся жизнь – атака. Без прикрытия*. КП, 30.04.96. [БСКСиВ 2009: 360].

9. В функции заголовка: *Сладкая парочка* – Назв. статьи Н. Ивановой // *Знамя*, 5/94 [Дядечко 2003: 28]; «Сладкая парочка» – Россия и Турция • – *Сегодня*, 17.08.94 [о сотрудничестве в сахарной промышленности] [Там же]; *Сладкая парочка?* – *Speed-инфо*, 5/97 [Там же: 29].

Как видим, недавний рекламный ролик на наших глазах претерпевает все стадии фразеологизации и превращается в яркую экспрессивную русскую идиому. И эти стадии легко прослеживаются благодаря со вкусом отобранному С. Г. Шулежковой материалу.

Читатель нашей статьи имеет право спросить: *А какое отношение сладкая парочка имеет к немецкой холодной собаке?* Как ни странно – самое прямое. Правда, лишь на денотативном уровне. Как увидим, немецкий оборот обозначает именно сладкое калорийно печенье, весьма популярное в Германии. Любопытно, что контекст, записанный нашим Юбилером, даёт возможность прямо соединить русский и немецкий обороты: *За последние 30 лет лица десятков известных политиков, бизнесменов и деятелей культуры пострадали от «сладких бомб» – тортов с кремом. Сейчас на Западе действует несколько групп идейных тортометателей, которые считают своими духовными лидерами бельгийца Нозля Година и американца Эрона Кэя. Ещё в начале 1970-х годов эта сладкая парочка создала учение «комического терроризма» под девизом: «Всё вокруг нас ужасно, давайте делать это смешным!» М. Токарев. На Западе предпочитают «сладкие бомбы». КП, 23.03.2000. [БСКСиВ 2009: 360]. Именно торт – точнее, вид сухого сладкого торта, состоящего из слоёв печенья и шоколада, – и обозначается немецким оборотом *kalter Hund* («холодная собака»).*

Такой вид торта очень популярен в Германии и служит своего рода брендом на детских праздниках. Его готовят из горячего жидкого шоколада,

который вливается в специальную продолговатую форму. При этом всегда на слой шоколада кладётся слой печенья. Когда шоколад остывает, торт можно нарезать продольно и есть кусочками. Первый такой торт был изготовлен в 1913 г. фирмой «Бальзен» (Bahlsen). Его называли «Шоколадный торт из лейбницкого печенья» (Schokoladenkuchen aus Leibnitzkekse). Вероятно, торты такой формы уже были известны и ранее, о чём свидетельствуют их народные названия, напр.: *kalter Hund* («холодная собака»), *kalte Schnauze* («холодная морда»), *Kellerkuchen* («подвальное печенье»), *Lukullus* («Лукулл») и даже *kalte Oma* («холодная бабушка»). Самым распространённым названием, однако, остаётся *kalter Hund*. Ср.: “*Flotte Lotte – Kalter Hund. In der Küche geht es rund! Geschmackvolle Gedichte von Regina Schwarz trefflich ins Bild gesetzt von Egbert Herfurth*”. Edition buntehund, Regensburg 2010 (Freilichtmuseum am Kiekeberg: Zeitreise in der kalten Jahreszeit. Heißer Punsch und **Kalter Hund**) Приглашение на выставку народного творчества. Rosengarten-Ehestorf. 4.12.2007; *Liebe Christa, – ich wollte Dir nur sagen, daß ich sehr, sehr froh war, weil Du gekommen bist. Und Dank für’s Hühnerbein und den kalten Hund und die “Clique”. Ein schreckliches Buch (vielmehr: ein schreckliches Land)* (письмо писательницы Б. Райманн писательнице К. Вольф, 22.04.1970).

Обычно носители немецкого языка прямо связывают название торта с животным, буквально понимая его как «холодная собака». И действительно: этот торт должен храниться в прохладном месте сразу же после приготовления. Однако такое восприятие объясняет лишь первую половину наименования: почему *собачий* торт *холодный*. Неясно, тем не менее, как он связан с домашним животным.

По другой версии, словосочетание связано с тем, что у здоровых собак обычно холодный нос. Но тогда возникает вопрос: какое отношение собачий нос имеет к печенью? Третья версия связывает наименование торта с его приготовлением: для того чтобы шоколад был и не слишком твёрдым, и не слишком мягким, в него добавляется кокосовое масло. У человека, который ест такой шоколад, на языке якобы возникает ощущение холода, подобное тому, которое остаётся после так называемых «замороженных конфет» (Eiskonfekt). Но и здесь остаётся непонятным отношение наименования *kalter Hund* и к собаке, и к её морде.

В чём же здесь собака зарыта?

Как кажется, ошибочно при объяснении этого словосочетания исходить из прямого, анималистического значения слова *Hund*. Это скорее всего народно-этимологические толкования. В основу оборота, пожалуй, положено специализированное, терминологическое и переносное значение слова *Hund* – точнее, *Hunt*. Уже словарь братьев Гримм фиксирует для этого слова, кроме его основного значения ‘шахтная вагонетка’, и переносные, одно из которых – ‘длинный ящик для перевозки грузов’. Именно в ящике такой формы и готовится интересующий нас шоколадный торт. Его обычно хранят в прохладном месте, что объясняет связь холода и *Hunt*’а. Фонетически, как видим, слова *Hund* и *Hunt* – омонимы. Развитие значения здесь шло по линии ‘шахтная вагонетка’ → ‘длинный ящик для перевозки грузов’ → ‘форма для изготовления

торта' → 'название торта'. Семантический круг замкнулся, и стало очевидно, что прямого отношения к живой собаке название торта не имеет. Тем не менее, какая-то часть настоящей собаки в нём всё же зарыта уже потому, что любители полакомиться таким тортом постоянно «оживляют» в своём сознании собаку с холодным носом. Неслучайно вторым названием на упаковке значится «Холодная морда» – «Kalte Schnauze». И даже сегодняшние владельцы фирмы «Бальзен» уже не могут объяснить происхождения их популярного бренда.

Происхождение же русской *сладкой парочки* уже давно и убедительно раскрыла С. Г. Шулежкова в своём докладе, специально посвящённом этому выражению [2002]. Историю немецкого оборота мы и посвящаем Юбилею. Надеемся, что скоро и немецкое *kalter Hund* обрестёт такими же богатыми коннотациями, как и русское *сладкая парочка*, и станет фразеологическим символом не только сладости, но и любви, дружбы и товарищества.

Литература

- БМС 2007: Бирих, А. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2007.
- БСКС 2000: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 ед. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: Изд-во «Русские словари»; ООО «Изд-во Астрель»; «Изд-во АСТ», 2000.
- БСКСиВ 2009: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2.
- Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2007.
- Вепрева, И. Т. Шоколад как актуальное слово в современном российском контексте / Т. И. Вепрева // Nomen est Nomen est omen. Zeichen und An-Zeichen in den slawischen Sprachen. Festschrift für Manfred Niemeyer zum 60. Geburtstag. Hrsg. v. H. Walter / red. H. Walter, T. Menzel. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2007. – S. 76 – 79.
- Грушко, Е. Современные крылатые слова и выражения / Е. Грушко, Ю. Медведев. – М.: Рольф, 2000.
- Душенко, К. В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка / К. В. Душенко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Дядечко, Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крылаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие: в 4 ч. – Киев: Видавничий дім «Комп'ютерпрес», 2003. – Ч. 4.
- Николаева, Е. К. Фразеологический аспект современной российской рекламы / Е. К. Николаева // Вестник фак. рус. яз. и лит. Ун-та китайской культуры: материалы 5-й Междунар. конф. – Тайбэй, 2006. – Вып. 9. – С. 65 – 71.
- Николаева, Е. К. Фразеология рекламы / Е. К. Николаева // Frazeologické štúdie. IV. – Bratislava, 2005. – S. 258 – 263.
- РПСКС 2003: Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W. M. Mokienko, S. G. Szuleżkova. – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Шулежкова, С. Г. От *сладкой жизни* к *сладкой парочке* (крылатые выражения-неологизмы с компонентом *сладкий* в современном русском языке) / С. Г. Шулежкова // Nowaja frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas – VI: materiały VI M.-n. konf. nauk. – Szczecin; Greifswald, 2002. – S. 328 – 333.
- Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М.: «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

Т. В. Варлакова
Омская академия МВД России

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МНОГОЧЛЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В исследованиях, посвящённых проблемам лексикографирования библеизмов, отмечается небольшая представленность в толковых и фразеологических словарях фразеологических единиц (ФЕ) библейского происхождения, в том числе относящихся к корпусу многочисленных фразеологических омонимов (см., напр., [Арапов 2009: 268-269; Гневэк 2009: 57]).

В нашей картотеке содержатся омонимы *лицом к лицу* 1, 2, 3, имеющие библейское происхождение. Этимологическая справка о ФЕ *лицом к лицу* дана в словаре «Фразеологизмы в русской речи»: «Выражение восходит к Библии, где встречается несколько раз: «И говорил Господь с Моисеем **лицом к лицу**, как бы говорил кто с другом своим» (Исх. 33: 11); «И не было более в Израиле пророка такого, как Моисей, которого Господь знал **лицом к лицу**» (Втор. 34: 10); «Я видел бога **лицом к лицу**» (Быт. 32: 30) [Мелерович 1997: 372]. По данным нашего исследования, качественно-обстоятельственные фразеологизмы *лицом к лицу*¹ (1) 'близко, наедине', 2) 'искренне, доверительно', 3) 'в непосредственной близости, вплотную') и *лицом к лицу*² ('один на один, открыто противостоя') омонимичны призначному *лицом к лицу*³ в значении 'близкий'.

Рассмотрим семантическую структуру фразеологических омонимов качественно-обстоятельственной семантики. Субкатегориальное значение у них одинаковое: оба омонима обозначают признак действия. Фразеологизм *лицом к лицу*¹ в значениях 1) 'близко, наедине', 2) 'искренне, доверительно' входит в семантическую группу характера действия; в значении 3) 'в непосредственной близости, вплотную' – в семантическую группу способа действия. Дифференциальные семы первых двух значений ФЕ – 'доверительные, искренние отношения', третьего – 'непосредственная близость положения предметов в пространстве'. ФЕ *лицом к лицу*² 'один на один, открыто противостоя' в своей семантической структуре содержит интегральную сему 'способ действия', дифференциальные семы 'открытая враждебность', 'противоборство'. Фразеологизм призначной семантики относится к субкатегории «признак, свойства лица или предмета», к семантической группе «свойство, качество предмета», включает в семантическую структуру дифференциальные семы 'небольшое расстояние', 'непосредственное общение'. Призначный морфологически неизменяемый фразеологический омоним *лицом к лицу*³ является компонентом субстантивных словосочетаний, в предложении выступает в роли несогласованного определения. Приведём примеры употребления исследуемых ФЕ.

*Лицом к лицу*¹: *Выскочив у крыльца из коляски, я почувствовал себя точно перед пропастью – как вступить в этот дом, вновь увидеть её **лицом к лицу** после трёх лет разлуки и уже вдовой матерью!* (И. Бунин); *Предание гово-*

рит, что будто некоторым чёрт являлся в виде будущего жениха, **лицом к лицу**, в 12 часов дня и останавливался на той стороне, которая была замечена с призыванием его имени (Календарь для женщин 2007 г.).

Лицом к лицу²: Беспомощное одиночество и унылая праздность – вот два врага, с которыми она [Арина Петровна – Т. В.] очутилась **лицом к лицу** и с которыми отныне обязывалась коротать свою старость (М. Салтыков-Щедрин); Вернувшиеся из Испании, где встречались со смертью **лицом к лицу**, они [лётчики – Т. В.] проясняли возникающие недоразумения с теми решимостью и бескомпромиссностью, с которыми ещё совсем недавно воевали (Третья столица, № 40, 2000 г.).

Лицом к лицу³: Встреча **лицом к лицу** принесла мало радости хозяину и квартирному хозяину (В. Малышев); Пастухову хотелось избежать этого разговора **лицом к лицу** (И. Литвинов).

Библейское происхождение имеют омонимичные ФЕ *слава богу* (*Богу*) (*тебе (те)* / *Тебе, Господи (господи)*)¹ ('хорош, благополучен'; 'здоров' – призначный); *слава богу (Богу)*² ('хорошо, благополучно' – качественно-обстоятельственный); *слава богу (Богу) (тебе (те))* / *Тебе, Господи (господи)*³ ('выражение удовлетворения, радости по поводу чего-либо' – модальный). Приведём примеры, позволяющие получить представление о функционировании данных ФЕ.

Слава богу (Богу) (тебе (те)) / **Тебе, Господи (господи)**¹: У нас теперь дом, покой, всё **слава богу**, – а ты бросишь всё да в подёшники... (Г. Успенский); – Дети у нас **слава Богу**, – сказал Шпрехт (Г. Щербакова); Ободрал руки, вконец дорвал многострадальные кюлоты, да ещё и прыгнул прямо в лужу, но главное – руки-ноги не переломал, и то **слава Тебе, Господи** (Б. Акунин); (Арист.) А ты здорова ли, мой друг? (Эльмира.) Я **слава богу** (А. Грибоедов); – В трапезах не хожу, и то **слава те господи!** (М. Салтыков-Щедрин);

Слава богу (Богу)²: – Что мы! Наше дело тьфу! Вы как поживаете? – **Слава богу** (Г. Успенский); Дела идут **слава Богу** (Т. Волкова);

Слава богу (Богу) (тебе (те)) / **Тебе, Господи (господи)**³: – Да и хозяйствовать-то, **слава богу**, уже не над чем (И. Бунин); Империя, **слава тебе Господи**, большая, дураков много, богатых городов хватает (Б. Акунин); И каждый день он [пескарь – Т. В.], дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: **слава тебе, господи! жив!** (М. Салтыков-Щедрин).

Фразеологизм *слава богу* в значении 'здоров' употребляется при подлежащем-существительном, которое называет человека, или личном местоимении, характеризует физическое состояние лица. В значении 'благополучен, хорош, в нормальном состоянии' ФЕ употребляется при подлежащем-неодушевлённом существительном (*площадь, дела, жизнь* и т. д.) или местоимении в значении обобщённого предмета (*всё*). Сочетаемость ФЕ обусловлена набором сем в структуре их значений. Таким образом, в особенностях сочетаемости проявляются семантические свойства призначных ФЕ. Семантическое развитие идёт по пути увеличения обобщённости значения полисемичной единицы. Как следствие, расширяются функциональные возможности фразеоло-

гизма. Так, ФЕ *слава богу* лишь в своём наиболее абстрактном значении 'благополучен, хорош, в нормальном состоянии' может быть сказуемым в безличном предложении в дополнение к уже названным синтаксическим функциям. Безличные предложения такого типа могут передавать значения, приближающиеся к отвлечённым модальным значениям: – *Ещё **слава богу**, что только засалился, нужно благодарить, что не отломал совсем боков* (Н. Гоголь); – ***Слава богу**, что с тобой ничего не случилось* (Б. Акунин).

Важным фактором формирования фразеологического значения и его речевой реализации выступает внутренняя форма ФЕ. Восстановить процесс создания внутренней формы, мотивировавшей когда-то фразеологические значения, помогает анализ тождественных по составу свободных словосочетаний и предложений. Церковное каноническое выражение *слава Богу* представляет собой определённую формулу, в которой воздаётся слава, хвала Богу: ... *А потом протяжно, осторожно, чуть слышно начинается как бы отдалённое, предрасветное: «**Слава** в вышних **богу** – и на земли мир – в человецех благоволение...*» (И. Бунин); *А затем **богу слава** и разглагольствованию моему конец* (М. Салтыков-Щедрин).

Различия в графическом оформлении слова *Бог* / *бог* являются следствием существовавшего с 1918 г. запрета на написание таких слов с прописной буквы, который был одной из форм антирелигиозной политики. В настоящее время он отменён. Однако даже в словарях, изданных после перестройки, отмечается отсутствие единого подхода в написании слов, связанных с религией. Так, в «Русском синонимическом словаре» лексемы *Бог, Господи, Иисус, Христос, Люцифер* даны с прописной буквы, а *богородица, спаситель, пречистая дева, мать, чёрт* – со строчной [РСС 2006]. В нашей картотеке содержатся примеры использования ФЕ с компонентами *Бог* / *бог, Господи* / *господи*, которые употребляются и с заглавной, и со строчной буквы: *Ещё будучи ребенком, она [Аннинька – Т. В.] горько плакала, когда батюшка произносил: «И сплетие венец из терния, возложивши на главу его, и трость в десницу его», – и всхлипывающим дискантиком подпевала дьячку: «Слава долготерпению твоему, **господи!** слава тебе!»* (М. Салтыков-Щедрин); – *В трапезах не хожу, и то слава те **господи!*** (М. Салтыков-Щедрин); *Империя, слава тебе **Господи**, большая, дураков много, богатых городов хватает* (Б. Акунин).

Анализ семантической структуры и функциональных свойств многочисленных фразеологических омонимов библейского происхождения показывает, что такие ФЕ, хотя и развили светское значение, сохраняют связь со своим первоисточником. Данная связь может проявляться через актуализацию внутренней формы фразеологизма в определенных контекстных условиях. Процессы омонимизации, образование формально тождественных, но различных по своим значениям ФЕ, восходящих к библейским текстам, – проявление постоянной эволюции языковой системы. Особенности семантики и функционирования исследуемых омонимов демонстрируют богатый потенциал, которым обладают ФЕ библейского происхождения.

Литература

Арапов, О. А. Библеизмы в языке духовного фольклора и их лексикографическое описание / О. А. Арапов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – Вып. II. – С. 267 – 270.

Гневэк, О. В. Изменение семантики лексемы *бог* (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) / О. В. Гневэк // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – Вып. II. – С. 56 – 61.

Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи : слов. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Изд-во «Русские словари», 1997.

РСС 1996: Горбачевич, К. С. Русский синонимический словарь / К. С. Горбачевич. – СПб. : ИЛИТАН, 1996.

Т. А. Воронцова

Удмуртский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РИТОРИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Учебники риторики, в которых сегодня нет недостатка, обычно не рассматривают специфику использования тех или иных языковых средств в ораторской речи, уделяя основное внимание тропам и фигурам. Между тем, сделать риторический отбор языковых средств – это не значит просто найти «правильные» слова для выражения своих мыслей. В риторическом произведении выбор и организация языковых средств всегда обусловлены аудиторией, предметом речи, жанром, статусом оратора по отношению к аудитории и речевой ситуацией. При этом языковые и речевые средства в ораторской речи призваны решать задачу воздействия на аудиторию. Речевое воздействие осуществляется в первую очередь при помощи лексических средств, к которым традиционно относят и фразеологизмы.

Фразеологизм в риторическом произведении, как правило, «продукт штучный». Это обусловлено двумя причинами.

Во-первых, восприятие фразеологизма в риторическом (устном) произведении существенно отличается от восприятия фразеологизма в письменной речи. Как известно, смысл фразеологизма не равен сумме смыслов составляющих его элементов, поэтому для того, чтобы понять высказывание, которое включает в себя фразеологизм, слушатели должны точно знать смысл этого фразеологизма. Как отмечает Л. Г. Золотых, «в процессе восприятия фраземы актуализируются речевые стереотипы, этноязыковое сознание коммуникантов, их фоновые знания <...> Существенная зависимость фразеологического смысла от контекста, выбор автором необходимой позиции в высказывании, конкретное фразеологическое окружение – основные причины, обуславливающие понимание фраземы читателем» [Золотых 2008: 38]. Как видим, восприятие фразеологизма обеспечивается целым «набором» когнитивных операций. Вместе с тем динамический характер устной монологической речи требует от адресата быстрой семантической идентификации данной языковой единицы. Именно поэтому не всякий фразеологизм может быть воспринят «на слух». Следовательно, пере-

груженность риторического произведения фразеологическими оборотами существенно снижает возможность адекватного восприятия текста адресатом.

Во-вторых, фразеологизм риторически маркирован лишь тогда, когда обладает функционально-стилистической и/или эмоционально-экспрессивной коннотацией. А перегруженность риторического текста иноstileвыми или экспрессивными языковыми и речевыми средствами не способствует эффективности коммуникации.

Следовательно, для того чтобы фразеологизм «работал» в риторическом произведении как средство речевого воздействия, он должен быть, во-первых, понятен, во-вторых, замечен в риторическом тексте.

Современный публичный дискурс, как известно, не изобилует образцами ораторского искусства, построенными по всем правилам риторики. В силу исторических причин одной из сфер, сохранивших лучшие риторические традиции, в современной России остается церковь. Публичная речь священнослужителей по всем параметрам выгодно отличается от речи большинства современных ораторов. В этой связи чрезвычайно интересный материал для исследования лингвистических параметров риторического произведения представляют речи Святейшего Патриарха Кирилла, обращённые к светской (гетерогенной) аудитории (выступления перед молодёжью, встречи со студентами, с общественностью и т. п.). Данные выступления представляют собой образцовый публичный дискурс, реализованный средствами публицистического стиля.

В таких риторических произведениях фразеологизмы встречаются достаточно редко. При этом особого внимания заслуживают их стилистические характеристики. Как правило, это разговорные, иногда и просторечные фразеологизмы с негативной эмоционально-экспрессивной окраской. Сам факт использования подобных единиц в данном дискурсе привлекает внимание адресата. Статус адресанта и высокий уровень его речевой компетентности не позволяет предположить, что эти языковые средства употреблены случайно. Анализ использования таких фразеологизмов в различных риторических произведениях главы русской православной церкви позволил выявить ряд закономерностей их употребления.

Выступления Патриарха Кирилла перед светской аудиторией посвящены в основном нравственной проблематике, поэтому в них можно проследить чётко выраженную аксиологическую и, соответственно, оценочную оппозицию: нравственно – безнравственно (хорошо – плохо).

В речах Патриарха Кирилла стилистически сниженные фразеологизмы с негативной эмоционально-экспрессивной окраской чаще всего используются в рамках приёма диалогизации, т. е. служат средством имитации речи оппонента – того, кто с точки зрения адресанта не является носителем нравственных ценностей. Напр.: ... *И если вы слышите из уст пастыря, что нужно дать бой, пойти стенка на стенку, сделать, чтобы мало не показалось, — это самое лучшее свидетельство, что с вами говорит не пастырь* (Речь Патриарха Кирилла на встрече с общественностью Одессы 22 июля 2010 г.).

Фразеологизм *пойти стенка на стенку* зафиксирован словаре с пометой *разг., экспресс.* в значении '(идти) друг на друга группами (сходиться в кулач-

ном бою)» [Фёдоров 1997: 279]. Второй фразеологизм *мало не покажется* (в значении 'будет очень плохо') не зафиксирован в большинстве фразеологических словарей, но его разговорный характер и негативная эмоционально-экспрессивная окраска очевидны. Обратим внимание на то, что в анализируемом риторическом тексте данный фразеологизм употреблён дважды, причём в одинаковой функции: *И мы уже сейчас видим, как построение многокультурного безбожного мира формирует гетто религиозных фанатиков <...> Они говорят: «Мы защищаем свою веру <...> Мы сожжём все ваши автомобили, разобьём витрины, вам мало не покажется»* (Речь Патриарха Кирилла на встрече с общественностью Одессы 22 июля 2010 г.).

Как известно, фразеологизм – это многокомпонентная языковая единица, которая, как правило, обладает таким свойством, как образность. Благодаря этому стилистическая окраска фразеологизма для адресата очевидна в большей степени, чем стилистическая окраска отдельного слова. В рассмотренных выше контекстах с точки зрения речевого воздействия приоритетными являются эмоционально-экспрессивные коннотации фразеологизмов. Данные коннотации позволяют имитировать агрессивность виртуального адресанта высказывания, а, следовательно, подчеркнуть его опасность для адресата. Это, в конечном счёте, способствует формированию нужной оратору ценностной оппозиции в сознании адресата.

Употребление фразеологизмов при имитации речи воображаемого оппонента может быть обусловлено их функционально-стилистическими параметрами. Напр.: *Почему жизнь в соответствии с нравственным законом должна непременно приводить нас к счастью? Может быть, это очередная выдумка или исторический анахронизм? Вот сосед живёт напротив – дом трёхэтажный, машина дорогая – и подлец подлецом! А жена-то у него – ужас! Как говорят, пробу ставить негде, а какая благополучная и счастливая, какая одежда на ней красивая, и я так хочу!* (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодёжью в Санкт-Петербурге 29 мая 2009 г.).

В данном фрагменте реализуется своеобразная модель контраргументации ключевых положений ораторского произведения. Разговорный фразеологизм используется в исследуемом материале как одно из средств стилизации «высказываний» предполагаемого оппонента. Единица *пробу ставить негде* имеет в словаре помету *неодобрительное* и используется для характеристики развратной женщины [Бирих 1998: 474]. Явно разговорная коннотация фразеологизма в сочетании с его негативной семантикой подчёркивает стилистическую сниженность всего высказывания в целом. При этом данный фрагмент стилистически контрастирует с основным текстом, выдержанным в публицистическом (книжном) стиле. Разговорный стиль в данном случае работает на понижение статуса оппонента: такая манера речи характеризует его как незрелого и не слишком образованного человека, что, разумеется, умаляет авторитетность и убедительность его высказывания. При помощи данного стилистического приёма оратор делает предполагаемую контраргументацию несостоятельной уже на этапе предъявления.

Как видим, грамотное использование эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической коннотации фразеологизма делают его эффективным средством речевого воздействия в риторическом произведении.

Литература

Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка) : автореф. дис... д-ра филол. наук / Л. Г. Золотых. – Белгород, 2008.

Фёдоров 1997: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. : в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 2.

С. Вьеллар

Университет Париж-Сорбонна

ПОСТРОЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СБОРНИКАХ ПОСЛОВИЦ А. И. БОГДАНОВА И А. А. БАРСОВА (XVIII ВЕК)

В предисловии к «Большому словарю русских поговорок» авторы пишут, что одной из оригинальных черт этого труда является расположение фразеологических единиц (ФЕ) по принципу так называемых «стержневых слов» [БСРП 2008: 8]. Эта семасиологическая классификация противостоит ономазиологической, которая широко используется авторами словарей пословиц и поговорок. Стержневыми словами авторы БСРП называют слова, которые «концентрируют в себе основной их образный смысл и экспрессивный потенциал» [Там же]. Однако этот подход не так нов, как думают авторы. Ведь в XVIII в. было составлено несколько сборников пословиц, среди которых самыми крупными являются неопубликованный тогда труд Андрея Ивановича Богданова (1692–1766), созданный в 1741 г. [Богданов 1741], и вышедший в 1770 г. анонимный сборник, приписываемый академику Антону Алексеевичу Барсову (1730–1791) [Барсов 1770]. Оба эти издания характеризуются значительным объёмом: книга А. И. Богданова содержит 4996 паремий, а в собрании А. А. Барсова помещены 4292 пословицы и поговорки. Ни А. И. Богданов, ни А. А. Барсов не снабдили свои труды предисловиями, так что паремиологические предпосылки авторов можно определить лишь при внимательном рассмотрении собранного материала.

Морфосинтаксически разнородные ФЕ

Одной из лингвистических характеристик ФЕ является их типология. А. И. Богданов объединяет в одно целое ФЕ разного уровня морфосинтаксической сложности. Он словно изучает способность как отдельных слов, так и целых предложений к «застыванию» и клишированности. Классификация А. И. Богданова опирается на синтаксический принцип и носит новаторский характер. В отличие от А. А. Барсова, А. И. Богданов включает в сборник минимальные синтагмы:

– именные ФЕ: *живая грамотка; задушной друг* и т. п.;

- предикативные адъективные ФЕ: *глуп, как лошадь* [так! – С. В.]; *ласков, как медведь* и т. п.;
- адвербиальные ФЕ: *лучше никуда; ни так, ни сак* и т. п.;
- предложные ФЕ: *в долгий ящик; зуб за зуб* и т. п.;
- союзные ФЕ: *как ленивый осёл; как снег на голову; и то, и другое* и т. п.;
- глагольные ФЕ: *врёт, как лошадь* [так! – С. В.]; *на ладон* [так! – С. В.] *уж дышит* и т. п.;
- фразовые ФЕ: *Экой фофон!; Кто прав, кто виноват?* и т. п.

А. И. Богданова интересует не столько афористический статус фразеологизмов, сколько их лингвистическая структура. Задолго до работ А. А. Шахматова и В. В. Виноградова [Виноградов 1947] А. И. Богданов понял, что фразеологизмы можно классифицировать по формальным признакам. Его классификация выходит за рамки обыкновенной паремиографии, в ней подвергнута парадигматическому анализу совокупность вариаций, входящих в процесс «застывания».

Двойная классификационная проблематика

Этим подходом, наверно, объясняются колебания А. И. Богданова в выборе адекватной классификационной процедуры. Помимо индексации ФЕ по клишированности определённых морфосинтаксических структур, А. И. Богданов использует принцип ключевых слов. Вокруг одного ключевого слова он объединяет несколько ФЕ, ключевые же слова располагает в алфавитном порядке. Напр., вокруг лексемы *конец* сгруппированы следующие устойчивые выражения: *Конец дело венчает; Не смотри на начало, смотри на конец; При конце уже; За конец не держись, держись за середину; Добивайся до конца, а до середины дойдёшь; По конец стола сидит.*

В некоторых фразеологических блоках намечены феномены деривационных корреляций, напр.: *Борода выросла, а ума не принесла; Борода козлу не замена <...> Бородачи все бывают богачи <...> Апостолска борода, чертовской усок.* В этом ряду образуется цепочка деривационных форм *борода / бородач / борода*.

Этот лексикографический подход, основанный на разборе однокоренных слов, далеко не случаен: ведь Богданов принадлежал к коллективу учёных, которые работали над составлением словаря русского языка, который был построен по гнездовому принципу.

Помимо гнездового принципа, А. И. Богданов использует и алфавитный способ организации словарных статей. Такой порядок позволяет составителю дать исчерпывающие списки семио-синтаксических парадигм, основанных на определённых синтаксических матрицах. Рассмотрим несколько примеров подобных матриц:

- союз *Как*, вводящий сравнение без подлежащего: *Как вол тащит; Как вон* [так! надо волк – С. В.] *глядит; Как дермо воняет* [так! – С. В.]; *Как дитя нежится; Как думной дьяк сидит* и т. д.;
- структура *Бывает и на...*, выражающая неожиданное проявление человеческого недостатка: *Бывает и на старуху проруха; Бывает и на деда грех; Бывает и на мудреца простота; Бывает и на мастера хула* и т. д.;

– архетипическая структура многих пословичных изречений *К-(Г-)/м-* (*Как[ов].../так[ов]...; К[то].../м[от]...; Куда.../туда...; Где.../тут [там]...*): *Каков сам, таковы к тебе и люди; Кто не родит, тот и не скорбит; Куда изугнет, туда и братия; Где конь, там и воз.* Такие списки могут содержать по несколько десятков ФЕ.

Некоторые ряды пословиц А. И. Богданов составляет по комбинаторному принципу, практически исчерпывая все варианты, как, напр., в следующей местоимённой парадигме: *Как мне, так и тебе; Как мы, так и вы; Как нам, так и вам; Как тебе, так и мне; Как ты, так и я; Как у вас, так и у нас; Как у нас, так и у вас; Как у нево, так и у меня.* Столь же полно представлена парадигма с подлежащим в женском роде: *Какова она, такова и я; Какова одна, такова и друга; Какова та, такова и сама; Какова та, такова и я; Какова ты, такова и я; Какова я, такова и ты.* Так же подробно описана в сборнике и парадигма с подлежащим в мужском роде: *Каков мой, таков и твой; Каков наш, таков и ваш; Каков он, таков и я; Каков один, таков и другой* и т. п. Интересна парадигма, основанная на семио-синтаксической структуре «*Не на + сущ. + пенять, коли + предложение*, где разоблачается какой-нибудь недостаток». Её можно изобразить в виде таблицы:

Не на	<i>зеркало карты попа рабов сапог</i>	пенять, коли	<i>рожа крива. игрок худ. обедня долга. господин худ. с диною [так! – С. В.].</i>
--------------	---	---------------------	---

Такое расположение встречается в сборниках французских пословиц XVI в. Этот обычай, видимо, был чужд русской паремиографической традиции.

Оригинальный эксперимент

Сборник А. И. Богданова имеет ещё одну отличительную черту: в нём как бы ведётся исследование пределов клишированности. Внимание паремиографа привлекают следующие явления:

- усечение: *Либо сыч, либо сова* (вместо полной ФЕ *Из пустой хорины либо сыч, либо сова*);
- отношения между застыванием и порядком слов: *Зубака я и сам / И сам я зубака*;
- семантический сдвиг составных компонентов изречения: *В городе не без уroda / В роде не без уroda / В семье не без уroda*;
- антонимические отношения: *За лишком всё хорошо / За лишком всё худо.*

Антон Барсов как продолжатель экспериментов Андрея Богданова?

В «Собрании 4291 древних российских пословиц» А. А. Барсова отсутствуют длинные местоимённые парадигмы, столь характерные для сборника А. И. Богданова. Зато А. А. Барсов вводит в своё «Собрание...» списки антонимических пословиц, которых нет у А. И. Богданова. Эти пословицы представляют собой особый тип паремических изречений. А. А. Барсов постарался сгруппировать эти пословицы вокруг двух грамматических структур:

1) «Наш + имя + сказуемое»: *На нашу Настю пришли напасти; Нашева Мины не проймёшь и в три дубины; Наш Демид прямо глядит; Наш Сергунько, не брезгунько; есть пряники и не писанные* и т. п.;

2) «Рад + имя + придаточное дополнительное предложение с союзом *что*»: *Рад Аника, что крома велика; Рад Епифан, что нажил серой кафтан; Рад Илья, что опоросилась свинья; Рад Инат, что мерин горбат* и т. п.

Некоторые паремии оказываются вариантами пословиц, встречающихся в ранних собраниях:

У А. А. Барсова	В ранних сборниках ¹
<i>Наша Татьяна и не евши пьяна</i>	<i>Наша Татьяна и с воды пьяна</i>
<i>Наш Диомка сидит и в потиомках</i> [так! – С. В.]	<i>Едакой Дёмка и с потёмка!</i>
<i>Наш Ериомка</i> [так! – С. В.] <i>не сказался дома</i>	<i>Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома!</i>
<i>Наш Иуда есть и без блюда</i>	<i>Иуда лижет блюдо</i>

А. А. Барсов переоформляет старинные пословицы, как будто подгоняя их под нужную структуру. Поэтому старинную поговорку *Филат тому и рад* он переиначивает: *Наш Филат тому и рад*.

Сборники А. И. Богданова и А. А. Барсова, к сожалению, недооцениваются современными паремиологами, ссылающимися почти исключительно на работу В. Даля как на самое богатое собрание русских пословиц. Однако и А. И. Богданов, и А. А. Барсов оказывались проницательными знатоками русской фразеологии и ресурсов русского языка. Они внесли огромный вклад как в русскую паремиографию, так и в русскую лексикографию. Неслучайно лексикограф Андрей Богданов и академик, профессор красноречия Антон Барсов принадлежали к эпохе, прославившейся выходом в свет первого современного словаря русского языка – «Словаря Академии Российской», – в котором фразеология занимала не последнее место.

Литература

Барсов, А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц / А. А. Барсов. – М.: Печатаны при Имп. Москов. ун-те, 1770.

Богданов 1741: Сборник пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков / изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – С. 65 – 118.

БСРП 2008: В. М. Мокиенко. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – М.: Олма, 2008.

Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // А. А. Шахматов, 1864 – 1920: сб. ст. и материалов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 339 – 364.

Пушкарёв, Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII – XVIII веков / Л. Н. Пушкарёв. – Москва: Наука, 1994.

¹ Эти ФЕ мы цитируем в современной орфографии по [Пушкарёв 1994: 148-159].

СПОСОБЫ ЗАМЕНЫ ОДНОГО ИЛИ НЕСКОЛЬКИХ КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА (НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XII – XVII вв.)

В древнерусских воинских повестях XII – начала XVII вв. нами выявлено 674 устойчивых словесных комплексов (далее УСК), и 88 из них (около 13 %) функционируют с заменой одного или нескольких компонентов. Данный тип варьирования наиболее ярко демонстрирует отличительные признаки устойчивого словесного комплекса по сравнению со словом и свободным сочетанием слов, поскольку является косвенным подтверждением устойчивости УСК, и позволяет более точно определить значение каждой конкретной единицы.

В зависимости от того, в каких отношениях между собой находятся варьированные компоненты вне состава УСК, все выявленные нами единицы с данным типом трансформации можно разделить на несколько групп.

1. УСК, переменные компоненты которых в языке являются синонимами: *черные люди – черные мужики; прѣчистая Богородица – прѣчистая мать (Божия) – прѣнепорочная Богородица; избави Господи – избави Богъ; брань сътворити – бой сътворити – войны творити; имѣти присягу – имѣти клятву* к кому-л. и др. (45 ед.).

Как видно из приведённых примеров, компонент УСК может заменяться не только синонимичным словом, но и синонимичным словосочетанием. При этом, как правило, такие варианты сосуществуют в тексте одного и того же памятника. Вариант УСК, в состав которого входит описательный оборот, обладает высокой стилистической окраской и используется в изображении наиболее эмоциональных сцен, а также в названиях церковных праздников. Например: ... *донеле же захватиша соборную и апостольскую церковь пречистыя богородицы...* («Повесть о избавлении града Устюга...», с. 382); ... *яко возбрани им невидимо некоторая божия сила молитвами пречистыя богородицы...* (Там же, с. 383). Ср.: ... *воскричаще вельми со слезами ко всемилостивому Богу и пречистей его матери...* (Там же, с. 382); *И мнози князи рустии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую мать Божию богородицу* («Пространная летописная повесть о Куликовской битве», с. 128); *И повелѣ мосты мостити ... тое нощи, в канон Пречистыя Божия матери* (Там же, с. 120).

В воинских повестях XII – начала XVII вв. нами выявлено 6 вариантов фразеосхемы (см. термин у В. М. Мокиенко [1980: 9]) со значением ‘начать/начинать бой’: *брань творити – брань сътворити – сътворити брань – войны творити – бой сотворити – бой поставити*. При этом наиболее употребительным на протяжении веков является УСК *брань сътворити/сътворити брань* – 3 из 7-ми употреблений; все остальные варианты зафиксированы нами

по одному разу. Например: Князь великий Георгий Всеволодович Владимирьской сам не пошел и помощь не послал, хотя о собе сам **сотворити брань** з Батыем («Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г.», с. 9); Прииде нѣкоторый **цесарь Темиръ Аксакъ со восточные страны... велику брань створи** («Повесть о Темир Аксаке», с. 230); ... да совокупляшася **брань и сотворят** с противными («Повесть о стоянии на Угре», с. 156). В памятнике XVII в. «Сказание Авраамия Палицына» встречаем вариант *брань творити*: ... богоборъцы, **Сапѣга и Лисовскои... повелѣша... брань творити** (с. 394).

По-видимому, вариант с компонентом *брань* избирался авторами воинских повестей как стилистически более возвышенный, поскольку является по происхождению старославянским. Обращает на себя внимание факт, что в рассматриваемом УСК варьируемый именной компонент ни разу не заменяется словом *сѣча*, которое тоже в древнерусском языке означало ‘бой, битва’. Вероятно, причина кроется в том, что в значении слова *сѣча* ведущей является сема ‘сечь, рубить’, которая конкретизирует тип сражения: «кровавая, продолжительная битва, в ходе которой противники безжалостно секут друг друга холодным оружием». Именно поэтому слово *сѣча* закрепилось в составе УСК *И бысть сѣча велика/зла/ужасна*: ведь одна эта фраза заменяет собой описание целой картины кровопролитного сражения. А в значении существительных *бой, битва, войны* нет конкретизации способа ведения сражения и указания на его длительность; они называют уже совершившийся процесс. Именно поэтому данные существительные образуют УСК с глаголами *творити/сотворити*, а слово *сѣча* – нет.

В воинских повестях, начиная со 2-й половины XIV в., часто употреблялся УСК со значением ‘получать/получить благословение’, который имел следующие варианты: *възяти благословение – благословение полукити – прѣняти благословение – благословение приимати*. Если в памятниках конца XIV – XV вв. чаще всего используется вариант с компонентом *възяти*, то в памятниках XVI – XVII вв. победу одерживают варианты с компонентами *прѣняти* и *приимати*. Вероятно, это произошло потому, что после XV в. усиливается влияние церкви на государственную жизнь. И если глагол *възяти* в составе рассматриваемого УСК является стилистически нейтральным, то глаголы *прѣняти* и *приимати* обладают возвышенной, книжной стилистической окраской. Например: **Прѣмиши же государь благословение от отца своего Антония митрополита...** («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», с. 299); ... **яко таков был бѣше блаженный Прокопий... и благословение от него приимаше князь...** («Повесть о избавлении града Устюга...», с. 383).

Таким образом, при лексическом варьировании УСК в воинских повестях XII – XVII вв. синонимичные компоненты чаще всего отличаются друг от друга стилистической окраской и, в зависимости от целей автора, победу одерживает или стилистически нейтральный, или стилистически возвышенный вариант.

2. УСК, переменные компоненты которых относятся к семантически однородной группе лексики: *живоначалъная Троица – прѣбезначалъная Троица; листы възвѣщательныя – листы възвѣтательныя; мѣчи притупишася – сабли*

притупишася; гремѣть мечьми о шеломи – гремѣти щиты – гремѣти доспѣхи и др. (25 ед.).

Семантическая близость может быть основана

1) на принадлежности к одной тематической группе лексики, например: названия видов оружия и воинских доспехов (*мечи притупишася – сабли притупишася; освѣтити злечеными доспѣхами – злеченымъ шеломомъ посвѣчивати* и др.), названия человеческих желаний и волеизъявлений (*по чьему-л. повелению – по чьему-л. хотению*);

2) на гипо- и гиперонимических отношениях (*оружие повѣргнути – повѣргнути копья; костьми чьими-л. поля насѣяти – трупами чьими-л. поля насѣяти; идти въ путь – поѣхати въ путь; приидѣ въѣсть – промѣчеса въѣсть* и др.);

3) на характеристике различных черт, свойств одного предмета, явления (*святыя мощи – чудотворныя мощи; въ силѣ велицѣ – въ силѣ тяжцѣ; живоначалъная Троица – прѣбезначалъная Троица; гонимъ гнѣвомъ Божиимъ – гонимъ силою Божию и др.*);

4) на назывании однонаправленных действий и процессов (*звѣреть на снѣдение бытии – звѣреть на расхищение быти; животь дати – животь положить; помощь сътворити – помощи подати; възвратитися съ побѣдою – вънидти въ что-л. съ побѣдою; въѣсть послати – въѣсть подати; бити челомъ – ударити челомъ* и др.)

3. УСК, переменные компоненты которых в свободном употреблении имеют очень далѣкие друг от друга значения: *положити съвѣтъ – сътворити съвѣтъ – съвѣщати съвѣтъ; шествие пути творити – шествие пути казати; на память каких-л. святых – на праздникъ каких-л. святых; косати ся пути – пути ся приимати* и др. (6 ед.).

Наличие таких вариантов обусловлено спецификой УСК как языковой единицы. «Обобщенный характер фразеологического употребления слова, уменьшение номинативных функций лексемы и повышение её экспрессивных характеристик» [Мокиенко 1980: 28] приводят к тому, что совершенно разные в свободном употреблении слова могут передавать одну и ту же информацию в составе УСК.

Интересно проследить, как меняется глагольный компонент в составе УСК *свѣтъ (сѣ)творити*, означающего ‘устроить совещание по какому-либо важному вопросу’. До XVII в. данный УСК функционировал с глаголами *(сѣ)творити/свѣщати* в своём составе, и варианты с этими глаголами могут встретиться в одном и том же памятнике в сходных контекстах, т. е. они являются семантически и стилистически равноправными. Например: **Оканный же Мамай, разгордѣвся, мнѣвъ себѣ аки царя, нача злый свѣтъ творити** («Пространная летописная повесть о Куликовской битве», с. 112); **Душегубивый же Олегъ... тѣже свѣтъ свѣща...** (Там же, с. 114). Скорее всего, замена компонента здесь происходит для устранения лексического повтора и повышения стилистического разнообразия.

В дальнейшем в воинских повестях чаще всего встречаются варианты данного УСК тавтологического характера: *сѣвѣтъ(-ы) сѣвѣцати/сѣвѣцати сѣвѣтъ* – вероятно, как более выразительные. Например: *А не вѣдый же, что сѣвѣцаше на него ближній его золь совѣтъ* («Сказание о Мамаевом побоище», с. 209); *Сам же своим другом и сосѣдом ближним мудродруголюбныя совѣты советую...* («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», с. 309).

К началу XVII в. в составе данной фраземы появляется совершенно другой глагол – *положити*. Например: *И положив с польскими и с литовскими людьми совет, их к себе пособием прием...* («Повесть о избавлении града Устюга...», с. 381); *Болярин же и воевода Михайло Александрович и старейшины градские и вси люди совет положиша* (Там же, с. 385). В отличие от своих предшественников – глагольных компонентов *сѣтворити* и *сѣвѣцати* – лексема *положити* имеет более конкретное значение, благодаря ассоциациям с её первым и основным значением ‘поместить в лежачем положении, а также вообще поместить куда-н., расположить где-н.’. Кроме того, в более ранних примерах именной компонент рассматриваемого УСК обычно употребляется вместе с каким-либо оценочным эпитетом (*злый, золь, мудродруголюбныя*), а в памяти начала XVII в. подобные эпитеты отсутствуют.

Таким образом, мы видим, что с течением времени благодаря замене глагольного компонента значение УСК *сѣвѣтъ (сѣ)творити / сѣвѣтъ(-ы) сѣвѣцати (сѣвѣцати сѣвѣтъ) / положити сѣвѣтъ (сѣвѣтъ положити)* утрачивает метафоричность, возвышенность и становится стилистически нейтральным.

Нам удалось выяснить, что в устойчивых словесных комплексах древнерусских воинских повестей XII – начала XVII вв. встречаются разные виды замены одного или нескольких компонентов. Использование того или иного фразеологического варианта может быть продиктовано стилистическими целями, а иногда замена компонента УСК осуществляется постепенно, в течение большого временного промежутка, и она обусловлена переменами в языковой картине мира носителей русского языка.

Источники

Повесть о избавлении града Устюга Великаго от безбожных литвы и от черкас // Труды Отдела Древнерусской Литературы Института русской литературы. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – Т. XVII. – С. 380 – 387.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 298 – 346.

Повесть о разорении Рязани Батием в 1237 г. (Волоколамский список XVI в.) // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – С. 7 – 21.

Повесть о стоянии на Угре // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 290 – 294.

Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси: XIV – сер. XV в. / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 230 – 243.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси: XIV – сер. XV в. / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 112 – 131.

Сказание Авраамия Палицына (главы 7 – 53, отрывки) // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 392 – 411.

Сказание о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 203 – 236.

Литература

Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1980.

С. И. Георгиева

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

ФРАЗЕОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вопрос о межкультурной коммуникации является актуальным в условиях небывалой миграции населения, «мира без границ», когда изучение иностранного языка является жизненно важным для людей, оказавшихся в иноязычной среде. Для того чтобы человек реализовал себя профессионально и не ощущал себя «чужим» в стране, он должен в совершенстве владеть языком, на котором в ней говорят. Общение на иностранном языке вызывает конфликт культур и языков, который ощущается на разных уровнях. Наиболее явно он проявляется в лексике и фразеологии, так как именно эта часть языка имеет прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую действительность. При активном использовании иностранного языка особенно важной становится проблема культурного барьера, культурного компонента, наличия культурных фоновых знаний о мире изучаемого языка.

О том, что во фразеологизмах закодирована культурная информация, которая передаётся из поколения в поколение, написано много научных исследований, и в этом направлении активно работают фразеологические школы многих стран, в том числе Болгарии. Очевидна связь (через образную основу фразеологизмов) между языковой единицей и культурой, историей страны, её географическим расположением, образом жизни людей, национальным характером и т. п. «На прагматическом уровне язык можно выучить и вне культуры, но только на основе одного (т. е. единственного) языка, без культурного фона войти в мир языка просто невозможно» [Пассов 1999: 18]. В исследованиях методистов разных стран доказана необходимость использования фразеологизмов, крылатых слов, афоризмов, пословиц и поговорок в процессе усвоения иностранного языка на всех этапах обучения. Это позволяет не только получить языковые сведения, речевые навыки, но и познакомиться с национально типичными явлениями культуры, т. к. вместе с языком в памяти изучающих его складывается образ народа.

Сопоставительное изучение фразеологических фондов разных языков даёт возможность обнаружить и описать сходства и различия в членении мира, «скрытые» в наивной картине мира следы взаимодействия языка и культуры конкретного народа. Целью подобных исследований должно быть «раскодирование» фраземных знаков и форм презентации ими культурно значимой информации.

Справедливо утверждение лингвистов, которые считают, что не весь «культурноносный слой» языка заключён во фразеологию [Тер-Минасова 2000: 186]. Это так, но именно взгляд на культуру через фразеологию позволяет уловить «дух языка». Оказавшись в иноязычной среде, человек может попасть в неловкое положение: слыша от окружающих вроде бы знакомые слова, он не может их понять, т. к. они используются в составе таких сочетаний, где теряют прямое и приобретают переносное значение. Напр., ср. рус. *от доски до доски* или болг. *от игла до конец* (значение обеих фразеологических единиц (далее ФЕ) – ‘от начала до конца, целиком, полностью /что-л. прочитать, выучить, рассказать и т. п./’). Таких ФЕ в русском и болгарском языках много, их дословный перевод звучит фальшиво, непонятно, неуместно, а иногда и анекдотично. Здесь нужно знать, в какой ситуации носители языка употребляют данное выражение.

В основе межкультурной коммуникации лежит понимание языковых единиц: без этого общение невозможно. Трудности коммуникации на уровне фразеологии связаны со спецификой ФЕ.

1. Двуплановость ФЕ, имеющей омонимическое свободное словосочетание на межъязыковом уровне. В таких случаях наблюдаются различия и в коннотациях. Двуплановость может создавать нелепые ситуации, напр., рус. ФЕ *дать по шапке* означает ‘наказать кого-л.’, а не ‘подарить шапки’, ФЕ *приказать долго жить* – ‘умереть’, а не ‘отдать приказ’, ФЕ *не все дома у кого* – ‘о том, кто не совсем нормален’, а не ‘отсутствует кто-л. из членов семьи’ и др.

2. Различия культурных представлений народов. Представитель каждого этноса в стандартных ситуациях общения реализует конкретный стереотип этнического речевого общения. ФЕ является устойчивой социокультурно маркированной локальной ассоциацией с такой ситуацией и нормативно-социокультурной единицей речевого общения. Напр., характеризуя человека, не желающего говорить о чём-л. прямо, русские употребляют ФЕ *ходить вокруг да около*, а болгары – *въртя и суча* (букв. *верчу и завиваю*); чтобы подчеркнуть своё превосходство, русские используют ФЕ *утереть кому-либо нос*, а болгары – *затъкна на пояса си някого* (букв. *заткнуть за пояс*) или *сложи го в малкото си джобче* (букв. *засунуть кого-л. в маленький карман*); приказывая запомнить что-л., русские скажут *заруби себе на носу*, а болгары – *сложи си обища на ухото* (букв. *надень серёгу на ухо*) и др.

Иногда ФЕ выражает более высокую оценку качества по сравнению с синонимичным ему словом. Ср. *удивляться* – рус. *глаза на лоб лезут у кого* и болг. *изхвъркват ми очите (из орбитите)*; *ужасаться* – рус. *волосы встают дыбом на голове у кого* и болг. *косата ми настръхва*; *голодать* – рус. *положить зубы на полку* и болг. *затягам си колана* и др.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, разрабатывая концепцию речеведческих тактик, особое внимание уделяют так называемой норме – принятому в определённой среде способу держать себя. Напр., у русских и болгар фраза *белый танец / дами канят* означает, что дамы должны пригласить кавалеров на танец. Это элемент европейской культуры. Но на Востоке его существование вряд ли возможно, т. к. там приоритетная роль принадлежит мужчине и танцы

скорее всего носят одиночный или коллективный, а не парный характер [Барболова 2009: 120; Чинь Нгок 2000: 63].

Трудности при восприятии вызывают и устойчивые сравнения, модель и выраженная идея которых в разных языках совпадают, но объект сравнений различен и часто имеет национальную маркированность. Напр., идею предельной простоты чего-либо в русском языке репрезентирует ФЕ *проще пареной репы*, а в болгарском – *просто като фасул*, *фасулска работа* и др. (значение ‘что-л. исключительно простое’ передают компоненты *репа* и *фасул* соответственно) [Георгиева 2009: 136-139].

Сведения об этимологии ФЕ также способствует погружению в культуру конкретной страны. Эту ценную информацию содержат разные типы словарей, в которых приводятся этимологические и культуроведческие параметры ФЕ (см., напр. [Рус. фразеология 2005, Шулежкова 2009: 3-8]).

Во фразеологических фондах разных языков на когнитивном уровне имеются сходные и различные элементы, выявление и описание которых необходимо для успешной межкультурной коммуникации.

Литература

Георгиева, С. И. Образное восприятие мира во фразеологии / С. И. Георгиева // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: сб. ст. – М.: МГУ, 2009. – С. 135 – 140.

Барболова, З. Взаимоотношения на турците и българите в периода на Османската империя, отразени в българските прецедентни текстове / З. Барболова // Българска реч. – София, XV/2009. – Кн. 1-2. – С. 114 – 125.

Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 1999.

Рус. фразеология 2005: Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6 000 фразеологизмов / СПбГУ; межфа. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – 3-е изд. – М.: МГУ, 2008.

Чинь Тхи Ким Нгок. Проблема языка и культуры при изучении иностранных языков (на материале сопоставления языков и культур русского и вьетнамского народов) / Чинь Тхи Ким Нгок. – 2-е изд. – М.: Творчество, 2000.

Шулежкова, С. Г. Предисловие / С. Г. Шулежкова // Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка / отв. ред. С. Г. Шулежкова, члены редколлегии: А. А. Осипова, Л. Н. Мишина. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – С. 3 – 8.

Н. В. Глухих

Челябинский государственный педагогический университет

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ДЕЛОВОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Эпистолярные тексты необходимо рассматривать как форму текста в рамках функционирующей языковой системы, так как сфера использования эпистолярных текстов определяет коммуникативные задачи и их языковую реализацию.

Материалом данного исследования являются документы исторических фондов Объединённого государственного архива Челябинской области: И-169, И-170, И-172, И-225, И-227 (выбраны эпистолярные памятники делового оборота).

Классификаций деловых памятников множество, приведём существенные, на наш взгляд, для анализа имеющегося материала.

С. И. Котков о деловых текстах XVII в. писал: «...в качестве элементарного разграничения <...> возможно следующее: эпистолярная письменность, актовая письменность, статейная письменность <...> язык эпистолярной письменности, в известной степени деловой, не является, однако, приказным, тождественным языку делопроизводства и государственного управления, языку актовой письменности» [Котков 1980: 74-75].

А. Н. Качалкин считает, что нужно классифицировать жанры документов по функциям. «Это достигается анализом жанров по модальным признакам: <...> 1) время составления документа по отношению ко времени его действия; 2) отношение государственного и частного права; 3) место документа в документообороте; 4) история текста документа; 5) отношение содержания текста к предметной ситуации; 6) воспроизводимость в документе текста другого документа или упоминание в одном документе другого документа» [Качалкин 1988: 45]. Несомненно, указанные признаки обязательно должны учитываться при лингвистическом анализе исторических источников.

А. П. Майоров, классифицируя забайкальскую деловую письменность XVIII в., считает, что «необходимо в первую очередь принимать во внимание функциональную направленность документов, во многом предопределяющую своеобразие их лингвистической содержательности» [Майоров 2006: 28].

Не все исследователи истории делового языка предпринимают попытку выделить и классифицировать эпистолярные деловые тексты, «растворяя» их в общем потоке документов. Однако данные тексты специфичны настолько, что обладают собственными характеристиками и возможностью провести их классификацию на основе различных признаков, в совокупности создающих систему делового эпистолярного исследуемого периода.

Классификационными признаками исследуемых текстов являются тематический, функциональный, векторный, социолингвистический.

Тематический признак – это содержательная база текста письма. По количеству затронутых вопросов (тем) письма могут быть *монотематическими* и *политематическими*. Большая часть писем относится ко второй группе. В них имеются два (и более) высказывания в основной части. Политематическое письмо, как правило, включает два или несколько блоков основного содержания. Монотематическое письмо содержит зачин, концовку и один блок основного содержания с одной темой. Монотематичны, напр., *письма* Кыштымских и Каслинских приказчиков, посылаемые заводчикам Демидовым *при четырехнедельных заводских рапортах*; отдельные *доношения*; короткие *рапорта* в Златоустовскую заводскую контору; *сопроводительные короткие письма* управляющих наследством Л. И. Расторгуева (П. Харитоновой и Г. Зотовой) при основных распорядительных предписаниях, высланные вслед за основными или приложенные к основным; отдельные *распоряжения или поручения* одному лицу или о действии в одном месте.

По **функциональному** признаку среди исследуемых текстов выделяются следующие виды писем: *письмо-рапорт, письмо-информация, сопроводительное письмо, письмо-подтверждение, письмо-предписание, письмо-просьба*.

Напр., *письмо-предписание* могло быть разного характера: императивные высказывания сочетаются с информативными и оценочными. Тексты контор Златоустовских заводов в конце XVIII – начале XIX в. могут иметь названия: *ордер, распоряжение, указание, одобрение, предложение*; в начале XIX в. в письмах от управляющих владениями наследниц Л. И. Расторгуева в Каслинскую, Кыштымскую, Нязепетровскую заводские конторы появляется название *распорядительное предписание* (дела фонда И-172). Несколько необычно для сегодняшнего читателя выглядит *письмо-предложение*, поэтому именно его приведём для примера.

Предложение содержит перечень действий, которые должен произвести адресат. Это одновременно и письмо-реакция, и письмо-инициатива. После самоназвания (*Предложение*) следует ссылка или подробное изложение документа вышестоящего учреждения, инициировавшего «предлагаемые» меры. Затем перечисляются конкретные распоряжения подчинённым, представляющие собой императивные высказывания, в свою очередь инициирующие серию необходимых действий. Следующий отрывок *предложения* иллюстрирует сказанное:

«Канцеляріи Главного заводоу правленія
Предложение.

Указомъ изъ государственной бергъколлегіи мною полученнымъ сего сентября 16 числа с приложениемъ с указа правительствующаго сената и присланныхъ при немъ бумагъ копіевъ предписано для содержанія кыштымскаго завода в непрерывномъ деиствіи принять нужныя меры и учинить законное разбирательство правамъ показуемымъ между дворяниномъ дѢмидовымъ и лугиниными на присвоение ими к заводамъ своимъ лесовъ и доставить в коллегію в разсужденіи удовлетворенія обиженной стороны с мнѣніемъ моимъ надлежащее донесеніе вслѣдствіе чего оной канцеляріи **предлагаю** учинить справку когда имянно х кыштымскимъ заводамъ Демидова и лугининымъ леса отведены по какому обстоятельству и ест ли планы и по выправкѢ меня уведомить а Демидова и лугинина заводскимъ канторамъ я уже предписалъ какъ лесные планы такъ и купчіе кои даны имъ от башикирцовъ чтобъ они ко мне доставили о семъ имъ оная и со своей стороны указомъ подтвердить имеетъ ... подлинное подписаль аникита Ярцовъ» (фонд И-172, опись 1, дело 93, лист 132).

Выделенная нами единица *предлагаю* не только напоминает название документа, она сигнализирует о начале предписывающего блока письма, является маркером императивности данного текста. Письма-предложения могут не только *предписывать действия*, но и *запрашивать информацию* о них, вследствие чего подчиненные высылали ответные письма – информационного, объяснительного и оправдательного характера.

Векторный признак указывает направление коммуникации. Письма отражают оба типа делового общения: *вертикальный* (сверху вниз и снизу вверх) и *горизонтальный* (между респондентами одного уровня). Корреспонденция по вертикали управления предприятиями включает:

- распоряжения, запросы, ордера, указания, одобрения, предложения, подтверждения – направление *сверху вниз*;

- рапорты, доношения (донесения), доклады, объяснения, оправдания, сопроводительные письма, подтверждения, прошения – направление *снизу вверх*.

Горизонтальная коммуникация осуществляется посредством *промежностей, сообщений, подтверждений*.

Группы документов в общем соотносятся с традиционно рассматриваемыми типами документации – *распорядительной* и *отчётно-исполнительной*, что не противоречит логике производственных взаимоотношений и сохраняется в современном деловом общении.

Социолингвистический признак позволяет классифицировать все имеющиеся тексты с учетом того, что исследуемые деловые письма составлены в условиях социальной асимметрии респондентов: между *равными по социальной лестнице адресантами и неравными*. В зависимости от *состава коммуникантов* тексты могут быть представлены следующим образом:

- переписка заводчиков (наследников) с приказчиками (управляющими) заводских контор (подразделений);

- переписка между главной заводской конторой (канцелярией) и конторами отдельных заводов, в том числе письма от управляющих подразделениями в вышестоящие канцелярии;

- переписка заводских контор с государственными учреждениями местного значения: суды, банки, уездный землемер и т. д.;

- переписка между заводскими конторами одного уровня;

- единичные письма заводчиков государственным чиновникам, императорским особам.

Письма с указанными характеристиками составляют основу делового эпистолярного заводских канцелярий. В зависимости от цели и предмета письменного общения, экстралингвистических факторов, пространственно-временных условий написания и прочтения письма, жизненных ситуаций, вызвавших необходимость отправки послания, а также личности адресанта создается определённый вид делового эпистолярного текста, реализующий конкретную степень проявления выделенных классификационных признаков.

Литература

Котков, С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. – М. : Наука, 1980.

Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. – М. : «Азбуковник», 2006.

НОВОЕ В КОНЦЕПТЕ ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В языковой картине мира носителей русского языка особое место занимает концепт *женщина* как один из важнейших феноменов национального сознания. По мнению большинства исследователей, сам концепт *женщина* представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на базе половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций. Данному социальному феномену посвящены отдельные исследования в области психологии, социологии, истории, культурологии. Женщина как феномен получает множественное и вариативное обозначение в русской языковой картине мира; в лингвистической литературе данная проблема находится в стадии активного освоения [см. Алексеенко 2006; Дробышева 2010; Дубичинский 2005; Земская 1992; Кириллина 1999; Корнилов 2003; Лю Бо 2010; Михайлова 2000; Почепцов 1990; Пушкарёв 1994; Селиверстова 1995, 2009; Слышкин 2004; Соловьёва 2009; Хакимова 2003 и др.]. Предметом данной работы является выявление новых смысловых зон, появившихся в стереотипных представлениях о женщине в современной паремиологии.

Репрезентантами концепта *женщина* в традиционной паремиологии выступает целый комплекс лексем: *баба, жена, хозяйка, мать, дочь, свекровь, тёща*, – причём базовой лексемой выступает слово *баба*. В современных паремиях лексемы *баба* и *женщина* используются как дублеты. В этой связи изучение новых смысловых зон концепта целесообразно осуществлять через анализ паремий, содержащих в логических центрах базовый репрезентант *женщина*.

Анализ исследований, посвящённых изучению концепта *женщина* в традиционной паремиологии (развиваемой до второй половины XX в.), показал, что стереотипные представления о слабой половине человечества реализуются в нескольких смысловых зонах, имеющих различную степень разработанности. Довольно детально представлены смысловые зоны *семья, возраст, личностные качества женщины*. В стадии формирования находятся смысловые зоны *внешность, профессиональная деятельность женщины, взаимоотношения мужчины и женщины*.

Сопоставление традиционных и современных паремий, включающих гендерные лексемы, обнаружило существенное изменение в отношении к представительницам женского пола. Семантический объём концепта *женщина* в традиционной и современной паремиологии не совпадает, что объясняется изменением как социально-экономического уклада российского общества, так и изменением гендерной сущности представительниц женского пола.

Ореол восторженного отношения к женскому полу, возникший в результате введения в состав паремий лексемы *женщина*, в крылатых единицах (*Есть женщины в русских селеньях*), в современных пословицах и поговорках утра-

чен. Анализируемое слово по стилистической принадлежности становится разговорным, а в определённых фразеологически связанных контекстах – разговорно-сниженным. На этой основе лексемы *женщина* и *баба* в паремиологическом употреблении становятся словами-дублетами.

Утрата лексемой *женщина* возвышенной коннотации, а затем и стилистической нейтральности обусловлена преобладанием в современной паремиологии иронически-уничижительных характеристик женщины во всех смысловых зонах проявления этого концепта. Поскольку все зоны концепта представлены в паремиях, содержащих лексему *женщина*, постольку анализ целесообразно провести через данный блок пословиц и поговорок.

Современная женщина характеризуется как существо непонятное и непостижимое: *Женщина тоже человек, только какой-то странный; Есть два способа командовать женщиной, но никто их не знает* [Антипословицы 2006: 165]¹; *Мужчина, если бы и смог понять, что думает женщина, всё равно не поверил бы* (с. 169); *Женщины бывают полные и пустые; Женщина как паразит: в любой момент может отказать, поэтому всегда нужно иметь запасной* (с. 166); *От женщины никогда не знаешь, что ожидать – девочку или мальчика* (с. 167).

Загадочность представительниц женского пола чаще воспринимается как опасное качество, а общение с женщиной квалифицируется как неизбежность, обусловленная природой: *Бегать за женщинами никому не повредит – опасно их поймать; С женщинами – комедия, без женщин – трагедия* (с. 165); *Женщины – как револьверы – опасны в руках новичка; Женщину придумал Бог, но делал её чёрт* (с. 166); *Тост про женщин: «Не так хорошо с вами, как плохо без вас»* (с. 167); *Мужчина гоняется за женщиной, пока она его не поймает* (с. 168). Характеристика женщины как объекта мужской мечты крайне эпизодична: *Женщина – это приглашение к счастью* (с. 165).

В современной, как и в традиционной паремиологии довольно серьёзно порицается женская эмоциональная неустойчивость, чаще проявляющаяся в скандальности и сварливости: *Женщина сотворена из ребра, не потому ли она часто выходит нам боком?; Когда у женщин наступают критические дни, у мужчин наступают критические ночи* (с. 166); *С женщинами трудно согласиться, ещё труднее не согласиться* (с. 167); *Если женщина не права, то нужно извиниться и замолчать* (с. 165).

Сохранение иронично-презрительного отношения к женскому полу связано не только с отказом женщинам в интеллекте и эмоциональной устойчивости. Женщинам инкриминируется корыстолюбие, которому посвящены многие паремии: *К одним женщинам нужен подход с лаской, к другим – лучше с соболем и норкой; Женщины, не набивайте себе цену, она и так нам не по карману; Женщина мечты – самый дорогой способ исполнения желаний* (с. 166); *Что у женщины на уме, то мужчине не по карману; С деньгами мужчина чувствует себя мужчиной, а женщина – человеком* (с. 169); *Сделать женщину счастливой очень легко, только очень дорого* (с. 167).

В современной ментальной культуре отмечается излишняя прагматичность как негативная черта современных женщин, отсутствие искренности в отношении к мужчине: *Женщине нужны большие оруженосцы, чем рыцари; Женщина, если захочет, забирает у мужчины всё, даже фамилию; Женщина не может быть другом – только женой или любовницей* (с. 166); *Любите женщину – она научит вас уважать свободу; Чем женщина красивее, тем она вернее себе; Любить женщину бесплатно приятнее, но себе дороже* (с. 167); *Если женщина вас любит, будьте бдительны: дело может закончиться бракосочетанием; Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти; Большинство женщин считают мужчин негодяями, но пока не нашли им подходящей замены* (с. 165); *Мужчина сразу видит женщину, без которой он не может жить, а женщина – мужчину, с которым бы она могла жить* (с. 169); *Женщина ищет там, где больше, а мужчина – там, где женщина* (с. 168).

В современной паремиологии фиксируется новое, по сравнению с традиционной, негативное качество женщины, которое можно обозначить как нарциссизм, самолюбование: *Как бы хороша ни была женщина, она думает о себе ещё лучше* (с. 166).

Мужчины обвиняют современных представительниц женского пола в распущенности, утрате целомудренности, скромности, супружеской верности: *Если вечером женщина отказывается от рюмки и сигареты, значит, утром её родителей вызывали в школу* (с. 165); *Девушкам не хватает женственности, а женщинам – девственности* (с. 168); *Злые женщины ставят мужчинам шишки, а добрые – рога* (с. 166); *Сила женщины – в её слабости. Особенно если она слаба на передок; Путь к сердцу мужчины ведёт через его желудок, но есть женщины, которые знают более короткий путь; У мужчин должно быть чувство ответственности, у женщин – чувство меры* (с. 169).

Женская неверность считается следствием присущего женскому полу легкомыслия: *Сколько женщину ни корми, она всё равно в зеркало смотрится; Что у мужика на уме, то у женщины везде* (с. 169). Как и в традиционной, в современной фразеологии сущностной чертой женщины считается лживость: *Мужчины больше обманывают, женщины лучше обманывают* (с. 169); *Женщина скрывает от мужчины своё прошлое, а мужчина от женщины – её будущее* (с. 166); *В одном вопросе мужчины и женщины, безусловно, согласны между собой: и те и другие не доверяют женщинам* (с. 168).

Приметой времени считается то обстоятельство, что проституция рассматривается как одна из женских профессий: *Проститутка – женщина, любовные романы которой превратились в производственные; Путана – женщина с большой пропускной способностью* (с. 169). Снисходительный тон паремий объясняется тем, что мужчины, воспринимая женщину предметом плотских утех (*Голых женщин много не бывает*, с. 168), пытаются снять ореол необычности, запретности данных занятий, резко осуждаемых предшествующей паремиологической традицией, и даже найти оправдание порицаемым женским слабостям: *Непоколебимая женщина – это женщина, которая всегда отдаётся*

¹Здесь и далее цитируется по изданию: Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Изд. Дом «Нева», 2006. Следующие примеры даются с указанием страницы.

без колебаний; Некоторые женщины такие стеснительные, что стесняются отказывать мужчинам (с. 167).

Одновременно другие женские профессии, не входящие в сферу мужских интересов, оцениваются иронично-презрительно: *Женщина-учёный как морская свинка: и не морская, и не свинка; Женщина за рулём как обезьяна с гранатой; Женщина за рулём как фашист в танке* (с. 166).

Очевидное увлечение описанием женских недостатков привело к появлению запретных для традиционной паремиологии тем. Речь идёт о появившейся традиции оценивания женской внешности в оскорбительной тональности, в аспекте рассмотрения женщины исключительно как объекта плотских утех (*Не красивых женщин нет (не бывает), а есть (бывает) мало водки* (с. 167); *Алко-голь придумал Бог, чтобы страшные женщины тоже могли переспать с мужчинами*, с. 168). Одновременно формируется и новая смысловая зона, предполагающая возможность обсуждения интимных отношений женщины и мужчины.

В целом, сам факт появления новых смысловых зон концепта *женщина* спровоцирован детализацией описания отрицательных личностных качеств представительниц слабого пола.

Видя в женщине множество пороков, мужчины одновременно выделяют и положительные женские личностные качества. К таковым они относят трудолюбие (*Самая везучая на свете женщина – русская: всё всегда везёт на себе; Работа сделала из обезьяны человека, а из женщины – лошадь; Мужчина работает сколько может, а женщина – сколько надо*, с. 169), терпение и терпеливость (*Общественный транспорт учит мужчину усидчивости, а женщину устойчивости*, с. 169), верность (*Женщина хочет многого, но от одного, а мужчина – одного, но от многих*, с. 166), жертвенность (*Раздельное питание по-восточному – это когда мужчины едят мясо отдельно от макарон, которые едят женщины* (с. 169); *Женщины способны на всё, мужчины – на всё остальное*, с. 166), романтичность (*Мужчины хотят секса, а женщины – любви. А занимаются все одним и тем же* (с. 169); *Женщина любит мужчину за то, что он её любит. Мужчина любит женщин вообще; Женщина любит ушами, причём обоими*, с. 166), высокая приспособляемость к жизненным обстоятельствам (*Тургеневские девушки влюбляются в поэтов, женщины балзаковского возраста – в прозаиков*, с. 169), изобретательность (*Чтобы не надоест мужчине, женщина меняет платья, а чтобы не надоест женщине, мужчина меняет женщин* (с. 169); *Женщина должна одеваться так, чтобы хотелось её раздеть*, с. 165), стратегичность мышления (*Баланс: женщины чаще говорят глупости, мужчины – чаще делают* (с. 168); *Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами*, с. 169).

Все вышеперечисленные качества относятся к личностным характеристикам, которые и в традиционной, и в современной паремиологии воспринимаются как сакральные, как высшие морально-нравственные установки. Это значит, что мужчины признали женщину основной хранительницей ценностных ориентаций, выделенных ментальной народной культурой.

Учёные, занимающиеся исследованием современной паремиологии, отмечают, что негативные качества женщины на современном этапе получают

большую дифференциацию, чем мужские [Кириллина 1999: 117; Хакимова 2003: 15]. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в непростых условиях постперестроечного времени женщины адаптировались к новым социально-бытовым и экономическим условиям быстрее и безболезненнее, чем вызвали явное недовольство со стороны мужской части общества. Утрата мужественности стала проявляться и в мелочном копании в недостатках женщины.

В целом, и появление запретных тем в гендерной паремиологической традиции, и вынужденное признание за женщиной особой исключительности свидетельствуют не столько о переоценке традиционных ценностей, сколько об изменении мужской сущности носителей русского языка.

Утрата лексемой *женщина* возвышенной коннотации, а затем и стилистической нейтральности обусловлена преобладанием в современной паремиологии иронически-уничижительных характеристик женщины во всех смысловых зонах проявления этого концепта. Доброжелательный тон КЕ не приводит к выравниванию ассиметрии.

Тенденция перевешивания отрицательных аттестаций женщины развивается за счёт расширения имеющихся смысловых зон концепта и появления новых. Но именно расширение смысловой зоны *личностные качества женщины* привело к появлению таких гендерных характеристик, которые обнаружили признание ведущей роли представительниц слабого пола в современных условиях.

Итак, появление первых современных пословиц, признающих основополагающую роль женщины в социуме, заставляет думать, что демонстрация пренебрежительно-презрительного отношения к женщине в современной паремиологии в большей мере является демонстрацией мужского поражения в борьбе за ведущие социальные роли в жизни общества. Мужчины пытаются компенсировать собственную несостоятельность детальным описанием женских недостатков. Выделение личностных качеств женщины, совпадающих с высшими морально-нравственными ценностями, привело к эксплицированию содержательного изменения концепта *женщина* в современной паремиологии.

Источники

Антипословицы 2006: Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2006.

Литература

Алексеев, М. А. Негативен ли образ женщины в языке? / М. А. Алексеев // Слово в слове и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера / науч. ред. А. К. Бирих, Т. В. Володина. – М.: Эллис, 2006. – С. 27 – 62.

Дробышева, О. В. Функционирование вербального компонента в журнальном рекламном тексте гендерной направленности (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Дробышева. – Челябинск, 2010.

Дубичинский, В. Против чего же «Антипословицы»? / В. Дубичинский // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: Эллис, 2005. – С. 629 – 634.

Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Сопоставительная фразеология и фразеография: материалы всерос. конф. – Махачкала, 1992. – С. 67 – 74.

Кириллина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты: моногр. / А. В. Кириллина. – М.: Институт социологии РАН, 1999.

Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : моногр. / О. А. Корнилов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЧеРО, 2003.

Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лю Бо. — Владивосток, 2010.

Михайлова, Т. В. В постели с «огоньком» (Визуальная репрезентация женщины в российских СМИ 1990-х гг.) / Т. В. Михайлова // Женщина и визуальные знаки. — М. : Идея — Пресс, 2000. — С. 144 — 151.

Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 111 — 122.

Пушкарёв, Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам 17-18 вв. / Л. Н. Пушкарёв. — М. : Наука, 1994.

Селиверстова, Е. И. Пословица как обобщение опыта прошлого — в современном контексте / Е. И. Селиверстова // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса и идеологии культуры : сб. ст. — Оломоуц, 1995. — С. 146 — 159.

Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. — СПб. : ООО «МИРС», 2009.

Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004.

Соловьёва, Н. С. Социальное пространство мужчины и женщины в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии) / Н. С. Соловьёва // Вестник МаГУ : период. науч. журн. — Магнитогорск : МаГУ, 2009. — С. 122 — 129.

Хакимова, Г. Ш. Гендерный фактор в английских паремиях в сопоставлении с русскими : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Ш. Хакимова. — Уфа, 2003.

М. А. Голованёва
Астраханский государственный университет

АФОРИСТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА

Последние 15 лет XX в. — это время бурных катаклизмов в социально-политической жизни страны и, как следствие, в жизни искусства. Язык политической драмы данного периода — особое явление, одним из ярчайших свойств которого является афористичность.

Афоризмы изучаются во всём многообразии лингвистических аспектов [см. Берков 1980; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; Гаврилова 1986; Иванов 2008, 2009; Максимов 1995; Федоренко, Сокальская 1990; Шмарина 1975; Шулежкова 1995; Эпштейн 1987 и др.]. Наиболее актуальным для данной работы определением афоризма представляется дефиниция Е. Е. Иванова: «Афоризмы (афористические единицы языка и/или речи) — это высказывания, синтаксически эквивалентные предложению, выражающие вневременную и нелокализованную связь между единичными реалиями и являющиеся содержательно самодостаточными» [Иванов 2009: 88].

Специфическим для литературного текста является разделение афоризмов на две группы, одну из которых составляют авторские, беспрецедентные афоризмы (своеобразные «афористические неологизмы»), выявляемые в анализируемом тексте; в эту группу не включаем те высказывания, которые принадлежат персонажу, однако являются уже известными в культуре, прецедентны-

ми), а вторую — все те выражения, которые стали прецедентными: фольклорного типа (пословицы, поговорки), цитаты, библеизмы, лозунги и др. Афоризм в политической драме выступает как средство создания публицистичности такого литературного произведения, которое построено с ориентацией на разговорный диалог и в литературной коммуникации «автор — читатель» выполняет особую коммуникативно-когнитивную функцию проводника авторской интенции.

Примерами первой группы являются следующие высказывания: Сталин. *Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов*; Ленин. *Всё можно потерять, но только не доверие народа. Доверие народа — это, если хотите, основной капитал нашей партии*; Ленин. ... *Война сейчас — это полный разрыв с крестьянством...*; Крупская. Он (Ленин) сказал мне: *«Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посматривать правде в глаза и умереть так, как Лафарги»*; Дзержинский. ... *А политика — это не алгебра, всё в формулы не уляжется, иногда надо и рисковать*; Ленин. ... *Не хочу, чтобы про нас когда-нибудь сказали горько и страшно: революционная фраза о революционной войне погубила русскую революцию!*; Ленин. ... *Учитесь у тяжёлых, но полезных уроков революции, товарищи... учитесь, чтобы побеждать* (М. Шатров «Брестский мир»).

Непрецедентные афоризмы, звучащие из уст персонажей, имеют формы, свойственные афоризмам вообще, т. е. творчество драматурга полностью подчиняется принципам создания афоризма. Так, в текстах находим **максимы**, отличающиеся директивностью: Старшинов. *Свободу получить нельзя. Её можно лишь...* Новацкий. Ну знаем, слышали! *Добыть трудом. Обрести в бою. Старшинов. И трудом не добыть...* Это же не зарплата. *И не обрести в бою. Свободу можно только выстрадать* (В. Левашов «ЧМО»); **сентенции**, являющиеся декларативными афоризмами: Ермаков. *Если человек говорит, что он хочет, но не может, это чаще всего означает, что он может, но не хочет*; Косторезов. *Острый материал? Враньё тоже бывает острым...*; Потанин. *Слово ведущего редактора — это закон*; Кременцов. ... *Предела точности не знает никто...* (К. Щербаков «Перемена»); **парадоксы**, содержательно противоречащие действительности: Курчатов. ... *Вот парадокс: чем больше познаём // Мы суть вещей, тем делаем опасней // Их для себя...* (К. Скворцов «Курчатов»).

Поле прецедентных афоризмов, выявляемых в политической драме конца XX в., значительно шире: оно включает в себя цитатный материал из творчества авторов мировой культуры, высказывания мыслителей и философов, фрагменты песен и стихов.

Как воспроизводимые рассматриваются, в первую очередь, единицы **паремийного фонда**: Сталин. ... *если в доме нет собаки, надо заставить лаять кошку* (М. Шатров «Брестский мир»); Семён. *Лучше синицу в руках, чем журавля даже в созвездии Тельца* (В. Губарев «Чёрный шар»); Калерия. *Влез в хомут — умеи ходить в упряжке!*; Сирий. *Правильно говорят грузины: «Мужчина-то голова, да только женщина — шея!»*; Голощапов. Ну, как говорят... *«Гостей баснями не кормят!»...*; Выборнов. ... *Как ты го-*

ворила: *«После бани хоть укради – да выпей?!»* (А. Мишарин «Серебряная свадьба»).

Кроме того, в число воспроизводимых афоризмов можно включить примеры цитирования: Кудреватых (дрогнувшим голосом.) *Спасибо... Как там у Пушкина? «Не пропадёт ваш скорбный труд и дум высокое стремление...»*; Кудреватых. ... *В его карманном талмудике значилась вот эта запись.* (Открывает блокнот, читает.) *«Всё то... что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма... – всё это и многое другое, сказанное мною о «большевизме», остаётся в полной силе»* [Из «Несвоевременных мыслей» А. М. Горького] (Закрывает блокнот, смотрит в зал.) (Н. Мирошниченко «Фанатику»); Кривцов (патетически.) *Вслед за гением русской сцены готов воскликнуть: не верю! Ты паспорт подделала!*; Нина. ... *Молодёжь будет учить, пенсию получать и цветы разводить на даче... Свежо предание...; Да ша. Кончен бал, погасли свечи...* (К. Щербаков «Случай из газетной практики»).

К числу прецедентных и часто цитируемых афоризмов относятся **библизмы**, которые входят в речевой материал политической пьесы независимо от её идейно-тематической наполненности: Сталин. *Андрей, ты меня знаешь, я за словом в карман не полезу: «Да минует меня чаша сия!»* (В. Коркия «Попугай»); Андрей. ... *Я выл, я кулаки кусал: господи, пусть минует меня чаша сия!..* (В. Левашов «ЧМО»); Устинья Карповна. ... *С одной стороны, мать похоронил! Мир праху её! Пусть земля ей будет пухом.* (Подняла бокал.) *Выпьем! Не чокайся...* (А. Мишарин «Серебряная свадьба»).

Особый разряд в политической драме составляют афоризмы-лозунги, создающие специфическую атмосферу революционного времени. О процессах, происходящих с лозунговыми единицами в языке перестроечного и постперестроечного времени, С. Г. Шулежкова пишет: «Изменив своё «амплуа», многие <...> КЕ из разряда положительно окрашенных перешли в разряд отрицательно окрашенных и превратились из средств, прославляющих идеи революции и её завоевания, в средство их развенчания. Патетика восхваления сменяется нередко патетикой сарказма, иронии, насмешки над тем, что входило в святая святых мировоззрения граждан страны победившего социализма» [Шулежкова 2008: 366]. Подтверждение этому находим в драме данного периода: Горький. *Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции является лозунг «грабь награбленное!». Грабят – изумительно, артистично!* (М. Шатров «Брестский мир»). Однако в подавляющем большинстве случаев афоризм-лозунг выполняет свою прямую исконную функцию, призывает к революционным действиям и не является средством выражения сарказма: Бухарин (в зал). *Пожар мировой революции разгорается! ... Гибель капитализма неизбежна! ... Да здравствует международная пролетарская революция! Да здравствует международная пролетарская республика Советов! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; Матрос. *Социалистическое отечество в опасности!* (М. Шатров «Брестский мир»); Можжевельников (цитируя.) *«Партия – ум, честь, совесть нашей эпохи»*. Кудреватых. ... *эти слова – суть, смысл, цель вашей*

жизни. Какой адвокат, кроме вас лично, способен защитить «ум, честь и совесть нашей эпохи»? (Н. Мирошниченко «Фанатику»). Преобладание в политической драме употреблений лозунгов с идейной окрашенностью второго плана объясняется в реплике самого персонажа пьесы Н. Мирошниченко «Фанатику» (1990): *«Кудреватых (после паузы, нервно.) ... А я, лозунгово воспитанный, полез на рожон»*. Данная реплика свидетельствует об огромной когнитивной силе, возведшей лозунг в советский период в «идеологему» [Чудинов 2008: 92], если воспринимать лозунг как объективатор некоего единого смысла, близкого к смыслу одного слова.

Таким образом, политическая драма конца XX в., включая в себя всевозможные варианты и способы афористических высказываний, подтверждает свою принадлежность к драме как литературному роду, близкому к разговорному диалогу, а также выделяется из ряда драм (например, «новой волны», абсурда) особым вниманием к афоризму как средству создания публицистичности.

Литература

- Берков, В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов / В. П. Берков. – М. : Рус. яз., 1980.
- Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Рус. словари : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2000.
- Гаврилова, Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения / Е. Н. Гаврилова // Филол. науки. – 1986. – № 3. – С. 56 – 62.
- Иванов, Е. Е. Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания / Е. Е. Иванов // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск. – 2009. – Вып. II (24). – С. 88 – 92.
- Иванов, Е. Е. Семантика афористических единиц / Е. Е. Иванов // Идиоматика и познание : материалы 1-ой Междунар. науч. конф. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. – С. 344 – 348.
- Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – М. : Терра, 1995.
- Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Н. Т. Сокальская. – М. : Наука, 1990.
- Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2008.
- Шмарина, В. И. Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения: (На материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Шмарина. – М., 1975.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Изд-во ЧГПИ «Факел», 1995.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые единицы-вербализаторы концепта «Революция» в современном русском языке / С. Г. Шулежкова // Идиоматика и когнитивная лингвокультурология : материалы 1-ой Междунар. науч. конф. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. – С. 366 – 369.
- Эпштейн, М. Н. Афористика. Литературный энциклопедический словарь / М. Н. Эпштейн. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – С. 43 – 44.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ЭМОТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Крылатые единицы, включающие в свой состав крылатые слова и выражения, содержат наблюдения и опыт конкретных людей, а также безымянных авторов, высказывающих своё отношение к науке, культуре, обществу в целом. Структурно-семантические особенности крылатых единиц, а также их тематические характеристики обобщены в исследованиях учёных-крылатологов, среди которых прежде всего следует назвать труды С. Г. Шулежковой [Шулежкова 2002; 2003 и др.]. Хотелось бы отметить, что огромная заслуга работ С. Г. Шулежковой о крылатологии заключается в свежем и новаторском взгляде на эту интересную область языкознания, в том, что начинающие и зрелые учёные вслед за магнитогорским исследователем обращаются к бесценному материалу – крылатым словам и выражениям, рассматривают особенности их значения, образования и функционирования. Отмечено, что крылатые единицы выражают различные виды информации, а именно: обобщают человеческий опыт, жизненную мудрость, передают философский смысл, отражают разный социальный опыт, разное мировоззрение, в образной форме выражают сущность какого-либо явления, ситуации, отношения [БСКС 2000: 11]. Поэтому вполне закономерно, что крылатые единицы так интересны для говорящих и пишущих.

Крылатые единицы в структуре художественной и публицистической литературы, несомненно, служат для выражения определённой оценки действительности, эмоционального отношения к описываемым явлениям; выражаемую оценку и эмоциональное отношение можно представить в виде когнитивных моделей. Известно, что особенности когнитивных эмотивных моделей обусловлены прагматическими установками, сущностью той или иной эмоции, отражённой в эмотивном компоненте семантической структуры языковой единицы [Филимонова 1998: 78].

Реализация эмотивного моделирования определяется классификацией эмоций, особенностями их актуализации. Несомненно, что «эмоции являются одной из форм отражения действительности, а эмотивные компоненты языковой семантики можно рассматривать как специфический способ указания на мир через эмотивную семантику» [Шаховский 2008: 13]. Проблема определения перечня базовых эмоций в психологии неоднозначна: согласно обобщениям А. Вежбицкой, самый маленький список эмоций состоит из трёх, а самый большой включает одиннадцать наименований [Вежбицкая 2001: 16]. Аспекты изучения эмоциональности и её языкового выражения – эмотивности – разнообразны: учёные рассуждают о характере эмоций, об эмоциях базовых и периферийных, универсальных и национальных, эмоциях, заложенных генетически и приобретённых человеком в процессе жизненного опыта. Являясь одной из форм отражения мира, оценивая значение предметов и явлений, а также их

свойств для жизни человека, эмоции имеют языковое воплощение. Теоретиками эмотиологии рассматривается широкий диапазон положительных и отрицательных эмоций – от восторга до гнева, выделяются актуальные языковые способы выражения эмоций – аффективные и коннотативные, а также виртуальные – языковые единицы с эмотивным потенциалом [Шаховский 2008: 25]. На наш взгляд, крылатые единицы обладают как актуальным, так и потенциальным эмотивным зарядом, реализация которого в художественных и публицистических текстах зависит от замысла автора. В процессе использования крылатых единиц говорящий выражает эмоциональное отношение к предмету речи, порой вызывая ответную эмоцию у человека, слушающего или читающего произведение. Так, использование крылатых единиц в классической художественной литературе – давняя традиция; например, в повести А. И. Куприна «Поединок» офицера Осадчего – человека огромного роста и недюжинной физической силы – сослуживцы иронично называли Колоссом Родосским, тем самым выражая ироничное отношение к неуклюжему и нескладному своему товарищу. В структуре текста крылатая единица *Колосс Родосский* приобретает ироничный смысл.

Традиционно также использование крылатых единиц на страницах газет – в произведениях, которые относятся к информационным, аналитическим, художественно-публицистическим газетным жанрам. При анализе материала современных газет исследователи прежде всего рассматривают заголовки, так как заголовочный комплекс находится в сильной позиции по отношению к тексту, выражая основной замысел, идею произведения. По мнению исследователей, «основной смысл заголовочной конструкции переходит в общий смысл текста газетной публикации, а между заглавием и текстом осуществляются перспективно-ретроспективные связи, что объясняет двустороннюю сущность названия, предопределяющего содержание произведения» [Лютая 2008: 6]. Крылатая единица-заголовок, носящая двусторонний характер, с одной стороны, усиливает личностное начало текста, с другой стороны – при помощи выражаемой эмоции возбуждает интерес у читателя к материалу статьи, обеспечивает диалог между эрудированным автором и читателями. Заголовок *«Любови все возрасты покорны»*, взятый из текста романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», придаёт оптимизм будущему газетному тексту. Крылатая единица-заголовок *«Рога и копыта»* в Литературной газете указывает на ироничный тон представленных в данной рубрике статей.

Крылатые единицы употребляются как в узуальной, так и в трансформированной форме, трансформация придаёт крылатым единицам повышенную выразительность – экспрессивность. Ср. следующие, отмеченные нами, заголовки статей: о спортсменах-легкоатлетах *«Вознесённые ветром»* (ср.: *«Унесённые ветром»*); рассказы о различных сферах жизни *«Тяжела ты, шапка королевы»* (ср.: *«Тяжела ты, шапка Мономаха»*), *«Почём панацея для народа»* (ср.: *«Почём опиум для народа»*), *«Хорошая мина при плохой учёбе»* (ср.: *«Хорошая мина при плохой игре»*) и др.

Без сомнения, крылатые единицы являются символами культуры, отсылают реципиента к прецедентным феноменам, формируя у читателя «оценочно-эмоциональное поле смыслов, а интертекстуальная информация подчиняется

экспрессивной функции заголовка» [Лютая 2008: 13]. В связи с этим интересны тексты, которые, кроме крылатой единицы-заголовка, в своём составе содержат также и другие крылатые единицы. Так, в статье «Не заграждай рта» рассказывается о «несознательных буржуинах», которые после объявления кризиса проявили незаурядную изобретательность: «тут тебе и неполный рабочий день, и регулярные «добровольные» отпуска за свой счёт, и ещё много каких фортелей, о которых, малость перефразируя пролетарского вождя, можно сказать: формально всё в рамках закона, а по существу – борзость ещё та...». Автор статьи призывает «воззвать к совести жмотов» тезисами из Писания – «не заграждай рта у вола молотящего» и «трудящийся достоин награды своей», а также вспомнить слова принца Датского – «покамест травка подрастёт, лошадка с голоду помрёт». Таким концентрированным употреблением крылатых единиц автор публикации выражает активное сострадание.

В статье «Лёгкий аромат духов “Шалимар”» Юрий Ленский идёт по следам И. Бродского и пытается узнать о героине эссе «Набережная неисцелимых», о том, кого в своём произведении писатель называет Ариадной: «Поначалу я подумал, а не всё ли равно, кто она, это ли важно? Но потом, узнав, что именно Венеция стала для Бродского любимым местом, куда он возвращался каждый год до самой смерти, я понял, что разгадать, как на самом деле зовут его *Ариадну*, вручившую ему клубок волшебных нитей, навсегда соединивших его с городом в лагуне, просто необходимо. Я стал читать дальше». Оказывается, «очаровательной женщиной, высокой стройной загадочной моей *Ариадной*» И. Бродский в эссе «Набережная неисцелимых» называл Марию Джузеппину Дориа де Дзулиани, которая поддержала писателя в трудную минуту в Ленинграде в пору высылки из России, сопровождала его в первое время в Италии. При использовании крылатой единицы автор статьи выражает восхищение подвигом спутницы И. Бродского. В процессе использования в тексте крылатой единицы *Ариаднина нить* её семантическая структура, содержащая сему «сопереживание», обогащается семой «восхищение».

Анализ примеров показывает, что в процессе использования крылатых единиц в публицистической литературе авторы выражают дополнительные эмоции, а семантическая структура единиц приобретает новые эмотивные смыслы.

Литература

БСКС 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

Лютая, А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Лютая. – Волгоград, 2008.

Филимонова, О. Е. К вопросу изучения когнитивной эмотивной модели / О. Е. Филимонова // Studia Linguistica – 7. Языковая картина в зеркале семантики и перевода. – СПб. : Тригон, 1998. – С. 78 – 85.

Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : моногр. / В. И. Шаховский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛКИ, 2008.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : «Азбуковник», 2002.

Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

А. В. Жуков, К. А. Жуков

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРЧНОГО МАТЕРИАЛА

С развитием фразеологии и появлением фразеологических словарей неизбежно должны были возникнуть вопросы, связанные с лингвистической квалификацией крылатых единиц вообще и крылатых выражений в частности. К тому же, сами единицы, объединённые общим названием «крылатые слова», слишком разнородны.

С. Г. Шулежкова

Пословицы и пословично-поговорочные выражения во многих отношениях сближаются, как известно, с собственно фразеологизмами, что послужило объективным основанием для включения и тех и других в единый корпус русской идиоматики сторонниками т. н. широкого взгляда на фразеологию. Такой подход уже достаточно ясно просматривался в классификации академика В. В. Виноградова, отмечавшего, в частности, что «к области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы, и поговорки» [Виноградов 1977: 133].

Примечательно, что в рамках т. н. узкого подхода в свою очередь были предприняты попытки «расширения» традиционной классификации, состоящей из фразеологических сращений и единств. Так, В. П. Жуков, применив прием фразеологической аппликации (т. е. структурно-семантического наложения фразеологизма на словосочетание или предложение такого же лексического состава), выделяет пять основных типов фразеологических единиц: исторически налагаемые фразеологизмы, обладающие целостным немотивированным значением (*бить баклуши*, *благим матом*, *козел отпущения* и под.); налагаемые обороты с целостным немотивированным значением (*перемывать косточки*, *подложить свинью*, *куда Макар телят не гонял* и под.); налагаемые фразеологизмы с целостным мотивированным значением (*лежать на боку*, *мало каши ел*, *под самым носом* и под.); неналагаемые обороты со «смысловым центром», т. е. наделённые мотивированным, частично целостным значением (*под веселую руку*, *с молодых ногтей*), и, наконец, неналагаемые, мотивированные фразеологизмы с общим аналитическим значением (*поднимать голос*, *находить общий язык*) [Жуков 1986: 89].

Таким образом, семантическая классификация В. П. Жукова строится с учётом таких признаков, как налагаемость, мотивированность, выводимость и идиоматичность. Положив в основу типологию В. П. Жукова, авторы настоящей статьи предложили обновлённый вариант его классификации, увеличив

общее количество выделяемых единиц до восьми [Жуков 2006], см. также [Жуков 2008: 24-29].

Предложенная типология, как нам представляется, вполне применима и к паремиологическому материалу. Проведённый анализ материалов «Словаря русских пословиц и поговорок» [Жуков 1991] можно обобщить в виде следующей таблицы.

*Семантическая классификация пословиц
и поговорочно-выражений русского языка*

№ п/п	Примеры пословиц и поговорочно-выражений	Налагаемые	Мотивированные	Выводимые	Мера идиоматичности	Тип паремии
1	<i>В ногах правды нет; В огороде бузина, а в Киеве дядька; В одном кармане смеркается, (а) в другом заря занимается</i>	–	–	–	Сильно идиоматичные	Паремиологические сращения
2	<i>На воре шапка горит; * Не сули журавля в небе, <а> дай синицу в руки</i>	+	–	–		
3	<i>С суконным рылом <да> в калачный ряд; Чёрного кобеля не отмоешь добела; И у стен бывают уши</i>	–	+	–	Средне идиоматичные	Паремиологические единства
4	<i>Из песни слова не выкинешь; Нашла коса на камень; В семье не без урода</i>	+	+	–		
5	<i>В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят; Быль молодцу не укор; Наша горница с богом не спорится</i>	–	–	+	Слабо идиоматичные	Пословично-поговорочные выражения
6	<i>* Лучшие синица в руки, чем журавль в небо</i>	+	–	+		
7	<i>Горбатого (одна) могила исправит; Брань на вороту не виснет; Чужая душа - потёмки</i>	–	+	+	Слабо идиоматичные	Пословично-поговорочные выражения
8	<i>В чужой монастырь со своим уставом не ходят; В Тулу со своим самоваром не ездят; Суженого и конем (на коне) не объедешь</i>	+	+	+		

Первую, достаточно замкнутую, группу образуют паремии, лишённые аналогов среди свободных предложений, немотивированные с точки зрения современного русского языка и не имеющие в своём составе смыслообразующих слов-компонентов (типа *В ногах правды нет*).

Вторая группа также представлена только единичными экземплярами паремий, отличающимися от единиц первой разновидности наличием формальной налагаемости (типа *На воре шапка горит*).

В третью группу входят неаплицируемые пословично-поговорочные выражения, в составе которых нет смыслообразующих компонентов, но которые обладают мотивированной внутренней формой (типа *И у стен бывают уши*).

Четвёртая группа паремий является самой многочисленной: это налагаемые, мотивированные и невыводимые идиоматичные выражения (типа *Нашла коса на камень*): *Быть бычку на верёвочке; В дождь избы не кроют, а в*

ведро и сама не каплет; Обжёгся на молоке, дует и на воду; Москва от копечной свечки (свечи) сгорела (загорелась); С лихой (паршивой) собаки хоть шерсти клок; Яблоко от яблони недалеко падает; У семи нянек дитя без глазу; Сухая ложка рот дерёт и мн. др.

Пятую группу образуют неналагаемые, немотивированные паремии со смысловым центром (типа *Наша горница с богом не спорится*).

Шестая группа представлена единичными примерами налагаемых немотивированных выражений, отдельные компоненты которых явно «просвечивают» на общем фоне паремиологического содержания (типа *Лучше синица в руки, чем журавль в небо*).

Седьмую группу составляют неналагаемые пословично-поговорочные выражения, мотивировка которых поддерживается наличием одного-двух семантически маркированных компонентов (типа *Горбатого (одна) могила исправит*): *Будь жена хоть коза (коса), лишь бы золотые рога; В чужом глазу сучок видим, а в своём <и> бревна не замечаем; В чужую жену чёрт ложку меду кладёт (положил) и под.*

Восьмая группа, как и четвёртая, достаточно репрезентативна. Её образуют налагаемые, мотивированные и выводимые пословично-поговорочные выражения, входящие в паремиологическое ядро русского языка (типа *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*): *Залетела ворона в высокие (в боярские) хоромы; Без меня меня женили; Баба с возу – кобыле легче; Бодливой корове бог рог не даёт; Была бы шея, (а) хомут найдется; В пустой бочке звону больше; Пустили козла в огород; Тихие воды глубоки и многие др.*

Паремиологические единицы, входящие соответственно в группы с пятой по восьмую, образуют множество пословично-поговорочных выражений (по терминологии В. П. Жукова). «Эти выражения характеризуются тем, что часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы) имеют фигуральное, переносное значение» [Жуков 1991: 12]. Именно наличие смыслообразующих слов-компонентов в структуре пословично-поговорочных выражений определяет их особое, промежуточное положение в паремиологическом пространстве. Критерий выводимости, т. е. способности отдельных компонентов употребляться в прямом, буквальном значении, учитывает в своей паремиологической классификации и Г. Л. Пермяков [Пермяков 1988: 37, 39].

От того, насколько представлены в паремии свойства налагаемости, мотивированности и выводимости, в конечном счёте зависят и идиоматические качества конкретного пословично-поговорочного выражения и его место в общей классификации.

Литература

Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 118 – 139.

Жуков, А. В. К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизмов / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер. «Гуманитарные науки». – 2006. – № 36. – С. 55 – 58.

Жуков, А. В. Очерки по фразеологической семантике / А. В. Жуков. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008.

Жуков, В. П. Предисловие. О словаре пословиц и поговорок // В. П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1991. – С. 9–20.

Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высш. шк., 1986.

Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1991.

Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Л. Г. Пермяков. – М. : Наука, 1988.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

М. Е. Жукова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

МОЖНО ЛИ ВЫКУРИТЬ ТРУБКУ МИРА, НЕ ЗАКОПАВ ТОПОР ВОЙНЫ? (ДВА ВЫРАЖЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭЛЕКТРОННЫХ И ПЕЧАТНЫХ СМИ)

Замечательная книга С. Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» начинается с эпиграфа, который очень точно отражает системообразующую идею этого оригинального и глубокого теоретического исследования. В двух строчках римского поэта Горация, жившего в I в. до н. э., по сути нашёл отражение принцип историзма, предписывающий рассматривать каждое явление с точки зрения того, как данное явление возникло, как оно развивалось и чем оно стало теперь. Гораций выразил его в поэтической форме по отношению к речи: «Слова и выражения цветут и опадают, как листья: для них есть своя весна и осень» [Цит. по: Шулежкова 2002: 4].

В настоящей статье мы остановимся на двух неразрывно связанных и взаимодополняющих друг друга крылатых выражениях – *закопать топор войны* и *выкурить трубку мира* (*топор войны* и *трубка мира*). По-разному сложилась судьба этих крылатых единиц, хотя генетически они представляют собой, образно говоря, две стороны одной медали.

Эти яркие метафорические образы завещаны нам многострадальным и стойким народом – индейцами Северной Америки. Одно из них давно уже стало крылатой единицей русского языка. Это выражение *выкурить трубку мира*. Наряду с ним в информационном поле широко используется его субстантивный дериват *трубка мира*. Довольно часто и в печатных СМИ, и в Интернете как в политическом дискурсе, так и в разговорной стихии стал использоваться антоним *раскопать / откопать топор войны* в значении ‘начать войну, развязать конфликт’.

Индейские легенды стали широко известны более ста лет назад после выхода в свет в 1855 г. знаменитой поэмы американского поэта Г. Лонгфелло

«Песнь о Гайавате». Поэма была построена на преданиях североамериканских индейцев. Именно в поэме Лонгфелло и нашли впервые европейцы образ трубки мира: *Погрузитесь в эту реку, / Смойте краски боевые, / Смойте с пальцев пятна крови, / Закопайте в землю луки, / Трубки сделайте из камня, / Тростников для них нарвите, / Ярko перьями украсьте, Закурите трубку Мира, / И живите впредь как братья...* (Перев. И. А. Бунина) [БСКСиВ 2009: 460].

Благодаря поэме Лонгфелло европейцы узнали, что выражение пошло от индейского обряда завершения войны, когда враждующие вожди и представители племён садились рядом и пускали «на круг» курительную трубку. Обыкновенная трубка была возвышена североамериканскими индейцами до символа взаимопонимания, сотрудничества, осуждения войны. «Песнь о Гайавате» стала очень популярной среди юношества по всей земле. Крылатые слова были переведены на множество языков. И всюду слова *выкурить / закурить трубку мира* стали обозначать ‘примириться, достичь взаимопонимания, прекратить раздоры и распри’.

В «Большом словаре крылатых слов и выражений» указано, что впервые эта единица появилась в справочнике цитат и афоризмов С. Г. Займовского «Крылатое слово» в 1930 г., т. е. восемь десятков лет назад [БСКСиВ 2009: 460].

Выражение *закопать топор войны* (*топор войны*) в книгу Займовского не попало. Не зафиксировано оно и современными фразеологическими словарями. Так, в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, включающем около 8 000 идиом современного русского языка, данного выражения также нет, хотя в таксоне «Конфликт» *трубка мира* органично «вписалась» в перечень русских идиом на эту тему (45.1.3. Избегание конфликта. Улаживание конфликта. Снятие конфликта.). В тот же таксон, но в подтаксон «Этапы и состояние конфликта» вошло родственное выражение *выйти / встать на тропу войны* (45.1.1. Создание конфликта.). [Словарь-тезаурус 2007: 656–657]. Очевидно, что выражение *закопать / вырыть топор войны*, как и его субстантивный дериват *топор войны* должны по праву занять своё место рядом с курящейся *трубкой мира*, в том же самом таксоне. Единственный лексикографический источник, в котором удалось найти выражение *закопать топор войны*, – это толковый словарь Г. Я. Солганика «Язык газеты, радио, телевидения». В нём представлено толкование данной крылатой единицы (‘договориться о мире, установить мир’) и приведён только один пример её употребления, датированный 1995 г. [Солганик 2007: 665].

Поиск исследуемых выражений в Интернете позволил получить обширнейший материал, касающийся как истории происхождения, так и употребления данных языковых единиц в пространстве печатных и электронных СМИ. В рамках данной статьи представляется необходимым ограничиться историей происхождения выражения и теми предварительными выводами, которые напрашиваются по первому ознакомлению с полученным материалом.

Идиома *закопать топор войны* восходит к практике захоронения американскими индейцами томагавка или топора в ознаменование мирного соглаше-

ния между племенами. Томагавк – это холодное оружие, представляющее собой топор на прямой рукояти, который использовался как метательное оружие и как оружие ближнего боя. Примечательно, что до начала колонизации у индейцев топоры были каменные, а с приходом колонизаторов появились металлические томагавки. Иногда в рукояти томагавка высверливалось сквозное отверстие по всей длине, а на конце – выемка для табака. Таким образом, томагавк можно было использовать и в качестве курительной трубки. Такие томагавки использовались в дипломатии как дары, потому что являли собой яркий символ, связанный с культурными традициями американских индейцев: с одной стороны находилась трубка мира, а с другой – топор войны.

Ритуал закапывания томагавка, или топора войны, появился у апачей. Племя индейцев-апачей перекочевало в юго-западную часть североамериканского континента из Аляски. Апачи были воинственным кочевым племенем, так и не осевшим на какой-то определенной территории. Основным средством выживания этого народа была охота на буйволов. Война с испанцами в 1730-е гг. почти полностью уничтожила и без того малочисленное племя. Правда, испанцам она тоже стоила больших потерь и жертв. Вражда прекратилась в 1743 г. Несколькоми годами позже был подписан договор о перемирии. На официальной церемонии вождь племени публично опустил в глубокую яму свой боевой топор в знак примирения. Кстати, именно с этого момента во все европейские языки прочно вошло выражения *зарыть топор войны*. Так, в английском языке выражение *закопать топор войны* является идиомой, означающей заключение мира или улаживание конфликта с противником. Её самое раннее зарегистрированное использование относится к XVIII в.

Почему же в русском языке «прижилась» трубка мира, но был «отвергнут» топор войны? Как нам представляется, причина кроется в следующих обстоятельствах. На протяжении всей истории человечества отношения между различными племенами, народами, странами по сути сводятся к двум состояниям – войне и миру. Ещё Прудон отмечал, что война и мир составляют непрерывные условия жизни народов: мир предполагает войну, война предполагает мир. Но уже с античных времён высказывались идеи всеобщего мира и осуждения войны. Именно эти идеи стали направляющими как в политике СССР, так и в советском политическом дискурсе. Слово *мир* было одним из опорных в советской практике, ср. дежурные лозунги: «Мир хижинам, война дворцам!», «Миру – мир!», «Мир, труд, май!»... Так СССР заявлял свои внешне- и внутриполитические приоритеты. Одни граждане торжественно присягали: «Мы наш, мы новый мир построим», другие лукаво открещивались: «Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной» [Игрунова 2007]. Вероятно, в связи с тем, что слово *мир* было опорным в советской практике, выражения *топор войны* и *закопать топор войны* с точки зрения советской цензуры не отвечало эстетике советского политического дискурса. Здесь следует принять во внимание и тот факт, что в переносном смысле слово *топор* употреблялось на Руси как символ жестокой власти, гнёта, насилия.

В современной России мир воспринимается не как отрицание войны, а как мир, включающий войну [Клушина 2007: 161]. Как отмечает А. П. Чудинов, се-

годня очень активна милитарная метафора, образно представляющая современную российскую действительность как «войну всех против всех»: «Политические деятели, партии, бизнесмены, журналисты и самые обычные граждане постоянно с кем-то воюют...» [Чудинов 2002: 109]. Понятно, что под войной здесь понимается конкурентная борьба «за место под солнцем» с себе подобными. Войны чередуются с примирениями и перемириями, которые всегда таят в себе возможность новых конфликтов и жестокой конкурентной борьбы. В этой связи крылатое выражение *закопать / зарыть топор войны* оказалось востребованным именно в наше время, так же как и его антоним – выражение *откопать / вырыть топор войны*, тем более что в зарубежных СМИ они используются уже не один век. Секрет популярности этих языковых единиц кроется в их метафорической форме, так как «поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой. Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий» [Кара-Мурза 1999].

Какие же самые общие выводы позволяют сделать полученные данные? *Топор войны* в современной России *закапывают* энергетики и строители, загородные риэлтеры и супружеские пары, участники дискуссий, форумов и целые регионы, эстрадные певцы и светские львицы, операторы сотовой связи и спортсмены и проч. При этом закапывают топоры разных войн – информационной и холодной, словесной и идеологической, торговой и семейной. Часто звучат призывы к враждующим сторонам *закопать / зарыть топор войны* в значении ‘прекратить раздор, покончить с конфликтной ситуацией’. Но не менее часто, чем закапывают, топор войны откапывают (вырывают). И делают это те же, кто, казалось, закопал топор войны ещё совсем недавно. В Интернете можно обнаружить множество хедлайнов и лидов, которые информируют нас о том, что ответственные лица *откопали топор войны, который лежал под лавкой*, или *потихоньку откапывают топор гражданской войны*, президент *откапывает топор войны с коррупцией*, а Китаю вполне по силам *откопать топор войны в космосе*.

Итак, выражения *закопать / зарыть топор войны*, его субстантивный дериват *топор войны*, а также варианты *откопать / вырыть топор войны*, *достать топор войны* и антоним *закопать / зарыть топор войны* получили широкое распространение в пространстве российских СМИ и Интернета в первом десятилетии XXI в., в то время как крылатые фразы *выкурить трубку мира* и его субстантивный трансформ *трубка мира* в информационном пространстве являются популярными и всегда востребованными, начиная с 30-х годов прошлого столетия. Думается, что пришла пора восстановить в «лексикографических правах» описываемую языковую единицу, которая по прихоти судьбы до сих пор не попала ни в богатейший русский фонд крылатых выражений, ни в один из фразеологических и идиоматических словарей.

В связи с тем, что рыночная экономика, в условиях которой мы сейчас живём, это «война всех против всех» (кстати, это тоже крылатизм, восходящий к трудам английского философа XVII в. Т. Гоббса), выражения *закопать топор войны* и *выкурить трубку мира* по сути представляют собой единственно при-

емлемую программу поведения в современных условиях и для отдельных индивидов, и для больших групп людей, и для целых государств, позволяющую существовать и выживать в таких условиях.

Литература

- БСКСиВ 2008-2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009.
- Иргунова, Н. Витрина мира / Н. Иргунова // Известия. – 2007 (15 августа).
- Кара-Мурза, С. Мы сами копали могилу себе / С. Кара-Мурза // Наш современник. – 1999. – № 6.
- Клушина, Н. И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) / Н. И. Клушина // Язык современной публицистики : сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 144 – 161.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- Солганик, Г. Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Г. Я. Солганик. – М. : АСТ : Астрель, 2007.
- Чудинов, А. П. Криминальная метафора в современных СМИ / А. П. Чудинов // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 104 – 110.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

Е. И. Зыкова

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Крылатые выражения (КВ) как особый разряд фразеологии, находящийся на периферии языковой системы, до сих пор активно изучается в российской и зарубежной лингвистике. За последние десятилетия было сформулировано определение крылатого выражения, установлен языковой статус этих единиц и выделены их дифференциальные признаки, а также достаточно подробно описаны источники КВ. Кроме этого, были сделаны попытки лексикографической обработки этих единиц, что нашло своё отражение в многочисленных словарях и справочниках крылатых слов, был разработан особый тип словаря – энциклопедический.

Основоположником теории крылатых выражений, изложенной в монографии «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», по праву считается профессор Светлана Григорьевна Шулежкова [Шулежкова 1995]. Этот труд явился итогом многолетней исследовательской работы учёного в новой тогда области русской фразеологии. Именно С. Г. Шулежковой принадлежит пальма первенства в системном описании данного корпуса языковых средств и прежде всего установлении и утверждении языкового статуса за крылатыми словами. Это фундаментальное научное исследование легло в основу и лексикографической обработки крылатых слов: в 2000 г. появился первый сло-

варь крылатых слов, в котором они подверглись лексикографическому анализу как языковые единицы [БСКС 2000].

Проблеме функционирования КВ как одного из важнейших языковых средств, содержащих в своей семантике культурную информацию, всегда уделялось большое внимание. Основа типологии функций КВ была заложена в монографии С. Г. Шулежковой, которая выделила характеризующую, аргументирующую, юмористическую, заголовочную, композиционную функции, функцию контактоустанавливающей реплики, лозунга или призыва [Шулежкова 1995].

При описании специфических особенностей стилистического использования КВ нельзя не отметить, что одной из основных функций крылатых единиц в тексте является депатетическая [Мокиенко 2003]. Ключевыми языковыми единицами, которые используются для сатирического осмеяния, становятся, прежде всего, КВ-советизмы, являющиеся своего рода символами коммунистической идеологии и советского государства. Среди них лидируют цитаты из произведений К. Маркса и В. И. Ленина (напр.: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; *Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны* и др.). Процесс депатетизации подобных выражений подразумевает, что идеологический фантом подвергается «взрыву изнутри», а выражение-советизм как бы «выворачивается наизнанку» (Напр., *Девушки всех школ, предохраняйтесь!*).

В последние годы на международных фразеологических форумах неоднократно отмечалась тенденция к увеличению частотности употребления КВ в СМИ (Братислава 2004; Ополе 2005; Загреб 2006; Варна 2007). Современные масс-медиа используют в целях привлечения внимания читателя (зрителя) КВ различного происхождения: от крылатых слов (*Отелло*, *Золушка*, *Геркулес*) до КВ-афоризмов, к которым относятся образно-описательные литературные цитаты (*гений чистой красоты*; *Отговорила роща золотая*), патетизмы (*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; *Лучшие меньше да лучшие*; *Кто был ничем, тот станет всем*), цитаты из песен (*Всё, что было не со мной, помню*; *Мы за ценой не постоим*; *А годы летят*), кинофильмов (*Семё-он Семёнович!*; *Счастье это когда тебя понимают*; *Павлины, говоришь!?*), мультфильмов (*Чебурашка*; *А баба-яга против!*; *Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро*), телепередач (*У-у ты какая!*; *Нормально, Григорий! – Отлично, Константин!*; *Старые песни о главном*).

Привлекательность КВ для СМИ, думается, содержится в специфичности их структуры и семантики, о чём свидетельствуют многочисленные лексикографические описания КВ [Елистратов 1999; БСКС 2000; Дядечко 2001; СП 2005], в которых вопрос семантического определения данных единиц стал первоочередным. Результаты разработки данной проблемы на протяжении последних лет были структурированы и описаны Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым в их монографии «Язык и культура», где авторы предложили оригинальную концепцию соотношения лингвистического и культурологического в языке [Верещагин 2005].

Благодаря своему культурологическому семантическому потенциалу и способности хранить часть культурной информации источника, из которого они вышли, КВ могут выполнять кумулятивную функцию. Признавая трёхступенчатость семантики КВ, исследователи на первое место поставили их кумулятивную СД-долю значения [Верещагин 2005], в которой «фиксируется, хранится и передаётся [разрядка наша – Е. З.] немалый объём информации о постигнутой обществом действительности», который был назван лексическим фоном. Думается, что именно в этой «передаче» и сосредоточены эффективные воздействующие возможности КВ. Речь идёт, прежде всего, об источнике или авторе КВ. Зачастую общеизвестность автора или источника выполняет функцию воздействия на читателя, а сами КВ выполняют манипулятивную или воздействующую функцию [Зыкова 2007]. Наблюдения показали, что чаще всего с этой целью используются библеизмы и литературные цитаты (особенно поэтические). Подобная публицистическая востребованность бывает зачастую чрезмерной.

В последние годы указанный процесс, по нашим наблюдениям, перекочевал и на рекламные щиты, теле- и видеоролики, где в качестве слогана также используются КВ, содержащие в своей кумулятивной СД-доле либо отсылку на авторитетный источник, либо высокую патетическую коннотацию. Очевидно, что и те и другие признаки преобладают в библеизмах и литературных цитатах.

Однако мысль о манипулятивном использовании КВ основывается не только на излишне частотном их употреблении. Она подтверждается, на наш взгляд, и фактом неуместного применения этих выражений. В качестве примера можно привести использование библеизма *Время собирать камни* в рекламе шуруповёрта или пушкинского отрывка *Зима... Крестьянин, торжествуя* в рекламе майонеза «Махеев». Образы, актуализируемые в сознании покупателя данными КВ, по мнению рекламодателей, должны привлечь потребителя, сосредоточить его внимание на конкретном продукте.

Литература

БСКС 2000: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка : около 4000 ед. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Русские словари» ; ООО «Изд-во Астрель» ; «Изд-во АСТ», 2000.

Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвистических концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005.

Дядечко, Л. П. Новое в русской и украинской речи. Крылатые слова. Материалы для словаря / Л. П. Дядечко. – Киев : КГУ, 2001. – Вып 1 – 4.

Елистратов, В. С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф) : ок. 1000 ед. / В. С. Елистратов. – М. : Изд-во «Русские словари», 1999.

Зыкова, Е. И. Крылатые выражения как средство языковой манипуляции (на материале русской рекламы) / Е. И. Зыкова // Мир русского слова и русское слово в мире : сб. докл. XI Конгресса МАПРЯЛ. – София : Heron press, 2007. – Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 143 – 151.

Мокиенко, В. М. Депатетизация патетизмов в современном тексте / В. М. Мокиенко // Современные языковые процессы : межвуз. сб. / отв. ред. П. А. Дмитриев, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня. – СПб. : СПбГУ, 2003. – С. 55 – 69.

СП: Мокиенко, В. М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. ; М. : Изд. Дом «Нева», 2005.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Изд-во ЧГПИ «Факел», 1995.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения-советизмы в русских средствах массовой информации последнего десятилетия / С. Г. Шулежкова // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры : тез. докл. междунар. симпозиума. – Оломоуц, 1995. – С. 79 – 80.

С. Ф. Иванова

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт

ТЭКСТАВЫЯ КРЫНІЦЫ ПРАТАТЫПАЎ АНТЫЦЫТАТ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Крылатыя словы вельмі часта выкарыстоўваюцца ў маўленні з пэўнымі змяненнямі, у мадыфікаваным выглядзе. Змяненні звычайна не закранаюць змест крылатых слоў, паколькі яго захаванне з’яўляецца абавязковай умовай ужывання крылатых слоў як інтэртэкстаў. У тых жа выпадках, калі трансфармацыя знешняй формы вядзе да змянення сэнсу крылатых слоў, утвараюцца новыя адзінкі, якія або выконваюць намінацыйную функцыю (скіраваны на адлюстраванне нейкай з’явы, падзеі, служаць для наймення нейкіх рэалій ці выражэння пачуццяў і г. д.), або ствараюцца выключна дзеля жарту, іранічнага асэнсавання рэчаіснасці, пароды на зыходную адзінку, змест яго тэкставай крыніцы ці светапогляд яе аўтара. Такія парадыйныя, іранічныя, жартаўлівыя трансфармацыі крылатых слоў адносяцца да жанру так званых «антыцытат» (як разнавіднасці антыпрыказак у шырокім разуменні) [Mieder 1997] і досыць распаўсюджаны ў цяперашні час у сучаснай беларускай літаратурнай мове [Іванова 2010а; Иванова 2010б].

Антыпрыказкі, прататыпамі якіх з’яўляюцца крылатыя словы (як з уласна беларускіх крыніц, так і іншамовных, пераважна з рускамоўных) складаюць каля 16,5 % ад агульнай колькасці антыпрыказак, зафіксаваных у сучаснай беларускай літаратурнай мове, напр.: *Мой родны кот, як ты мне мілы!* або *Мой родны кут, як ты мне мілы!* *Або я тут, або мне вілы!* *Я. Колас* ← *Мой родны кут, як ты мне мілы!* *Забыць цябе не маю сілы* – першыя радкі паэмы «Новая зямля» (1919–1923) *Я. Коласа* (К. М. Міцкевіча, 1882–1956); *Жыццё – гэта гульня. У дурня* ← *Што наша жыццё?* – *Гульня* (< руск. *Что наша жизнь?* – *Игра* – выслоўе з лібрэта М. І. Чайкоўскага да оперы П. І. Чайкоўскага «*Тиковая дама*», 1890, паводле аднайменнай аповесці А. С. Пушкіна, 1833); *Комплекс Экзюперы: мы ў адказе за тых, каго своечасова не паслалі* ← *Мы адказваем за тых, каго прыручылі* (< руск. *Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил* – выслоўе у перакладзе Н. Галь з рамана А. дэ Сент-Экзюпері «*Маленькі прынец*», 1943). Трэба адзначыць, што прататыпамі антыцытат часта з’яўляюцца шырока ўжывальныя адзінкі (якія страцілі ў свядомасці носьбітаў мовы асацыяцыйную сувязь з тым тэкстам, адкуль яны паходзяць, і ўжываюцца

ў маўленні як прыказкі), напр.: *Смяецца той, хто кіруе!* або *Хто смяецца апошнім?* Той, да каго пазней даходзіць... ← <Добра> смяецца той, хто смяецца апошні (апошнім) < фр. *Rira bien qui rira le dernier* ('Добра будзе смяцца, той хто смяецца апошнім') – афарызм з байкі “Два селяніна і хмара” (1792) Ж. П. К. дэ Фларыяна (1755–1794) < англ. *He laughs best that laughs last* ('Лепей за ўсіх смяецца той, хто смяецца апошнім') – афарызм з п'есы “Сельскі дом” (1703) Дж. Ванбру (1664–1726) < першапачаткова французская прыказка.

Агульная колькасць антыцытат, зафіксаваных у мове беларускага перыядычнага друку і ў Інтэрнэт-маўленні, складае каля 300 адзінак. Трэба заўважыць, што колькасны склад беларускіх антыцытат можна вызначыць толькі вельмі прыблізна, паколькі іх стварэнне і функцыянаванне мае яскрава індывідуальна-маўленчы характар з прычыны таго, што корпус шырока вядомых цытат мае вельмі дробную ідыялектную (індывідуальна-маўленчую) дыферэнцыяцыю, дарэчы, значна большую, чым корпус шырока ўжывальных прыказак (так, у парэміялагічных мінімумах розных моў цытат ніколі не было больш за 5 %).

Тэкставыя крыніцы крылатых слоў як прататыпаў антыцытат у сучаснай беларускай літаратурнай мове падзяляюцца на наступныя.

1. **Фальклорныя творы (пераважна малых жанраў)**, як уласна беларускія, так і іншамовныя (пераважна рускія), напр.: *Адны жылі-былі, а іншыя былі, але не дажылі* ← *Жылі-былі...* (традыцыйны зачын казак ва ўсходнеславянскім фальклоры); *Аты-баты, ішлі дэбаты* ← *Аты-баты, ішлі салдаты* (< руск. *Аты-баты, шли солдаты...* – пачатак рускай народнай лічылкі).

2. **Святое Пісанне**, напр.: *Казламі адпушчэння часцей за ўсё бываюць бараны* ← *казёл адпушчэння* (Лев., 16, 9, 10); *Калі пралез праз вушка іголки – паспрабуй давесці, што ты не вярблюд* ← *Лягчы вярблюда пралезці праз вугольнае вушка, чым багатаму ўвайсці ў царства Божае* (Мф., 19, 24; Лк., 18, 25); *Кесарава – кесару, слесарава – слесару* ← *Кесарава Кесару* <, а богава Богу> (Мф., 22, 15–21; Лк., 11, 42); *У чужым воку бачыш пылінку, а на сваёй галаве і рагоў не заўважаеш* ← *У чужым воку саломінку бачым, а ў сваім і бярвяна не заўважаем* (Мф., 7, 5).

3. **Творы мастацкай літаратуры і драматургіі** розных эпох і народаў, у тым ліку і беларускай:

а) **раманы, апавесці, апавяданні** і г. д., напр.: *Апетыт прыходзіць у гасцях* ← *Апетыт прыходзіць у часе яды* (< фр. *L'appétit vient en mangeant* – афарызм з рамана Ф. Рабле “Тарганцюа і Пантагрюэль”, 1532, дзе ўжываецца як цытата з трактата епіскапа Ж. дэ Анжэ “Аб прычынах”, 1515); *Усе няшчасці чалавека ад таго, што ён створаны для ішчасця* ← *Чалавек народжаны для ішчасця, як птушка для палёту* < руск. *Человек рожден для счастья, как птица для полёта* (выслоўе з апавядання У. Г. Караленкі “Парадокс”, 1894);

б) **паэмы, вершы** і г. д., напр.: *А хто там ідзе? А хто там ідзе?* *Рэвізоры* ← “*А хто там ідзе?*” – назва верша Я. Купалы, 1905–1907); *Пры адчыненым акне ў Еўропу сон здаравейшы* ← *У Еўропу прасячы акно* (< руск. *в Европу прорубить окно* – выраз з паэмы А. С. Пушкіна “Медный всадник”,

1833); *Шукаць, знайсці і не перахаваць...* ← *Змагацца і шукаць, знайсці і не здавацца* (< англ. *To strive, to seek, to find, and not to yield* – выслоўе з паэмы А. Тэнісана “Уліс”, 1842, паўторанае ў рамана В. А. Каверына “Два капітана”, 1938–1944);

в) **байкі**, напр.: *Асёл з дыпламам – ужо не асёл, а дыпламаваны баран* ← “*Дыпламаваны баран*” (назва байкі К. Крапівы, 1926); *Зязюля хваліць пеўня, а певень топча курыцу* ← *Зязюля пеўня ўсхваляе, / Таму што хваліць ён яе* (< руск. *Кукушка хвалит петуха / За то, что хвалит он кукушку* – радкі з байкі І. А. Крылова “Кукушка і петух”, 1834);

г) **п'есы**, напр.: *Жыццё – не толькі барацьба, але і іншыя віды спорту* ← *Жыццё – <гэта> барацьба* (выслоўе з трагедыі Эўрыпіда “Ікэтідэс”, паўторана Сенекай у “*Epistolae morales*”: *Vivere militare est*); *Чалавек! – гэта гучыць горда, пакуль не пачынае заплятацца язык* ← *Чалавек – гэта гучыць горда* (< руск. *Человек! Это звучит гордо!* – афарызм з п'есы М. Горкага “На дне”, 1902).

4. **Публіцыстычныя тэксты**, напр.: *Беражыце мужчын! Не выходзьце замуж!* ← *Беражыце мужчын* (< руск. “*Берегите мужчин!*” – заглавак артыкула Б. Ц. Урланіса ў газеце «Літаратурная газета» ад 24 ліпеня 1968 пра тое, што мужчыны паміраюць значна раней, чым жанчыны); *Вучыцца, вучыцца, вучыцца...* *А калі працаваць?* ← *Вучыцца, вучыцца і вучыцца* (< руск. *Учится, учится и ещё раз учится* – выслоўе з артыкула У. І. Ульянава-Леніна “Лучше меньше, да лучше”, 1923).

5. **Навуковыя тэксты**, напр.: *Колькі б не шукалі ісціну ў віне, на самой справе яна знаходзіцца ў гарэцы* ← *Ісціна ў віне* (< лац. *In vino veritas* – афарызм з “*Naturalis historia*” Плінія Старэйшага, 23/24 – 79).

6. **Выказванні вядомых асоб** (гістарычных, дзяржаўных і культурных дзеячаў), напр.: *Ведаем мы вас, але не можам пазнаць сябе* ← *Пазнай самага сябе* (< гр. *Γνωθι σεαυτόν* – выслоўе Фалеса, аднаго з старажытнагрэчаскіх “сямі мудрацоў”, якое было напісана на франтоне храма Апалона ў Дэльфах); *Грошы не пахнуць, а на смак лепш не каштаваць* ← *Грошы не пахнуць* (< лац. *Non olet resipia* – выслоўе старажытнарымскага імператара Веспасіяна, 69–79); *Жыць стала лепш...* *За мяжой* ← *Жыць стала лепш, <таварышы,> жыць стала весялей* (< руск. *Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее* – словы з прамовы І. В. Сталіна 17 лістапада 1935).

7. **Мова кіно**, напр.: *Каб ты жыў на адну Нобелеўскую прэмію!* ← *Каб ты жыў на адну зарплату!* (< руск. *Чтоб ты жил на одну зарплату!* – фраза з к/ф рэжысёра Л. Гайдая “Бриллиантовая рука”, 1969); *Ну, дыета, пачакай!* (надпіс на торце) ← *Ну, заяц, пачакай!* (< руск. *Ну, заяц, погоди!* – выраз з м/ф рэжысёра В. М. Кацёначкіна “Ну, погоди!”, 1969–1992).

8. **Тэксты масавай камунікацыі**, якія сталі прэцэдэнтнымі:

а) **эпіграфічныя** (надпісы рознага зместу ў грамадскіх месцах), напр.: *Беражыце лес ад пажараў, бо не будзе з чаго рабіць запалкі!* ← *Беражыце лес ад агня (ад пажару)!* (надпіс каля лясных масіваў); *Пешаходы і вадзіцелі, будзьце ўзаемаўварозымі* ← *Пешаходы і вадзіцелі, будзьце ўзаемаветлівымі* (надпіс каля пешаходных пераходаў на скрыжаваннях, уздоўж дарог);

б) палітычныя (лозунгі, заклікі і да т. п.), напр.: *Пралетарыі ўсіх краін, пахмяляйцеся!* ← *Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!* (< ням. *Proletarier aller Länder, vereinigt euch!* – лозунг Міжнароднага рабочага руху, сфармуляваны К. Марксам і Ф. Энгельсам у “Маніфесте Камуністычнай партыі”, 1848);

в) рэкламныя, напр.: *Адзін грам нікаціну забівае каня. Так яму і трэба: хай не курыць* ← *Адзін грам нікаціну забівае каня* (выраз з сацыяльнай рэкламы Міністэрства аховы здароўя Рэспублікі Беларусь); *Заплаці падаткі – і спі спакойна з кім хочаш* ← *Заплаці падаткі і спі спакойна* (< руск. *Заплати налоги – и спи спокойно* – выраз з тэлевізійнага роліка сацыяльнай рэкламы Міністэрства па падатках і зборах Расійскай Федэрацыі).

Абавязковай умовай стварэння антыцытаты з’яўляецца веданне носьбітамі мовы яе прататыпа, інакш пародыя або жарт траціць сэнс. Гэтую асаблівасць антыцытат, дарэчы, можна выкарыстаць для ўдакладнення парэміялагічнага мінімуму сучаснай беларускай мовы [Іваноў 2006], паколькі яны з’яўляюцца трансформамі найбольш вядомых і распаўсюджаных крылатых слоў, якія часта страчваюць у свядомасці носьбітаў мовы асацыяцыйную сувязь з тэкставымі крыніцамі свайго паходжання і ўжываюцца ў маўленні як парэміялагічныя адзінкі.

Літаратура

Іванова 2010а: Иванова, С. Ф. Антыцитаты ў сучаснай беларускай мове / С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў // *Phraseologische Studien : Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie / Internationales Slawistenkomitee (Phraseologische Kommission)* ; red. D. Balakova und H. Walter. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt Universität, 2010. – S. 174 – 183.

Іванова 2010б: Иванова, С. Ф. Парадыйныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак) / С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. А. Шпакоўская // *Acta Germano-Slavica*. – 2010. – Т. 4. – С. 55 – 65.

Іваноў, Я. Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я. Я. Иваноў // *Вестник Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4.* – 2006. – № 3. – С. 103 – 109.

Mieder, W. Verkehrte Worte. Antizitate aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1997.

Я. Я. Іваноў

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт

КАГНІТЫўНЫЯ І ГРАМАТЫЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ ПРЫКАЗАК ЯК РАЗНАВІДНАСЦІ АБАГУЛЬНЕНА-УНІВЕРСАЛЬНЫХ ВЫКАЗВАННЯў У АНТАГЕНЭЗЕ МОВЫ

Абагульнена-універсальныя выказванні як разнавіднасць выслоўя наогул (resp. сцісла і яскрава выказанай глыбокай думкі) вядомы з глыбокай даўніны. З глыбіні тысячагоддзяў паходзіць такія жанры народнай вусна-паэтычнай творчасці, як прыказкі і прыкметы, моўнай формай якіх з’яўляюцца менавіта абагульнена-універсальныя выказванні.

Прыказкі актыўна ўжываліся, паводле антрапалагічных даследаванняў, яшчэ ў эпоху неаліту (прыкладна ў VIII–III тыс. да н. э.). Знакаміты англійскі антраполог Э. Б. Тайлар (1832–1917) у сваёй вядомай працы “Primitive Culture” (1871) заўважае, што ў мове жыхароў архіпелага Фіджы, якія яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. знаходзіліся на той стадыі развіцця, якую б археолагі назвалі познім каменным векам, было зафіксавана некалькі прыказак. Тое ж самае было адзначана і ў іншых прымітыўных культурах. Напр., “у адной з навазеландскіх прыказак гаворыцца, што гультай часта карыстаецца здабыткамі працавітага: *Вялікія ішчэпкі ад моцнага дрэва дастаюцца абібоку* (Тут і далей курсіў мой – Я. І.), а другая выказвае ісціну, што *Можна бачыць крывізню сцябла, а крывізню сэрца бачыць немагчыма*. У басута Паўднёвай Афрыкі прыказка *Львы рыкаюць і тады, калі ядуць* азначае, што ёсць людзі, якія ніколі нічым не бываюць задаволеныя. *Месяц сяўбы – месяц галаўнога болю* – гаворыцца пра тых, хто ўхіляецца ад працы. *Злодзей ясі грамавыя стрэлы* – азначае, што злодзей сам наклікае на сябе пакаранне неба” [Тайлар 1989: 77].

Калі ўлічваць тое, што ў глотанезе пераносна-вобразнаму спосабу абагульнення рэчаіснасці, уласціваму прыказкам, не магло не папярэднічаць функцыянаванне абагульненых выказванняў з прамым значэннем, а ўстойлівым у маўленні фразам абагульненай семантыкі – ўжыванне свабодных па сваёй лексічна-граматычнай структуры абагульненых выказванняў (у тым ліку і як прататыпаў прыказак), то можна сцвярджаць, што абагульнена-універсальныя выказванні як прадукт і спосаб маўленча-мысленчай дзейнасці існавалі ўжо ў самы ранні перыяд развіцця мовы (прынамсі, да VIII тыс. да н. э.).

Перадумовай узнікнення абагульнена-універсальных выказванняў у антагенезе мовы трэба лічыць эмпірычнае адкрыццё першабытным чалавекам таго факту, што сувязі паміж тымі ці іншымі аб’ектамі рэчаіснасці здольны мець сталы характар, г. зн. больш ці менш рэгулярна паўтарацца ў аднолькавых умовах існавання гэтых аб’ектаў. Можна меркаваць, што без усведамлення гэтага было б наогул немагчыма асэнсаванне “нечага” як “нечага”, г. зн. былі б немагчымы, у прыватнасці, і акты элементарнай і першаснай сігніфікацыі – “дафанетычнага і звышфанетычнага асэнсавання сляпога гука ў мэтах камунікацыі” праз “падвядзенне адзінкавага пад агульнае і функцыянаванне агульнага як нечага, што надае сэнс адпаведнаму адзінкаваму” [Лосев 1983: 144–145]. Гэтаксама ж утварэнне суджэнняў тыпу *Іван – гэта чалавек* ці *Жучка – гэта сабака* (дзе “выказнік скарыстоўваецца як нейкая агульнасць, у межах якой аб’ядноўваецца ўсё адзінкавае”, а “дзейнік перастае ўспрымацца як нешта глабальнае і непадзельнае, цмянае і бессэнсоўнае, а пачынае разумецца як нешта, што атрымала для сябе пэўны сэнс, як нешта цяпер ужо ўсведамленае”, гл. [Лосев 1983: 145]) немагчыма без асэнсавання ў межах перцепцыі таго, што “*Любы*” *Іван – гэта чалавек* і “*Любая*” *Жучка – гэта сабака* (г. зн. без усведамлення таго, што ўсе аднародныя адзінкавыя рэаліі можна звесці да пэўнай агульнасці). А гэта, у сваю чаргу, цалкам немагчыма без упэўненасці ў тым, што “*Іван*” – гэта імя менавіта чалавечае, а “*Жучка*” – гэта мянушка менавіта сабачая (г. зн. без сталай сувязі адпаведнага оніма з пэўным класам аднародных аб’ектаў наймення).

Узнікненне абагульнена-універсальных выказванняў як моўных адзінак, што адлюстроўваюць не асобныя, канкрэтныя рэаліі, а іх цэлыя класы, было непарыўна звязана з узнікненнем тэарэтычнага (заснаванага на абагульненні) мыслення і магчымасцю катэгарыяльнага размежавання ў свядомасці чалавека думкі і рэчаіснасці, калі агульнае паняцце аддзяляецца ад таго прадмета, які яно абазначае, і пераўтвараецца ў асобную “сутнасць” (што адбылося ў антагенезе чалавечага мыслення прыкладна ў перыяд верхняга палеаліту 50-40 тыс. гадоў да н. э.). Менавіта гэты час трэба лічыць у глогагенезе ніжняй мяжой развіцця выказванняў абагульненай семантыкі, а гэта, у сваю чаргу, значыць, што элементарныя па сваёй сінтаксічнай пабудове абагульнена-універсальныя выказванні былі ўласцівыя чалавечай мове яшчэ на самых ранніх стадыях эвалюцыі *Homo sapiens sapiens*.

Моўнае адлюстраванне сталых сувязей паміж тымі ці іншымі аб’ектамі рэчаіснасці патрабуе выкарыстання пазачасавых сінтаксічных канструкцый сказа. Гэтаму ў найбольшай ступені адпавядаюць іменныя сказы, якія, што пераканаўча паказаў Э. Бенвеніст, будучы супрацьпастаўлены дзеяслоўным сказам як дзве розныя формы выказвання, ніколі не ўжываюцца для апісання фактаў у іх канкрэтнасці, а адлюстроўваюць толькі “абсалютныя ісціны” па-за сувяззю з часам, асобай і абставінамі (таму і найбольш падыходзяць для такіх выказванняў, як “выслоўі” і “прыказкі”, ды імі звычайна і абмяжоўваюцца), бо “іменны сцвярдзальны сказ, унутрана закончаны, ставіць выказванне па-за якой бы там ні было часавай ці мадальнай лакалізацыяй або суб’ектыўнай сувяззю з прамоўцам” [Бенвеніст 1974: 176]. Гэта складае такі тып граматычнай абстракцыі, як “лакацыя (абстракцыя адносінаў чалавека да месца і часу маўлення)”, што разам з двума іншымі тыпамі абстракцыі – намінацыяй і прэдыкацыяй з’яўляецца асновай намінацыйнай, сінтаксічнай і прагматычнай функцый мовы і характарызуе яе цалкам як сродак зносінаў, пазнання і ўздзеяння [Степанов 1973]. Магчымасць існавання бездэяслоўных сказаў сведчыць аб тым, што прэдыкацыя (як сцвярджэнне пазачасавай сувязі аб’ектаў і/або іх прыкмет) цалкам незалежная ад лакацыі (як дэйксісу сітуацыі зносінаў, што вызначаецца трыадай “я – тут – зараз”) і ў гістарычнай перспектыве развіцця граматычнай структуры мовы не магла ёй не папярэднічаць, бо толькі ў дэяслоўных сказах спалучаюцца фармальныя паказчыкі і сэнсы ўсіх трох функцый моўных выяўленняў (да прэдыкацыі дадаецца лакацыя праз намінацыю як паказчык спосабу быцця – саму лексему дэяслова).

Менавіта таму формы прэдыкацыі без дэяслова (або іншых граматычных форм тэмпаральнасці, аспектуальнасці, персанальнасці і г. д.) у выглядзе простага злучэння двух імёнаў з’яўляюцца найстаражытнейшымі ў антагенезе мовы і настолькі, паводле Э. Бенвеніста, “усагульныя”, што лягчэй было б пералічыць канкрэтныя мовы, у якіх яны з цягам часу зніклі (напр., сучасныя германскія мовы). А гэта значыць, што абагульнена-універсальныя выказванні як прадукт і спосаб маўлення-мысленчай дзейнасці знайшлі сваё ўвасабленне ўжо ў першасных формах прэдыкацыі (інакш кажучы, можна меркаваць, што першыя выказванні, пабудаваныя па мадэлі двусастаўнага сказа, былі менавіта абагульненыя), што адлюстравана ў шматлікіх прыказках розных моў свету.

Параўн.: бел. *Баязліваму і заяц – воўк, Згуба не загуба*; рус. *Вольному – воля, Попытка не пытка, Ум хорошо, а два лучше*; лац. *Omnis homo mortalis* ‘Чалавек смяротны’, *Omnia praeclara rara* (< *Ciceronis*) ‘Усё выдатнае – рэдкасць’; англ. *The sooner the better* ‘Хутчэй – лепш’, *Like father, like son* ‘Які бацька, такі сын’; ням. *Ehestand Wehestand* ‘Брак – ярмо’, *Lange Haare kurzer Sinn* ‘Валасы доўгія, розум кароткі’, *Mitgefangen Mitgehen* ‘Грэх папалам і бяду папалам’ і да т. п. Такія прыказкі, як правіла, маюць вельмі старажытнае паходжанне і ў многіх сучасных індаеўрапейскіх мовах з’яўляюцца толькі рэфлексамі калісцы вельмі прадукцыйнай мадэлі іменнага сказа.

З’яўленне першых прыказак, такім чынам, аддзяляе ад нашых дзён сапраўднае бездань часу. Паказальна пры гэтым, як заўважае Э. Тайлар, што пераважная большасць прыказак у сучасных народаў першабытнай культуры ні ў чым не ўступаюць еўрапейскім. Напрыклад, “негрыцянская прымаўка *Той, у каго толькі брыво служыць лукам, ніколі не зможжа забіць звер*а калі не так элегантная, то, безумоўна, больш маляўнічая, чым англійская *Грубавыя словы не ламае касцей*. Стары будыйскі афарызм *Чалавек, які аддаеца варожасці, падобны на таго, хто кідае попел з падветранага боку: попел ляціць назад і пакрывае яго з ног да галавы* выказаны менш праявічна з большай дасціпнасцю ў прыказцы неграў: *Попел ляціць назад у твар таму, хто яго кідае*” [Тайлар 1989: 77]. Гэта дазваляе меркаваць, што прыказкі на ўсім працягу гісторыі свайго развіцця як прадукту маўлення-мысленчай дзейнасці (у тым ліку і ў яе ўсведамленні як творчага акта) засталіся нязменнымі не толькі па спосабах свайго ўтварэння і адлюстравання рэчаіснасці, але і як структурны тып тэкстаў і разнавіднасць моўных адзінак (абагульнена-універсальных выказванняў).

Літаратура

- Бенвеніст, Э. Именное предложение / Э. Бенвеніст // Общая лингвистика / Э. Бенвеніст ; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – С. 167 – 183.
- Лосев, А. Ф. О первичных типах языковой сигнификации / А. Ф. Лосев // Языковая структура : учеб. пособие / А. Ф. Лосев. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1983. – С. 144 – 178.
- Степанов, Ю. С. Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – Т. 32. Вып. 4. – С. 340 – 355.
- Тайлар, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлар ; перев. с англ. Д. А. Коропчевского ; предисл. и примеч. А. И. Першица. – М. : Полит. лит., 1989.

Л. Б. Кацюба

Южно-Уральский государственный университет

КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Национальное самосознание, включающее языковую составляющую как доминанту, формируется на основе языка. Формирование, функционирование и развитие этнокультурного языкового сознания можно исследовать по-разному. На наш взгляд, одним из интересных направлений этого пути может стать глу-

бинное исследование русского паремиологического пространства в контексте лингвокультурологии и этнопсихолингвистики.

В процессе работы мы обратились к опыту описания психолингвистического аспекта русской фразеологии и её представления на основе результатов ассоциативного эксперимента, который известен по «Ассоциативному фразеологическому словарю русского языка». Авторам этого труда, Д. О. Добровольскому и Ю. Н. Караулову, удалось на основе выборки из «Русского ассоциативного словаря» подготовить специальный выпуск, представляющий часть фразеологического фонда русского языка, активно используемую его носителями в живом общении. Экспериментальный взгляд на фразеологию, «взгляд как бы изнутри сознания носителя языка», интересен достоверностью и психологической реалистичностью, поскольку «позволяет получить сведения о реальном модуле существования фразеологизма как факта языкового сознания, о варьирующемся операциональном облике этого модуля» [АФСРЯ 1994: 106].

Описание ассоциативных полей русских паремий-вербализаторов концептосфер «Труд», «Терпение/Надежда», «Счастье/Удача», «Ум/Глупость» и др. дало возможность проникнуть в языковое сознание носителей русского языка, отражённое в паремиях. Напомним, что «ассоциативным полем слова считается совокупность ассоциатов на слово-стимул, в структуре ассоциативного поля выделяется ядро (из наиболее частотных реакций) и периферия» [Красных 2006: 17]. Согласно этому хорошо известному в психолингвистике положению, под ассоциативным полем паремии мы понимаем обобщённое количество ассоциатов на паремию-стимул, а ассоциативное поле однонаправленных паремий складывается из ассоциаций-ответов на группу паремий-стимулов, объединённых общей темой.

В настоящей статье отражены данные обратного ассоциативного эксперимента, представляющего особенности использования разных форм выражения языкового паремиологического сознания носителей русской культуры. В ходе исследования была проведена серия пилотных экспериментов среди студентов Южно-Уральского государственного университета разных курсов, групп и специальностей. В общей сложности в них участвовало свыше 400 информантов, от 60 до 170 человек в работе над описанием каждой группы паремий. В качестве основной методики нами был выбран метод ассоциативного исследования прецедентных феноменов, к которым, вслед за В. В. Красных, мы относим паремии. Методы ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и другие – выступили составляющими в выяснении набора концептов в «специфических аксиологических знаках (аксиознаках)» (по Ю. А. Сорокину), в определении особенностей восприятия паремии как аксиознака, в наполнении концепта паремиологическими представлениями.

Испытуемым предлагалось несколько видов заданий-анкет. Работа по наполнению заданного концепта паремиологическим материалом заключалась в следующем: частотная реакция-ответ на предъявленные испытуемым паремиостимулы была предложена в качестве темы (она является классическим наименованием концепта, например, «Труд», «Счастье/Удача», «Терпение/Надежда», «Дружба» и т. д.). В результате обратного ассоциативного эксперимента паре-

мии, которые методом воспоминаний восстанавливались в сознании носителей языка и активизировались в языковом паремиологическом сознании, стали стимулом для данной реакции и явились своеобразным индексом первого эксперимента. Условно мы назвали этот вид работы «обратный концепт», не претендуя на закрепление понятия.

Полученный материал показал, что в процессе речевой и мыслительной активности паремии довольно точно восстанавливаются в классической форме, не требуя дополнительных коррелятов и контекстных условий так же, как фразеологизм (о фактическом обосновании контекстной независимости последнего [АФСРЯ 1994: 100]). Следует отметить, что в этом виде работы во всех концептосферах пословицы и поговорки оказались наиболее продуктивной формой выражения языкового паремиологического сознания (свыше 80 % употреблений от полученных реакций). Выражение подобного подобным, формальное сходство и уподобление реакции стимулу и стимула реакции на паремиологическом, а не только лексическом уровне доказывает устойчивость признаков ассоциативно-вербальной сети, которая «вся пронизана аналогическими отношениями, и основной закон её организации и функционирования, как и всякой сети, – это закон подобия и сходства её элементов» [РАС 2002: 755]. Кроме того, этот факт свидетельствует о многофункциональности и многомерности самой паремии как языкового знака ментального и культурного пространства.

Однако в ассоциативном ряду активно проявились и другие устойчивые единицы – фразеологические и крылатые, что обусловлено их общей с паремиями способностью к воспроизводимости, которая, по мнению ряда учёных, имеет психолингвистическую природу [Шулежкова 2002: 215]. Приведём некоторые примеры употребления крылатых единиц разных видов в качестве формы выражения языкового сознания в паремиях исследованных концептосфер. Количественные показатели здесь и далее представляют процентное соотношение частотности ответов-реакций с общим количеством испытуемых.

«Счастье/Удача»: *Счастливые часов не наблюдают* (8 %); *Фортуна улыбнулась* (2 %); *Удача – награда за смелость*; *Птица счастья завтрашнего дня*; *Иначе нам удачи не видать*; *Счастье – это когда тебя понимают*. В работе с паремиями данной концептосферы мы получили реакции, представляющие «новые единицы»: *Счастлив тот, кто часов не считает*; *Счастливый человек дней не считает*; *Счастливые часов не разумеют*, построенные, очевидно, по принципу формального тождества с крылатой единицей из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» *Счастливые часов не наблюдают*. Подобные примеры трансформации «доказывают не только способность крылатых выражений к разного рода варьированию, но и демонстрируют существование фразеологической модели, способной порождать однотипные устойчивые образования. Таким образом, крылатые выражения, которые формируют по преимуществу периферию фразеологического фонда языка, переживают процессы, аналогичные тем, что характеризуют подлинную идиоматику» [Шулежкова 2002: 219].

«Учение/Знание»: *Знание – сила* (9 %); *Через тернии к звездам*; *Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе*; *Если долго мучиться, что-нибудь получится*.

«Терпение/Надежда»: *Надежда – мой компас земной* (6 %); *Надежда умирает последней* (2 %).

«Любовь/Верность»: *Любовь – кольцо, а у кольца начало около конца; Любви все возрасты покорны* (3 %).

«Дружба»: *Друг в беде не бросит, лишнего не спросит; И не друг, и не враг, а так...*

«Жизнь/Смерть»: *Пуля – дура, штык – молодец* (3 %); *В жизни всегда есть место подвигу; Увидеть Париж и умереть!*

«Мир/Война»: *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет* (2 %); *У войны не женское лицо.*

«Труд»: *Труд сделал из обезьяны человека.*

«Бог/Вера»: *Фома неверующий.*

«Горе/Беда»: *Федорино горе; Горе от ума* (5 %).

«Воровство»: *Простота хуже воровства* (2 %) и др.

Таким образом, проведённое нами экспериментальное исследование показало следующее:

1) ассоциативно-вербальная сеть паремий исследованных концептосфер реализуется не только через словоформы на заданную тему или средства построения предложения, но и через разнородные устойчивые единицы: паремии, фразеологизмы, крылатые единицы. Такие случаи формального уподобления реакции стимулу и стимула реакции на паремиологическом (а не только на лексическом, как это можно проследить в статьях ассоциативного словаря) уровне доказывают устойчивость признаков ассоциативно-вербальной сети, относя её к структурно-функциональным образованиям;

2) в работе по наполнению заданного концепта пословично-поговорочным материалом через активизацию паремиологического сознания были получены как известные (паремии, фразеологизмы, крылатые единицы), представляющие часть корпуса активного фразеологического запаса, так и новые единицы, сохраняющие формальные признаки устойчивых и идиоматичность;

3) в результате обратного ассоциативного эксперимента полученные единицы в классической форме продуктивно восстанавливаются из недр языкового сознания, не требуя дополнительных коррелятов и контекстных условий, что является практическим подтверждением теоретических разысканий о сущностных признаках идиом;

4) факт употребления в ассоциативном паремиологическом ряду фразеологизмов и крылатых единиц говорит об отнесении её к идиоматическим единицам в сознании носителей языка;

5) полученные реакции (паремии, фразеологизмы, крылатые выражения) позволяют сформировать особый корпус живых, востребованных сегодня устойчивых единиц, функционирующих в языковой реальности современности.

Литература

АФСРЯ 1994: Добровольский, Д. О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М. : АСМ, «Помовский и партнёры», 1994.

Русские и «русскость»: лингвокультурологические этюды / сост. В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2006.

РАС 2002: Русский ассоциативный словарь : в 2 т. : ок. 7 000 стимулов / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2002. – Т. 1. От стимула к реакции.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

И. С. Клинова

Магнитогорский государственный университет

ИСТОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Колесов в своей книге «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» пишет: «Древний человек не признавал боли, боялся, избегал её. Слово, обозначавшее болезнь или болезненное состояние, было под запретом. Оно не дошло до нас...» [Колесов 2000: 97]. Действительно, семантическое поле названий болезней бережно хранит во времени свои загадки. Одна из таких загадочных историй связана с происхождением и употреблением фразеологической единицы *чёрная смерть* в русском языке.

В лексико-фразеологическом фонде русского языка есть немалое количество устойчивых единиц, в состав которых в качестве одного из компонентов входит «цветовое» прилагательное. Однако у фразеологического сочетания *чёрная смерть* особая судьба в русском языке.

Эта единица отмечена в академических словарях русского языка: в большом (17-титомном) и малом (4-хтомном). Она имеет в них помету «устаревшее» и толкуется как ‘чума’ [БАС 1962: 1357; МАС 1988: 152]. В МАС функционирование названной единицы не иллюстрируется никакими примерами. В БАС приведены два примера употребления оборота *чёрная смерть* в произведениях XIX в.

Первая цитата взята из книги историка И. Д. Беляева. В своих «Рассказах из русской истории» он приводит эпизод из русских летописей, повествующий о смерти новгородского архиепископа Василия в 1352 г. в пути из Пскова в Новгород. Историк пишет: *Владыка Василий скончался на обратном пути из Пскова, где был страшный мор, известный под именем чёрной смерти* [БАС 1962: 1357]. Вторая цитата из БАС восходит к мемуарному очерку прозаика и театрального критика XIX в. С. Т. Аксакова «Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости» (1854): *Отец мой умер в самом начале московской чумы, которую все называли чёрной смертью* [Там же]. Событие, описанное в очерке, произошло в 1771 г. Легко заметить, что в данных примерах из литературных текстов речь идёт о разных эпидемиях чумы, отдалённых друг от друга четырьмя веками, во-первых, и произошедших на разных территориях, во-вторых. Значит ли это, что любая эпидемия чумы в России – это *чёрная смерть*? Обратимся к другим источникам.

Одним из первых российских историков, упомянувших имя страшной болезни, был Н. М. Карамзин. В «Истории государства Российского» (первые 8 томов вышли в феврале 1818 г.) сказано: *Ещё в 1346 году был мор в странах Каспийских, Черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Ясской и Черкесской, в Орде при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сарае. Пишут, что сия жестокая язва, известная в летописях под именем Чёрной смерти, началась в Китае <...> и достигла Греции, Сирии, Египта <...> В 1349 году началась зараза и в Скандинавии; оттуда, или из немецкой земли, перешла она во Псков и Новгород: в первом открылась весною 1352 года и свирепствовала до зимы с такою силою, что едва осталась треть жителей <...> В сих обстоятельствах несчастные псковитяне звали к себе архиепископа Василия <...> как достойный пастырь церкви он спешил их утешить, презирая опасность* [Карамзин 1987: 328].

Известный историк второй половины XIX в. С. М. Соловьёв также использовал оборот *чёрная смерть*, повествуя о тех же страшных событиях 1352 г. В его 15-томном труде «История России с древнейших времён» есть такая строчка: *... в 1352 году явилась страшная язва – чёрная смерть* [Соловьёв 1960: 259].

Из приведенных цитат становится очевидным, что истоки, начало функционирования единицы *чёрная смерть* нужно искать в исторических произведениях ранней поры. И в первую очередь следует обратиться к тексту-оригиналу, к самой древнерусской летописи, рассказавшей о кончине новгородского владыки Василия. Этот эпизод описан во многих русских летописях, в том числе и в «Патриаршей или Никоновской летописи»: *Въ лѣто 6860 <...> Того же лѣта бысть моръ во Псковѣ силенъ зело и по всей землѣ Псковьской; сице же смерть бысть скоро: храхнетъ человекъ кровю, и въ третій день умираше, и быша мертви въсюду <...> Тогда же Псковичи со слезами послаша послы своя въ Новъгородъ, зовуще къ себѣ Василья, архіепископа владыку Новгородцаго, дабы ихъ благословилъ, и владыка Василей послуша ихъ молбы, и поиде къ нимъ во Псковъ, и благослови ихъ. И пакы поиде отъ нихъ въ Новъгородъ, и преставися на пути на рѣцѣ на Узѣ, мѣсяца Юня въ 3 день <...> Того же лѣта бысть моръ силенъ зело въ Новѣградѣ и по всей земли Новгородцкой <...> Того же лѣта бысть моръ силенъ зѣло въ Смоленскѣ, и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ и въ Суждалѣ, и во всей землѣ Русстей смерть люта, и напрасна и скоро; и бысть страхъ и трепетъ велій на всѣхъ человекѣхъ* [ЛС 2000: 223-224].

Заметим, что здесь нет заинтересовавшего нас оборота. Отсутствует данная фразеологическая единица и в тексте так называемой «Новгородской Карамзинской летописи», опубликованной в 2002 г. См., напр.: *Того же лѣта бысть моръ зол въ Псковѣ и по селомъ* [НКЛ 2002: 130]. А ведь рукопись этой летописи, относящейся к концу XV – началу XVI в., принадлежала лично Н. М. Карамзину. В 1866 г. его сыновья подарили её Императорской Публичной библиотеке. Не представлен данный оборот и в иных русских летописях, а также его нет в отрывках, рассказывающих о других фактах распространения страшной болезни. Языковые конструкции, в которых сообщается о данном пе-

чальном событии, весьма однотипны в русских летописях, и для наименования смертельной болезни в них используется оборот со словом *моръ*. Приведём ещё пример из «Летописи по Воскресенскому списку»: *Въ лѣто 6854 <...> Того же лѣта казнь бысть отъ Бога на люди бысть моръ силенъ...* [ВЛ 1856: 210]. Фразеологическая единица *чёрная смерть* отсутствует в словаре И. И. Срезневского, в «Словаре русского языка XI – XVII вв.», в карточках данных словарей. Важно заметить, что и в труде российского историка XIX в. С. М. Соловьёва, упомянутом нами ранее, оборот *чёрная смерть* по отношению к российскому событию 1352 г. использован лишь в качестве «заставки»: когда С. М. Соловьёв привёл все конкретные известия о море, прошедшем в XIV – второй половины XV в. в разных местах России, он ни разу не употребил названия *чёрная смерть*. Во всех случаях для наименования эпидемии историк использовал слово *мор*, в том числе и в эпизоде, рассказывающем о смерти владыки Василия: *Пробыв немного дней во Пскове, владыка поехал назад здоровым, но на дороге, на реке Узе, занемог и умер. Вслед за владыкою мор шёл из Пскова в Новгород...* [Соловьёв 1960: 544]. Интересно отметить тот факт, что слово *мор* и сегодня употребляется в славянских языках, а также в русских говорах в значении ‘чума’, ‘заразная смертоносная болезнь’.

Для выяснения обстоятельств возникновения фразеологической единицы *чёрная смерть* в русском языке необходима дополнительная энциклопедическая информация. Так, «Большая медицинская энциклопедия» рассказывает: «Вторая пандемия чумы, известная под названием “чёрная смерть”, возникла в 14 в. Имеются основания полагать, что она началась в Азии, по торговым путям проникла в Европу, а затем была занесена через Псков в Россию. За время второй пандемии от чумы погибло свыше 50 млн. человек» [БМЭ 1986: 346, стлб. 1020]. В «Большой Советской Энциклопедии» также указано: «Чёрная смерть», название, данное современниками чуме, распространившейся в Европе в 1347–53 гг.» [БСЭ 1978: 84, стлб. 240]. Кстати заметим, что болезнь получила название по внешнему признаку её проявления – чёрным пятнам на коже.

Данные из энциклопедических источников свидетельствуют о том, что *чёрная смерть* была занесена на русские земли из Европы. И прошла эта болезнь из Европы в Среднюю Россию долгий путь: через Англию, Норвегию, Шотландию, Данию, Польшу. Под влиянием различных местностей, географического положения и времени года характер болезни менялся незначительно. А вот имена эта смертоносная язва имела разные, национальные. В «Истории повальных болезней» Г. Гезера (перевод с нем.) читаем: «В Дании она (pestis, epidymia) называлась «sorte Dod» (чёрная смерть), в Швеции – «diger doden» (большая смерть), в Норвегии – «store Manedod» (великая смерть людей)» [Гезер 1867: 88]. Далее следует продолжить: в России – словом *моръ*, и тоже часто с определениями (*великъ, крѣпокъ, силенъ, золъ*). Итак, под именем *чёрная смерть* в историю человечества вошла болезнь XIV в., которая отличалась от всех следующих и предыдущих чумных эпидемий необычайными размерами и особенной злокачественностью. «Ни одна из других эпидемий не охватывала одновременно такой обширной области как эта, ни одна не унесла такое огромное число жертв. Недаром она запечатлелась в памяти народов и повсюду зане-

сена в летописи, тогда как о многочисленных других повальных болезнях не осталось почти никаких воспоминаний» [Чума в России [http](http://)]. Метафорическое название *чёрная смерть* появилось тогда в одной из европейских стран, а на русскую почву оно было перенесено значительно позже в результате калькирования, выполненного российскими историками. Видимо, в XIX в. сложилась практика использования для именованья чумы на Руси XIV в. иноязычного по происхождению выражения *чёрная смерть* вместо исконно русских названий со словом *мор*. Ср. в труде П. И. Тихомирова «Историческое описание Новгородского Знаменского собора»: ... а в 1352 г. губительная болезнь, известная под именем *чёрной смерти*, свирепствовала на Дону и в Астрахани; в том же году она проникла во Псков и, опустошив его, посетила Новгород... [Тихомиров [http](http://)], в книге Н. Я. Новомбергского «Основы борьбы с эпидемиями в до-Петровской Руси»: «в 1352 году в Новгороде свирепствовала *чёрная смерть*...» [Новомбергский 1906: 118] и др.

При этом, как показывают словари современного русского литературного языка, в отдельных случаях происходит расширение семантики данного выражения: в упомянутом уже примере из очерка С. Т. Аксакова речь идет о московской чуме 1771 г.

В специальной, публицистической и художественной литературе XX в. фразеологизм *чёрная смерть* употребляется как в исконном значении, указывая на чуму XIV в., так и в новом, называя любую эпидемию чумы. См., напр., употребления данного оборота, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка.

С начала XVII в. в памятниках русской письменности наряду со словом *морь* встречается и образованное от него прилагательное *моровой*. Оно вошло в составной термин, именующий всё ту же болезнь (чуму), – *моровое повѣтрѣ*. XVII век накопил целый сборник актов о моровом поветрии, в которых названный термин встречается десятки раз. Слово *повѣтрѣ* и без прилагательного *моровое* именует эпидемию, мор в русских документах XV – XVII вв.: *Бысть божие наказание во Пскове и Великомъ Новѣгородѣ и в пятинахъ, умерло повѣтрѣмъ 500000 человекъ. Львов. лет. II, 538* [СРЯ XI–XVII 1989: 156].

В XVIII в. особенно распространённым становится сочетание *моровая язва*. Оно встречается и в деловых документах, и в лечебниках: *Моровая язва (Pestis), есть особаго рода болѣзнь, всѣхъ другихъ опаснѣе, сильно прилипчивая, и производя наружные знаки на тѣлѣ, какъ-то, бобыны, карбункулы, большія и малыя черныя пятна (Petechiae), скоро и по большей части предаётъ смерти* [Шафонский 1775: 1].

Лишь только во второй половине XVIII в. широкое распространение в русском языке получило слово *чума*. В словарях оно отмечается с 1771 г. Происхождение этого слова в южнославянских и восточнославянских языках неясно [Черных 2001: 396].

Литература

БАС 1962: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 13.

БМЭ: Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / АМН СССР ; гл. ред. Б. В. Петровский. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1986. – Т. 27.

БСЭ: Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1978. – Т. 29.

ВЛ: Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. – СПб. : тип. Эдуарда Праца, 1856. Т. 7.

Гезер, Г. История повальных болезней / Г. Гезер ; пер. с нем. – 3-е изд. – СПб. : Мед. деп. МВД, 1867. – Ч. 1 – 2.

Карамзин, Н. М. Предания веков / Н. М. Карамзин. – М. : Правда, 1987.

Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000.

ЛС: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – Т. X.

НKL: Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей / отв. ред. В. И. Буганов, Б. А. Рыбаков. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – Т. 42.

Новомбергский, Н. Я. Основы борьбы с эпидемиями в до-Петровской Руси / Н. Я. Новомбергский // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. археологическим институтом: ист.-археол. журнал. – СПб., 1906. – С. 117 – 133.

Чума в России [http](http://www.erudition.ru/referat/ref/id.33795_1.html): Чума в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.erudition.ru/referat/ref/id.33795_1.html. – Загл. с экрана.

МАС 1988: Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – Т. 4.

СРЯ XI–XVII 1989: Словарь русского языка XI – XVII вв. – М. : Наука, 1989. – Вып. 15.

Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – М. : Соц.-эконом. лит., 1960. – Кн. II (т. 3 – 4).

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 2.

Шафонский, А. Ф. Описание моровой язвы бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений / А. Ф. Шафонский. – М. : Тип. императорск. ун-та, 1775.

Тихомиров [http](http://): Знаменский собор в Великом Новгороде и его первый благодетель – боярин Феликс Давыдович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.genealogia.ru/gene/bpg/publication_view.asp?InfoID=146865&iabspos=5&vjob=vsub,278П. – Загл. с экрана.

М. А. Коротенко

Магнитогорский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА ИВАНА НЕРОНОВА

Иван Неронов – протопоп московского Казанского собора – личность выдающаяся, стоявшая у истоков крупного общественного явления – Раскола русской церкви – в качестве его лидера и идеолога. Эта историческая фигура очень неоднозначно оценивается в отечественной историографии. До настоящего времени ведутся споры как о его целях и идеях в борьбе с церковной реформой, так и о причинах раскаяния на Большом церковном соборе и примирения с офици-

альной церковью. Кроме того, сочинения И. Неронова по ряду причин оказались наименее изученными из обширного литературного наследия Раскола.

Проведение исследования в рамках фразеологии обусловлено особенностями материала, ибо фразеологический корпус как совокупность единиц вторичной номинации обладает способностью сигнализировать о ценностном отношении отправителя речи к познаваемому миру, о его эмоциональном состоянии и является, по словам В. Н. Телия, своего рода «нишей для кумуляции мировидения» [Телия 1996: 215].

Исследуемый материал убедил нас в необходимости широкого подхода к объекту фразеологии, а термин «устойчивый словесный комплекс» (УСК) при работе с памятниками XVII в. вполне оправдал себя. В сочинениях Ивана Неронова сравнительно редко встречаются метафорические устойчивые единицы, охватывающие сквозной десемантизацией компонентов. Поэтому выявление всех устойчивых сверхсловных языковых единиц в литературном и эпистолярном наследии одного из лидеров Раскола должно было соединить тотальный охват материала с повышенным вниманием к каждому конкретному языковому факту.

Путём сплошной выборки из 17-ти сохранившихся до настоящего времени сочинений Ивана Неронова нами было извлечено 1 434 УСК в 2 667 употреблений. Эти УСК формируют 20 фразеосемантических полей (ФСП), из которых в значительных своих частях складывается языковая картина мира русской языковой личности периода «церковного исправления»: «Церковь», «Бог», «Царь», «Суд», «Слово», «Человек», «Время» и «Пространство», «Власть», «Мир», «Воля», «Душа», «Психическое/физическое состояние человека», «Явления природы», «Жизнь» и «Смерть», «Память», «Дело», «Вражда», «Материальные ценности». В языковой картине мира Ивана Неронова из этих полей самыми крупными оказались три: «Суд», «Слово», «Церковь».

Наиболее значимое для изучаемого отрезка отечественной истории (а тем более для религиозного деятеля этого периода) ФСП «Церковь» формируют 260 единиц, что составляет 21 % от всего корпуса УСК, извлеченных из произведений И. Неронова. Ядром поля служит УСК терминологического характера *единая святая соборная и апостольская Церковь* и его модификации. Особенностью данного ФСП является обширная бинарная окооядерная область, включающая две зоны: «акт веры» (71 % от общего числа единиц поля) и «содержание веры» (27 %). Фразеосемантическая зона «акт веры» в сочинениях Неронова представлена следующими группами: «обряды», «ритуальные жесты», «тайинства», «почитание икон», «церковные праздники», «посты», «культовые предметы», «книги религиозного содержания», «церковная иерархия». Анализ УСК, формирующих данную фразеосемантическую зону, даёт представление о широкой образованности автора, его осведомлённости в обрядовых и правовых вопросах, христианской философии, о знакомстве с памятниками литературы и культуры.

Вторая часть бинарной оппозиции поля «Церковь» – фразеосемантическая зона «содержание веры» – включает в себя несколько групп УСК: «соблюдать обязанности богопочитания» (*вѣровати въ Господа, послѣдовати Христу, исповѣдовати Бога* и др.), «страдать за веру» (*по Христу страдати, страдати*

за истинну, до смерти пострадати и пр.), «защищать веру» (*за истинну стояти, оберегати отъ волковъ, сохранити вѣру/церковь* и др.) и блок «примирить веру»/«смутить веру» (*примиряти церковь, смущати церковь, красоту церковную растлити* и пр.).

В текстах Ивана Неронова, профессиональной деятельностью и основным орудием внутрицерковной борьбы которой являлся речевой процесс, наиболее полно представлено ФСП «Слово».

ФСП «Слово» вербализовано в сочинениях И. Неронова 167 УСК (13,5 % от всего корпуса УСК исследуемых текстов) и включает УСК трёх концептуальных областей: «голос», «знание», «общение». Самой многочисленной в данном поле является ядерная область «общение»: УСК этой области составляют 60 % (101 ед.) от общего числа единиц поля. Периферийные области «голос» и «знание» состоят из 30 УСК (18,5 %) и 36 УСК (1,5 %) соответственно.

В УСК оппозиционного блока «передавать информацию, соответствующую истине»/«передавать информацию, не соответствующую истине»; УСК группы «вести дискуссию» ФСП «Слово» и некоторых других проявляется факт использования проповеднического дара как основного орудия в борьбе за правду старообрядческой оппозиции. В целом, «идеальная» модель речевого поведения, выстроенная автором исследуемых текстов, не исключает агрессивных реакций. Она основана на абсолютизации моральных измерений человеческой жизни и отражает склонность И. Неронова к крайним и категоричным моральным суждениям в сочетании с эмоциональностью и неконтролируемостью чувств. Преобладание моральной ориентации над рациональной в структуре личности И. Неронова (проявившееся в УСК зоны «знание» ФСП «Слово» и др.) в целом делает эмоциональную температуру текстов гораздо выше, чем у других идеологов Раскола.

Наиболее информативным для языкового портрета личности, стоявшей в оппозиции к официальной власти и неоднократно испытывавшей на себе воздействие судебно-административной системы второй половины XVII в., а также бравшей на себя право судить идейных и личных противников, является поле «Суд». В произведениях И. Неронова это поле состоит из 325 единиц (26 % от всего корпуса УСК, функционирующих в исследуемых текстах). Условно это поле можно наложить на оси координат. Центром всей системы и ядром поля является антонимно-синонимический блок «суд», разводящий по вертикальной оси оппозицию «высший суд»/«мирской суд» (*праведный судъ, судилище Христо(со)во, страшний судъ* и др. и *мирское мудрование, мудрование плотское, земное смысліе* и др.). Непосредственно к ядру примыкают три пары фразеосемантических групп, занимающих соответствующее место на осях: на вертикальной оси располагается фразеосемантический блок «неправо судить»/«справедливо судить». Он указывает на характер суда и формируется группами, относящимися к мирскому и высшему суду соответственно (*ставити свидѣтели, противъ извѣсту допрашивати, испытати (многимъ) розысканиемъ* и др.). На горизонтальной оси располагаются два блока УСК: блок «проводить/провести розыск» / «проводить/провести состязательный процесс», который обозначает формы проведения судебного процесса, и фразеосемантиче-

ский блок «совершать/совершить правонарушение» / «извещать/известить», характеризующий повод к началу следствия (*прѣступити законъ, беззаконно дѣло творити* и др. и *ложь составити, творити извѣтъ* и др.). Горизонтальная ось разводит периферийные фразеосемантические группы «правовая норма» и «наказать»/«освободить от наказания» на равное расстояние от ядра; они соотносятся как языковые средства отражения предварительного и заключительного этапов в системе отправления правосудия 2-й половины XVII в. Таким образом, горизонтальная ось отражает логический порядок системы правосудия, вертикальная ось в противопоставлении высшего и мирского суда несет эмоционально-экспрессивную окраску и субъективную оценку. Одна из особенностей ФСП «Суд» – обширность периферийного блока «наказать»/«освободить от наказания» (125 ед. или 38,5 % от всех УСК поля). Это объясняется как объективными причинами (продолжительностью процессов, вызываемых обозначенными действиями по отношению к прочим частям системы отправления правосудия, – основную часть времени Раскола его вожди находились «под наказанием»), так и субъективными (озабоченностью И. Неронова судьбами «братии» и поисками выхода для «простейших христолюбивых» из сложившейся конфликтной ситуации).

УСК всех трёх ФСП в сочинениях И. Неронова характеризуются контрастностью семантики, объясняемой, вероятно, конфликтностью ситуации, в которой оказался автор исследуемых текстов, и категоричностью суждений идеолога Раскола. Противоречивость оценок фигуры Ивана Неронова его современниками и позднейшими историками обусловлена, судя по полученным в результате исследования данным, противоречивостью характера самого И. Неронова. В рассматриваемой личности прослеживается тесное переплетение аскетически-монашеского православия с природной языческой дионисийской стихией с явным преобладанием последней. Данный факт обнаруживают УСК групп «страдать за веру» и «защищать веру» в структуре ФСП «Церковь»; УСК, характеризующие преступления против порядка управления, являющиеся частью поля «Суд», и некоторых др. Категоричность суждений предводителя Раскола, по данным анализа ФСП «Слово», происходит из глобального чувства личной ответственности за судьбы «духовной братии» и состояния веры в целом. Обращает на себя внимание такая черта характера автора исследуемых текстов, как стремление действовать во имя чего-либо абсолютного – Бога, истины, веры (о чём свидетельствуют все УСК поля «Церковь» и некоторые единицы других полей) или чего-либо абсолютизированного – царской власти (проявившееся в том числе в контекстуальном окружении УСК со сложной семой 'готовность погибнуть' в поле «Церковь»). Языковой материал позволяет увидеть в структуре личности И. Неронова сочетание реализма и мистицизма, признание ценности страдания (данные группы «страдать за веру» поля «Церковь») и покаяния (данные периферийной группы поля «Суд» со сложной семой 'публично покаяться', а также УСК с дополнительной семой 'каяться' в структуре поля «Слово»).

В своих действиях И. Неронов руководствуется христианским учением, которое провозглашает любовь к страдающим, жалость, внимание к индивиду-

альной личности. К числу особенно ценных свойств описываемой личности принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний (отказ от личного изоляционизма), заинтересованность внешней стороной человеческих поступков исключительно в связи с мотивацией внутренней. С религиозностью И. Неронова связано и подчеркивание им ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания (информация, извлечённая из УСК зоны «знание» поля «Слово»), исключающее, однако, фатализм и стремление к смирению, покорности судьбе (вывод, который можно сделать на основании анализа УСК групп «страдать за веру», «защищать веру» поля «Церковь»; УСК, характеризующих повод к началу следствия в структуре поля «Суд», и некоторых других).

Первичным и основным свойством личности И. Неронова, помимо глубокой религиозности, является могучая сила воли (выявляющаяся в присутствующих в части УСК семах воли). Результатом слияния двух названных свойств стала высокая активность лидера оппозиции. Для языковой личности И. Неронова, характерно «правдоискательство», стремление к истине как абсолютному плюсу (данные, полученные в результате анализа подгрупп УСК с семами 'передавать информацию, соответствующую истине'/'передавать информацию, не соответствующую истине' поля «Слово»), чёткое разграничение положительного и отрицательного, желание непременно добиться правды при земной жизни, проявляющееся при анализе контекстуального окружения полюсных единиц поля «Суд», называющих результаты судебного процесса, – *свергнути во адъ и даровати царствіе небесное*. Для мировоззрения описываемой личности свойственно признание приоритета царской власти над церковной. Частично на этом основан и конфликт автора с патриархом Никоном, пытавшимся поставить под сомнение авторитет «наместника божия».

Частое присутствие в структуре УСК текстов И. Неронова сем интенсивности 'очень', 'больше' является маркером тревожности как психоэмоционального состояния автора.

Судя по УСК, языковую личность И. Неронова характеризуют 1) внутренняя ориентация на происходящее в окружающем мире; 2) открытость всему происходящему, склонность остро реагировать на события и явления окружающего мира; 3) инициативность; 4) коммуникабельность; 5) склонность к риску. И. Неронов, по обобщённым лингвистическим данным, принадлежит к типу этических экстравертов.

Литература

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

«ПЛЕБЕЙСКАЯ» ПЕСНЯ «НА ЯЗЫКЕ КУХОННОЙ ЛАТЫНИ»

Евгений Александрович Бобров (1867–1933) – русский философ и литературовед. До революции он преподавал последовательно в Юрьевском, Казанском, Варшавском университетах. Помимо иных многочисленных публикаций, Бобров в начале XX в. издал два сводных труда, у которых был одинаковый подзаголовок («Материалы, исследования и заметки»): первый, в четырёх томах, – о литературе и просвещении в России XIX в., а другой, в шести выпусках, – о философии в России.

В те годы в Варшаве издавался научный журнал «Русский филологический вестник», и в нём Е. А. Бобров поместил статью «Мелочи из истории русской литературы». Среди «мелочей» оказалась и заметка, названная автором «Обрывок народной песни в латинском переводе». Вот она:

«Латинский язык, как известно, усердно культивировался около двух столетий в наших русских православных духовных школах. Хороший бурсак старого времени, прошедши через такую школу, обыкновенно совершенно осваивался с латынью: он свободно писал и говорил на этом языке. В обладании латинским языком питомцы старой бursы видели свою привиллегию (sic! – В. К.), отличавшую их, как учёных, от необразованного плебса.

Чтобы ещё более подчеркнуть свою умственную обособленность от плебса, старые бурсаки даже перевели ряд народных песен на язык кухонной латыни, – и эти плебейские простонародные песни распевали на своих пирушках всё-таки по-латыни.

Такие переводы народных песен попадались нам неоднократно. Особенно интересно показалась нам одна песня в печатном источнике, а именно в высокоинтересном даже и до сих пор романе И. Калашникова «Камчадалка» (Спб., 1833, ч. II, стр. 97 и 99).

В романе выводится один “образованный” дьячок, за вольнодумство сосланный в Камчатку. Подвыпивши, “дьячёк запел во всё горло на латинском языке известную (?) (курсив автора – В. К.) русскую песню:

«Между дубом и берёзой река протекала».

Inter querquum et betulam

Flumen promanavit,

Flumen flumen promanavit,

Aqua frigida.

Nemo potest aquam bibere,

Nec illam haurire,

Apud virum seniore

Femina formosa.

Castigari negat uxor,

Neque maculari;

Castigabat una hora,

Flevit hebdomade.

Последний стих приведён и по-русски:

Бил жену один час, а плакал неделю.

Быть может, на Камчатке в то время (изображается конец XVIII в.) эта песня и считалась известною, но мне она показалась совершенно неизвестною. Желая проверить себя, я обратился к самому новому и полному собранию: “Великорусские песни”, изданные А. И. Соболевским. Песни этой я не нашёл, но кое-что похожее на начало её отыскалось».

И Е. А. Бобров указал тамбовскую песню из фольклорного свода А. И. Соболевского:

Между двух белых берёзок река протекала,

Течёт река невеличка, речка глубокая,

Речка, речка глубокая, вода холодная.

Нельзя, нельзя к этой реке, нельзя подойти,

Нельзя, нельзя подойти, воды почерпнути.

Далее он пишет: «Та же песня, которую в латинском переводе приводит в своём романе Калашников, в настоящее время, по-видимому, по крайней мере, в этой редакции утрачена» [Бобров 1905: 184–186].

Упомянутый здесь известный филолог Алексей Иванович Соболевский составил и опубликовал самое полное собрание русских фольклорных песен [Соболевский 1895–1902]. А Иван Тимофеевич Калашников (ум. в 1855 г.) – родом сибиряк, автор нескольких романов из провинциальной жизни.

В том же номере «Русского филологического вестника», в конце его, была помещена небольшая заметка: «Спешим исправить недосмотр г. Боброва.

Песня, о которой он говорит, поётся ещё и теперь. Так, она имеется в нашем издании “Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда” (см. Сборник Отделения русского языка и словесности И. А. Н., т. LXX, стр. 4, № 20; а также и в отдельном оттиске). У А. И. Соболевского несколько таких песен находится в III томе под №№ 578–574» [Чернышев 1905: 407].

Мещовский уезд находился в Калужской губернии.

Ясно, что на латынь был переведён вариант весьма распространённой русской народной лирической песни. Песен на такой сюжет известно много, даже и в Соболевского заглядывать необязательно. К примеру, в середине XIX в. в Мологе, уездном городе Ярославской губернии, звучала такая плясовая:

Как на горке дубик, дубик –

Белая берёза.

Как подле этой берёзы

Речка протекала.

Речка, речка глубокая,

Вода холодная.

Мне нельзя воды попити,

Нельзя почерпнути.

Мне нельзя жены побити,

Нельзя поучити.

Уж я бил жену денёчек,

Сам плакал недельку.

Правда, далее в этой ярославской песне идёт уже другой фольклорный мотив: мол, «во новом городе» такие указы читали: «Кому деньги, кому платье, // Кому красна девка» [Цит. по: Богданов 2009: 52]. Добавочный мотив связан именно с тем, что песня эта – плясовая: под данный напев молодцы выбирали девушек.

Всякий перевод неточен – и тот семинаристский, с русского народного на латынь, да и этот обратный, что сделал я. Скажем, в русских народных песнях слово «женщина» не используется. Если *муж*, то у него *жена*. И если *старый муж*, то жена у него, разумеется, – *молодая*. Про «мужа старого» и его «жену молодую» пели в прежние времена много и часто, и пели обычно женщины. В разных вариантах этого сюжета дальше повествовалось или про наказание мужем молодой жены, или про то, что наказывать её никак нельзя, или про то, как молода жена старого, дряхлого мужа обманет (либо даже убьёт). В латинском же тексте, наряду с подобающим словом *ixor* (жена, супруга) есть и *femina* (женщина). Да ещё эта самая «*femina*» – *formosa*, то есть «красивая» (вместо более подходящего «молодая»). Вот и в моём переводе прилагательное *красивая* выпирает из текста неточным своим ударением (хотя и возможным в народной поэзии), а на его место так и просится другой эпитет – *молодая*.

И очень забавен глагол *promanavit*, исходная форма которого такова: *promāno, āvi, ātum, āre*. Однако в классической латыни глагол с такой приставкой не употреблялся. Достаточно было глагола *mano, āvi, ātum, āre* («теку, льюсь»; «проистекаю»). Говорили просто: *fons manat* («источник течёт»). А латинская приставка *pro-* применительно к пространственной ориентации могла иметь значение «впереди, перед». Так что русское *река текла* нельзя передать латинским *flumen promanavit*, лучше так: *flumen manavit*. Откуда же здесь ненужная приставка *pro-*? Должно быть, это неосознанный русизм, появившийся под влиянием русского *река протекала*. Перелагавшие народную песню на великий и могучий латинский язык попросту не учли, что русская глагольная приставка *pro-* имеет иное значение – не «перед» (как *pro-* в латыни), а «вдоль, по».

Вот мой перевод. Стихотворный размер латинского варианта, который почти наверняка сохраняет размер оригинала, сохранён и у меня. Так что спеть можно – хотя бы на мотив «Во саду ли, в огороде»:

Между дубом и берёзой

Река протекала.

Река, река протекала –

Студёна водица.

Нельзя, нельзя пить из реки,

Нельзя почерпнути.

А у старого у мужа

Жена красивая.

Нельзя, нельзя жену бити,

Нельзя поучити –

Бил жену часок единый,

Плакал всю неделю.

Литература

Бобров, Е. Мелочи из истории русской литературы / Е. Бобров // Русский филологический вестник. – 1905. – № 2. – С. 184 – 186.

Богданов, Г. Ф. Как заморская фигура «шен» стала русской «шиной» / Г. Ф. Богданов // Живая старина. – 2009. – № 3. – С. 52 – 56.

Соболевский, А. И. Великорусские народные песни / А. И. Соболевский. – СПб., 1895 – 1902. – Т. 1 – 7.

Чернышев, В. Об одной народной песне / В. Чернышев // Русский филологический вестник. – 1905. – № 2. – С. 407 – 415.

Л. Я. Костючук

Псковский государственный педагогический университет

СЛОВО О ПРОСПЕКТЕ

«ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»

Как будто давно оттремели довольно бурные дискуссии о фразеологии (см. в 40-60-е гг. XX в. прежде всего работы зачинателей дискуссии в более поздней публикации [Виноградов 1977а; 1977б; Ларин 1977]): выяснение объекта и предмета науки; классификация материала с учётом соответствующих дифференциальных признаков; определение аспектов исследований; лексикографическая презентация особых выражений... Но, оказывается, во второй половине XX в. и в начале XXI в., наряду с явными достижениями в области изучения фразеологии национальных языков, при сопоставлении фразеологического материала в близкородственных и далёких по родству языках, при создании соответствующих лексикографических трудов с ценнейшим идиоматическим языковым материалом, при введении в научный обиход уникального материала литературных языков, диалектов национальных языков не раз приходилось обнаруживать, к сожалению, определённый отход на позиции «довиноградовского» и «доларинского» периода в познании фразеологии. Прежде всего это коснулось недифференцированной подачи фразеологического материала, требующего тщательного отбора из текстов разного характера. А это влечёт за собою размытость объекта научной дисциплины. Частично проявлялась и недостаточное знакомство исследователя с научной литературой: «экзотичность» самого фразеологического материала (как и жаргонного), бесспорно отличающегося «новизной», как будто «освобождает» исследователя от строгости в обработке языковых фактов. Но быстрота решения и исполнения проблем приводит подчас к недостоверности.

Поэтому с чувством надежды на интересное разрешение проблем лексикографии фразеологического материала самого первого письменного литературного языка славян воспринимаешь планы С. Г. Шулежковой [Шулежкова 2006]. Проспект словаря, первые разработки словарных статей, доклады испол-

нителей не разочаровали, поскольку обоснованность каждого шага в работе уважаемого коллектива приводит к результатам такого труда, который будет важной вехой в отечественной лексикографии и позволит специалистам (филологам, историкам) и всем заинтересованным в лингвистике познать тайны древнего языка и использовать представленный материал в последующих исследованиях.

Создание «Фразеологического словаря старославянского языка» ведется на основе тщательно отобранных памятников старославянского языка X–XI вв. Уже создана Картотека выявленных (в соответствии с выработанными принципами) устойчивых словесных комплексов (УСК) старославянского языка [Перспектив 2006]. Удачным в исследовательском отношении является приём сплошной выборки материала из древних источников. С. Г. Шулежкова обоснует такой подход положением А. Т. Хроленко [Шулежкова 2006: 27]. Можно добавить, что новаторский словарь полного типа [ПОС 1967–2008], включающий диалектный материал псковских говоров и исторический материал из памятников псковской письменности, оправдывает идею Б. А. Ларина, высказанную им в середине XX в. [Ларин 1961; 1962 и др.]: максимально сплошная выборка материала позволяет 1) не терять ни одно слово, ни одно устойчивое выражение, 2) показывать сложные лексико-семантические отношения в общей системе национального языка (так как словарь представляет не только «экзотическую» диалектную лексико-фразеологическую систему, но и общерусские слова).

Подобное решение для «Фразеологического словаря старославянского языка» – наиболее оправданный путь его создания: ограниченность памятников позволяет не пропустить и единичные выражения, которые обнаруживают свои особые семантические свойства. Лексикографическая фиксация материала будет способствовать и дальнейшим научным исследованиям.

Важен и вопрос, какой материал отбирается лексикографами. Это такие сверхсловные единицы, которые 1) обнаруживают семантический сдвиг, 2) устойчивы (это ведь подтверждается обычной воспроизводимостью единиц в разных памятниках). Под пером переписчиков последующих веков даже некоторые единичные выражения в церковнославянских изводах на разных славянских языках могли проявить активность в функционировании и пережить процесс фразеологизации. Не случайно, что многие старославянские выражения, которые войдут во «Фразеологический словарь старославянского языка», известны, в частности, и современному читателю. Конечно, этому могут быть посвящены специальные исследования.

Широта охвата УСК (о выборе этого термина пишет С. Г. Шулежкова [2006: 18–19]), выявленных в обоснованном авторами круге источников – старославянских текстов, позволяет зафиксировать не только словосочетания (*рѣкъ божииѣ ооцарити за оождѣ въ истинѣ стоати*), предложно-именные выражения (*въ истинѣ*), но и законченные высказывания: *тѣмъ ꙗкоже (ооцаритѣ) и отъвѣрзеть сѧ вамъ ꙗкоже повѣждѣ ми кѣто ты си и чѣто стѣ нма тво*. Развёрнутые устойчивые высказывания важны в структуре старославянских текстов: они помогают осознать содержание памятника и свиде-

тельствуют о человеческой мудрости: *широкъ (и) пѣтъ въводитъ въ пагоубѣж ... тѣснь (и) пѣтъ въводитъ въ животъ*.

Опубликованный индекс старославянских выражений уже позволяет задумываться о судьбе ряда выражений. Так, фразеологизмы типа *крѣвь проливати, пролиати/пролитиѣ свойѣ крѣвь пролитиѣ исти/ѡнѣсти хлѣбъ ꙗсти чини хлѣбъ, чини хлѣбы* широко использовались и в древнерусской письменности; известны они и современному русскому языку (последнее фразеологизированное выражение обнаруживаем даже в русско-немецком разговорнике 1607 г. [Разговорник Т. Ф. 1607], составленном немецким купцом Т. Фенне в Пскове и отразившем псковскую народную речь начала XVII в.).

Полнота извлеченного материала даёт возможность авторам Словаря показывать частотность употребления каждого УСК: помимо цитат (по возможности до 10), даются краткие указания, в каком памятнике ещё встречается та или иная единица (см. такой же подход в «Псковском областном словаре с историческими данными» [ПОС 1967–2008]). Такие сведения бывают важны для исследователей, в частности при выявлении процесса фразеологизации соответствующих выражений. Отсутствие такого указания очень ощущается, например, при знакомстве с материалами «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [СРЯ XI–XVII 1975–2008...].

Я, как заинтересованный читатель, буду ожидать выхода «Фразеологического словаря старославянского языка», чтобы получить, например, более полные сведения о выражениях *ѣко коло (положити кого, чѣто) ꙗкоже огнь въ трънии (разгорѣти сѧ)* и многих других; чтобы выяснить, насколько в древности были типичны УСК (*въ)водити въ грѣхъ ꙗкоже (въ)водити въ пагоубѣж*. И другие исследовательские вопросы возникнут при чтении Словаря (как они возникают уже и при знакомстве только с индексом выражений). Ведь полный охват материала, извлечённого из большого количества памятников, создаёт общую картину тенденций 1) в проявлении семантики единиц, 2) в их функционировании в далёком прошлом (с допустимым варьированием – лексическим, грамматическим), 3) в парадигматических отношениях (синонимических, антонимических) с другими единицами, 4) в выполнении роли соответствующих членов предложения.

Бесспорно, что через анализ УСК и учёт древнейшего состояния славянского лексико-фразеологического фонда можно будет выяснить историко-этимологическую судьбу отдельных выражений на протяжении веков, вплоть до периода жизни современных славянских языков (ср. [Шулежкова 2006: 21]). Для русского языка это особенно знаменательно, так как известна роль старославянского в складывании русского литературного языка национального периода.

Необходимо отметить, что, судя по оформлению записи каждого УСК в индексе, авторы Словаря стараются различать фактически тот отрезок текста, который заключает особый фразеологический смысл (сдвиг в значении, который мог развиться в переносное значение, что создает образ и особый тип фразеологизма), и то, что служит фоном в контексте для фразеологизма, позво-

ляющим непротиворечиво проявляться особому значению именно конкретного УСК. Это значимо для устойчивых сравнений и в современном языке, хотя до сих пор этот вопрос решается по-разному: признать ли фразеологизмом 1) целостное по значению *как рак* 'в большой степени; очень' по отношению к смыслу свободного компонента *красный* или 2) целиком выражение *красный как рак*? Составители словаря, как кажется читателю, не случайно подают устойчивые сравнения так: *яко лъвъ ревы (обходити нца кого бы пожрѣти) ꙗко зѣницѣ ока (хранити) ꙗко дѣти (быти)* – в скобках содержится элемент контекста, который помогает выяснять значение сравнительного оборота (особой грамматической структуры), пережившего семантические изменения; ср. *ѣко овьца (въ сѣнѣдени , сѣнѣди дати комоу); ѣко овьца (извести люди чьн)*. Если такой принцип рассмотрения устойчивых сравнений будет последовательно соблюдаться, то это явится важным вкладом в решение одного из положений фразеологической науки.

Однако настораживает, что иногда в таких же скобках приводится и явное расширение УСК за счёт лексических компонентов, составляющих не фон для УСК, а, может быть, допустимое варьирование выражения: *растомъ добръ (и словомъ оорѣдренъ)*. Поэтому желательно избрать графически разный способ передачи разных явлений, чтобы не усугубить и без того спорное решение некоторых вопросов: раз в скобки вводятся, судя по индексу, разные явления, их подача графически должна различаться.

Индекс в любом исследовании, посвящённом лексико-фразеологическому материалу, значим как справочный аппарат, который помогает в нестандартных ситуациях. При расшифровке надписей на древних материальных (но не бумажных) объектах удалось обнаружить сокращённое обозначение отдельных фраз, что подтверждают и УСК, помещённые в «Проспекте»: *мѣсто лъбно ꙗко нсоуѣ назаранинѣ*. Подобные церковнославянские надписи были востребованы вплоть до XVIII в., напр. на псковских нательных крестах.

Если уже индекс УСК старославянского языка позволил читателю получить интересную и интересующую его информацию, то содержание будущего «Фразеологического словаря старославянского языка», без сомнения, удовлетворит самого взыскательного исследователя.

Поражает разнообразие УСК, отражающих тематику религиозной деятельности, а также представляющих и просто народную мудрость древних славян. Через призму старославянской фразеологии удастся выяснить, как древние славяне воспринимали и оценивали окружающий мир. Уже приводившееся высказывание о широком и тесном путях (*широкъ (и) пѣть въводитъ въ пагоуѣж ... тѣснѣ (и) пѣть въводитъ въ животъ*) как умозаключение выражает выбор человеком своего решения действовать в определённых ситуациях. Интересные исследования Т. И. Вендиной показывают богатый духовный мир тех славян, которые в древности использовали старославянский как язык культуры и религии [Вендина 2002; 2007].

Как показало наше знакомство с замечательным «Проспектом», «Фразеологический словарь старославянского языка» отличается несомненной научной

новизной и значимостью, а также актуальностью в XXI в. (он необходим при изучении курса старославянского языка и при общекультурном ознакомлении с замечательными памятниками старославянской письменности). Раз идеи этого словаря имеют объективную переключку с идеями Б. А. Ларина, то желательно в список литературы внести некоторые работы этого учёного, касающиеся прежде всего исторического подхода к изучению фразеологии и принципов составления «Псковского областного словаря с историческими данными», в исторической части которого ярко проявляется и анализ лексико-фразеологических единиц, и потенциальная связь с материалом последующих веков, вплоть до современных псковских говоров, поскольку это словарь полного типа при отборе материала. Недаром В. М. Мокиенко высоко оценивает лексикографическую работу под руководством С. Г. Шулежковой через подход к словарной работе в традициях Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина в Санкт-Петербургском государственном университете [Мокиенко 2006: 7].

Искреннее пожелание прекрасному коллективу словарников-магнитогорцев – ни пуха ни пера! А Светлане Григорьевне, неизменно верной науке, – неутомимости в поиске и открытиях, неизменности человеческих отношений, благополучия в каждом дне!

Литература

- Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007.
- Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002.
- Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140 – 161.
- Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 118 – 139.
- Ларин, Б. А. Инструкция Псковского областного словаря / Б. А. Ларин. – Л.: ЛГУ, 1961.
- Ларин, Б. А. Инструкция Псковского областного словаря / Б. А. Ларин // Псковские говоры. I. – Псков: ПГПИ, 1962. – С. 252 – 271.
- Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы) / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – С. 149 – 127.
- Мокиенко, В. М. О словаре старославянской фразеологии // Фразеологический словарь старославянского языка: более 4 000 ед.: проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М.: Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006. – С. 5 – 12.
- ПОС 1967–2008: Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.-СПб.: ЛГУ-СПбГУ, 1967–2008. – Вып. 1–20 (издание продолжается).
- Проспект 2006: Фразеологический словарь старославянского языка: более 4 000 ед.: проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М.; Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006.
- Разговорник Т. Ф. 1607: T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. – Copenhagen, 1970.
- СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28 (издание продолжается).

Н. В. Кудрина

Курганский государственный университет

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ

Анна Ахматова является новатором в области работы над языком. Традиционная поэтическая фразеология в её творчестве часто выступает в трансформированном виде. Поэтесса диалектически развивает и использует глубочайшие возможности заложенных во фразеологических единицах (ФЕ) семантических оттенков и экспрессивно-стилистических окрасок, актуализирует контекст, что способствует окказиональному авторскому проявлению поэтической фразеологии и указывает на художественное мастерство автора. В использовании средств русской поэтической фразеологии А. Ахматова следует пушкинской традиции – идёт по пути «освобождения образов от устойчивых применений» [Григорьева 1969: 20].

Преобразования поэтических фразеологизмов определяются стремлением оживить их образную основу, т. к. устойчивым и традиционным является образ, создаваемый опорным компонентом фразеологизма [Алещенко 1998: 50]. В процессе функционирования в художественном произведении поэтические фразеологизмы подвергаются постоянному обновлению стандартного образа, как этого требует природа поэтического творчества. Поэтому, рассматривая приёмы авторских преобразований поэтических фразеологизмов, следует говорить прежде всего о трансформации лежащего в их основе образного представления и способах его оживления, обновления.

В стихах А. Ахматовой нами выявлено несколько способов преобразования традиционной поэтической фразеологии.

1. Чаще всего при использовании ФЕ поэтесса подбирает новые, неожиданные эпитеты в качестве квалифицирующих компонентов поэтических фразеологизмов, благодаря чему происходит усиление вещной основы слов-образов. Между образным и квалифицирующим компонентами поэтического фразеологизма существует определённая связь: «чем традиционнее образ, тем разнообразней <...> определяющие, чем оригинальней образ, тем традиционней определяющие», т. к. при длительном употреблении в языке поэзии опорный компонент становится достаточно самостоятельным и превращается в поэтический синоним прямого лексического наименования предмета или явления» [Григорьева 1964: 13-14].

Напр., при обозначении жизни, земного бытия поэтесса опирается на такие широко распространённые образы, как *ад*, *круг*, *сон* (Ср.: *земной ад* –

Ф. Сологуб; *сон бытия* – Н. Гумилёв; *круг жизни* – В. Жуковский и др. [СЯП 2004: 164-166]). Обновление традиционных образов в стихах А. Ахматовой происходит за счёт введения в состав ФЕ оригинальных определяющих компонентов, напр.: *жизнь – проклятый ад* (Вечер, 37)¹; *сон пространства* (Тростник, 182); *назначенный круг* (Тайны ремесла, 279).

Изменение образности поэтических фразеологизмов в стихах А. Ахматовой происходит также в результате расширения состава единиц с помощью определяющего компонента. Напр., широко распространённый в русской поэзии фразеологизм *алмазы звёзд* [СЯП 2004: 207] приобретает окказиональный факкультативный компонент *иглистые*, благодаря которому в значении единицы актуализируется сема ‘состоящий из иглообразных кристаллов; игольчатый’ и происходит усиление вещной основы исходного образа: *Звёзд иглистые алмазы // К Богу взнесены* (Белая стая, 85).

2. Расширение существующих в языке поэзии синонимических рядов образных фразеологических средств происходит за счёт включения в состав поэтических фразеологизмов нового образного компонента. При этом квалифицирующий компонент, как правило, является традиционным.

Так, поэтический фразеологизм *земное питьё*, номинирующий жизнь, земное бытие, создан поэтессой в рамках синонимического ряда «жизнь – брага, влага, вино, напиток, нектар» [СЯП 2004: 168]. Традиционный определяющий компонент *земное* квалифицирует оригинальный образный компонент *питьё*. Данный фразеологизм отражает чувственное представление о земном бытии, радостях земной жизни. Напр.: *Слишком сладко земное питьё, // Слишком плотны любовные сети* (Чётки, 54).

Образное представление о страдании как о венце воплощено в лирике А. Ахматовой в поэтических ФЕ *венце златокованный*, *червонный венец* и др. Трансформация образа наблюдается в окказиональной единице *ржавый колючий веночек*, создающей «вещный» образ земного страдания. Напр.: *Но, может быть, чаще, чем надо, // Придётся тебе вспоминать – // И гул затихающих строчек, // И глаз, что скрывает на дне // Тот ржавый колючий веночек // В тревожной своей тишине* (Стихи последних лет, 296).

3. На основе существующих в языке поэзии образных моделей Ахматова создаёт окказиональные поэтические ФЕ, что приводит к увеличению количества синонимических рядов образных фразеологических средств в рамках какой-либо парадигмы.

Напр., на основе слова-символа *чернота* создана единица *чернота рембрандтовских углов*, которая входит в синонимический ряд наименований тьмы, представленный такими образными словами, как *мгла*, *мрак*, *темнота* и др. [СЯП 2004: 583]. Окказиональный квалифицирующий компонент данной единицы содержит аллюзию, указывающую на связь авторского представления о темноте с творчеством великого голландского живописца: *... Тогда из черноты рембрандтовских углов // Слубится что-то вдруг и спрячется туда же, // Но я не встrepенусь, не испугаюсь даже* (Нечет, 217).

¹Здесь и далее цитируется по изданию: Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. Ахматова ; сост., подгот. текста и коммент. М. М. Кралина. – М. : Правда, 1990. – Т. 1.

4. В творчестве А. Ахматовой может быть сформирована новая образная парадигма для наименования реалий, которые до сих пор не были названы с помощью средств поэтической фразеологии. Окаzionaliальные ФЕ создаются на основе распространённых в поэзии образных слов, обладающих диффузным значением. Эти слова-образы в представлении автора ассоциируются с номинируемыми явлениями.

Так, окаzionaliальные фразеологизмы *млеющий жар бессонницы* и *ненужный дар жестокой жизни* в творчестве поэтессы называют бессонницу и доброту. По данным «Словаря языка поэзии», в русской лирике не выявлено образных фразеологических наименований данных явлений [СЯП 2004], следовательно, названные ФЕ включаются в формирующиеся парадигмы. Напр.: *Всё тебе: и молитва дневная, // И бессонницы млеющий жар...* (Белая стая, 110); *... И добротой, которую в наследство // Я от неё как будто получила, // Ненужный дар моей жестокой жизни* (Северные элегии, 260).

5. В некоторых случаях поэтесса прибегает к «нефразеологической форме выражения устойчивой образности», при которой происходит «горизонтальное развёртывание семантики определения» [Иванова 1992: 9-10]. В этом случае наблюдается «тесная семантическая связь и взаимодействие при отсутствии непосредственной грамматической связи» между компонентами сочетания [Рыньков 1975: 60]. Напр.: *Там строгая память, такая скупая теперь, // Свои терема мне открыла с глубоким поклоном; // Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь; // И город был полон весёлым рождественским звоном* (Anno Domini, 145). Общий смысл образа выходит за рамки сочетания слов, но очевидно, что метафорическое значение определяется соотношением компонентов *память* и *терема*, смысловая связь между которыми усиливается притяжательным местоимением *свои*. Исходным для данной формы выражения устойчивого образа было генитивное сочетание *терема памяти*, входящее в образную парадигму «память». Его компоненты в контексте стихотворения А. Ахматовой не связаны друг с другом грамматически; в новом словесном окружении определительный компонент занял место подлежащего, а образный компонент – позицию дополнения при сказуемом. При синтаксическом развёртывании образа денотат получил прямое обозначение (*память*), а слово-образ (*терема*) стало обозначением «свойства, принадлежности соответствующего денотата» [Иванова 1992: 11].

Таким образом, традиционная поэтическая фразеология в творчестве Анны Ахматовой часто выступает в трансформированном виде. При использовании средств поэтической фразеологии поэтесса выбирает менее распространённые в лирике образные модели, усиливает вещную основу слов-образов, включает в состав ФЕ новые квалифицирующие либо новые образные компоненты, формирует новые синонимические ряды на основе новых образов, а в некоторых случаях – новые образные парадигмы.

Источники

Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. Ахматова ; сост., подгот. текста и коммент. М. М. Кралина. – М. : Правда, 1990. – Т. 1.

Литература

Алещенко, Е. И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В. М. Гаршина и Н. С. Лескова) : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Алещенко. – Волгоград, 1998.

Григорьева, А. Д. Поэтическая фразеология конца XVIII – начала XIX века (именные сочетания) / А. Д. Григорьева // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху : сб. ст. – М. : Наука, 1964. – С. 3 – 121.

Григорьева, А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина / А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова. – М. : Наука, 1969.

Иванова, Н. Н. Поэтические номинации в русской лирике / Н. Н. Иванова. – М. : Наука, 1992.

Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века (Послепушкинский период) / Л. Н. Рыньков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975.

СЯП 2004: Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) : более 4 500 образных слов и выражений / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – М. : [АСТ и др.], 2004.

И. В. Кузнецова

Чувашский государственный педагогический университет

БИБЛЕЙСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ФАУНЫ

Во фразеологии христианских народов немало единиц с компонентом-названием представителя фауны, восходящих к Библии, в том числе устойчивых сравнений (УС). Исходя из понимания библейских фразеологизмов (БФ) как единиц, деривационно связанных со Священным Писанием или апокрифическими христианскими текстами, по соотношению с текстами Книги книг и способу образования их делят на:

– **цитатные**, выступающие как устойчивые обороты уже в Библии или образованные путём переосмысления свободных библейских словосочетаний и предложений, напр., рус. *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*;

– **имплицитные**, образованные сжатием разных по объёму канонических либо апокрифических библейских сюжетов на уровне внутренней формы или семантики, напр., венг. *várja, mint a Noé hollót* («ждать как Ной ворона»);

– **эксплицитные**, полученные в результате расширения компонентного состава БФ либо включения лексического или фразеологического библеизма в уже существующую структурно-семантическую модель или образованные на основе слов-библеизмов для усиления экспрессии, обновления мотивировки, напр., рус. *точно пёсья муха укусила [кого]* (*пёсьи мухи* ‘кровососущие насекомые’ – четвёртая казнь, посланная Богом на Египет);

– **псевдобиблеизмы** («ложные»), не имеющие прямых связей с сюжетами Книги книг (часто маркированные именами библейских персонажей; они типичны для народной речи и обычно ироничны), напр., укр. *б'ють як гаманову козу*; венг. *öreg, mint a Szent Péter szamara* («старый как осёл Святого

Петра»). Вопрос об отнесении УС двух последних групп к БФ спорен, но «в единицах такого рода содержатся “национальные вариации на библейскую тему”, и с познавательной, культурной точки зрения исключить их из корпуса библеизмов нельзя» [Chlebda 1996: 143]. Разного рода варианты не влияют на семантику УС, ср.: *будьте мудры, яко (как) змии* (И. С. Никитин. Письма, 1853–1861; Е. И. Рерих. Письма в Европу, 1931–1935); *мудра, аки змея, и чиста, аки голубица; мудры, яко змеи, и чисты [сердцем], яко голуби; кроткий, как голубь, и мудрый, как змий* (В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, 1814; А. Ф. Писемский. Взбаламученное море, 1863; Дон Аминадо. Поезд на третьем пути, 1954) и др.

Часть УС-библеизмов известна несколькими языкам: рус. *тихий (кроткий, смиренный, смиренный, послушный) как агнец [божий]*; укр. *тихий (смирный) як агнець [божий]*; болг. *кротък като агне (агънце)*; макед. *кроток како јагне*; серб. *кротак (миран) као јагне [божји, незлобиви]*; слов. *krotek kot jagnije*. В основу сравнения здесь положено не прямое значение слова *агнец* ‘молодой барашек’, а переносное, символизирующее кротость, чистоту, невинность, безгрешность. *Агнец* – это одно из наименований Христа [Исх 53: 7], встречающееся в Новом Завете с определениями *божий, непорочный, чистый*.

К числу интернациональных УС-библеизмов можно отнести также следующие: рус. *возвращаться как (аки) пёс на свою блевотину*; укр. *вертатися немов (як) пес до своєї блювотини*; болг. *врѣщам се като куче на бълвоча си*; серб. *поврће се ка’ и пас на бљувотину*; рус. *жить как птица (птичка) небесная (божия)*; укр. *жити як птиця небесна*; болг. *живея като птичка божия*; серб. *живети као птица небеска*; хорв. *živjeti kao ptica nebeska*; польск. *żyć jak [te] ptaki niebieskie*; слов. *žiti ako viáctvo nebeské*; рус. *беззаботен как птица (птичка) небесная*; болг. *безгрижен като птичка божия*. Близость отдельных УС обусловлена культурно-историческим ареалом и географией, напр., рус. *чист (невинный, непорочный) как агнец [божий]*; укр. *невинний як агнець [божий, непорочный]*; рус. *как агнец, ведомый (отдаваемый) на заклание*; укр. *як агнець, котрого на закланіє ведуть*; польск. диал. *krynci sie jak Jónasz we wielorybie*; кашуб. *sedzec [w przyż] jakno Jónasz w wielorëbie*.

Некоторые УС (чаще псевдобиблейские) безэквивалентны: рус. *питаться (кормиться) как птица (птичка) небесная* – 1) ‘есть очень мало, нерегулярно, скромно’; 2) ‘не обременять себя заботами о пропитании, материальных благ’; венг. *olyan, mint Pilátus macskája* («такой, как кошка Пилата») ‘очень грустный’; *sovány, mint a Pilátus macskája* («худой как кошка Пилата»). Идиоэтническое во фразеологии часто объясняется принципом избирательности. Так, апокрифическая легенда, согласно которой ворон, выпущенный Ноем из ковчега, чтобы узнать, не кончился ли потоп и не осушилась ли земля, не вернулся, мотивировала следующие чеш. и венг. УС: *zůstal tam co havran Noeův* ‘не возвратился, остался там’, *element (elmarad, odavész, eltűnik), mint Noé hollója* («уйти (исчезнуть) как Ноев ворон») ‘ни слуху ни духу о ком-л.’, *olyan, mint Noé hollója* («такой, как Ноев ворон») ‘всегда опаздывает’. В наказание ворон был обречён питаться падалью. Эта часть сюжета легенды мотивировала чеш. и венг. УС *zůstal tam co havran Noeův na mrše, dögre talált, mint Noé hollója* («найди

падаль как Ноев ворон»).

Часть БФ употребляется только в форме сравнения: *[рассеяться (растекаться)] как овцы без пастыря (пастырей)* (Ф. Ф. Вигель. Записки, 1850–1860; Н. Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 1, 1918–1921); *скитаться как овцы, пастыря не имущие* (С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Т. 10, 1860) (Ср. с Мф 9: 36; Мк 6: 34; 1 Петр 2: 25). В речи в УС переходят субстантивные БФ: рус. *заблудшая овца* → *как заблудшая овца* (П. Д. Боборыкин. Однокурсники, 1900); *относиться как к заблудшей овце* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы, 1875–1880); *принять (жалеть) как заблудшую овцу* (Б. А. Лавренёв. Крушение республики Итль, 1925; В. М. Кожевников. Щит и меч, 1968); *смотреть как на заблудшую овцу* (Жизнеописание схиархиепископа Антония (Абашидзе), 2003); *змеи-искуситель* → *[кто; делать что-л.] как змей-искуситель; [воспринимать, ненавидеть] как змея-искусителя* (О. М. Сомов. Приказ с того света, 1827; А. Ф. Писемский. Тысяча душ, 1858; Д. Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб, 1891); *козёл отпущения* → *как козёл отпущения* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Вып. 7: XVIII столетие, 1862–1875; А. П. Чехов. Палата № 6, 1892; Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Революция и Россия, 1921; Д. С. Самойлов. Проза поэта, 1970–1980); укр. *козел відпущення* (русизм) → *як козел відпущення*; рус. *волк в овечьей шкуре* → *как волк в овечьей шкуре* (Буланцов. Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году, 1868); укр. *вовк в овечій шкурі* → *поводиться як вовк в овечій шкурі*; нем. *ein Wolf im Schafspelz (Schafskleid, Schafsfell) sein* → *wie ein Wolf im Schafspelz (Schafskleid, Schafsfell) sein*; польск. *oślica Baala* → *jak oślica Baala* и др.

УС-библеизм может испытывать структурные преобразования (ср. рус. *смирный как агнец* → *присмиреть как агнец*; *аки (яко, как) лев рыкающий [ищущий, кого поглотить]* → *рыкать аки лев*; укр. *як рикаючий лев [шукаючи кого пожерти (поглинути)]* → *рикати як лев*) и семантические изменения (ср. *как овца, веден был Он на заклание* [Исх 53: 7] и *идти яко (как) овца на заклание*), закрепляющиеся в языке. Иногда при трансформации БФ в УС меняется семантика. Так, напр., фразеологизм *фараоновы тощии коровы* используется для обозначения людей или животных, которым ничто не впрок, а также неисправимого ни при каких условиях положения. УС же *тощий как фараонова корова* имеет семантику ‘очень худой’ (с сопутствующим значением ‘ненасытный’): *Оторванный от народной трудящейся массы <...> тощий, как фараонова корова, и ненасытный, как она, – сидит он в какой-то чудной бане и во всю мочь парится вениками вечно и дикого покаяния* (Л. Н. Андреев. Москва. Мелочи жизни, 1901–1902); *Последний ел за двоих, а всё оставался тощ и бледен. – Ты, Федот, как фараонова корова, – сказал как-то Иванов. – Всё за детство голодное не отъемя, – отозвался писарь* (В. М. Глинка. Судьба дворцового гренадёра, 1976). Ср. с укр. *худі, мов сім корів з Єгипту* (І. Франко); венг. *olyan, mint a Faruhó telene* («такой, как фараонова корова») и предложными сравнениями: ... *эконом фольварка, весьма похожий на тощую фараонову корову, которая проглотила тучную, не став оттого сытее, – что-то с жаром проповедовал...* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году, 1830); А

не замечаете ли вы, что он **похож на тощую фараонову корову?** (М. Горький. Мужик, 1899). Переносное значение прилагательного *тощий* ('со скудным содержанием, почти пустой') и контаминация с УС *тощий карман* ('отсутствие или недостаток денег') создаёт иронию: *Иные предлагали прокатиться по Волге, – да карманы у нас были тощи, как фараоновы коровы* <...> *другие указывали юг, но «коровы» и здесь помешали* (Митрополит Вениамин (И. Федченков). На Северный Афон. Записки студента-паломника на Валаам, 1906). К мифу о сне египетского фараона восходит и УС *съесть (сожрать, пожрать) как тощие [фараоновы] коровы [тучных (жирных, толстых)]* 'погубить, уничтожить что-л., не дать возможности существовать, действовать чему-л.'

УС *упрямый как Валаамова ослица* встречается в текстах с XIX в.: *Один богатый господин, недалеко отсюда живущий, будучи упрям, аки Валаамова ослица, не хотел верить сим словам...* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, 1814). Это УС сформировалось на основе БФ *Валаамова ослица*, которое развило семантику 'глупый, упрямый человек', мотивированную переносным значением слова *ослица*. Здесь сыграли роль субъективные факторы: контаминация и негативные коннотации слова *ослица*, ср.: рус. *глупая как Валаамова ослица*; укр. *орати як Валаамова ослиця* = работать как дурак (ср. с: ...все життя *орав*, як Валаамова ослиця, Буріданов осел і вісюк Ходжі Насреддіна разом); венг. *áll, mint Bálat szatara [a hegyen]* («стоит как валаамова ослица [на горе]») 'очень удивляется'. УС *кричать как Валаамова ослица* (= венг. *bőg (ordít), mint Bálat szatara*) и *молчать как Валаамова ослица* возникли в силу недостаточного знания носителями языка текста Библии. Так, напр., УС *молчать как Валаамова ослица* употребляется в следующем тексте: *Моя дочь – преступница! Ты слышишь, Томочка? Почему ты молчишь, как Валаамова ослица?* – правда, с оговоркой: *Сознательно или бессознательно, не знаю, но он отбирал у слов и понятий смысл, присущий им изначально <...> и в результате получалось что-то чудовищное, иногда глупое, а иногда и вовсе кощунственное. Валаамова ослица прославилась тем, что однажды заговорила, а Казаков спрашивал: «Почему ты молчишь, как ...»* (А. А. Жаренов. Семейная реликвия, 1977).

От рус. БФ *Валаамова ослица заговорила*, укр. *Валаамова ослиця заговорила* 'о неожиданно заговорившем человеке (часто молчаливом или недалёком)' образовано рус. УС *заговорить как валаамова ослица* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Сёстры, 1922; З. А. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня, 1992) и укр. *заговорити як [та біблійна] Валаамова ослиця*, мотивировавшее в свою очередь УС *смотреть как на [заговорившую] Валаамову ослицу* 'смотреть на кого-л. удивлённо, озадаченно' (М. Баконина. Девять граммов пластида, 2000).

Литература

Chlebda, W. Библия в языке – язык в Библии / W. Chlebda // Frazieologia a religia : tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego. – Opole, 1996. – S. 142 – 143.

СМЫСЛОВЫЕ ПРИРАЩЕНИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И ИХ КОМПОНЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Крылатые выражения (КВ), особенно литературные цитаты и афоризмы, предполагают наличие «устойчивого равновесия» между их формой и содержанием. Стабильность семантики многих образных КВ, устойчивость их компонентного состава и грамматической структуры закреплены речевым узусом и традицией их представления в словарях крылатых слов и выражений. Вместе с тем употребление КВ в художественных текстах убеждают в правоте наблюдений С. О. Карцевского о том, что во всяком лингвистическом знаке обозначаемое и обозначающее асимметричны: «они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» [Карцевский 1965: 93], предполагающего варьирование как формы, так и содержания языковой единицы. При этом формальная вариативность КВ может носить узуальный характер, не нарушающий их содержание, что отмечается словарями КВ. Чаще всего это синонимические замены компонентов КВ: *охота к перемене мест – любовь к перемене мест, стремление к перемене мест, тяга к перемене мест* [БСКС 2000: 359] и т. п. В редких случаях подобные замены меняют стилистическую окраску КВ, например, при замене высокого, книжного слова – компонента КВ словом нейтральным: *знамение* (ц.-сл.) *времени – примета времени*.

Как отмечает С. Г. Шулежкова, специфика значения крылатой единицы (КЕ) в отличие от значения слова и фразеологизма состоит в том, что «оно «отягочено», «чревато» генетической памятью об авторе, создавшем КЕ; о произведении, из которого она вычленилась, или историческом событии, послужившем основой для её возникновения» [Шулежкова 2009: 64]. Изменение семантики КВ, появление у него новых значений, как правило, и обусловлено разрывом генетической связи между выражением и источником, его породившим, что можно объяснять и древностью выражения, и частотностью его употребления в разговорной речи, в публицистике и художественных произведениях, когда КВ становится частью нового (и тоже авторского!) дискурса, а затем «уходит в народ», теряя изначальное авторство. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют отмеченные словарями случаи многозначности КВ. Ср.: *«Небесный тихоход. Шутл. 1. Маленький маломощный самолёт. 2. О медлительном человеке»* [БСКС 2000: 304]. Первое из этих значений генетически связано с названием кинофильма, второе же явно не имеет определённого автора, а его появление, вероятно, «спровоцировано» внутренней формой слова *тихоход* (тихо, медленно ходить → тот, кто тихо, медленно ходит → тот, кто медленно что-л. делает).

В отличие от прямого цитирования употребление КВ в художественном тексте как речевом произведении предполагает появление у него либо семантических сдвигов, либо новых экспрессивно-стилистических и эмоциональных коннотаций, а иногда и того и другого. Так, например, выражение из трагедии

В. Шекспира «Гамлет» (в переводе Н. Полевого) *Я любил её, как сорок тысяч братьев любить не могут* прямо цитируется в пьесе А. Н. Островского «Лес» актёром Несчастливцевым: *Люблю её, как сорок тысяч братьев любить не могут*. В этом контексте выражение имеет высокую стилистическую окраску, однако в произведениях русских писателей оно чаще используется (с изменением формы) как шутивное обозначение степени проявления признака или интенсивности действия, напр.: [*Досужев:*] *Человек ровно ничего не делает, живёт барином на чужой счёт <...> и пьёт, как сорок тысяч братьев не могут пить* (А. Н. Островский. Тяжёлые дни); *Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев* (А. П. Чехов. Двадцать девятое июня); *Встречал я Новый год у одного своего старинного приятеля и нализался, как сорок тысяч братьев* (А. П. Чехов. Ночь на кладбище).

Как особый случай трансформации узальной семантики следует отметить буквализацию в художественном произведении метафоризованного КВ. Примером тому может служить выражение *из искры возгорится пламя* (цитата из стихотворения поэта-декабриста А. И. Одоевского «Струн вещих пламенные звуки...»), использованное в публицистическом эссе Т. Толстой «Николаевская Америка»: *В николаевской России курение на улицах запрещалось: жестокость, думается, скорее противопожарная, нежели протекающая из тиранического характера режима. Из искры возгорится пламя, — полагал самодержец, не доверяя верноподданным самим затаптывать окурки, бычки и махнарики. КВ рукописи не горят*, восходящее к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», обычно используется для выражения веры в нетленность творчества, в священную обязанность сохранять произведение искусства для потомков [БСКС 2000: 432]. В. Н. Войнович совмещает в контексте романа «Москва 2042» образный и буквальный смысл КВ, превращая отрицательную формулу высказывания в утвердительную (*рукописи горят <и сгорают дотла>*): *— Дайте мне эту проклятую книгу, и я её немедленно сожгу или аннигилирую всю целиком. — Я даже представил себе, с какой радостью я буду рвать в клочья эти листы и швырять их в огонь... — Рукописи не горят! — ехидно напомнил мне мой чёрт высказывание одного предварительного писателя. — Сгинь! — отмахнулся я. — Если кидать их в огонь плотными пачками, они, конечно, горят плохо, но если бросать по листку, предварительно скомкав, они самым основательным образом прекрасно сгорают дотла.*

В художественном произведении можно наблюдать и приёмы «расщепления» КВ на отдельные элементы, семантика которых, с одной стороны, традиционно обусловлена семантикой целого, а с другой стороны, приобретает дополнительные смысловые приращения за счёт авторских семантических транспозиций слов, контекстной синонимизации слов и дифференциаций их лексических значений. Примером здесь могут служить преобразования КВ *отцы и дети* в первой книге мемуарной трилогии А. Белого «На рубеже столетий». Это выражение — название романа И. С. Тургенева, ставшее уже в XIX в. метафорическим обозначением межпоколенного конфликта, противопоставления идеологий представителей старого и молодого поколений. Национально-культурная

значимость антиномии «отцы и дети» обоснована Ю. С. Степановым, причислившим её к константам русской культуры [Степанов 2001: 781].

В своей книге воспоминаний А. Белый представляет московскую университетскую среду конца XIX в., частью которой была и семья самого писателя, характеризует «профессорскую культуру», оказавшую влияние на духовное развитие и юного Б. Бугаева, и целого поколения молодых людей, его современников, а затем анализирует истоки кризиса этой культуры. Уже в названии книги представлена одна из важнейших, концептуальных метафор текста — *рубеж*, а затем в подзаголовке к вводной части книги — *Дети рубежа двух столетий: два поколения, два типа детей: сыны и «сынки»* — А. Белый вводит ещё одну образную доминанту — *дети*, тесно связанную с понятием *рубежа*. Этим метафорам сопутствует третья — *отцы*, что вызывает у читателя неизбежную ассоциацию с КВ *отцы и дети*.

В семантическом пространстве всего произведения слово *рубеж* становится многоплановым: это не только временная граница, которая пролегла между двумя веками, но и граница межпоколенная, между отцами и детьми, а также граница внутрисемейная: это «*рубеж меж отцом и матерью; рубеж между мною и ими*»; *рубеж* — это ещё и кризис устоявшегося быта, «*кризис квартиры, вне которой мне в мире не было ещё мира*». Более того, слово *рубеж* А. Белым олицетворяется: «*сами мы были — рубеж, выросший из недр конца века*».

Лексема *отец* используется А. Белым прежде всего в прямом значении, и текстовые характеристики отца писателя, профессора-математика Н. В. Бугаева, окрашены положительно: «*Его влияние огромно: в согласиях, в несогласиях, в резких мировоззренческих схватках и в жесте таймой, горячей любви он пронизывал меня действительно; совпадение во взглядах и даже полемика с ним определяли круг моих интересов; с ним я считался — в детстве, отрочестве, юношестве, зрелым мужем*».

Производное значение слова *отец* («предшествующее поколение, предки» [МАС 1982: 677]) в тексте произведения А. Белого отмечено приращением смысла и отрицательной коннотацией: *отцы* — это старшее поколение, которому *дети* — младшее поколение («мы») противопоставляют себя, отказываясь от устаревших стереотипов сознания, поведения, быта этого поколения (*мы — юноши... не принявшие лозунгов наших отцов; критика наша быта отцов; полуразрушенные бытом отцов дети рубежа до конца разрушили быт отцов*).

Более того, слово *отцы*, неоднократно повторяемое, обретает в данном произведении обобщённое, символическое значение. *Отцы* как образ-символ — это уже реакционная общественная сила, направленная против *детей* и вызывающая у них обратную реакцию; *отцы* — это *враги* (ср.: *он [символизм] стал слагаться и бить превышавших и количеством и авторитетом врагов: «отцов»*). В этом же символическом значении употребляется А. Белым не только слово *отцы*, но и словоформы *папаши*, *старцы*, обычно приводимые им в кавычках. Так, при характеристике отношений между «отцами» и обласканной ими «девочкой» (Т. Л. Щепкиной-Куперник), написавшей воспоминания «Дни моей жизни», слова *старцы* и *отцы* употребляются как полные синонимы:

Впечатление от «Дней моей жизни»: трогательное почитание юной Танечки «старцев»; и ещё большая нежность старцев к «Танечке»; что ни пикнет, всё триумфально несётся в редакцию; между тем эти столь нежные к «Тане» отцы – с какою жестокою неумолимостью они именно и душили нас... Таким образом, в данном контексте происходит семантическое сближение, синонимизация слов *отцы* и *старцы* в их символическом значении.

Новым содержанием наполняется и слово *дети*: это новое поколение («Мы – дети того и другого века, мы – поколение рубежа»), противопоставленное не только *отцам*, но и *детям* конца века – *сынкам*, *Боренькам*, *Танечкам*, послушно идущим вслед за *отцами*. При этом дифференцируются значения слов *сыны* и *сынки* (два поколения, два типа детей: *сыны* и «*сынки*»), в узусе семантически недифференцированные.

Таким образом, в тексте происходит не только семантическое расщепление КВ *отцы* и *дети*, но и дальнейшее семантическое преобразование слов-компонентов: наблюдается многоплановость употребления слова в его конкретном и символически-абстрактном или конкретном и образном значениях. Например, в следующих отрывках, представляющих минимальные контекстные пространства, противопоставлены символически-абстрактное и конкретное значения слова *отец*: *Не было между нами типичных, тургеневских отношений по чину: «Отцы и дети»; моя полемика «с отцами» почти не задевала отца: это-то он понимал, ибо не он ли раскрывал мне глаза на иных из «отцов»; он и не был «отцом» мне по возрасту – скорей «дедом»...; Мой идеологический фронт борьбы с «отцами» отца миновал.*

Как буквализация, так и расщепление семантики КВ и его компонентов повышает экспрессию художественного текста, усиливает его авторскую модальность.

Литература

БСКС 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 ед. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85 – 93.

МАС 1982: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1982. – Т. 2. К – О.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001.

Шулежкова, С. Г. Лексикографическое описание крылатых слов: проблемы и перспективы / С. Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62 – 73.

О. В. Ломакина

Московский институт иностранных языков

ТЕКСТОЛОГИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ИСТОЧНИК КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ

В последние годы крылатика, или эптология, будучи одним из направлений фразеологии, получила активное развитие, что стало возможным и благодаря трудам уважаемого юбиляра профессора Светланы Григорьевны Шулежковой. Нам представляется достаточно убедительной точка зрения С. Г. Шулежковой, использующей для обозначения всех «постоянно воспроизводимых в широких кругах отечества изречений, выражений или имён <...> историческое или литературное происхождение которых известно (доказуемо)» термин крылатые единицы (КЕ) [Шулежкова 2002: 19].

Наряду с мифологией и Библией, литература считается одним из источников пополнения фразеологического фонда языка. Русская литература является претекстом для новых художественных произведений и источником появления КЕ. Как отмечает Л. П. Дядечко, в русском культурном пространстве «почетное место принадлежит прежде всего русским литераторам» [Дядечко 2006: 82]. Особенно это касается писателей золотого века русской литературы.

Так, в XVIII в., когда авторская литература сменила древнерусскую, в язык, по данным С. А. Коваленко [Коваленко 1989: 27-73], приходит около 80 поэтических строк, ставших впоследствии КЕ: 42 – из произведений Г. Р. Державина (*Я царь – я раб, я червь – я бог* из оды «Бог», *И истину царям с улыбкой говорить* из стихотворения «Памятник»), 9 – из произведений М. В. Ломоносова (*Может собственных Платонов // И быстрых разумом Невтонов // Российская земля рождать; Науки юношей питают, // Отраду старым подают* – из «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы»), 8 – из произведений И. И. Дмитриева (*Мы пахали* из басни «Муха», *Мышонок, не выдавший света* из басни «Петух, Кот и Мышонок»).

В XIX в. в фонд крылатых единиц входит огромное количество интертекстов из произведений художественной литературы. Несомненно, пальма первенства принадлежит комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и произведениям А. С. Пушкина. В связи с этим полезным является лексикографический опыт В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко: их учебный словарь-справочник ««Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения», включающий более 800 словарных статей (против 70 в ранее изданных словарях) [СГ 2009], и «Словарь крылатых выражений Пушкина», насчитывающий почти 2 000 интертекстов [СКВП 1999].

Текстология других классиков XIX в. тоже пополнила эптологический фонд русского языка. В связи с изучением языка отдельных писателей и его лексикографированием важной задачей представляется необходимость выявить КЕ, возникшие благодаря творчеству конкретного писателя и получившие широкую рецепцию в современном русском языке, т. е. «дать читателю как можно более полную и живую картину их употребления» [Мокиенко 1999: 34] и «показать типологическую функциональную преемственность» КЕ [Там же: 30].

На наш взгляд, интересно рассмотреть, насколько обогатила эптологический корпус русского языка текстология Л. Н. Толстого.

Анализ существующего лексикографического материала служит основой для интерпретации всей крылатики отдельного автора. По данным словаря «Крылатые слова» Н. С. и М. Г. Ашукиных, благодаря Л. Н. Толстому в языке появилось 18 КЕ: *Было гладко на бумаге, – // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!* [Ашукины 1988: 18], *В искусстве всё чуть-чуть* [Там же: 412], *Власть тьмы* [Там же: 53], *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* [Там же: 418], *Всё смешалось в доме Облонских* [Там же: 65], *Дубина народной войны* [Там же: 106], *Живой труп* [Там же: 121], *Изюминка* [Там же: 148], *Каратаев, каратаевичина* [Там же: 161], *Не могу молчать* [Там же: 228], *Николай Палкин* [Там же: 236], *Образуются* [Там же: 244], *Он пугает, а мне не страшно* [Там же: 248], *От ней все качества* [Там же: 253], *Писали, не гуляли* [Там же: 264], *Плоды просвещения* [Там же: 265], *Туда умного не надо, // Вы пошлите-ка Реада, // А я посмотрю* [Там же: 348], *Чем люди живы* [Там же: 377].

Составители «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Берков, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулержкова дополняют список КЕ, источником которых являются тексты Л. Н. Толстого: *Анна Каренина* [БСКСиВ 2008: 60], *Арзамасский ужас* [Там же: 67], *Война и мир* [Там же: 194], *Кавказский пленник* [Там же: 468], *Музыка – стенография чувств* [Там же: 639], *Не виновата я!* [БСКСиВ 2009: 45], *Непротивленец, непротивленка* [Там же: 70], *Непротивление злу насилием* [Там же: 70].

Как видно из приведённого материала, благодаря Л. Н. Толстому актуализировались некоторые уже существовавшие в языке единицы. Напр., библеизм *власть тьмы* актуализировался благодаря одноимённой толстовской драме, а сочетания *живой труп*, *кавказский пленник* впервые употребил А. С. Пушкин. В последнем случае можно говорить о двойном авторстве КЕ (термин С. Г. Шулержковой [Шулержкова 2002: 179]). Однако для большинства названных выше КЕ текстология Л. Н. Толстого является первоисточником. Среди таких КЕ – названия произведений: *война и мир*, *от ней все качества, не могу молчать, чем люди живы*; имена персонажей произведений, получившие обобщенное переносное значение: *Каратаев, Анна Каренина*; толстовский афоризм *Музыка – стенография чувств*. Но самым главным, безусловно, для философии Л. Н. Толстого является принцип его религиозно-философского учения *непротивление злу насилием*, восходящий к библейскому тексту, и, соответственно, последователи этого учения *непротивленец и непротивленка*.

Список КЕ, источником которых является текстология Л. Н. Толстого, может быть пополнен следующими единицами: *муравейные братья, зелёная палочка, Е.б.ж.* и др. Остановимся на последнем выражении. *Е.б.ж. / Если буду жив* – так Толстой заканчивал свои дневниковые записи. В качестве доказательства «крылатости» выражения приведём несколько примеров из Национального корпуса русского языка: *Я сдержанно и с чувством сознания анархической обязанности помогать всем, чем могу, движению ответил ему, что помогать буду, если буду жив* (Н. И. Махно «Воспоминания», 1929); *Я говорил*

себе: «Сегодня я пойду на Черное озеро, а завтра, если буду жив, на берега Пры или на Требутино» (К. Паустовский «Золотая роза», 1955); *Этот роман невозможно представить московским – о Москве я еще напишу другой, если буду жив* (В. Соловьёв «Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами», 1975–1998); *Главные свои мысли можно представить на самом различном материале; однако современность – неизменная первопричина работы – теперь просто захлестывает, «работе мешает»: «Я готов явиться на сцену со своей полушкою, и если буду жив, то непременно предложу усердное перо моё на описание французского нашествия; но мне нужны, любезный, сведения, без которых могу только врать»* (Н. Эйдельман «Последний летописец», 1983); *Я попытаюсь, «ебж» – если буду жив, как писал Толстой в дневниках* (Н. Амосов «Голоса времён», 1999); *Торопись, пожалуйста, и, когда сможешь, приходи: я буду в Москве еще недели две-три, как заверил врач. – Я постараюсь, Майкл! – кивнул Савелий и добавил по-русски: – Если буду жив. – Ты должен, должен быть жив! Слышишь, должен – выкрикнул он и закашлялся* (В. Доценко «Тридцатого уничтожить!», 2000).

Как видно из представленных примеров, выражение *Е.б.ж. / Если буду жив* имеет широкую репрезентацию в русском языке. Один из контекстов даже содержит указание на автора КЕ.

В свете сказанного представляется справедливым привести высказывание словацкого учёного Й. Сипко: «Авторитетность элементов русской литературы богато используется в многообразных дискуссиях, прениях, противостояниях, в идейной борьбе, в комментировании всяких реалий, в заголовках. Ими достигается психологический эффект текста, когда на его фоне чувствуется авторитет русской литературы» [Сипко 2003: 14].

Дальнейшее исследование языка Л. Н. Толстого должно включать изучение рецепции КЕ, источником которых является его текстология, в современном русском языке, а также определение функций толстовских КЕ в контексте.

Литература

- Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина – М.: Худож. лит., 1988.
- БСКСиВ 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009.
- Дядечко, Л. П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология : учеб. пособие / Л. П. Дядечко. – Киев, 2006.
- Коваленко, С. А. Крылатые строки русской поэзии / С. А. Коваленко. – М.: Современник, 1989.
- Мокиенко, В. М. Предисловие // Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999. – С. 5 – 34.
- СГ 2009: Мокиенко, В. М. «Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения : учеб. слов.-справ. / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко ; под общ. ред. К. П. Сидоренко. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
- Сипко, Й. Этнокультурные коды языковых реминисценций и проблема их перевода / Й. Сипко // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ. : сб. докл. : в 2 т. – СПб.: Политехника, 2003. – Т. 1. – С. 164 – 172.

СКВП 1999: Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

О. П. Лопутько

Новосибирский государственный педагогический университет

ДРЕВНЕРУССКАЯ УСТОЙЧИВАЯ ФОРМУЛА КАК АРХАИЧЕСКИЙ ИКОНИЧЕСКИЙ ЗНАК

Специфика неоднословных языковых знаков: фразеологизмов, крылатых слов и выражений, древних языковых формул – лежит, в первую очередь, в сфере номинации. Всё это знаки, более непосредственно, нежели слово, связанные с внеязыковой ситуацией и стремящиеся наиболее точно отобразить её структуру. Другими словами, это знаки в своём генезе иконические, хотя реальные взаимоотношения тех или иных их видов с прототипической ситуацией могут быть на определённом временном срезе уже завуалированы либо неактуальны.

Древние устойчивые формулы характеризуются наиболее полной и последовательной иконичностью, поскольку именно отображение ситуации – денотативный компонент – является в структуре их содержательной организации ведущим и определяющим. Своеобразие устойчивой формулы как языкового знака архаической структуры состоит не только в способности актуализировать одновременно и денотативный, и сигнификативный свои содержательные планы-значения, но и в несамостоятельности её сигнификативного значения, обязательной опоре его на денотат, мотивированности денотатом – отображением той ритуальной ситуации, которая послужила поводом для образования формулы. В древнерусском языке, напр., оборот *затворити врата/ворота*, как правило, имеет значение ‘совершить названное конкретно-предметное действие’, а в соответствующем контексте – ‘оказать сопротивление врагу’; устойчивая формула *всѣсти на конь* означает: 1) ‘занять такое положение’, 2) ‘захватить коня в собственность’ («Русская правда»), 3) ‘выступить в военный поход, сражение’ (летописи, «Слово о полку Игореве» и др.), 4) ‘достичь определённого возраста, когда в ребёнке начинают видеть уже будущего воина’ (летописи и др.; более подробно, с примерами из текстов см. [Лопутько 2000, 2001: 24-26]).

Специфическая организация содержательной стороны устойчивой формулы выдаёт не только генетические, но и сохраняющиеся в большей или меньшей степени на протяжении всего древнерусского периода актуальные связи этого архаического знака с ритуальным действием. Ритуал служил экстралингвистическим средством достижения необходимого единообразия в восприятии носителями языка денотативного, а посредством его – и сигнификативного содержания устойчивой формулы. Но обрядовое действие при этом определённым образом препарировалось и моделировалось. Результат такого моделиро-

вания, отображённый в лексико-синтаксической структуре устойчивой формулы, обнаруживает соответствие той психологической модели, которая была выявлена в экспериментах Н. И. Жинкина и названа *сенсорной фигурой динамики ситуации*, образуемой единицами так называемого «универсального предметного кода» – особого, не связанного с речедвижениями, кода мыслительной деятельности. Психологическим условием, обеспечивающим взаимопонимание субъектов общения на основе универсального предметного кода, является объединение его элементов – предметно-изобразительных единиц, представлений – в более крупные образования мыслительной деятельности – носители *смысла*. Н. И. Жинкин был склонен к тому, чтобы именно «сенсорную фигуру (или «модель») ситуации» рассматривать в качестве основной единицы мышления и понимания [Жинкин 1982: 126-127]. (Ср. также «сенсо-моторную схему» действия с познаваемым предметом в трактовке Ж. Пиаже [Пиаже 1969: 69 и др.].)

Моделирование сенсорной фигуры динамики ситуации в денотативном пласте содержания и изоморфный отпечаток этой модели в лексико-синтаксической структуре – конститутивная черта устойчивой формулы, утрата которой ведёт к её разложению и в конечном счёте уходу из языка.

Среди единиц современных языков столь адекватными структуре ситуации признаются лишь законченные высказывания (предложения), которые в данной связи квалифицируются в качестве *полных знаков*. Так, в трактовке В. Г. Гака, полный знак – «законченный продукт семиозиса, непосредственно соотносится с ситуацией <...> референт полного знака объективен по отношению к данной знаковой системе». В отличие от этого слово «не обладает некоторыми важными характеристиками знака как единицы семиотической системы <...> Характерная черта знака – замещение элемента действительности... осуществляется словом не непосредственно, но через включение его в высказывание» [Гак 1998: 206-207].

Полнота представления ситуации в лексико-синтаксической структуре устойчивой формулы – основа психологического переживания этой единицы как полного, самодостаточного знака носителями языка древности и средневековья. В этом одно из объяснений и того факта, что именно устойчивая формула выступала в данную эпоху в качестве основного объекта нормализации [Колесов 1989: 30].

Денотат устойчивой формулы как отображение целостной сенсорной модели динамической реально-жизненной ситуации не разрушал исходной, «природной» целостности этой основной смыслообразующей единицы мышления. В этом его преимущество даже перед денотатом какого-либо предметного имени того же древнерусского языка, поскольку, очевидно, что оно соотносимо лишь с отдельным элементом универсального предметного кода, *вычленённым* из подобной цельной сенсорной фигуры, т. е. и со смыслом связано лишь опосредованно.

Что же касается денотатов современных словесных знаков, то они не соотносятся непосредственно с элементами универсального предметного кода (т. е. представлениями, унифицированными у членов языкового коллектива через целостную сенсорную модель ситуации), а являются результатом особого,

понятийно регулируемого расчленения сенсорных данных. Именно к такому выводу приводит анализ того содержания, которое вкладывается в известное определение денотативного компонента значения единиц современного литературного языка как «типизированного представления». Так, А. А. Уфимцева, опираясь на определение денотата как «констатации того факта, что данный предмет входит в класс предметов, обозначаемых данным словом», предложенное А. А. Леонтьевым [Леонтьев 1970: 339], заключает: «С логической точки зрения, предметная отнесённость может быть приравнена к объёму понятия...» [Уфимцева 1974: 42-43].

Этапы исторического процесса разложения формул, приводящего к утверждению слова в качестве самостоятельной и центральной единицы языка и становлению собственно лексических парадигм [Колесов 1989, 2005; Лопутько 2001, 2010], находят соответствие в ступенях процесса порождения речи, выявляемых в нейропсихологических исследованиях: «Человек актуализирует элементы наличной ситуации в памяти, объединяя их в единое психологическое поле. Работа внимания (= мысли...), т. е. создание новых структурных центров в этом поле <...> сукцессивная развёртка преобразуют наличное поле в поле будущего действия, где представлены образ ситуации, образ действия и образ результата действия <...> Внутренняя речь на данном этапе играет подсобную роль. Собственную задачу – развёртывание мысли в слово – она выполняет на следующем этапе <...> Об относительной автономности этих процессов говорят данные исследования больных с “лобным синдромом” и динамической афазией» [Ахутина 2008: 195].

Принципиально различны и механизмы организации языка с господствующим положением таких архаических иконических знаков, ориентированных на целостную ситуацию, как древнерусская формула, и словоцентричной системы, связь которой с реальной ситуацией действительности носит лишь косвенный, опосредованный понятийными структурами характер. Поэтому исторический переход от языковой системы первого типа к системе второго типа происходил как многоступенчатый процесс, явившийся следствием сложного взаимодействия различных языковых и социально-психологических факторов.

Литература

- Ахутина, Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса : моногр. / Т. В. Ахутина. – М. : ЛКИ, 2008.
- Гак, В. Г. Языковые преобразования : моногр. / В. Г. Гак. – М. : Языки рус. культуры, 1998.
- Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации : моногр. / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982.
- Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык : моногр. / В. В. Колесов. – Л. : ЛГУ, 1989.
- Колесов, В. В. История русского языка : учеб. пособие / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2005.
- Леонтьев, А. А. Психофизиологические механизмы речи / А. А. Леонтьев // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка : коллективная моногр. / под ред. Б. А. Серебrenникова. – М. : Наука, 1970. – С. 314 – 370.

Лопутько, О. П. Динамика взаимодействия языка и культуры (в связи с историей древнерусской устойчивой формулы) / О. П. Лопутько // Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. – Омск : ОЭИ, 2010. – Т. 1. – С. 308 – 313.

Лопутько, О. П. О природе и функциях древнерусских устойчивых формул / О. П. Лопутько // Герменевтика древнерусской литературы : сб. ст. – М. : ИМЛИ РАН, 2000. – Вып. 10. – С. 80 – 87.

Лопутько, О. П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X – XV вв.) : моногр. / О. П. Лопутько. – Новосибирск : НГПУ, 2001.

Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребёнка. Логика и психология / Ж. Пиаже. – М. : Прогресс, 1969.

Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков : моногр. / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974.

Р. Н. Мароевич
Белградский университет

СУДЬБА ПРАСЛАВЯНСКИХ ЗВУКОВЫХ ГРУПП *КТІ, *ГТІ, *ХТІ¹

В первой части настоящей статьи рассмотрены толкования развития праславянских звуковых групп *ktī/*ktī, *gtī/*gtī, *xtī, предшествующие учению А. Белича.

Во второй части статьи рассматривается учение А. Белича о судьбе звуковых групп *ktī/*ktī, *gtī/*gtī, *xtī в праславянском языке.

В третьей части статьи обосновывается новое толкование развития указанных звуковых групп и новое толкование фонетических процессов, которые привели к возникновению формы *khi* в сербском языке.

I

1. Объяснение развития праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti (см. пп. 2–4 настоящей статьи) впервые предложено и обосновано нами во втором фрагменте серии заметок, посвящённых компаративисту и палеослависту Александру Беличу [Мароевич 2000а: 66-74, 78-79]. В настоящей статье мы рассмотрим и другие толкования развития указанных звуковых сочетаний, предшествующие учению А. Белича и имеющие определённое значение для истории нашего вопроса.

Предыстория вопроса с обзором толкований рассматриваемых звуковых групп предшественниками А. Белича представлена в «Праславянской грамматике» Г. А. Ильинского [Ильинский 1916: 248-253]. А. Белич одно из этих толкований, не указывая на конкретного автора, прямо оспаривает. Это «наиболее вероятное из всех предложенных до сих пор толкований», на самом деле, – толкование А. И. Соболевского (см. п. 1.1). А. Белич, к сожалению, не ссылается на выдвинутое ещё Даничиным объяснение, один этап которого совпадает с частью его собственного толкования (см. п. 1.2). И наше толкование, обоснованное в третьей части настоящей статьи, имеет одного

¹ Настоящая статья представляет собой подготовленный к печати текст доклада, прочитанного автором на конференции «А. И. Соболевский и русское историческое языкознание» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, 2007 г.).

своего важного косвенного предшественника – А. Лёскина, причём и дополнительный аргумент, это подтверждающий – переход звуковой группы *gnī/*gnī в * gnī/*gnī после йотации: *gñi/gñi*, – имеет своего прямого предшественника в трудах Л. Васильева (см. п. 1.3).

В рассматриваемой статье А. Белич подчёркивает, что его толкование «потребно због тога што и највероватније досадашње тумачење (исп. преглед досадашњих тумачења код проф. Ильинского, *Праславянская грамматика*, Нѣжинь, 1916, 249–253), по моме мишљењу, не уклања великих тешкоћа које имају и друга тумачења. По том тумачењу *kti* даје *t'ti*, а ово даље *t't'i*. Ја не знам зашто је прво *t* више умекшано него друго и није ми јасно, зашто се прво *t'* није изједначило са потоњим, него обрнуто. Када пак претпоставимо да је *k* било више умекшано од *t*, то чинимо с пуним правом, јер знамо да је *k* било способније да се подвргне утицају меких вокала него *t*. Према томе, ако претпоставимо да је полумекко *t* испред *i*, *i* стојећи иза *k* дало томе *k* потпуно умекшаност (*k̂*), онда претпостављамо нешто на што имамо потпуно право. Када у слогу *-kti* претпостављамо да је сугласника *k* умекшаног нестало, сасвим је за нас без значаја, да ли ћемо претпоставити да је ово прво прешло у потпуно умекшано *t'* или је непосредно постало нечујно, изгубивши у таком положају експлозију, иако ја лично верујем да је ово друго вероватније. Главно е да је оно пре свега било потпуно умекшано *k̂* које је, изгубивши се, оставило траг у несложном *ḱ*¹ [Белић 1921: 222].

1.1. Белич ничего не говорит о том, кому принадлежит это «наиболее вероятное из всех предложенных до сих пор толкований», но судя по всему, лингвист имел в виду толкование Соболевского. Рассматриваемой темой А. И. Соболевский занимался в своих лекциях по фонетике староцерковнославянского, т. е. старославянского языка. Он выдвинул важную мысль о диалектном характере йотации звуковых групп *tj, *dj в праславянском языке: «Зубные *d* и *t* подверглись смягчению <...> не во всемъ общеславянскомъ языкѣ. Сербскій, отчасти словинскій и болгарскій языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка и вступили въ самостоятельную жизнь еще с группами *dj, tj*» [Соболевский 1891: 118]. И далее: «Несомнѣнно,

¹ «нужно потому, что и наиболее вероятное из всех предложенных до сих пор толкований (ср. обзор имевших место до сих пор толкований у проф. Ильинского, *Праславянская грамматика*, Нѣжинь, 1916, 249–253), по моему мнению, не устраняет больших трудностей, характерных и для других толкований. Согласно этому толкованию, *kti* переходит в *t'ti*, а оно далее в *t't'i*. Я не знаю, почему первое *t* было смягчено в большей степени по сравнению с другим, и мне непонятно, почему первое *t'* не уподобилось второму, а это произошло наоборот. Когда же предположим, что *k* было смягчено в большей степени по сравнению с *t*, это делаем с полным правом, зная, что *k* было способнее подвергаться влиянию мягких гласных, чем *t*. Следовательно, если предположим, что полумягкое *t* перед *i, i̇*, находясь после *k*, передало этому *k* полную мягкость (*k̂*), то предполагаем развитие, которое мы вправе предположить. Когда в слоге *-kti* предполагаем, что согласный *k* смягченный утратился, для нас вообще не имеет значения, будем ли предполагать, перешло ли первое в полностью смягченное *t'* или оно непосредственно стало неслышным, утратив в таком положении взрыв, хотя я сам уверен, что более вероятное второе. Главное, что оно прежде всего было полностью смягченным *k̂*, которое, утратившись, оставило след в несложном *ḱ*».

смягчение зубныхъ <...> совершилось на обще-славянской почвѣ, вѣроятно, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда изъ него уже выдѣлились отдѣльные говоры и когда уже было близко распадение обще-славянскаго языка» [Соболевский 1891: 119].

В отдельном коротком разделе «Смягчение группы *kt*» А. И. Соболевский касается вопроса судьбы праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti, которые он сводит к одной группе: «Группа *kt*, образовавшаяся какъ изъ древней группы *kt*, такъ изъ группъ *gt, xt*, имѣя послѣ себя мягкій гласный, подверглась тѣмъ самымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ группѣ *tj*» [Соболевский 1891: 120]. Определив точно относительную хронологию явления, автор даёт и своё объяснение фонетических изменений, которые рассматриваемая звуковая группа претерпела: «Время смягчения группы *kt*, вѣроятно, тоже, что и смягчения зубныхъ. Группа *kt* (съ мягкимъ *t*), вслѣдствие ассимиляціи *k* съ *t*, прежде всего перешла въ *tt* (оба *t* мягки), откуда, вслѣдствие диссимиляціи двухъ тождественныхъ звуковъ, – *tj*» [Соболевский 1891: 120]. Такое развитие рассматриваемой звуковой группы, не упоминая конкретно А. И. Соболевского, критически оспаривает А. Белич (см. п. 1).

1.2. В разделе «Смягчение зубныхъ *d* и *t*» своей «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинский подчеркнул: «вопросъ остается такимъ же темнымъ, какимъ онъ былъ еще при Daničić, которому принадлежитъ заслуга его перваго систематическаго изслѣдованія» [Ильинский 1916: 250].

О толковании Даничином звуковых групп, рассматриваемых нами в настоящей статье, Ильинский пишет следующее: «Болѣе оригинальный взглядъ высказалъ Daničić на процессъ смягчения группъ *gt, kt* и *cht* <...> D. училъ, что группы *gt, kt* и *cht*, безъ всякаго вліянія со стороны слѣдующихъ гласныхъ, перешли въ силу ассимиляціи перваго элемента второму въ группу *tt*; затѣмъ одно изъ этихъ *t* отпало, взамѣнъ чего другое получило послѣ себя паразитное *i*, измѣнившееся потомъ въ *j*. Такъ возникла секундарная группа *tj*, давшая въ соврем. слав. языкахъ тѣ же рефлексy, что и исконная группа *tj*» [Ильинский 1916: 251].

Джуро Даничич в докладе, прочитанном им в Загребе в Югославянской академии наук и искусств 10-го июля 1867 г. в методологическом отношении вопрос поставил правильно. Он исходит прежде всего из того, что «*ki od gt i od kt i od xt isti glasovi izlaze u svakom jeziku slovenskom*», далее из того, что «*svaki slovenski jezik što ima od elemenata gt i kt i xt, isto ima i od elemenata tj*», приходя потом к выводу: «*Priličnije je dakle misliti da su se elementi gt i kt i xt približili elementima tj, t. j. s njima se kako god izjednačili*». В дальнейшем

изложении автор пытается ответить на вопрос: «kako bi od glasova **гт** и **кт** и **хт** moglo postati **тј**?»¹ [Daničić 1867: 118].

Дж. Даничич для рассматриваемого звукового изменения находит аналогию в романских языках: «Poznato je da je u romanskim jezicima asimilacija glasova *kt* pravilo <...> t. j. *k* stojeći pred *t* izjednačuje se s njim, te od *kt* biva *tt* <...> poslije asimilacije jedno od dva *t* otpada <...> po što jedno *t* otpadne, često se naknagja glasom *и*» (для каждого из названных типов изменений приводятся примеры). Те же фонетические изменения автор предполагает и в славянских звуковых группах: «od našega **гт** и **кт** и **хт** postalo je asimilacijom **тт**; jedno od dva **тт** moralo je otpasti već i za to što se u slovenskim jezicima dva jednaka glasa ne trpe jedan od drugoga; a po što je jedno otpalo, došao je u naknadu <...> laki glas *и*, koji se, kao što često biva, pretvori u *j*, i tako od **тт** dobismo **тј**»² [Daničić 1867: 119].

Интерпретация Г. А. Ильинским толкования Дж. Даничича – не совсем верная. Во-первых, Даничич вообще не говорит об иррелевантности характера гласного после рассматриваемых групп согласных в праславянском, даже и в романских языках (последнее вытекает из приведённых примеров). Во-вторых, Даничич вообще не говорит о том, что, после того как одно из этих двух *t* отпало, другое после себя получило паразитное *и*, изменившееся потом в *j* (что было бы фонетически идентично с одним из этапов, реконструируемых нами), а утверждает, что на месте одного из двух *t* появилось вторичное *и*. В сноске наш лингвист добавляет следующее: «Što u nas dolazi *и* iza suglasnoga a u onijem drugim jezicima vidimo ga pred suglasnijem, to mislim da ne može biti nikakva smetnja, šta više može biti da tako stoji upravo po zakonu slovenskih jezika»³ [Daničić 1867: 119 (примеч.)], и в продолжении приводит примеры, в коорых в праславянском осуществлялась перестановка. Следовательно, Даничич исходит из изменения, хаактерного для романских языков (*kt* > *tt* > *jt*), но имеющего на славянской почве перестановку в качестве дополнительного звена (*jt* > *tj*). Другими словами, второй этап, выделенный Даничичем, как результат, совпадает со вторым этапом, названным Беличем; разница только в том, что первый учёный исходит из перестановки, а второй из «прогрессивной» йотации в качестве следующего этапа.

1.3. Толкование Лёскином группы *kt* Г. А. Ильинский перефразирует следующим образом: «въ группѣ *kt* легкое смягчение *t* передалось

предшествующему *k*, такъ что возникла новая группа *k't*. Смягченное *k* вызывало еще большее смягчение слѣдовавшего за нимъ *t*, такъ что послѣднее стало сближаться въ артикуляціонномъ отношеніи съ *tj*. Затѣмъ исчезло *k* (какъ оно исчезло перед *t* и въ другихъ случаяхъ), а *t'* стало переживать тѣ же измѣненія, что и *tj*» [Ильинский 1916: 253].

А вот что написал сам А. Лёскин: «Eine andre Erklärung des Wandels von *kt* ist, daß die leise palatalisierende Wirkung des palatalen Vokals auf *t* <...> das *k*, das wie alle Gutturale gegen Berührung mit Palatalen sehr empfindlich ist, mit ergriffen und zwar, wie das bei den Gutturalen überhaupt so ist, stärker palatalisiert habe, so daß *k't'* entstand. Das so palatalisierte *k'* rief wieder eine stärkere Palatalisierung des *t* hervor, so daß dieses dem aus *tj* entstehenden Laute gleich wurde. Dann schwand *k* (wie in *kt* vor nicht palataen Vokalen), und *t'* trat die bekannte Entwicklung an»¹ [Leskien 1909: 56-57].

1° Толкование Лёскина совпадает с нашим объяснением только в одном из реконструируемых этапов – задненёбный согласный перед *t* утратился (как он утратился перед *t* и в других случаях). Предыдущие этапы Лёскина должны быть пересмотрены.

В группе *kt* лёгкое смягчение *t* не передалось предшествующему *k*, так что возникла новая группа *k't'*, а согласный *k* (соответственно *g* и *x*) был и оставался твёрдым, что подтверждает сербское слово *кѣи* (а также славянские рефлексy корня **ogŋ-* и диалектные сербские екавские формы *гъијездо* и *гъијев*, засвидетельствованные в языке Негоша, и не только в нём). Кроме того, твёрдость задненёбного согласного (*k*, *g*, *x*) была, согласно нашему толкованию, одним из условий для перемещения назад произношения согласного *t* и развития аллофона, позиционного варианта [*t̚*] фонемы <т> (вторым условием было то, что последующий звук должен быть высоким гласным переднего ряда: *ī* > *i*, *ĩ* > *у*).

Не вызывало смягчённое *k* ещё большее смягчение следовавшего за ним *t*, потому что этот звук не был смягчённым; а если бы и был таковым, ещё большее смягчение вызвало бы появление палатального, мягкого *t'*, а не эффект йотации звуковой группы **tj*. Следует напомнить, однако, что в праславянском языке существовало только палатализованное, полумягкое [*t̚*] в качестве позиционного варианта фонемы <т>; палатальное, мягкое <т'> в качестве самостоятельной фонемы образовалось в ходе развития отдельных славянских языков. Таким образом, твёрдый задненёбный согласный вызвал не ещё большее смягчение согласного *t*, а появление «паразитного» *j* после него, т. е. появление позиционного варианта [*t̚*] фонемы <т>, как это мы и объясняем (см. пп. 3–4).

¹ «и из **гт**, и из **кт**, и из **хт** одни и те же звуки развиваются во всех языках славянских <...> в каждом из славянских языков то, что имеется из элементов **гт**, и **кт**, и **хт**, то же самое имеется и из элементов **тј** <...> Следовательно, правдоподобнее исходить из того, что элементы **гт**, и **кт**, и **хт** приблизились элементам **тј**, т. е. с ними каким-то способом совпали <...> как из звуков **гт**, и **кт**, и **хт** могло возникнуть **тј**?».

² «Известно, что в романских языках происходит, как правило, ассимиляция звуков *kt* <...> т. е. *k*, находясь перед *t*, уподобляется ему, и из *kt* получается *tt* <...> после ассимиляции одно из двух *t* утрачивается <...> после того как утратилось одно из двух *t*, оно часто компенсируется звуком *и* <...> таким образом из сочетания **гт**, и **кт**, и **хт** в результате ассимиляции возникло **тт**; одно из двух **тт** должно было утратиться уже и потому, что славянские языки не терпят два стоящих рядом одинаковых звука; после утраты одного из них, в результате компенсации появился <...> лёгкий звук *и*, превратившийся, как это часто бывает, в *j*; таким образом из сочетания **тт** получили **тј**».

³ «То, что у нас появляется *и* после согласного, а в тех других языках обнаруживаем его перед согласным, как мне кажется, не может быть никаким препятствием; возможно даже, что так бывает именно по закону славянских языков».

¹ «Другое объяснение изменения *kt* состоит в следующем: лёгкое палатализирующее действие палатального гласного на *t* <...> передалось *k* (которое, как и все задненёбные согласные, весьма чувствительно при соприкосновении с палатальными звуками), притом таким образом, что оно (как это бывает с задненёбными согласными) палатализовалось в большей степени, так что возникла группа *k't'*. Такое смягчённое *k'* вызвало ещё большее смягчение *t*, так что оно совпало со звуком, который возникает из *tj*. Затем исчезло *k* (как оно исчезло в группе *kt* перед непалатальными гласными), а *t'* стало переживать известные изменения».

2° На изменение звуковой группы *gn в *gn* первый обратил внимание Леонид Васильев в статье «Объ одномъ случаѣ смягченнаго звука *n* въ общеславянскомъ языкѣ, явившагося не посредствомъ слѣдующаго за нимъ древняго *j*» [Васильев 1913]. Правда, он не отделяет изменение данной группы перед гласными ряда *u* от её изменения перед другими гласными (не только перед другими гласными переднего ряда, но и перед высокими гласными заднего ряда), которое могло произойти и по аналогии; зато приводит многочисленные примеры из древних памятников и новых славянских языков, подтверждающие данное изменение.

Одну формулировку автора необходимо исправить. Л. Васильев в сноске делает следующую оговорку: «Впрочемъ, въ словѣ *огнь* мягкость *n* могла развиться и, помимо разбираемаго здѣсь фактора, съ переходомъ этого слова изъ схемы склоненія основъ на *ĭ* въ схему склоненія основъ на *jo*» [Васильев 1913: 72]. Переход в склонение основ на *ĭ был обусловлен мягкостью согласного *ñ* (а эта мягкость в праславянском могла возникнуть только в результате йотации), но не наоборот. Если бы согласный *n* не был мягким, существительное бы перешло в склонение основ на *ǫ, как это произошло в сербском языке со всеми древними основами на *ĭ мужского рода, за исключением *огаъ* < *ogñъ и *угаъ* < *ogñъ. Они же явились исключением только потому, что после йотации в звуковых группах *gni > *gni*, *gli > *gli* они оканчивались на мягкий, палатальный согласный.

3° В заключительном абзаце упомянутой статьи Л. Васильев указывает, «что мягкое *n*, помимо группы *gn*, развивалось и въ сочетаніи съ нѣкоторыми другими согласными», и приводит вторичную группу *kn* в сербском слове *knjèginja* ‘княгиня’, обращая внимание и на мягкий *l*, в группе *gl* в чакавских (= хорватских) императивных формах [Васильев 1913: 76]. Имеется, однако, и один несомненный праславянский пример этой последней группы. В качестве реконструируемой праславянской формы имени существительного *угаъ* (серб.), *уголь* (рус.) Петр Скок приводит основу на *ĭ *ogglъ [Skok 1973: 537, s. v. *ûgalj*]; подобные реконструкции находим и у других авторов. Этот пример, однако, является несомненным отражением перехода звуковой группы *gli/*glĭ в *gli/*glĭ после йотации: *glĭ/glĭ*: следовательно, существительное необходимо приводить в поздней праславянской форме *ogglъ. Развитие этой звуковой группы подтверждает наше толкование судьбы праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti, которое в этой статье мы и стараемся обосновать.

II

2. Своё учение о судьбе праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti Александр Белич изложил в статье: «Српскохрватске гласовне групе -jt-, -jd- и прасловенско -kti-, -gti- и -hti-» [Јужнословенски филолог, Београд, 1921, књ. II, св. 3-4, 217-226 (исправлены опечатки в заглавии)], которая была переиздана в седьмом томе его «Избранных трудов» [Белич 1999: 214-220].

1° Толкование Беличем указанных звуковых групп получило следующую оценку Радосава Бошковица, его ученика в области палеославистики и дериватологии: «Белич предполагает, что развитие праславянских сочетаний *kti*, *ktъ*, *chti* шло следующим путём: *pekti = *pek-ti* > *pe-kti* > *pe-kti* > *pe-ĭti* > *pe-t'i*; *verchti = *verch-ti* > *ver-chti* > *ver-chti* > *ver-ĭti* > *ver-t'i*. Это означает, что в сочетаниях *kt*, *cht*, образовавшихся в связи с действием закона открытого слога, возникли палатальные согласные *k̑*, *ch̑*, которые, оказавшись в позиции перед взрывным согласным, утратились, оставив след в виде неслогового *ĭ*. В результате возникло сочетание *ĭt*, которое развилось так же, как и этимологическое сочетание *tj*, т. е. дало *t'*».

Это одно из наиболее вероятных объяснений развития сочетаний *kti*, *ktъ*, *chti* в праславянском языке. Но и оно не лишено противоречия. Например, оно оперирует с формой *pe-ĭti*, где имеется открытый слог, и с формой *ver-ĭti*, где имеется закрытый слог»¹ [Бошковиц 1984: 119-120]. Бошковиц не приводит звуковые последовательности *gti*, *gt*, полагая, что они в результате уподобления по звонкости совпали со звуковыми сочетаниями *kti*, *ktъ*.

2° Учение о судьбе праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti можно считать одним из самых сложных вопросов сравнительной грамматики славянских языков, исследуемых А. Беличем. Его учение плодотворно в методологическом отношении. Как одно из наиболее вероятных объяснений развития сочетаний *kti*, *ktъ*, *chti* в праславянском языке, его можно критически проверить, но в некоторых звеньях его следует – видоизменить (см. п. 2.1). Его, однако, можно и – заменить, т. е. может быть предложено совсем новое толкование указанных праславянских звуковых групп (см. п. 3).

3° Вот как Белич объясняет развитие звуковых групп *kti, *gti, *xti (задненёбный согласный *x* он обозначает буквой *h*, взятой из сербского, а Р. Бошковиц диграфом *ch* – из чешского алфавита):

«У случајевима као *pekti (срп. *nèhu*, ст. слов. *neumi* и т. д.) и свима другим сличним примерима ја сматрам да смо већ у прасловенском језику имали *pe-kti, *mo-gtъ (*môh*, ст. слов. *moimъ* и сл.), *no-ktъ и т. д. У оваком положају *k*, *g* и *h* подвргавали су [су се – Р. М.] извесном умекшавању, јер је несумњиво и *t* било испред *i*, њ до извесне мере умекшано. | Добили смо, на тај начин, *pe-kti, *mo-gtъ, *ver-hti и сл. Овакво *k̑*, *g̑*, *h̑*, зато што се находило непосредно испред *t* и са њим образавало један слог, није се могло развити у фрикативне сугласнике или африкате, као што обично у оваком положају бива са *k̑*, *g̑* у новијим словенским језицима <...> Облици *pe-kti*, *mo-gtъ* у којима је *k* – *g* морало ишчезнути, давали су, по моме мишљењу, *pe-ĭti*, *mo-ĭtъ* и сл.

¹ «Белич претпоставља овакав прасловенски развитак група *kti*, *ktъ*, *chti*: *pekt = *pek-ti* > *pe-kti* > *pe-kti* > *pe-ĭti* > *pe-t'i*; *vercht = *verch-ti* > *ver-chti* > *ver-chti* > *ver-ĭti* > *ver-t'i*; то значи: у групама *kt*, *cht*, створеним деловањем закона отвореног слога, добијено је палатално *k̑*, *ch̑*, које се, наставши се пред експлозивним сугласником, изгубило остављајући траг у несложном *ĭ*; тако је добијена група *ĭt*, која се развила на исти начин као этимолошко *tj*, тј. у *t'*».

Овакво *iti* једнога слога давало је даље *-t'is*¹ [Белић 1921: 221-222; ср. Белић 1999: 217].

2.1. Толкование Белича содержит реконструкцию трёх этапов в развитии рассматриваемых звуковых групп, неодинаковой убедительности.

Первый этап (смягчение задненёбных согласных) нельзя ни филологически подтвердить, ни фонологически доказать, но его было бы возможно – фонетически предположить. Возможно было бы предположить, что в результате палатализации *k*, *g*, *x* на первом этапе образовались аллофоны [k̟], [g̟], [x̟] и что только на заключительном этапе сформировались новые мягкие согласные как самостоятельные фонемы <č>, <ž>, <š> – и при этом в позиции перед звуковой группой *ti осуществлялся лишь первый этап.

Второй этап (преобразование мягкого согласного в неслоговой *i* в определенных фонетических условиях) весьма убедителен: его подтверждают многочисленные факты из истории славянских языков.

Третий этап (прогрессивная йотация последующего *t*, *d* без предварительной перестановки) ни в коей мере нельзя считать убедительным: для него нет ни филологических доказательств, ни лингвистической вероятности. Но этот этап спорен только как фонетическое объяснение – он не спорен как фонологический результат. Белич видел один процесс (прогрессивную йотацию), а могли происходить, практически без разделяющего их временного промежутка, два процесса: сначала осуществлялась перестановка, сразу после нее – (регрессивная) йотация.

С этой нашей корректировкой учение Белича могло ещё сохраняться – в качестве гипотезы. После нового толкования (см. п. 3), оно, однако, должно перейти в историю вопроса. Но учение Белича, даже как гипотеза, развитием науки превзойдённая, плодотворно в методологическом отношении: оно подтверждает, что наш лингвист в поисках объяснения языковых явлений шёл впереди науки своей эпохи, смело шагая сквозь лабиринты диахронии, вооружённый не только сравнительно-историческими, но и общелингвистическими знаниями и познанием.

2.2. Чтобы подтвердить свою гипотезу развития праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti, Белич предложил новое объяснение развития сербских звуковых групп -jt- и -jd- (формы инфинитива типа *dojti* > *doći*, формы настоящего времени типа *dojdem* > *dodem*).

Белич оспаривает прежнее толкование развития указанных звуковых групп в трактовке Милана Решетара, сводящееся к перестановке и йотации:

¹ «Я считаю, что в словах типа *pekti (серб. *peћu*, ст.-слав. *peщiti* и т. д.) и во всех других подобных примерах уже в праславянском языке имелись формы *pe-kti, *mo-gtь (мѡh, ст.-слав. *moщь* и т. п.), *no-ktь и т. д. В такой позиции *k*, *g* и *h* подвергались некоторому смягчению, т. е., несомненно, и *t* перед *i*, ь было в определённой степени смягчённым. Таким образом, возникли формы *pe-kti, *mo-gtь, *ver-hti и т. п. Поскольку такие *k̟*, *g̟*, *h̟*, находясь непосредственно перед *i* и образуя с ним один слог, не могли развиваться во фрикативные согласные или аффрикаты, как это обычно происходит в такой позиции с *k*, *g* в новых славянских языках <...> Формы *pe-kti*, *mo-gtь*, в которых *k* – *g̟* должны были утратиться, переходили, по моему мнению, в *pe-iti*, *mo-itь* и т. п. Такое *iti* в одном слове переходило потом в *-t'is*».

dojti > **dotji* > *doći*; *dojdem* > **dodjem* > *dodem*. Белич приводит две слабые стороны этого толкования: «И мене то старо објашњење није задовољавало са многих страна. Прво, што не видим никаква разлога за метатезу, и не видим зашто би језички **dodjem* било лакше за изговор него *dojdem*; због тога, свакако, и нема метатезе у другим словенским језицима као што се и у многим нашим говорима чува старо *dojdem*; и, друго <...> да се извршила метатеза у *dojdem*, т. ј. да смо прво добили *dodjem*, ми бисмо морали наћи трагова од те метатезе било у нашим старим споменицима, било у нашим говорима, јер се она извршила у историско време развитка нашег језика, када је | било већ писаних споменика у изобиљу. Међутим тога нема, и Решетар је принуђен да стави главни део поменутог процеса под звездицу: **dotji* – **dodjem*»¹ [Белић 1921: 218-219; ср. Белић 1999: 215].

Причина для перестановки была, и этой причиной явился принцип возрастающей звучности в структуре слога. Этот принцип действовал и в ходе исторического развития сербского языка в эпоху осуществления рассматриваемых изменений: порядок «сонант (*j*) – взрывной согласный (*t* или *d*) – гласный» заменён последовательностью «взрывной согласный (*t* или *d*) – сонант (*j*) – гласный».

Тот факт, что средние звенья (**dotji*, **dodjem*) не засвидетельствованы, только показывает, что этот этап длился недолго; его выделяем, чтобы порядок явлений был наглядно представлен – на самом деле сразу после перестановки наступила йотация. Это произошло потому, что йотация **tj*, **dj* была живым процессом.

Белич отвергает перестановку и доказывает – прогрессивную йотацию: «звук *jd* даје *d̟*, одмах аффрикату, без прелазног ступња *dj*, које би тек имало да се слије у један звук. По себи се разуме да се, у ствари, извршило извесно померање звука *j*, али тако да је при изговору самог гласа *d* (или *t*), у време његове експлозије, ваздух пропуштан кроз узину звука *j* и тако дао одмах модификацију звука *d* у *d̟*»² [Белић 1921: 219; Белић 1999: 215-216]. – Нет никаких доказательств, что согласный *j* сливался с последующим согласным в качественно новый звук; он сливался в качественно новый звук только с предшествующим согласным.

¹ «И меня это старое объяснение не удовлетворяло с многих сторон, во-первых, потому что не вижу никакой причины для перестановки, и не вижу, почему в языковом отношении **dodjem* было бы легче для произношения, чем *dojdem*; поэтому, несомненно, и нет перестановки в других славянских языках, а и во многих наших [сербских – *Р. М.*] говорах сохраняется старое *dojdem*; и, во-вторых <...> если бы осуществилась перестановка в *dojdem*, т. е. если бы сперва получили *dodjem*, мы должны были бы найти следы этой перестановки либо в наших [сербских – *Р. М.*] старых памятниках, либо в наших [сербских – *Р. М.*] говорах, потому что она осуществилась в историческое время развития нашего [сербского – *Р. М.*] языка, когда уже письменные памятники имелись в изобилии. Однако таких следов нет, и Решетар вынужден поставить основную часть упомянутого процесса под звездочкой: **dotji* – **dodjem*».

² «звук *jd* переходит в *d̟*, сразу в аффрикату, без переходного этапа *dj*, которому только предстоит слиться в один звук. Само собою разумеется, что осуществился, на самом деле, некоторый сдвиг звука *j* – такой, что при произношении самого звука *d* (или *t*), во время его взрыва, воздух пропущен через щель звука *j* и таким образом вызвал сразу видоизменение звука *d* в *d̟*».

2.3. Толкование Белича, как оценил Бошкович (см. п. 2.1), не лишено противоречий.

Первое противоречие – это то, которое, в качестве примера, привёл Бошкович. Но это противоречие самое безобидное. Звуковая группа **tert* под влиянием закона открытого слога мола стать «открытой» до того, как стали изменяться звуковые группы **kti*, **gti*, **xti*: в южнославянских диалектах и чешско-словацкой группе получена форма **vgē-xti*, в остальных диалектах – **vere-xti*.

Второе противоречие вовсе не безобидное. Если развитие $k > \acute{k}$, $g > \acute{g}$, $x > \acute{x}$ сводится к общему рефлексу – неслоговому $\acute{j}$, почему это неслоговое $\acute{j}$ вместе с предыдущим гласным языковое чутьё не осознавало как дифтонг и почему этот дифтонг не развивался классическим способом (монофтонгизацией)? Если **rekti* переходит в **reiti*, почему **eĭ* не перешло в *i*? Или: если **nokti* переходит в **noit̃*, почему дифтонг **oĭ* не перешел в *ě*, т. е. *ять*?

Третье противоречие – хронологическое. Если в формах второго и третьего лица единственного числа повелительного наклонения *плети* < **plektoĭ* (см. п. 3.3) звуковая группа **kt* упрощалась в *t* до монофтонгизации дифтонга **oĭ* > *i*, то почему подобный процесс не происходил в той же самой звуковой группе в форме инфинитива (поскольку в эпоху существования дифтонгов рассматриваемая звуковая группа в основной форме инфинитива находилась перед дифтонгом **eĭ*, перешедшим впоследствии, в результате монофтонгизации, в *i*)? Данное противоречие, однако, возможно было бы снять, исходя из одной из следующих предпосылок: а) процесс монофтонгизации **eĭ* происходил раньше, а процесс монофтонгизации **oĭ* – позже, так что в промежутке между этими двумя процессами осуществилось предполагаемое Беличем развитие; б) в инфинитиве процесс фонетически происходил только в варианте на *-*is* типа **pektis*, в варианте же на *-*ejs* типа **pektejs* – только по аналогии (см. п. 4.2).

III

3. Наше толкование развития праславянских звуковых групп **kti*, **gti*, **xti* состоит в следующем.

1° Перед высокими гласными переднего ряда $\bar{i} > i$, $\bar{ĭ} > ь$ звуковые группы **kt*, **gt*, **xt* преобразовались в группы звуков **kt̃*, **gt̃*, **xt̃*, точно так же, как перед теми же гласными преобразовались звуковые сочетания **gn* в **gñ* (см. п. 3.1) и **gl* в **gl̃* (см. п. 1.3, 3).

2° Развитие слабого звука *j* ($\acute{j}$) сначала имело позиционный, сугубо фонетический характер: фонема <т> между задненёбным согласным (*k*, *g*, *x*) и высоким гласным переднего ряда ($\bar{i} > i$, $\bar{ĭ} > ь$) сформировала свой позиционный вариант, аллофон [t̃]. Когда йотация звуковой группы **tj* в словах типа **světja* закончилась, в сербском (= штокавском) диалекте возникла новая палатальная фонема <ć>, а в хорватском (= чакавском) диалекте появилась новая палатальная фонема <t'>, в то время как в других диалектах праславянского языка результат

йотации **tj* совпал с уже существующими палатальными фонемами, полученными из *k* в результате первого – <č> в древнерусском и словенском диалекте – или третьего смягчения задненёбных согласных – <с> в западнославянских диалектах; на периферии же древнесербского ареала, там где имелся тесный контакт славянского и неславянского населения – в результате перестановки компонентов аффрикаты <ć> образовалась звуковая группа *št* (см. толкование в [Маројевић 2000б: 117-122]). Тот же фонетический результат в славянских диалектах дал аллофон [t̃] фонемы <т>, причём результат йотации фонологизировался – была образована соответствующая палатальная фонема. Развитие **kti* > **kt̃i* > **kći* (в сербском и соответствующий йотированный согласный в других славянских языках) подтверждает форма *khu* в сербском литературном языке, правда – с новым, точным толкованием её происхождения (см. п. 3.2).

3° Звуковые группы **kt*, **gt*, **xt*, несмотря на то, было ли *t* в них самостоятельным звуком или первым компонентом аффрикаты, упростились – из двух взрывных согласных утратился первый, задненёбный (Белич оправданно предполагает, что звук *x* представлял собой какую-то разновидность взрывного согласного $k^{\wedge}h$). Не является спорным факт, что группы звуков **kt*, **gt*, **xt* теряли инициальный компонент (см. п. 3.3).

3.1. В праславянском языке звуковая группа **gñ*/*gñi* также перешла в **gñi*/*gñь*, после йотации: *gñi/gñь*. Об этом свидетельствует древняя **ĭ* основа мужского рода (им. п.) *ogñь*, (род. п.) *ogñi*, а также глагол *gñiti*. Согласный *n* переходил в **ñ*, далее в *ñ*, если перед ним находился задненёбный согласный (в примерах: *g*), а после него высокий гласный переднего ряда, т. е. гласный ряда *i*. Изменение **gn* > *gñ* sporadически осуществляется и перед гласным *ѣ* – если он имел дифтонгическое произношение [ie] и после его перехода в рефлекс [ije]: ср. серб. диал. екавское *гњијездо*, *гњијев* в языке Негоша. В раннем древнерусском, т. е. в древнерусском языке до вторичного смягчения полумягких согласных, зафиксированы примеры типа *съгнѣла*, *разгнѣва са*, *огнѣ* (в Виголексинском сборнике XII в.) [Маројевић 2000б: 147].

3.2. Белич не касается засвидетельствованных в сербском языке разновидностей праславянского имени существительного **dьkti*, хотя само существительное (**dьkti*) приводит среди примеров «у којима се находи *kt*, *gt* и *ht*». При этом учёный делает следующий вывод: «Ово силно умекшавање *k*, *g* и *h* преко полумекога *t* вршило [се] једино пред самогласницима реда *i* (*ь*, *ĭ*). То би показивало да су сугласници бивали неједнако умекшавани пред самогласницима реда *i* и реда *e*: пред првим знатно више него пред другим»¹

¹ «в которых имеется *kt*, *gt* и *ht*» <...> «Это сильное смягчение *k*, *g* и *h* посредством полумягкого *t* происходило только перед гласными ряда *i* (*ь*, *ĭ*). Это подтверждало бы, что согласные в неодинаковой степени смягчались перед гласными ряда *i* и ряда *e* – перед первыми намного больше, чем перед вторыми».

[Белић 1921: 226; Белић 1999: 220]. Белич не коментира косвенне падежи сушестительного **đkti* (род. п. **đktere*, дат. п. **đkteri*, вин. п. **đkterь* и т. д.), в которых звуковая группа *kt* находилась перед гласным *e*: учёный несомненно предполагал, что в косвенных падежах рефлекс йотации был получен по аналогии с формой именительного падежа единственного числа, в процессе выравнивания основы.

Засвидетельствованные в сербском языке разновидности праславянского имени сушестительного **đkti* Петр Скок попытался объяснить «*promjenom teške konsonantske grupe đć, koja je nastala gubitkom poluglasa <...> u kć > hć > šć > ć*», а это изменение «*nastalo djelovanjem zakona asimilacije i disimilacije u isto vrijeme: dtš > tš > gtš > ktš > htš > štš > tš*»¹ [Skok 1972: 71, s. v. *kći*]. То, что этимолог исходит из одновременного действия ассимиляции и диссимилиации, и что производит не только все сербские, но и хорватские (= чакавские) и кайкавские, т. е. словенские формы одни из других – только последствие неверной научной парадигмы. Поэтому мы рассмотрим фонетические разновидности слова (которые весьма интересны) только в одном языке – сербском.

1° Вариант *khu* (дат. п. *kheru*, вин. п. *kher*) возник следующим образом: **đkti* > **đkt̥i* > **đkci*. После утраты редуцированных в слабой позиции группа, состоящая из двух взрывных согласных, упростилась, как это Белич верно описал: редукция первого согласного после утраты его взрыва (см. п. 3.3): **đkci* > **dkci* > **tkci* > *kci*.

2° Вариант *hu* (дат. п. *heru*, вин. п. *her*) мог появиться в результате действия двух процессов. Вероятнее, он возник в результате упрощения группы согласных (*khu* > *hu*), точно так же, как и сербское наречие с результатом екавской йотации *ghe* упростилось в *he*. Если предположить автономное развитие, параллельное тому, которое осуществляется в других славянских языках (а это делаем в целях критической проверки трактовки Скока), его возможно было бы представить в следующей цепочке: **đkti* > **đkt̥i* > **đkci* > **đci* (упрощение звуковой группы: *ktš* > *tš* (см. п. 3.3) > *đci* (утрата редуцированного в слабой позиции) > *tci* (уподобление согласных по звонкости) > *ci* (упрощение звуковой группы: *ttš* > *tš*). Последнее – что самостоятельно употребленное *t* и *t* как первый компонент аффрикаты сводятся к одному *t* – подтверждает глагол *ohyutami* < ot-ćutati и, после екавской йотации, глагол *ohperami* < ot-ćerati.

3° Вариант *ihu* (дат. п. *iheru*, вин. п. *iher*) мы непосредственно выводим из *khu*. Точно так же, как екавская форма *xhela* переходила в *ihela*, так и форма *khu* переходила в *ihu* (разница только в том, что в последнем примере терялся взрывной компонент первой аффрикаты: *tštš* > *štš*).

¹ «изменением трудной для произношения группы согласных *đć*, возникшей в результате утраты редуцированного <...> в *kć > hć > šć > ć <...>* возникло в результате действия закона ассимиляции и диссимилиации в одно и то же время: *dtš > tš > gtš > ktš > htš > štš > tš*».

3.3. Звуковая группа **kt* в праславянском упрощалась в *t*, о чём свидетельствуют глагольные формы, на которые ссылается Белич: **plekto* > *pleto*, **plekteš* > *pleteši*; в формах второго и третьего лица единственного числа повелительного наклонения упрощение происходило до монофтонгизации дифтонгов – поэтому и не было возможно развитие **kti* > **kt̥i* > **kci* (в сербском и соответствующий йотированный согласный в других славянских языках): **plektoj* > **pletoj* > *pleti* [Белић 1921: 226; Белић 1999: 220]. Вот что ещё об этом пишет Белич: «Основна црта свих упрошћаванја консонантских група у прасловенском није асимилација сугласника, већ редукција сугласника после губљења експлозије. То значи да је и просто *-kt-* давало прво *-k t-*, а затим одмах просто *-t-*, на пр. *plekteš* се изговарало *ple-k te-š* и затим *ple-te-š*» [Белић 1921: 223; ср. Белић 1999: 218]. Наш лингвист считал, что «*k* ишло са потоним сугласником, тако да се његова експлозија није могла извршити»¹ [Белић 1921: 223; Белић 1999: 218].

Мы исходим из того, что описанным способом согласные *k*, *g* и *x* терялись не только перед самостоятельным звуком *t*, но и перед аффрикатой, имевшей в качестве первого компонента *t*: в сербском диалекте **ktš* > *tš* (= *ć*), в древнерусском **ktš* > *tš* (= *č*), в западославянских диалектах **ktš* > *ts* (= *c*, т. е. *ц*). Отсутствие утраты согласного *k* наблюдается только в исключительном случае, в сербской форме *khu* < *(*đ*)*kt̥i*.

IV

4. На основе всего изложенного можем прийти к следующим выводам: одно толкование (см. п. 4.1) приходится заменить другим (см. п. 4.2), дискуссионные же вопросы следует выделить, оставляя их в некоторой степени открытыми для дальнейшего обсуждения (см. п. 4.3).

4.1. Толкование Белича, весьма интересное в методологическом отношении, приходится отклонить. Спорным в нем является первое звено: смягчение *k*, *g* и *x* перед *ti*.

Во-первых, нет никаких доказательств, что группы *kti*, *gti*, *xti* переходили в *k̥ti*, *g̥ti*, *x̥ti*, а потом в *̥ti*. А если бы этот переход и происходил, то неслоговое *̥* с предшествующим гласным образовало бы дифтонг, а этот дифтонг впоследствии перешёл бы в соответствующий гласный.

Во-вторых, в системе согласных праславянского языка не было мягких согласных фонем <*k̥*>, <*g̥*>, <*x̥*>.

В-третьих, почему *g* не смягчилось перед *ni*, несмотря на то, что согласный *n* перешел в совсем мягкое *ñ*?

¹ «Основной чертой всех упрощений групп согласных в праславянском была не ассимиляция согласных, а их редукция после утраты взрыва. Это значит, что и просто *-kt-* давало сначала *-k t-*, а затем сразу просто *-t-*, напр. *plekteš* произносилось *ple-k te-š*, а затем *ple-te-š* <...> *k* произносилось вместе с последующим согласным, так что его взрыв не мог осуществиться».

4.2. Новое толкование, обоснованное нами в настоящей статье, наделено всей необходимой аргументацией.

Во-первых, если *gnī/*gnī несомненно переходило в *gñi/gñь* с промежуточным этапом, реконструируемым нами как *gnⁱi/*gnⁱь, то почему такой же процесс не мог происходить в группах типа *gtī/*gtī? Будучи переднеязычным (альвеолярным) согласным, сонант *n* должен был передвинуть свою артикуляцию назад, согласуясь с произношением предыдущего *g* и последующего *i*, равным образом и переднеязычный (зубной) согласный *t* передвинул назад свою артикуляцию, так что в обоих случаях появилось позиционное¹, которое впоследствии и йотировало предыдущий согласный.

Во-вторых, если в звуковых группах *kt, *gt, *xt происходила утрата согласных *k*, *g* и *x*, т. е. в случае, когда *t* явилось самостоятельным звуком, то почему они не могли бы утрачиваться в случае, когда *t* являлось компонентом аффрикаты? При упрощении групп согласных компоненты аффрикаты ведут себя как самостоятельные звуки (ср., напр., развитие *куñьи* → *кутьи* в сербских диалектах: *tsñ* упрощается в *tñ*).

В-третьих, то, что оба праславянских фонетических процесса, о которых идёт речь, имеют исключения, может быть объяснено тем, что они были необязательными, т. е. не были фонетическими законами, или аналогией.

Отсутствие йотации в формах единственного числа повелительного наклонения не значит обязательно, что *kt упростилось в *t* в эпоху существования дифтонга *oj после *t*. На формы единственного числа повелительного наклонения могли оказать влияние формы множественного и двойственного чисел повелительного наклонения в смысле выравнивания основы (соотношение *pleci – *pletěte* могло быть «исправлено» в *pleti – pletěte > pletite*). Другое возможное объяснение гласит: рассматриваемое звуковое изменение фонетически происходило, с одной стороны, только в инфинитивах на *-is типа *pektis, в инфинитивах же на *-eis типа *pekteis – только по аналогии (имеется в виду теория Р. Бошковича о генезисе инфинитива); с другой стороны, в именительном падеже *pektis (и других падежах с редуцированной степенью суффикса основы) звуковое изменение осуществилось фонетически, в родительном же падеже *pekteis (и других падежах с полной степенью суффикса основы) – только по аналогии.

Дело обстоит сложнее с сохранением звуковой группы *kt (tj. *ktś = kh*) в формах имени существительного *kñu* в сербских диалектах и литературном языке. Этот вопрос мы рассмотрим отдельно (см. п. 4.3).

4.3. Сохранение звуковой группы *kt (tj. *ktś = kh*) в формах имени существительного *kñu* в сербских диалектах и литературном языке – а подобное явление находим и в словенском языке (*hči*) – для нашего толкования имеет значение неоспоримого доказательства. Но оно должно быть прокомментировано: почему только в формах этого имени существительного сохраняется без упрощения звуковая группа *kci < *(dñ)ktsi*, а не сохраняется в инфинитивах типа *peci < *(pe)ktsi*, *moči < *(mo)gtsi* и формах имён существительных типа *noć < *(no)ktsъ*, *moć < *(mo)gtsъ*?

Первая возможная гипотеза такова: у имени существительного *dñkti только в форме именительного падежа единственного числа имелись фонетические условия для развития *kti > *ktⁱ > *kci (в сербском и соответствующий йотированный согласный в других славянских языках), в остальных формах йотированный согласный должен был появиться по аналогии, в результате процесса выравнивания основы. Этим рассматриваемое имя существительное действительно выделяется, но нам не представляется, как этот фактор мог влиять на отсутствие упрощения звуковой группы *kti, т. е. на сохранение в ней инициального *k*. Поэтому первую гипотезу следует отклонить.

Вторая возможная гипотеза такова. У имени существительного *dñkti после завершённого процесса йотации сохранялся, притом только в центральном древнесербском ареале, вариант с аффрикатой *dñktsi. На периферии этого ареала, там где имелся тесный контакт славянского этноса с неславянским, согласно принципу возрастающей звучности в структуре слога, компоненты аффрикаты в результате перестановки поменялись местами. Таким образом была образована форма *dñksti, в которой звуковую группу *kt* рассоединял фрикативный согласный, так что не было условий для её упрощения. В результате контаминации форм *dñci (в которой *dñktsi упростилось в *dñtsi = *dñci) и *dñksti, получилось *dñkci. Несмотря на лингвистическую безукоризненность такого толкования, нет филологических доказательств, подтверждающих его: отсутствуют следы предполагаемой формы *dñksti и в исторических памятниках, и в современном болгарском языке.

Третья гипотеза такова: согласный *k* своим сохранением обязан наличию в предшествующей позиции высокого гласного заднего ряда *ū > ъ, который перед звуковой группой *kti имелся только у имени существительного *dñkti, и он воспрепятствовал упрощению *kt, притом только в некоторых сербских говорах и словенском диалекте. Это толкование вполне приемлемо: гласный *ū от одвигал взрыв согласного *k* от взрыва согласного (или компонента аффрикаты) *t*, препятствуя таким образом редукции *k*, или, перефразируя Белича, *k* произносилось не вместе с последующим согласным, так что его взрыв мог осуществиться. Но прогрессивное влияние гласного *ū, т. е. влияние на *k* в следующем слоге, было относительно слабым, поэтому *k* и сохранилось только в некоторых говорах.

В качестве дополнительного аргумента можем привести фонетические условия для третьего смягчения задненёбных согласных, которые могут служить примером сходного явления: гласный *ū (и *ū) воспрепятствовал изменению задненёбного согласного. Разница только в том, что регрессивное воздействие гласного *ū, т. е. воздействие на *k* (и *g*, *x*) в рамках одного слога при третьем смягчении задненёбных было сильнее, поэтому оно и осуществлялось в общеславянском языке в целом (за исключением случаев, когда аналогия нарушала фонетические результаты).

Литература

Белић, А. Изабрана дела / А. Белић. – Београд, 1999. – Седми том. Историја српског језика: Студије, расправе, критике.

Бошковић, Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование / Р. Бошковић; сост. и перев. Н. М. Ёлкина; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1984.

Белић, А. Српскохрватке гласовне групе -jt-, -jd- и прасловенско -kti-, gti- и hti / А. Белић. – Јужнословенски филолог. – Београд, 1921. – Књ. II, св. 3 – 4. – С. 217 – 226.

Бошковић, Р. Основи упоредне граматике словенских језика. I. Фонетика / Р. Бошковић. – Београд, 1968.

Васильевъ, Л. Объ одномъ случаѣ смягченнаго звука п въ обще-славянскомъ языкѣ, явившагося не посредствомъ слѣдующаго за нимъ древняго j / Л. Васильевъ // Русский филологический вѣстникъ. – Варшава, 1913. – № 3, т. LXX (вып. 1). – С. 71 – 76 (1-ой араб. пагинации).

Ильинский, Г. А. Праславянская грамматика / Г. А. Ильинский. – Нѣжинъ, 1916.

Маројевић 2000а: Маројевић, Р. Александар Белић као компаративиста и палеослависта / Р. Маројевић // Студије српске и словенске. Сер. I. Српски језик. – 2000, V, бр. 1 – 2. – С. 59 – 80.

Маројевић 2000б: Маројевић, Р. Старославенске студије / Р. Маројевић. – Београд–Крагујевац, 2000.

Соболевский, И. А. Древний церковно-славянский языкъ. Фонетика / А. И. Соболевский. – Москва, 1891.

Daničić, Gj. h i ħ u istoriji slovenskih jezika. Čitao u sjednici historičko-filologičkoga razreda jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti 10 srpnja 1867 pravi član uro Daničić. – Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga I. U Zagrebu 1867. – С. 106 – 123.

Leskien, A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache / A. Leskien. – Heidelberg, 1909.

Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / P. Skok. – Zagreb, 1972. – Knjiga druga: K – Poni¹.

Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / P. Skok. – Zagreb, 1973. – Knjiga treća: Poni² – Ž.

Н. В. Меркулова

Магнитогорский государственный университет

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА В. М. ПУРИШКЕВИЧА «КАК Я УБИЛ РАСПУТИНА»)

«Тяжело записывать эти строки, но дневник не терпит лжи», – так начинаются дневниковые записи Владимира Митрофановича Пуришкевича, ставшего волею судеб убийцей царского фаворита Григория Распутина. В своём дневнике «Как я убил Распутина» В. М. Пуришкевич предстаёт перед читателем с разных сторон: то импульсивен и эмоционален, то расчётлив и хладнокровен в объяснениях своих поступков, то шутит и иронизирует, то со злостью и «желчью» даёт характеристики своим противникам. Такая полярность свидетельствует о том, что он старается писать правду о себе, о государственных делах, о своих противниках, не стремится приукрасить свою роль в истории России и не делает себя правым во всём. Через ткань

дневниковых записей отчётливо вырисовывается языковая личность одной из наиболее ярких и одиозных исторических фигур начала XX в.

«Обычное историческое исследование очень часто оказывается малоэффективным при попытке найти ответы на многочисленные вопросы, связанные с противоречивыми историческими личностями» [Коротенко 2006: 7]. Гораздо более продуктивным нам представляется рассмотрение исторической личности сквозь фразеологическую призму её текстов. Проведение работы по воссозданию языкового портрета в рамках фразеологии обусловлено особенностями фразеологического материала: фразеологический корпус как совокупность единиц вторичной номинации обладает способностью сигнализировать о ценностном отношении отправителя речи к познаваемому миру, о его эмоциональном состоянии и является своего рода нишей для кумуляции мировидения [Телия 1996]. Мы не ставим задачу решения терминологических споров, касающихся наименований объектов фразеологии в узком и в широком смысле её значений, и включаем во фразеологический корпус единиц, извлечённых из дневника «Как я убил Распутина», и фразеологические единицы (далее ФЕ), и крылатые слова и выражения.

Особо, на наш взгляд, следует остановиться на ФЕ, именующих противников В. М. Пуришкевича – Александру Фёдоровну (жену Николая II), Г. Е. Распутина и министров, которые их поддерживали. Именно эти языковые единицы наиболее ярко характеризуют языковую личность В. М. Пуришкевича.

Автор дневника использовал «меткие» определения не только по отношению к своему противнику, *мужику и роковому человеку* Г. Распутину. Он именует чиновников *калифами на час* ('о людях, получивших власть случайно, на короткое время; о людях, ненадолго занявшихся несвойственным им делом (обычно престижным)' [Молотков 2001: 179; БСКСиВ 2008: 490]) и *мыльными пузырями* ('люди, производившие самое хорошее, положительное впечатление и оказавшиеся ничтожными, ничего собой не представляющими, ничего не значащими' [Молотков 2001: 343]), тем самым давая оценку политической власти России: *Почему толкаете на путь откровений меня, приглашенного Царем для других цѣлей и столь далекаго сейчас от событий внутренней жизни Россіи и от политики, которую проводят в ней калифы на час ее, появляющіеся и лопающіеся, как мыльные пузыри, бездарные министры* (Дневник, с. 7)¹. По мнению В. М. Пуришкевича, его характеристика высших должностных лиц правительства – это мнение большинства: «Да, я выразил то, несомнѣнно, что чувствуют лучшие русскіе люди, без различія партій, направленія и убѣжденій» (Там же). Именно в бездействии чиновников высшего ранга автор видит одну из причин утраты доверия к российской монархии в лице Николая II.

Более ёмкие фразеологизмы (*египетские казни, неугасимая лампада*) характеризуют Григория Распутина.

ФЕ *египетские казни* ('бедствия, приносящие мучения; тяжкое наказание' [Молотков 2001: 189; БСКСиВ 2008: 342; Телия 2006: 200]) восходит к

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Пуришкевич, В. М. Дневник «Как я убил Распутина» / В. М. Пуришкевич. – М.: Сов. писатель, 1990. Следующие примеры даются с указанием страницы.

библейскому преданию о казнях, которым Бог подверг Египет за отказ фараона освободить евреев из плена: он превратил воду в кровь, наслал жаб, мошек, моровую язву и т. д. (Исх., 7-12). В. М. Пуришкевич, используя данный фразеологизм, утверждает, что именно Г. Распутин является тем злом, из-за которого происходят все беды с Россией: ... *только три-четыре человека на всю Государственную Думу, с Марковым и Замысловским во главе, остались чуждыми твоим чувствам, которыми жили мы, взывавшие к Государю и просившие у него избавить и себя, и Россию от той новой казни египетской, какую представляет собою Распутин* (с. 8).

Более того, сравнивая Г. Распутина с *неугасимой лампадой* ('постоянно горящий небольшой сосуд с фитилём, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами' [Ожегов 2007: 418, 544]), В. М. Пуришкевич утверждает, что царский фаворит стал не просто неотъемлемой частью иконостаса, коим является царская семья, но и своим удушливым чадом затуманил умы монархов: ... *вся Россия, от крайнего праваго крыла до представителей левых партий, не лишённых государственного смысла, одинаково смотрит на тот ужас, который представляет собою Распутин, в качестве неугасимой лампы в царских покаях* (с. 8).

Особый интерес в дневниковых записях В. М. Пуришкевича представляет крылатая единица *Змей Горыныч*. Змей Горыныч «в русских былинах и сказках представитель злого начала, дракон с тремя, шестью, девятью или двенадцатью головами. Связан с огнём и водой, летает по небу, но одновременно соотносится и с низом – с рекой, норой, пещерой, где у него спрятаны богатства, похищенная царевна (или три царевны), знатная невеста, там же находится и многочисленное потомство Змея Горыныча – “змеёныши”» [Мифологический словарь 1991: 222]. В. М. Пуришкевич сравнивает со *Змеем Горынычем* ('злобный, жестокий человек' [БСКСиВ 2008: 410]) царицу Александру Фёдоровну: *“Не этой-ли настойкою, – думал я [Пуришкевич – Н. М.], стоя над трупом Распутина, – угощал ты [Распутин – Н. М.] в последнее время постоянно русского царя, отдавшего бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу – роковой для России женщины, супруге своей Александр Фёдоровне, возмнившей себя второю Екатериною Великою, а тебя, Государь, приравнявшей к Петру III и не останавливающейся в письмах своем к великой княгине Виктории Фёдоровне написать ей, что бывают моменты в истории жизни народов, когда при слабости законных их правителей женщины берутся за кормило правления государством, ведомым по уклону мужскою рукою, и что Россия такие приметы знает”*... (с. 72). Примечательно, что фольклорная характеристика Змея Горыныча совпадает с образом Александры Фёдоровны, который создал В. М. Пуришкевич в своём дневнике: у императрицы есть «пещера с богатством» – дворец, где живёт её потомство. И если к Г. Распутину у автора дневника наблюдается только негативное отношение, то в адрес Александры Фёдоровны вместе с озлобленностью и упреками в записях В. М. Пуришкевича проскальзывает жалость и понимание того, что она поддавалась влиянию «старца-целителя» под давлением своего горя (болезни сына):

Чем околдовал ты [Распутин – Н. М.], негодяй – думал я, – и царя, и царицу (с. 71). На самом деле в отечественной историографии существует версия о том, что императрица держала Григория Распутина при дворе, считая его знахарем. Она верила, что царский фаворит может вылечить цесаревича Алексея. По воспоминаниям современников, Григорий Распутин, действительно, облегчал страдания мальчика.

Таким образом, фразеологизмы, рассмотренные нами в данной статье, демонстрируют образованность автора дневника (В. М. Пуришкевич закончил историко-филологический факультет Петербургского университета), природную остроту ума заговорщика и его эпатажную манеру поведения. По личным воспоминаниям князя С. Мансырева, В. М. Пуришкевич был одним из деятельнейших думцев, стяжавшим громкую известность своими многочисленными выступлениями, далеко не всегда соответствующими общественным настроениям и желаниям, но всегда яркими (с. 99). Об этом свидетельствуют и следующие факты: ему делали замечания и прерывали его выступление в думе 1302 раза, исключали из думы 10 раз, удалили в общей сложности с 52-х заседаний [Розенталь 2006: 34]. Где бы он ни появлялся – в Думе, в ресторане, даже в театре – всегда возникала атмосфера скандала [Лакёр 1994: 58].

Источники

Дневник: Пуришкевич, В. М. Дневник «Как я убил Распутина» / В. М. Пуришкевич. – М. : Сов. писатель, 1990. – 144 с.

Литература

БСКСиВ 2008: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Amdt-Universität, 2008. – Т. 1.

Коротенко, М. А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Коротенко. – Магнитогорск, 2006.

Лакёр, У. Чёрная сотня: Происхождение русского фашизма / У. Лакёр; пер. с англ. В. Меникера. – М. : Текс, 1994.

Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энциклопедия, 1991.

Молотков 2001: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.]; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2001.

Ожегов 2007: Толковый словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Изд-во Оникс» : ООО «Изд-во “Мир и образование”», 2007.

Розенталь, И. Дума и дуэли / И. Розенталь // Родина. – 2006. – № 3. – С. 34–37.

Телия 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. (Фундаментальные словари.)

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЧУДО» В ЯЗЫКЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ЖИТИЙ МУЧЕНИКОВ

Жития святых мучеников были одним из древнейших жанров православной византийской литературы. В Древней Руси этот жанр был заимствован вместе с православием и быстро стал самым популярным: «Из всех жанров византийской житийной литературы самую широкую известность получили в древнерусской книжной традиции мартирии, которые в количественном отношении практически вытеснили из русских четких сборников все другие переводные агиографические произведения» [Минеева 1999: 131]. Все житийные произведения в средние века должны были строиться согласно определённому канону, предполагавшему, в частности, обязательное описание особых свидетельств божественной благодати, которой, согласно христианским преданиям, был отмечен тот или иной святой. К подобным свидетельствам относились прижизненные и посмертные чудеса, совершаемые святым (в присутствии святого), либо происходящие с его телом [Насонов 1969: 24]. Повествование о различного рода чудесах, таким образом, являлось необходимым компонентом сюжета жизнеописаний святых, и языковые единицы, называющие те или иные чудеса, а также процесс их совершения, должны были занимать в структуре житий одно из ведущих мест. Сопоставление языковых единиц, вербализующих концепт «Чудо» в старославянском и древнерусском языках, позволит установить сходство и различия в восприятии сверхъестественных явлений на протяжении X–XIV вв. и выявить как общее (для всех православных славян), так и специфическое (для древних русичей) понимание подобных явлений. Объём статьи не позволяет подробно описать все особенности репрезентации концепта «Чудо» в обоих языках, поэтому остановимся на самых ярких из них.

В текстах всех известных старославянских житий мучеников, входящих в состав двух памятников – Супрасльской рукописи и Енинского апостола – концепт «Чудо» представлен всего 14 словами и устойчивыми словесными комплексами (УСК) в 73 употреблениях. Особенностью функционирования этих языковых единиц в древнейших славянских текстах является чрезвычайно редкое их употребление для обозначения действий и поступков самого святого. Так, лексема *чѹдо* встречается в исследуемых текстах более 30 раз, как правило, она используется для описания действий не святых, а христианского бога (в том числе в составе УСК творити чѹдеса и чѹдеса господьна): *отъ чѹдесѣхъ къ чѹдесемѣхъ господьнемѣхъ ходимѣхъ братиѣхъ* [CP: 318, 12-13]; *господи ѿсѹхъ христосе спасе всѣхъ чловѣкъ . оуслыши мене и покажи . чѹдеса свои ꙗже твориши* [CP: 3, 22-27]; *тъ ксть богъ творѣи чѹдеса* [CP: 5, 6-7]; *видѣвъ же народъ чѹдеса господьна . ривахъ другъ друга . кто пръвоу прикоснетъ сѧ къ немѹ* [CP: 18, 19-22]. Именно бог в старославянских рукописях предстаёт как источник чѹдодѣланиѧ – ‘сотворения чуда’ [Цейтлин 1994: 150], – т. е. как

чѹдотворецъ: *и праздньствоу сѧвѹтъноуѹмоу ѡтъмѣштайтъ . ꙗ чѹдодѣланиѹ сѧспасѧ не разоумѣйтъ* [CP: 396, 26-28], *видѣ сѧ во беззаконници и ѡсадиша чѹдеса чѹдотворца бога* [CP: 323, 11-13]. Мученик как человек, обладающий способностью к совершению чудес, в старославянских памятниках характеризуется только однажды: *мѣсѧца марта въ 5 днь чѹдотворениѧ сѧаго конона иже въ исавриѣ* [CP: 23, 28-29].

Все чудеса, происходящие при жизни святого (в т.ч. при его непосредственном участии) в старославянских рукописях трактуются как произошедшие благодаря воле и непосредственному участию бога. Напр., в «Чудотворении святого Конона» рассказывается о том, как старый и немощный святой смог физически превзойти своих более крепких противников-язычников (оказаться раньше их на условленном месте) благодаря архангелу Михаилу, посланному богом в помощь мученику: *сѣи же бѣжи кононъ <...> молитвъ творѧ глаголаше . владыко ги бѣ ѡтче всѣсѣрдъжителю . ги ѿсѹхъ хъ ѡкрѣпи мѧ <...> . и да приметь мѧ сѣи архангѣлъ михайлъ <...> . и ꙗже приде сѣи михайлъ . и сѧаго ѡкрѣпивъ доведе бес троудѧ на мѣсто* [CP: 31, 11-27].

Чудеса могли происходить не только при жизни, но и после смерти святого (однако и в этом случае источником их авторы житий, как правило, называют христианского бога). В нашей картотеке зафиксировано семь случаев описания в мартириях посмертных чудес. Признаком превращения мученика в святого являлось также чудесное нетление его останков. Для обозначения этого сверхъестественного явления в языке исследуемых произведений использовались языковые единицы *вѣстѣлѣниѧ* – ‘нетленность’ [Цейтлин 1994: 82] и *вѣстѣлѣниѧа* (*вѣстѣлѣниѧъ* – ‘нетленный’ [Цейтлин 1994: 82]): *господь мои и богъ мой <...> ты смрътъ въ плѣти ѡмрътъви . ты вѣстѣлѣниѧмъ тѣлѣньѣ ѡтъгъна* [CP: 505, 20-26]; *даждь и мѣнѣ годподи вѣстѣлѣниѧжѣ . и моли сѧ за мѧ да ѡзбѣждь грѣхъ мойхъ* [CP: 235, 9-10]. Внешним проявлением святости мученика могло быть чудо мироточения: *ѣко всекърно тѣло сътажавъши . крѣвижъ мастъ истачаеши* [Ен 346: 5-7]. Чудесным могло быть и обретение останков святых, скрытых по приказу правителей-язычников от христиан, чтобы не допустить поклонения мощам. Для описания этого чуда в старославянских памятниках использовалась лексема *свѣтъ*. Свет в византийской традиции осмыслялся как дарование бога: «С помощью различных форм сияний <...> Бог <...> передаёт необходимое знание людям» [Бычков 1995: 38]. Обретение мощей благодаря исходящему от них свету в языке старославянских житий воспринималось как посланное свыше чудо: *и съконѣча мѣчениѧ своеѧ . и вѣастѧ лежашти тѣлесѣхъ сѣтоуѹ вѣнѣ града . не даѣмѣхъ възати сѧ ѡтъ крѣстиѧнъ . вѣахъ во воини приставиѧи на мѣстѣхъ томъ вѣласти <...> ноштитъ . свѣтоу же вѣвѣшоу . и ишедъше крѣстиѧни възашѧ тѣлесѣхъ сѣтоуѹ . и погребовѣша мирнѣхъ съ радостий* [CP: 14, 23 – 15, 12]; *и ꙗже кде оставѣна бывааше кость свѣтомъ ꙗвѣаше сѧ . и тако събѣравъше кости с[вѣ]тыхъ . мѣченикъ . положиша ѧ въ ракахъ* [CP: 81, 10-11]. Следует отметить, однако, что в старославянских мартириях вообще достаточно редко описываются события, происходившие после смерти святого: как правило, житие заканчивается

сообщением о его физической гибели и обретением им царствия небесного. Чудо в X–XI вв. понималось как обязательный атрибут бога, а не мученика, и описание разного рода сверхъестественных явлений не являлось непереносимым условием доказательства святости.

В древнерусских же житиях вербализаторы концепта «Чудо» занимают одно из центральных мест. В исследованных нами 18 мартириях, датируемых XI–XIV вв., были обнаружены 142 языковые единицы в 166 употреблениях, вербализующих исследуемый концепт. Очевидно, что количественный состав репрезентатов древнерусского концепта существенно больше старославянского. На наш взгляд, подобная диспропорция может быть связана с общественно-политической ситуацией, сложившейся в Древней Руси в период создания первых собственно русский житий.

Русская православная церковь в это время добивалась независимости от византийской, что выражалось, в частности, в стремлении к созданию пантеона собственно русских святых. Для официального приобщения православной церковью мученика к лику святых чудо являлось обязательным условием: как отмечает Г. П. Федотов, византийская церковь долго не признавала Бориса и Глеба святыми в том числе по той причине, что на месте их захоронения не происходили чудеса [Федотов 2000: 150]. Поэтому, чтобы засвидетельствовать святость мучеников, авторы древнерусских житий обязательно упоминали о максимальном количестве чудес, имевших отношение к мощам святых. Так, в тексте «Сказания о чудесах святых страстотерпцев христовых Романа и Давида» перечисляются шесть различных чудес, произошедших на месте погребения святых, в день их памяти или вследствие их посмертного явления христианам: *Чудо 1-ое: о хромель* [Сказание...: 72], *Чудо 2-ое: о слепцы* [Там же: 73], *Чудо 3-е: о хромель* [Там же: 72] (обстоятельства исцеления отличаются от описанных в первом контексте: исцеление отрока с сухой ногой и полностью парализованного человека), *Чудо 4-ое: о хромель и о нем* [Там же: 74], *Чудо 5-ое: о женѣ соухороуѣ* [Там же: 75], *Чудо 6-ое: о слепцы–свѣтоую моученикоу Романа и Давида и свѣтого Георгия* [Там же: 76].

Второй яркой особенностью вербализации концепта «Чудо» в языке древнерусских житий является структура репрезентирующих его языковых единиц. Как правило, это не отдельные слова, а их сочетания (от словосочетаний до предложений, регулярно воспроизводимых в речи или вновь конструируемых автором конкретного жизнеописания святого). Ядерным для описываемого концепта является слово *чудо* (что характерно и для старославянского языка): *Мнози же вѣрнии и от невѣрных тое ноци видѣша чудо преславно* [ЖМЯТ: 88]. Однако гораздо чаще в древнерусских житиях чудо не просто называется, а подробно описывается (слово *чудо* зафиксировано в нашей картотеке всего в 9 употреблениях). В отличие от авторов старославянских житий, которые, как правило, не конкретизировали, какое именно чудо произошло, древнерусские агиографы стремились уточнить, в чём именно оно заключалось: после лексемы *чудо* в житиях мучеников следовало развёрнутое его описание. Поэтому чаще всего чудо характеризовалось при помощи развёрнутых синтак-

сических конструкций: *Гласъ же чловѣческъ богъ вложи в елень <...> посрѣдѣ же рогу образъ свѣта Христова* [СЕР: 228]; *И ако вверже ни быша во огнь, и абие огнь угасе* [СЕР: 244]; *два облака свѣта всю ноць освѣтаютъ над телесемъ преблаженнаго, раступающа и пакы ступающа въмѣсто, освѣтающе, яко солнце* [ЖМЯТ: 88].

Наконец, необходимо отметить, что в древнерусских житиях достаточно редко описываются чудеса, происходившие при жизни мучеников, – как правило, сверхъестественные явления происходили уже после их смерти: *Човеколюбецъ же господь милосердный богъ нашъ, прославляя свѣта своя угодники <...> столпъ огнь от земля до небесе явися над телесема ею, сияюще пресвѣтлыми лучами на утверждение христѣаномъ а на обличение тѣмъ, иже оставиша бога и поклоняются твари и на устрашение поганымъ* [СОМЧ: 234]; *И сему убо святому лежащу дълго время, не остави въ невѣрнии и небрежении отинуль пребыти неврежену, нъ показа: овогда бо видѣша стлпъ огнь, овогда свѣщѣ горущѣ и пакы пѣния ангельская слышаху мимоходящи...* [СБГ: 296–298]. Нетление останков рассматривалось, видимо, как наиболее существенное доказательство святости мучеников, и, чтобы описать это чудо более наглядно, авторы житий могли противопоставить ему «античудо» – описание вечного гниения и зловония останков грешника: *И есть могила его* [Святополка], *и до сего днѣ исходитъ отъ неѣ смрадъ злыи на показание чловѣкомъ* [СБГ: 296]. Видимо, внимание, уделяемое авторами житий именно посмертным чудесам, было связано с особенностями личности и биографией первых древнерусских святых: они, как правило, были князьями, воинами, и в их жизни не могло быть требуемых канонам доказательств праведности (мучений, принимаемых за веру, совершения благочестивых поступков и т. д.). Следовательно, доказательством их святости могли стать только посмертные чудеса, и именно на их изображении авторы сосредоточивали своё внимание.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В старославянских житиях представлен начальный этап формирования концепта «Чудо». В этот период чудо рассматривалось не как доказательство святости мучеников, а скорее как атрибут бога. Видимо, во время создания старославянских житий канон сюжетостроения агиографических произведений только начинал формироваться, и основное внимание авторы сосредоточивали не на доказательстве святости мучеников, а на описании их страданий за веру. В древнерусских житиях чудо осмысливается уже как обязательный компонент агиографического сюжета, не только как атрибут бога, но и как доказательство святости мученика.

Источники

Ен: Мирчев, К. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. / К. Мирчев, Хр. Кодов. – София : Изд-во на Българската Академия на науките, 1965.

ЖМЯТ: Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва [и др.]. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 6. XIV – середина XV века. – С. 68 – 91.

СБГ: Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 278 – 303.

СЕП: Сказание об Евстафии Плакиде // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 226 – 245.

Сказание...: Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида // Идеальные правители Древней Руси. Древнерусские княжеские жития ; сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент., перев. В. В. Кускова. – М. : Кругъ, 2001. – С. 71 – 80.

СОМЧ: Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 228 – 235.

СР: Северьяновъ, С. Супрасльская рукопись. Т. 1 / С. Северьяновъ ; изд. отд. рус. яз. и словесности Император. Акад. наукъ. – Ксерокоп. – СПб., 1904.

Литература

Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика XI – XVII вв. / В. В. Бычков. – М. : Мысль, 1995.

Минеева, С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких) : моногр. / С. В. Минеева. – Курган : КГУ, 1999.

Насонов, А. Н. История русского летописания / А. Н. Насонов. – М. : Наука, 1969.

Федотов, Г. П. Святые Древней Руси // Г. П. Федотов. Собрание сочинений : в 12 т. / Г. П. Федотов. – М. : Мартис, 2000. – Т. 8.

Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин [и др.]. – М. : Рус. яз., 1994.

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЕЙ НА ПЕРЕПРАВЕ НЕ МЕНЯТЬ!

Известно, сколь весомый вклад внесла в отечественную русистику Светлана Григорьевна Шулежкова. Филолог по призванию, лингвист широкого профиля, она вдохновенно служит всю жизнь нашей науке, создала известную научную школу исторической фразеологии и крылатологии, вырастила яркую плеяду учеников и последователей, сделала Магнитогорск центром отечественной лексикографии. Но как для В. И. Ленина «из всех искусств важнейшим является кино», так для Светланы Григорьевны из всех филологических дисциплин важнейшей стала Крылатология или, выражаясь возвышенным древнегреческим термином соратницы Юбилера по крылатологическому цеху проф. Л. П. Дядечко, – Эптология. Вдохновенно погружившись в мир крылатых слов и выражений, Светлана Григорьевна неутомимо исследует их, по-пинкертоновски разгадывая их происхождение и по-толстовски эпически живописуя их эстетическую жизнь в произведениях художественной литературы и публицистических текстах. Мне выпало счастье длительное время быть соавтором С. Г. Шулежковой при составлении «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» [БСКС 2000; БСКСиВ 2008-2009]. И хочу признаться, что более надёжного, более ответственного, взыскательного и трудолюбивого

Лексикографа, чем наш Юбилер, найти просто невозможно. Во многом благодаря её таланту, настойчивости и открытости ко всему новому нам удалось довести до конца первое издание нашего словаря и осуществить трудоёмкий проект значительно расширенного и обновлённого издания второго, которое по праву опубликовано именно в alma mater Юбилера.

Размышляя о сюжете статьи в Юбилейный сборник С. Г. Шулежковой, я долго перебирал свои эптологические сусеки. Наконец выбор пал на эпоним *Коней на переправе не меняют*. Ведь его история, несмотря на кажущуюся прихотливость и индивидуальность, во многом отражает сложную судьбу многих крылатых слов и выражений. Но самое важное: эта крылатая фраза как нельзя лучше характеризует одно из главных достоинств Юбилера – редкостное в наше время постоянство, верность поставленной цели, профессиональному долгу и человеческим привязанностям, способность не поступаться научными и жизненными принципами ради сиюминутных выгод. Короче, говоря эптологически, наш Юбилер никогда *коней на переправе не меняет*.

Эта крылатая фраза и пословица появились в русском языке относительно недавно: одна из первых фиксаций в личной картотеке автора этих строк – начало 1980-х гг.: *Профилактикой котельного хозяйства как следует не занялись. Видимо, надеялись: авось, оно выдержит. Увы, не выдержало. Поэтому, когда потребность в тепле увеличилась, возросли нагрузки, то котлоагрегаты один за другим стали выходить из строя. И теперь, в самое неподходящее время, их приходится ставить на ремонт. Это называется «менять коней на переправе»* (Пр., 20.02.1982: 2).

Ни время её употребления, ни типично социалистический, индустриальный контекст, в котором выражение употреблено, как кажется, не случайны. Судя по всему, это «крылатая» фразеологическая реминисценция из обошедшего все советские кинотеатры фильма с почти тем же названием – «Коней на переправе не меняют». Художественный фильм-драма был выпущен на экраны в 1980 г. кинокомпанией «Мосфильм» по сценарию Н. Мельникова, А. Мишарина и Г. Егиязарова, режиссёр – Г. Егиязаров, в главных ролях – Л. Марков, В. Самойлов, Н. Андрейченко. Такие известные актёры, как Г. Корольков, А. Джигарханян, Ю. Васильев, Г. Польских, исполнявшие другие роли, сразу сделали этот фильм популярным.

Сюжет фильма несложен. В нём рассказывается о строительстве крупного автомобильного завода. Директор завода Борисов (Л. Марков) считает, что завод нужно строить в комплексе со всей инфраструктурой и жильём, в то время как представитель министерства Родионов (В. Самойлов) настаивает на строительстве и сдаче в первую очередь конвейерных линий для скорейшего выпуска автомобилей. Когда Борисов заболевает, руководить стройкой начинает Родионов, который замораживает строительство жилья и других объектов, бросив все силы на возведение конвейерного цеха. Это вызывает недовольство рабочих, которые начинают уезжать со стройки. Борисов выздоравливает, возвращается на стройку и исправляет ошибки Родионова. Метафорическая мораль фильма, как видим, ясна: *смена коней на переправе* может привести к пагубным последствиям для развития промышленности, отразиться негативно на судьбах людей,

а тем самым и всей страны. Именно эту пословичную мудрость и доказывает вся фабула фильма.

Название фильма сразу же стало крылатым, хотя в современных справочниках киноцитат, в том числе весьма полном словаре А. Ю. Кожевникова [2001] оно до сих пор не зафиксировано. Не отражено оно и ни в одном толковом словаре русского языка, включая второе издание Большого академического. Исключение – лишь интернет-словарь «KM.RU. Энциклопедия. Толковый словарь русского языка» (Megabook.ru). Лакуной в какой-то мере является исследуемое выражение и для отечественной крылатологии: такие словари полного типа, как «Словарь современных цитат» К. В. Душенко [1997], «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [БСКС 2000; БСКСиВ 2008-2009] и словарь «Крылатые слова нашего времени» Л. П. Дядечко [2008] обошли эту фразу вниманием. Пожалуй, их составители сочли её народной пословицей, не отмеченной печатью «крылатости». Лишь В. Серов включил фразу в свой словарь в варианте *На переправе лошадей не меняют*, как увидим ниже, верно объяснил его исходный источник [Серов 2003: 439], не обратив, правда, внимания на роль названия советского фильма как ускорителя её популярности. Именно поэтому мы последовательно фиксировали паремию *Коней (лошадей) на переправе не меняют* и *менять коней (лошадей) на переправе* в наших словарях пословиц [Мокиенко 2010: 426], антипословиц [Вальтер 2005: 224] и поговорок [Мокиенко 2008: 371], предлагая соответствующую историко-этимологическую расшифровку (см. ниже).

Каков бы ни был крылатологический статус этой фразы, она с самого начала воспринималась как устойчивая и яркая по образности. Популярность её в русском языке, особенно в языке СМИ, набирала обороты, и она стала одной из наиболее употребительных. По интернет-данным от 05.08.2010, комбинация слов *коней* и *переправа* насчитывала уже 2 560 000 фиксаций. И пусть не все эти комбинации являются вариациями крылатой фразы и пословицы, эта статистика – весьма показательное свидетельство того, что данная крылатая единица достойна включения её в русский паремиологический минимум.

При этом и пословица, и фразеологизм отличаются достаточно очерченным семантическим диапазоном. На первом месте по их употребительности – характеристика нежелательной смены политических деятелей и представителей властных структур. Немало контекстов¹ характеризуют отечественных «властей предержащих», напр.: *Да, наше руководство не святое, но коней на переправе не меняют* (Пр., 08.04.2004); *Кроме того, очевидно стремление оставить у власти уже сработавшуюся команду: «коней на переправе не меняют»* (Москов. нов., 2004, 28); *Менять правительство в разгар бюджетной эпопеи никто не будет – коней на переправе не меняют* (Изв., 01.09.2000).

Не менее интенсивно наша фраза характеризует и представителей власти за рубежом: *Когда в 91-м году, встречаясь с Пиночетом, я спросил, почему он,*

политический деятель, то есть человек, призванный подчиняться обстоятельствам, так упрямо держался избранного экономического курса, он ответил: «Коней на переправе не меняют!» (Ог., 1998, 36); *Премьер-министр Малайзии: «Пословица “Коней на переправе не меняют!” относится только ко мне». По итогам внеочередных выборов в федеральный парламент 12-го созыва в Малайзии сформировано новое правительство. Его вновь возглавил 68-летний Абдулла Ахмад Бадави, сменивший более половины состава кабинета министров <...> Бывший патрон Махатхир Мохаммад и его сын Мухриз Махатхир, а также исламская оппозиция потребовали, чтобы Бадави отказался от руководства страной. Но тот всё равно вновь присягнул главе государства и остался во главе исполнительной власти. «Коней на переправе не меняют»* (Скотный двор, 26.02.2010).

Прямым продолжением «властных» семантических применений нашей крылатой фразы является и её употребление в спортивных контекстах, где принцип конкуренции весьма ярко характеризуется образом «смены лошадей»: *Сейчас мы вызвали только тех игроков, которые принимали участие в подготовке к матчам с Ирландией и Швейцарией – коней на переправе не меняют* (Сов. спорт, 07.10.2003); *«Локомотив» решил действовать по принципу «коней на переправе не меняют» и целиком сохранил свой чемпионский состав, прикупив новых игроков* (Рос. газета, 06.03.2003); *В конце концов тренеры решили коней на переправе не менять и выставили Худобина на матч со шведами* (Изв., 28.12.2005); *Клубное руководство, забыв о принципе «Коней на переправе не меняют», отправило в отставку создававшего команду Виталия Шевченко* (Труд, 03.10.2003).

Политический и спортивный дискурс, оставаясь семантической доминантой выражения, не исключает и его сниженного, «технического», «финансового» или бытового употребления. Приведём типичные примеры подобного употребления: *После более чем удачного дебюта моделей 406 и 406 Coupe, созданных дизайнерами кузовного ателье Pininfarina, руководители Peugeot решили коней на переправе не менять* (Эксперт: Авто, 2001, 5); *Рефинансирование: меняем лошадей на переправе* (Все банки Петербурга, 12.09.2005); *Олеся нашла себе такого мужика, который как влез на неё в 1995 году, так слезать и не собирался, сказав, что коней на переправе не меняют* (Журнал ФАС, 06.09.2001, 14).

Близки к последнему («бытовому») употреблению и советы психолога Лады Шиганцевой на тему «Семья: психология отношений: *Коней на переправе не меняют*», где она рекомендует женщинам, достигшим периода «кризиса середины жизни», не ломать устоявшийся брак и не пытаться создать новую семью «с чистого листа», ибо «бунт сорокаторёхлетних» ни к чему хорошему не приведёт. Автор начинает свою статью с прямой привязки к пословице, вынесенной в название, комментируя её так: «Эта старая мудрость, вообще-то давно потерявшая свой первоначальный житейский смысл, рассматривается консультантами по семейным отношениям как самый разумный девиз для тех, кто вступили в непростой период так называемого кризиса середины жизни» (Wwwoman.ru, 11.08.2010). Тем самым обозначается пословичный, а не интертекстуальный статус нашей фразы.

¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить заведующую отделом неологии словарного сектора Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге Т. Н. Буцеву за ценный материал из её богатого банка неологической информации.

Как видим, некоторые контексты уже допускают семантические и структурные трансформации пословицы и фразеологизма, что является верным признаком их популярности. В следующем контексте, напр., глагол *плыть* актуализирует у исследуемой единицы «водную» семантику: *Его естественное желание окружить себя хорошо знакомыми и не имеющими odioзного прошлого людьми умерялось пониманием того, что «коней на переправе не меняют», особенно тех, которые знают, куда в этих водах плыть* (Эксперт, 2000, 19). Здесь, как видим, на современную крылатую фразу «нанализывается» классическая интертекстуальная реминисценция из «Евгения Онегина» – *Куда ж нам плыть?*

Иногда обыгрывание образа нашей крылатой фразы осуществляется путем скрещения «лошадиными» пословицами, напр., *Старый конь борозды не испортит: «Запорожец» Адрианова побил все свои прежние рекорды дальности и скорости, проехав за полчаса почти полтора километра. После этого он окончательно заглох и приготовился отдыхать. – Нет, так дело не пойдёт, – сказала Марго. – Пешком бы мы ушли гораздо дальше. – Коней на переправе не меняют, – отозвался Алексей Викторович. – На нём ещё пахать и пахать, борозды не испортит. – Вашей лошади давно пора на металлолом. Лучшие пойдём вброд. Словно в ответ на её слова «Запорожец» рассерженно фыркнул и тронулся прямо на красный свет, распугав пешеходов, а чуть позже даже обогнал ковылявшего по тротуару инвалида* (А. Трапезников. Морг закрыт, расходитесь. Москва, 2004, 2).

Активно вовлечена наша крылатая фраза и в словесную игру. Антипословицы типа *На переправе меняют коней ... ежегодно* и *На переправе женщин лёгкого поведения не меняют* уже зафиксированы словарём [Вальтер 2005: 224]. В Интернете легко найти и другие подобные пословичные переделки: *Коней на переправе не меняют, но строго на конкурсной основе; Коней на переправе не меняют. Их пристреливают; Коней на переправе не меняют, пока они не начинают мутить воду; Коней на переправе не меняют. А вот после...; Коней на переправе не меняют, а едят* (из мудрости кочевников); *Полцарства за коня на переправе!*

На портале Ответы@mail.ru (данные от 15.08.2010) находим и попытки пользователей логично объяснить внутренний смысл пословицы о конях на переправе, напр.: *Потому что переправа – это очень ответственно. Ты уже знаешь все законы своей лошади, а если сменешь, можешь не успеть во время отреагировать. У каждой лошади свои «тараканы», уж поверь мне. Я работала на ипподроме (Н.В.); Да на самом деле эта пословица актуализирована не на коней, а именно на переправу... Просто переправы обычно устроены где? – Правильно, в самых узких местах реки. А там обычно стремительные течения, даже при очень незначительной глубине. Смысл пословицы в том, что пока меняешь коней, у тебя телегу (карету) утащит течением... будешь потом из омута доставать... Народу русскому предела не поставлено... (Надежда Соколова); Да просто там нет обменного пункта* (Александра Гандзюк).

Некоторые из говорящих чувствуют в этой фразе какую-то «крылатинку» и потому приписывают авторство определённым известным лицам новейшего

времени. Так, один из авторов ответов на уже цитируемом интернет-портале Ответы@mail.ru (15.08.2010) приписывает эту крылатую фразу Б. Ельцину: *Глупость про коней на переправе, насколько помню, пустил в ход Ельцин. А мы не знаем про альтернативы, потому что всем альтернативам дорога в СМИ заказана. Чаще её считают метким высказыванием генерала А. И. Лебедева: Коней на переправе не меняют, а ослов – можно и нужно менять* (А. Лебедь. Последнее интервью в должности секретаря Совета безопасности. Вечерняя Москва, 18.10.1996).

Эта фразеологическая шутка действительно была растиражирована многими газетами и журналами, тем более что остроумные высказывания генерала обрастали крыльями довольно быстро. Ср. его афоризмы *Хватит ходить по миру с сумой, как козлы за морковкой; Двое пернатых в одной берлоге и жить не могут* или *Упал – отжался* [Душенко 1997: 193].

Но, конечно, признать А. И. Лебедева автором нашей крылатой фразы нельзя хотя бы потому, что она, как мы видели, появилась и как название фильма, и как устойчивое выражение несколько раньше. Скорее всего, генерал лишь использовал пословицу о конях на переправе, добавив к привычной некогда в России тягловой силе глупого и упрямого осла.

Как видим, большинством носителей русского языка и представителей СМИ крылатая фраза о конях на переправе воспринимается как собственно русская пословица или поговорка. Ассоциации с кинофильмом 1980 г. уже поблекли, а быть может, просто его название воспринимается именно как пословица.

Уже сама поздняя фиксация единицы, однако, заставляет сомневаться в её исконности. Ни в одном старом собрании русских пословиц она не зарегистрирована, а пословица о мене коней, включённая в словарь В. И. Даля *Кто коней меняет, у того хомут гуляет* [Даль 1955: 155] ни по смыслу, ни по образности не напоминает крылатой фразы о конях на переправе. Настораживает и то, что последняя фраза также недавно появилась во многих европейских языках, где имеет тот же политический акцент, что и русская. Автор этих строк провёл специальное анкетирование среди коллег-фразеологов разных стран, выявляя её наличие и языковую активность¹. Оказалось, напр., что в чешском и словацком языках этого выражения нет, в то время как в других славянских и неславянских языках Европы оно употребляется с разной степенью активности: англ. *the middle of the stream* (букв. *Не меняйте коней на переправе*); *to change horses in the middle of the stream* (букв. *менять коней на переправе*); нем. *Mitten im Strom kann man die Pferde nicht wechseln*; ит. *cavalli cambiamento nel midstream*; исп. *caballos cambio en la mitad de la micción*; фр. *changer de chevaux au milieu du gué*; пол. *Nie zmienia się koni podczas przeprawy przez rzekę*.

Как уже говорилось, судьба этой крылатой фразы в каждом из языков различна. Так, в английском, немецком и французском она весьма активна, а в испанском и хорватском употребляется довольно редко. Причем испанское *No*

¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить своих коллег, участвующих в этом «блиц-турнире» и снабдивших меня ценной информацией: Х. Вальтера (Германия), Ж. Финк (Хорватия), Л. И. Степанову (Чехия), Д. Балакову (Словакия), К. Кусалю (Польша), М. Рнус-Сорилла Крусате Секора (Испания).

se cambia caballo a la mitad del río употребляется лишь в Латинской Америке, особенно в Доминиканской Республике, где, вероятно, сказалось влияние английского языка.

В хорватском же языке, как констатирует в своём обстоятельном ответе на мою анкету (12.08.2010) проф. Ж. Финк (Загреб), пословица *Ne mijenjaj konja dok prelaziš rijeku* (букв. *Не меняй коня, пока не перейдёшь реку*) не только встречается редко, но и сопровождается в Интернете ремаркой о её восточном происхождении: *Как говорили древние персы* (niktitanik.com » Archive » 2379. Zemlja čudesa. 21.04.2010). Зато в современных хорватских средствах массовой информации стала популярной другая, близкая по структуре и образности, пословица *Ne mijenjajte konja koji pobjeđuje* (букв. *Не меняйте коня, который побеждает*). По семантике же она несколько отличается от нашей крылатой фразы, подчёркивая, что не надо заменять лучшего при возможностях выбора и различных переменных.

Названная пословица также является новой в хорватском языке и ассоциируется у Ж. Финк с американским фильмом «Wag the Dog» (букв. «*Махни собакой [как её хвостом]*», 1997). О популярности этой пословицы свидетельствуют и её трансформации – напр., *Nema razloga usred utrke mijenjati konja koji dobro viče ovi državi* (букв. *Нет причин менять коня, который хорошо тянет эту страну, во время конных скачек*) (HNK: Хорватский национальный корпус).

Наиболее близки к русским, естественно, употребления этой крылатой фразы в двух близкородственных восточнославянских языках. В украинском Интернете (05.08.2010) зафиксировано 223 текста, где пословица *Коней на переправі не міняють* используется с тем же значением и в той же тематической и стилистической тональности, что и в русском языке.

Можно найти статьи, почти целиком построенные на символике смены коней на переправе. Такова, напр., статья Дануты Костуры с названием «*Коней на переправі не міняють*» в газете «Українська правда» (04.01.2010) с острым анализом политического противостояния разных сил в предвыборной президентской кампании. Название статьи не только определяет содержание, но и становится её заключительным аккордом: *Президент перехопив ініціативу. Потім були вибори... У людей, яким небайдуже якою буде Україна, з'явилася надія, що свобода, за яку стояли на Майдані, не буде втраченою. Що ми і надалі зможемо вільно відстоювати своє право на власну позицію, думку... Є ще час подумати. Добре подумати... Бо потім буде пізно. Ми зараз на «переправі», а коней, як відомо, на переправі не міняють.*

Для украинского, как и для русского языкового восприятия крылатой фразы характерна её оценка как народной пословицы.

В белорусском языке крылатая фраза не менее популярна: поиск в Интернете (05.08.2010) обнаружил около 437 текстов, в которых она встречается. Разумеется, и здесь семантической доминантой является характеристика нежелательной смены власти.

Политическая составляющая в белорусском языке оказалась столь мощной (в связи с известными стремлениями интеллигенции добиться смены «бес-

сменного» президента А. Лукашенко), что облекла эту фразу в стихотворную форму. Поэт Анатолий Балутенка, напр., создал два политических памфлета, образным фундаментом которых стала пословица о смене лошадей. Приведём один из них:

ЗАЛАТЫ БЕРАГ

*Каней на пераправе не мяняюць,
Але, як добры і магутны конь,
Аб змене нават і не ўспамінаюць,
Вада яму па сілах і агонь.*

*Мастоў няма, яны даўно згарэлі,
І пераехаць рэчку трэба ўброд,
Але паблізу меліны не мелі,
Баіцца конь, і з возу злез народ.*

*Дагэтуль не па сілах пераправа,
Хоць моцна вабіць бераг залаты,
Стаіць без руху доўгі час дзяржава,
Каб рухацца, патрэбны ёй масты (24.01.2000).*

Как видим, развёртывание семантики и структуры пословицы здесь сопровождается её полифоничным скрещением с подлинно народными белорусскими символами, пословицами и поговорками. Ясно, что она уже воспринимается и здесь, как и в русском и украинском языках, как «свое», а не как «чужое».

Многие имплицитные и эксплицитные языковые факты, обозначенные нами выше в различных контекстах и на межъязыковом ареале, тем не менее свидетельствуют об обратном. Круг возможных источников этой крылатой фразы постепенно сузился. Более того – в современных СМИ эти источники указываются поистине «с большевистской прямоотой»; в них либо приписывают цитату американскому президенту А. Линкольну, либо просто констатируют факт её англоязычного происхождения: *Линкольна переизбрали под лозунгом «Коней на переправе не меняют»* (Коммерсантъ-Деньги, 2004, 43); *Заоблачные рейтинги Буша в течение многих месяцев демонстрировали осознание большинством общества, что полководцев, как коней на переправе, не меняют* (Коммерсантъ, 09.02.2004); *Одно из выражений, особенно понравившееся англоязычной публике, хорошо знакомо русскоязычному читателю: «Коней на переправе не меняют, а вот ослов – обязательно»* (Финансовые изв., 05.11.2002).

Американский источник этой крылатой фразы диагностируют и европейские средства массовой информации. Так, напр., фр. *Mieux vaut ne pas changer d'attelage au milieu du gué* журналисты однозначно относят к «Les citations d'Abraham Lincoln», т. е. к цитатам А. Линкольна. Некоторые современные уже

названные словари и сборники русских пословиц и крылатых выражений также уверенно называют американского президента автором пословицы [Серов 2003: 439; Мокиенко 2008: 371; Мокиенко: 2010: 426]. В. Серов даже считает, что «в несколько иной формулировке эту мысль повторил в 1916 г. один из кадетских лидеров в Государственной думе Василий Маклаков (1870–1957). Тогда под влиянием поражений на фронте во многих фракциях Государственной думы дебатировался вопрос об отстранении царя Николая II, Верховного главнокомандующего русской армии. По этому поводу В. А. Маклаков сказал, что хотя руль русского государственного «автомобиля» находится в руках сумасшедшего, но менять этого водителя на полном ходу не следует» [Серов 2003: 439]. Прямой связи, пожалуй, между высказываниями американского президента и русского политика всё-таки нет. И дело здесь не только в довольно значимом отличии их образов, но и в большой хронологической лакуне: ведь если бы фраза А. Линкольна была известна русским уже в 1916 г., она не могла бы неожиданно «вынырнуть» в прессе и живой речи лишь спустя более чем 60 лет.

Следовательно, русская крылатая фраза о смене коней на переправе – фразеологический и паремиологический неологизм американского происхождения. Популярности её в наше время несомненно способствовал советский фильм 1980 г., названием которого она стала.

Какова же история этой крылатой единицы в американском и европейском языковом пространстве?

Она и проста, и сложна одновременно. Большинство лингвистов считают её именно крылатой фразой, хотя немало американских и европейских (особенно немецких) паремиологических собраний трактуют её как народную пословицу. И для обоих этих, на первый взгляд, противоречащих друг другу диагнозов есть свои аргументы. Известный американский паремиолог и германист В. Мидер посвятил истории и употреблению этого американизма в немецком языке несколько публикаций [Mieder 2008; 2010], выявляя шаг за шагом этапы его развития и причины популярности. Попробую по мере возможности кратко пересказать эту историю, не упуская из виду те коннотации, которыми, как мы видели, обросла крылатая фраза в русском языке.

То, что в русском языке, несмотря на активную употребительность, эта фраза, ставшая пословицей, является калькой с английского языка в его американском варианте, неоспоримо. Исходный его вариант – *Don't swap horses in the middle of the stream*, *Don't change horses in midstream* (букв. *Не меняйте коней в середине реки [или течения]*) или *Don't swap horses while crossing the river*, *Never swap horses crossing a stream* (букв. *Не меняйте лошадей, переправляясь через реку*). Эта фраза была произнесена шестнадцатым президентом США Авраамом Линкольном (1861–1865) и благодаря его популярности сразу стала крылатой. Известна точная дата и политико-исторические обстоятельства, в которых она родилась. Президент произнёс её 9 июня 1864 г. на съезде республиканской партии в Балтиморе (штат Мэриленд) по случаю выдвижения своей кандидатуры на второй президентский срок [Ewart 1983: 37; Серов 2003: 439]. Знаменательно, что в фундаментальном «Англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина авторство выражения *change horses in the midstream*,

shange (swap, swop) horses while crossing a stream – *менять лошадей на переправе* ‘производить крупные перемены в неподходящий или опасный момент’ обозначено весьма осторожно (если на сказать – опровергнуто): «первоначально амер. выражение <...> популяризировано А. Линкольном; см. цитату» [АРФС 1984: 397]. И действительно, приводимая А. В. Куниным цитата из исторической речи президента опровергает «крылатость» этой пословицы: *I have not permitted myself, gentlemen, to conclude that I am the best man in the country; but I am reminded in this connection of an old Dutch farmer who remarked... that 'It was not best to swap horses when crossing a stream'* (A. Lincoln. „Address to the Delegation of the National Union League“, June 9, 1864). Так метафорически А. Линкольн выразил своё согласие вторично баллотироваться в кандидаты на президентскую должность, к чему его склоняли представители республиканской партии в разгар гражданской войны в США.

Уже 10-го июня 1864 г. текст этой речи был опубликован в нью-йоркских газетах «Таймс», «Геральд» и «Трибьюн» и, естественно, благодаря прессе распространился по всей стране. Фраза цитируется во многих книгах об А. Линкольне и вошла – именно как его крылатое высказывание – во многие сборники афоризмов, сентенций, крылатых выражений и пословиц.

С самого начала при этом, как мы видели, А. Линкольн подчёркивает, что услышал фразу от «старого голландского фермера» (*old Dutch farmer*). Уже это «самопризнание» президента, казалось бы, должно было повлечь квалификацию фразы не как линкольновский афоризм, а как голландскую пословицу, заимствованную американцами. Однако, как это часто бывает в крылатике, многие «авторские» сентенции и выражения возникают на основе «безымянных», народных, лишь обретая крылья популярности благодаря какой-либо известной исторической личности. И тогда интертекстный статус такой единицы вызывает споры и скепсис.

Неслучайно поэтому многие крылатологи давно уже подчёркивают источниковедческую амбивалентность крылатой фразы А. Линкольна. Так, известный американский паремиолог А. Тэйлор в своей книге “The Proverb” пишет: «Линкольн сказал: *Don't swap horses in the middle of stream*. Обычно считают, что именно президент придумал эту фразу, хотя возможно, что он лишь употребил пословицу, уже бывшую в речевом обиходе» [Taylor 1931: 37]. В. Мидер справедливо замечает по этому поводу, что А. Линкольн обладал редким риторическим даром и многие его высказывания были столь метки и отточены, что стали афоризмами и пословицами [Mieder 2010: 326–327]. Вот почему уже к концу 1864 г. фраза о конях на переправе стала крылатой, и с тех пор в США не было ни одного президента, который бы во время повторных выборов кампаний не повторял её. Так, Ф. Д. Рузвельт цитировал её и в 1936, и в 1940 гг. в качестве своего выборного девиза – естественно, со ссылкой на своего знаменитого предшественника. О скромном же «голландском фермере», на которого сам А. Линкольн ссылался, было забыто, как о батарее Тушина из «Войны и мира».

Со временем, впрочем, всё чаще эту фразу уже воспроизводили как народную пословицу, забывая не только о «старом фермере», но и самом прези-

денте. При этом пословица обростала всё новыми и новыми вариантами, отдаляясь от исходной формы *Don't swap horses in the middle of stream*. Вот лишь некоторые из них: *Don't change horse in the middle of the stream if you want to keep your trousers dry* (букв. *Не меняйте коней на переправе, если хотите сохранить штаны сухими*); *Don't swap horses in the middle of the road* (букв. *Не меняйте коней посередине дороги*); *It's no time to swap horses in the middle of the stream* (букв. *Не время менять коней посередине реки*); *Don't switch horses in midstream* (букв. *Не стегайте коней кнутом посередине реки*). Приводя их, В. Мидер замечает, что два из таких вариантов даже вошли в паремиологический минимум англоамериканского языка [Mieder 2010: 328].

Казалось бы, на этом можно поставить точку в истории американской крылатой фразы. Но вермонтский паремиологический «отшельник» проф. В. Мидер, подобно Шерлоку Холмсу, продолжил скрупулёзные поиски следов безымянного предшественника А. Линкольна. Президент, как мы видели, обозначил его весьма неопределённо – «один старый голландский фермер» (*one old Dutch farmer*). Просмотрев все имеющиеся голландские собрания пословиц и толковые словари (в том числе такой капитальный, как 29-титомный толковый словарь голландского языка) и проконсультировавшись со скандинавистами, В. Мидер, однако, так и не обнаружил следов родной пословицы «старого голландского фермера». Пословица эта отыскалась всё же (причём не без труда, лишь с помощью электронной версии) в фундаментальном пятитомном тезаурусе немецкой паремиологии Карла Фридриха Вильгельма Вандера [Wander 1867–1880] в форме *Mitten im Strom kann man die Pferde nicht umspannen* (букв. *Нельзя перепрягать лошадей посередине реки*). Немецкий паремиолог предложил одну из первых дефиниций этой пословицы: «Пословица направлена против смены действующих и полномочных правителей, чиновников или служителей в неподходящее время» [Wander 4, № 22: 922]. Словарь К. Вандера составлялся с 1862 г., что делает его современником крылатой фразы А. Линкольна. Более того – немецкий паремиолог был либералом и американофилом и даже провёл целый год (1850–1851) в США, убежав туда от консервативной немецкой политики. Вот почему в его словаре, по наблюдениям В. Мидера, немало американских пословиц, в том числе и крылатых афоризмов А. Линкольна. Тем не менее К. Вандер никак не связывает пословицу о конях на переправе ни с американским президентом, ни с легендарным голландским фермером.

Неужели А. Линкольн выдумал свою историю? А был ли мальчик – т.е. старый голландский фермер?

Глубоко уверовав в истинность слов президента, В. Мидер отбросил сомнения и продолжил свои детективные разыскания.

Напрашивающуюся версию о том, что К. Вандер просто воспроизвёл фразу А. Линкольна, переведя её на немецкий язык и не указав автора, вермонтский паремиолог отверг уже потому, что в пятитомном собрании все пословицы и поговорки педантически точно паспортизируются. Значит, пословица о конях на переправе была зафиксирована именно как немецкая, а не как голландская – недаром она отсутствует в голландских паремиологических соб-

раниях. Но тогда возникает другой вопрос: как доказать, что *old Dutch farmer* был не голландцем, а немцем?

И тут В. Мидеру помогло самое верное лингвистическое средство – этимологический анализ. Оказывается, англ. *Dutch*, которое в континентальном английском языке, а сейчас частично и в англоамериканском стало обозначением голландца, в эпоху ранней американской колонизации обозначало именно колонистов из Германии – немцев. И до сих пор оно характеризуется как частое «американское» обозначение немцев в лучших словарях, – напр., в многократно переиздаваемом «Англо-русском словаре» проф. В. К. Мюллера [Мюллер 1967: 248]. И этимологически в этом нет ничего удивительного: ведь англ. *Dutch* «датчанин» и нем. *Deutsche* «немец» – кровные языковые родственники. В этнонимах подобные смысловые смещения весьма часты. Даже наше русское слово *немец* первоначально обозначало отнюдь не жителя Германии, а любого иностранца – «немого», т.е. не умеющего говорить и понимать родную нам русскую речь. Любопытное свидетельство в пользу достаточно свободной замены одного этнонима другим (что является одним из показателей фольклорного, а не авторского происхождения) – то, что в США пословица зафиксирована ещё в 1840-е гг. (1840 и 1846) якобы от «ирландца» (*Irishman*), хотя ни в одном из ирландских паремиологических собраний и словарей она также не отражена [Mieder 2008: 209-211].

Ирландец в нашей истории, кстати, сыграл роль русского «поручика Кижэ». В 1846 г. одна американская газета писала об ирландце, который переезжал вброд реку на кобыле с жеребёнком. Обнаружив посередине реки, что она глубже, чем он думал, и соскочив со старой кобылы, ирландец ухватился за хвост жеребёнка, надеясь, что это поможет перебраться на берег. Люди с берега кричали, чтобы он держался за хвост кобылы, которая могла бы гораздо лучше помочь ему выбраться. На это он отвечал: *It is a very unseasonable time for swapping horses* (*Менять сейчас лошадей – время неподходящее*) (<http://www.nytimes.com/2008/01/27/magazine/27wwln-safire-t.html>).

Возможно, этот анекдот об ирландце, популярный за два года до переиздания А. Линкольна, и наслои́лся на некогда услышанную от старого фермера пословицу, придав ей ещё больше «крылатости».

Главное же – что, как видим, рассказ А. Линкольна абсолютно правдив. Он действительно слышал пословицу о конях на переправе от старого фермера. Но этот фермер был не голландцем, а... немецким крестьянином-колонистом.

Старая полузабытая немецкая пословица, следовательно, в США благодаря А. Линкольну обрела свою вторую, американскую политическую жизнь и именно как политическая фраза вернулась в XX в. в Германию.

В своем основательном очерке В. Мидер приводит массу примеров активного употребления этой американской пословицы из художественной литературы, публицистики, политических речей и рекламных роликов [Mieder 2010: 332-336]. Разумеется, эта популярность обусловлена и тем, что пословица употребляется здесь уже не как американизм, а в немецком языковом облачении – *Mitten im Strom kann man die Pferde nicht wechseln*. О её полной ассимиляции свидетельствуют два фактора. Во-первых, многие авторы современных сборни-

ков немецких пословиц включают её в них как собственно немецкую, народную поговорку, не упоминая ни об А. Линкольне, ни о её американских фольклорных корнях. Во-вторых, – и этому В. Мидер придаёт особое значение – эта крылатая фраза активно трансформируется, шутливо и иронически обыгрывается. Вот лишь несколько примеров таких трансформаций: *Pferdewechsel mitten im Strom* (букв. *смена лошадей посреди реки*); *mitten im Strom solle das beste Pferd im Stall gewechselt werden* (букв. *Посреди реки надо сменить лучшую лошадь в конюшне*); *die Pferde im Strom kurz vor dem rettenden Ufer untergehen* (букв. *Лошадей посреди реки тонут вблизи спасительного берега*); *weder den Wagen noch die Pferde wechseln* (букв. *не менять ни телеги ни лошадей*); *mitten im Galopp die Pferde wechseln zu müssen* (букв. *нужно на полном галопе менять лошадей*).

Практически все употребления поговорки в английском и немецком языках семантически концентрируются на характеристике смены властных структур – президентов, канцлеров, министров, банковских воротил и т. п. Более того, в русском языке американская крылатая фраза даже расширила семантическую и функциональную зону своего употребления по сравнению с первоисточником: она уже характеризует и смену тренеров в спортивной среде, и смену различных технических устройств, и даже опасное желание сменить мужей в «бунте сорокатрёхлетних» женщин. Пусть семантическое различие и невелико, но оно свидетельствует о развитии крылатой фразы в отечественных языковых и социальных условиях.

Показательно, что и способы трансформации этой американской поговорки (или крылатой фразы) в немецких и англоязычных СМИ близки к русским. Напр., даже такое её обыгрывание, которое кажется сугубо индивидуальным и в России маркировано личностью грубоватого, но остроумного генерала Александра Лебеда, в немецкой прессе имеет иного «трансформатора» – Ульриха Еркенбрехта (Ulrich Erckenbrecht). Вот его популярный в Германии афоризм: *Mitten im Strom soll man nicht die Pferde wechseln. Aber die Esel zumindest* [Erckenbrecht 1983: 47] (букв. *Лошадей нельзя менять посреди реки. В крайнем случае – ослов*). Как видим, шутка У. Еркенбрехта в Германии появилась за тринадцать лет до того, как её произнёс наш остроумный и популярный в народе генерал Александр Лебедь. И, думается, совершенно независимо от немецкого остроумца, а тем более – от американского президента.

Как видим, судьба крылатой фразы А. Линкольна, несмотря на её детективную прихотливость, довольно типична для истории крылатых слов и выражений. Многие из них – это фразы-бумеранги. Имея корни в живой народной речи, они благодаря меткому употреблению какого-либо известного автора становятся крылатыми и воспроизводятся как цитаты. Затем, войдя в широкий обиход, нередко теряют свою авторскую маркировку и могут снова «окунуться в неизвестность».

Светлана Григорьевна Шулежкова – одна из тех филологических следопытов, кто способен такие крылатые фразы извлечь из неизвестности, проходя с ними все витки языкового бумеранга – от запуска в речь до конечной точки.

Пожелаем же Юбиляру ещё много лет *не менять коней на переправе* в этом трудном, но вдохновенном лингвистическом полёте.

Литература

- АРФС 1984: Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь : ок. 20 000 фразеологических ед. / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984.
- БСКС 2000: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : «Русские словари» ; «Астрель» ; «АСТ», 2000.
- БСКСиВ 2008-2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009.
- Вальтер 2005: Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Изд. Дом «Нева», 2005.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / вступ. ст. А. М. Бабкина. – М. : ГИС, 1955. – Т. 2.
- Душенко, К. В. Словарь современных цитат. 4 300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка / К. В. Душенко. – М. : Аграф, 1997.
- Дядечко, Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь : более 1 000 ед. / Л. П. Дядечко. – М. : НТ Пресс, 2008.
- Кожевников, А. Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино / А. Ю. Кожевников. – СПб. : Изд. Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : ок. 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 13-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1967.
- Серов, В. Крылатые слова : энцикл. / В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003.
- Erckenbrecht, U. Ein Körnchen Lüge. Aphorismen und Geschichten / U. Erckenbrecht. – Göttingen : Muriverlag, 1983.
- Litovkina, A. Old Proverbs Cannot Die. They Just Diversify : A Collection of Anti-Proverbs / A. Litovkina, W. Mieder. – Burlington : The University of Vermont ; Veszprém : The University of Veszprém, 2005.
- Mieder, W. „Don't Swap Horses in the Middle of the Stream“: History of Abraham Lincoln's Apocryphal Proverb / W. Mieder // Proverbs Speak Louder Than Words. Folk Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature, and Mass Media. – New York : Peter Lang, 2008. – P. 205 – 250.
- Mieder, W. „Mitten im Strom soll man die Pferde nicht wechseln“. Zur Geschichte eines deutsch-amerikanischen Sprichwortes / W. Mieder // „Spruchschlösser (ab)bauen“. Sprichwörter, Antisprichwörter und Lehnssprichwörter in Literatur und Medien. – Wien : Praesens Verlag, 2010. – S. 323 – 340.
- Taylor, A. The Proverb / A. Taylor. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1931.
- Wander, K. F. W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. – Leipzig, 1867 – 1889 ; Ndr. Darmstadt, 1964 ; Ndr. Kettwig, 1987.

О СУДЬБЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском и английском языках особое место занимают фразеологические интернационализмы – единицы, заимствованные из других языков, и единицы, пришедшие из английского языка в русский и гораздо реже – из русского в английский. Фразеологические интернационализмы сосуществуют в истории языков параллельно со своими омонимичными конструкциями, являющимися независимыми, самостоятельными оборотами, порой на много веков опередившими появление своих двойников – заимствованных переводных выражений.

Так, напр., выражения *качество жизни / quality of life* были известны в русском и английском языках задолго до употребления этого оборота в 1958 г. знаменитым американским экономистом Дж. Гэлбрейтом. В начале XX в. в книге «Философия свободы» (1911) Н. Бердяев объясняет это понятие следующим образом: *Речь идёт о качестве жизни, о направлении нуменальной воли, а не о количестве даровитости, не о великих только людях. Был бл. Августин, но ведь возможно то же нуменальное направление, что и у бл. Августина, то же качество жизни и без его гениальности* [Бердяев [http](#)]. Ср.: *В отечественной науке одним из первых упоминаний о качестве жизни было сделано Бердяевым в 1918 году: вопрос о «высоком качестве бытия» народов* [Агапова: 2003: 48].

Немного позже, в 1927 г., М. М. Пришвин в «Дневниках» выразил свою точку зрения о значении данного оборота: *Для этого необходимо прежде всего переместить в народном сознании центр тяжести с политики на жизнь духа, на строительство жизни, хозяйства, культуры; в качество жизни, труда и продукта* [НКРЯ].

И. А. Ильин в 1937 г. в своей работе «Основы государственного устройства» употребляет данное выражение исконно русского происхождения, подчёркивая его нравственный характер: *Вместе с этим совершенным отделением власти от демократии и гуманизма будет освобождена личность, творящая качество жизни: нравственно – безнравственно, красиво – некрасиво* [НКРЯ]. Ср. также: *Об уговаривающих в радости жизни, убеждающих в ней, и о действительно живущих, знающих качество жизни, ценность её и пр.* (А. П. Платонов. Записные книжки) [НКРЯ]; *Попробуйте связать жизнь с тем, что только и может ей придать жизненную силу и качество жизни: с Евангелием, со Христом, с Богом* (Митрополит Антоний (Блум). О подвиге любви. 1979) [НКРЯ].

В советское время новое понятие *качество жизни*, являющееся переводом английского *the quality of life*, определялось как «широко распространённое в современной буржуазной философии, социологии, политической экономии представление о социально-политических, культурных и экономических условиях существования личности, включая условия труда и быта» [Науч. коммунизм 1980: 95]. Ср.: «*Качество жизни*» – эти два слова в последние годы произносятся на Западе особенно часто. Одним из первых среди буржуазных

идеологов о «*качестве жизни*» более полутора десятков лет назад заговорил Дж. Гэлбрейт. Данное понимание носило у него в то время довольно произвольный характер и служило скорее эмоциональным термином, призванным подчеркнуть реальность и остроту угрожающих капитализму кризисов, нежели определяло какую-то социально-экономическую программу [Мотешов 1976: 182].

В годы перестройки М. С. Горбачёв употребил данный оборот в своём Новогоднем обращении к советскому народу 1 января 1989 года: *Нам надо всем настраиваться на такую работу, которая позволит преодолеть застарелые недуги, избавиться от всякого рода нехваток, создать новое качество жизни для советских людей* (Труд, 01.01.1989) [НКРЯ].

Говоря о новом *качестве жизни*, М. С. Горбачёв как бы наполняет русское выражение новым смыслом, одновременно имея в виду его англоязычный этимон, введённый в обиход Дж. Гэлбрейтом и получивший широкое распространение в мире в 80-е гг. XX в. В русском языке данное выражение, превратившееся в устойчивое словосочетание, меняет свою смысловую окраску на протяжении указанного десятилетия. Напр.: *В характере как добра, так и зла проявляется качество жизни, оно и отстаивается, а главная разделительная черта проходит не между добром и злом, а между качеством жизни и отсутствием качества* (С. Г. Бочаров. Леонтьев и Достоевский, 1993–1994) [НКРЯ].

В английском языке история прототипа русской фразеологической кальки *качество жизни* связано с работами Дж. Гэлбрейта, известного экономиста, советника многих американских президентов, одного из создателей «Нового курса» Ф. Рузвельта. 10 июля 1964 года он издаёт статью под названием «Economics and the Quality of Life» («Экономика и качество жизни»), которая была опубликована в журнале «Science» [Galbraith [http](#)].

Намного раньше, в 1958 г., в известной работе «Affluent Society» («Общество изобилия») Дж. Гэлбрейт уже поднимал вопрос о приоритете нравственных задач общества над экономическими: *Galbraith argued that industrial production was being devoted to satisfying trivial consumer needs, in part to maintain employment. Consequently, he recommended, the United States should shift resources from the private to the government sphere in order to increase mobility, improve schools, infrastructure, recreational resources, and social services as a means of providing a better quality of life instead of creating an abundance of consumer goods to satisfy mass consumption* [Famous Quotes [http](#)].

В современном русском «Бизнес-словаре» термин *качество жизни* толкуется следующим образом: *социально-экономическая характеристика уровня потребления как материальных благ и услуг, так и удовлетворения духовных потребностей. В качество жизни входят также такие понятия, как здоровье, продолжительность жизни, экологические условия окружающей среды* [Бизнес-словарь [http](#)]. Ср. примеры использования в русском языке данного выражения в 1990–2000 гг.: *Я управляю капиталом, а это не всегда удовольствие, но всегда хорошая доза адреналина в крови, самоуважение, интерес к жизни, наконец, качество жизни – здоровая еда, спорт, отпуск на Гавайях, где я,*

кстати, не был (О. Некрасова. Платит последний, 2000) [НКРЯ]; *Часто в бизнес людей влечёт желание побольше заработать и таким образом существенно улучшить качество жизни: из маленькой квартиры переехать в большую, посмотреть мир, покататься на «Мерседесе» с личным шофером и т. д.* (А. Шубин. Путь к благополучию, 2000) [НКРЯ]; *Ты можешь обеспечить качество операции – но ты разрушаешь качество жизни* (А. Битов. Заповедник (телемелодрама), 1991) [НКРЯ].

В современном русском языке данный оборот в результате детерминоло-гизации становится широко употребительным выражением. Напр.: *16 июня в Москве состоялось совещание-семинар с участием региональных координаторов проекта партии «Единая Россия» «Качество жизни (Здоровье)»* [Катериничев [http](http://)]. Таким образом, в настоящее время **качество жизни** понимается как «показатель общего благополучия человека, который является более широким, чем чисто материальная обеспеченность» [Качество жизни [http](http://)].

Лексикографический источник английского языка («The Cambridge Advanced Learner's Dictionary») определяет *quality of life* как *the level of enjoyment, comfort and health in someone's life* [CALD [http](http://)].

По данным этимологического словаря английского языка, оборот *quality of life* так же, как и его русский эквивалент, появился намного раньше, чем приобрёл популярность в экономических трудах американских учёных, – в 1943 г.: **Quality of life** is from 1943 [OED [http](http://)].

Судьба русского фразеологизма *качество жизни* ярко демонстрирует один из вариантов семантического преобразования исходного выражения, которое меняет своё значение в современном языке под воздействием омонимичного оборота. Омонимичная формула является калькой английского выражения *quality of life*. В одних случаях этот фразеологизм наполняется новым содержанием, в других – сохраняет исходные семантические характеристики.

Литература

Агапова, Е. Н. Уровень и качество жизни населения : дис. ...канд. эконом. наук / Е. Н. Агапова. – СПб., 2003.

Бердяев [http](http://): Бердяев, Н. Философия свободы / Н. Бердяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn001.htm>. – Загл. с экрана.

Бизнес-словарь [http](http://): Бизнес-словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslavare.com/content_biz/kachestvo-zhizni-5797.html. – Загл. с экрана.

Катериничев [http](http://): Катериничев, И. Качество жизни дорогого стоит // Мурманский вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=201007022453>. – Загл. с экрана.

Качество жизни [http](http://): Качество жизни // Википедия (свободная энциклопедия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Качество_жизни. – Загл. с экрана.

Мотышов, В. П. Потребляющий мир: за и против. Человек в океане вещей, материальное и духовное в жизни общества / В. П. Мотешов. – М. : Молодая гвардия, 1976.

Научный коммунизм : словарь / под ред. акад. А. М. Румянцева. – М. : Политиздат, 1980.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

CALD [http](http://): The Cambridge Advanced Learner's Dictionary // Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/quality_1#quality_1__3. – Загл. с экрана.

Galbraith [http](http://): Galbraith, J. Economics and the quality of life / J. Galbraith // Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sciencemag.org/cgi/pdf_extract/145/3628/117. – Загл. с экрана.

Famous Quotes [http](http://): Famous Quotes of John Kenneth Galbraith // Softpanorama [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.softpanorama.org/Skeptics/Quotes/famous_galbraith_quotes.shtml. – Загл. с экрана.

OED [http](http://): Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php?search=quality&searchmode=none> – Загл. с экрана.

Е. К. Николаева

Санкт-Петербургский государственный университет

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ В ШОКОЛАДЕ

В 2002 г. С. Г. Шулежкова в своей статье «От сладкой жизни к сладкой парочке» показала рождение нового фразеологизма (*сладкая парочка*) в новых социальных условиях и продемонстрировала на примере крылатых выражений с компонентом «сладкий», что каждому времени соответствуют свои фразеологизмы. Или, говоря иначе, какое время – такие и фразеологизмы. Так, во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., когда перед российским обществом встала проблема выбора дальнейшего пути развития, одним из наиболее употребительных устойчивых сочетаний стало крылатое выражение *сладкая жизнь*, восходящее к фильму Ф. Феллини. По материалам С. Г. Шулежковой, именно в это время выражение *сладкая жизнь* достигло пика частотности. И именно генетическая память об источнике – ставшем классикой фильме Ф. Феллини – обогащает значение этого фразеологизма семами 'аморальная' и 'богемная' [Шулежкова 2002: 329]. В середине 1990-х гг. в русский язык хлынул поток устойчивых выражений, порожденных новым (а, точнее, возрожденным) явлением русской жизни – рекламой: *Сладкая парочка; Сделай паузу – скушай «Твикс»; Свежее решение; Оторвись со вкусом*. Основная часть подобных устойчивых выражений – фразеологизмы-однодневки, широко употребляющиеся носителями языка лишь пока жива в памяти реклама, породившая их. Хотя «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», можно предположить, что какие-то из них останутся в языке. Из 65 рекламных лозунгов, зафиксированных в «Словаре современных цитат» К. В. Душенко [Душенко 2002], некоторые сохраняются в языке в качестве устойчивых и воспроизводимых единиц уже несколько десятков лет: *Книга – лучший подарок* (с 1920-х гг.); *Реклама – двигатель торговли* (рекламный слоган 1900-х гг.).

Не вызывает сомнений, что выражению *сладкая парочка*, восходящему к рекламе шоколадных батончиков «Твикс», одна упаковка которых содержит две одинаковые плитки, предстоит долгая жизнь во фразеологическом фонде русского языка. С. Г. Шулежкова отмечает два значения этой фразеологической

единицы (ФЕ) в современном языке: 1) 'ведущая божественный образ жизни неразлучная пара (супругов, влюбленных), обычно достаточно известных широкой публике'; 2) 'пара деловых партнеров, друзей, чья деятельность или способ существования, поведение оценивается иронически или осуждается' [Шулежкова 2002: 332-333]. Это выражение органично вошло в фразеологический ряд с компонентом *сладкий* и стало очень частотным как в художественной литературе, так и в устном общении.

На новом витке развития общества, в начале XXI в., *сладкая жизнь* все чаще ассоциируется в сознании русского человека с шоколадом, что убедительно иллюстрируется следующими контекстами: *Все о сладкой жизни в программе Марины Хрушковой «В шоколаде»* (ТОК-радио, 2005 г.); *Но человек так устроен, что он ко всему привыкает и даже к такой жизни тоже. – К какой именно жизни? – К несладкой, – уточнил Гера. – Можно подумать, она бывает сладкой. – Не скажи. У некоторых вся жизнь в шоколаде* (Ю. Шилова. Я подарю тебе небо в алмазах, Или самая опасная).

Представление о шоколаде как символе современной сладкой жизни, чего-то приятного, роскошного было создано и продолжает поддерживаться рекламой. Вкусный, доставляющий непередаваемое ощущение удовольствия и нежности, полезный для здоровья (борется со стрессом, с сердечными заболеваниями и т. п.), содержащий гормон радости – вот лишь некоторые из свойств этого продукта, которые представлены в современных СМИ. По наблюдениям И. Вепревой, «шоколад признан одним из ключевых символов современного шика и стоит в таком однородном ряду, как *шоколад, меха, брильянты, шампанское*» [Вепрева 2007: 77].

В начале XXI в. в русском языке появилось и весьма прочно закрепилось новое наречие – *шоколадно*, значение которого можно определить как 'хорошо, отлично'. Самые ранние фиксации в литературе относятся к 2005 г. (на форумах в интернете встречается уже в 2004 г.): *Больно шоколадно для этого придурка, – с обидой заявил он. – Ты для него слишком хороша, даже если будешь в телогрейке* (Т. Полякова. Тень стрекозы); *Решили: отсидит, выйдет чистенькая, отроет золото с камнями и заживет шоколадно* (Д. Донцова. Лягушка Баскервилей); *Не трясись, Ира, они им больше не нужны, хозяева базарить не начнут. Спокуха, катит шоколадно* (Д. Донцова. Золушка в шоколаде); *Выглядишь шоколадно, – продолжал Вася, – но машины нет, иначе б на платформе не маялась. Небось, из последних за санаторий платишь* (Д. Донцова. Золушка в шоколаде). Как представляется, это наречие является отфразеологическим дериватом, производящей основой для которого послужили ФЕ с предложно-падежным сочетанием «в шоколаде». В современном русском языке функционируют несколько подобных ФЕ: 1) *всё в шоколаде* – 'о превосходном положении дел' (фразеологические синонимы: *всё в ажуре, всё путем*): *Ладно, пусть у тебя не всё в порядке, но у Лешки-то всё в полном шоколаде, так что ж тебе не порадоваться за него* (А. Маринина. Воюющие псы одиночества); *Так что явится твой Цицерон как ни в чём не бывало и будет любить тебя ну же прежнего. Прислушивайся к папулиным советам, и начнёшь из него веревки вить. И будет всё в шоколаде* (Т. Полякова. Ночь последнего дня); *Родителям,*

само собой, рассказывает, что отлично устроилась и вообще «в полном шоколаде», далее идут детали, зависящие от уровня фантазии: снимается в кино, учится в институте... (А. Маринина. Городской тариф); 2) *жизнь в шоколаде* 'о роскошной, наполненной радостями красивой жизни': *Топ-менеджеры: жизнь в шоколаде. Топ-менеджером в банке быть хорошо. Особенно в России. У них много денег и минимум ответственности перед работодателями. И это не миф* (АиФ, 21.11.2007); 3) *кто-л. в шоколаде* – 1) 'о преуспевающем, довольном жизнью человеке': *Потом разведёшься и останешься при хороших бабках. Алименты до 18-летия отпрыска платят <...> Вся жизнь будешь в шоколаде* (Д. Донцова. Каникулы в Простофилино); 2) 'о ком-л., удачно вышедшем из сложного положения, оказавшемся вне подозрений': *Сынок в шоколаде* (о сыне президента Башкирии М. Рахимова); *Земфира в шоколаде* (интервью с певицей Земфирой). Эти единицы удовлетворяют всем требованиям, которые, по мнению М. А. Алексеенко, необходимы для «отфразеологического производства»: двухкомпонентность структуры ФЕ, её образность, способность компонента ФЕ вызывать ассоциации с производящим фразеологизмом, достаточная семантическая репрезентативность компонента, повторяющегося в нескольких ФЕ [Алексеенко 2003: 164].

ФЕ *всё в шоколаде* зафиксирован в словаре жаргона В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной со значением 'всё в порядке, всё отлично' [БСРЖ 2000: 699]. Первая обнаруженная нами фиксация в литературе оборота *всё в шоколаде* в качестве устойчивого выражения со сформировавшимся фразеологическим значением относится к 1995 г.: *Необходимо во что бы то ни стало засветить пистолет разыскать и последний раз из него выстрелить – и всё будет в шоколаде* (Н. Леонов. Мы с тобой одной крови). Однако широко употребительным этот оборот стал несколько позднее, в частности, после появления рекламного ролика «Марс. Всё будет в шоколаде!» и выхода в свет книги Т. Поляковой «Всё в шоколаде» (2002), а наивысшей частотности употребления, по нашим наблюдениям, достиг в середине первого десятилетия XXI в.

По предположению В. В. Химика, это выражение восходит к аргументу гомосексуалистов (эта гипотеза прозвучала в устном выступлении в СПбГУ на XXVII международной научной-методической конференции в 2008 г.), видимо, потому что *шоколадка* в этом аргументе значит 'анальное отверстие', выражение *доставать шоколад* – 'совершать половой акт анальным способом', *шоколадный* – 'пассивный гомосексуалист' [БСРЖ 2000: 699] и т. п. Однако при довольно-таки широком присутствии этого слова в разных формах в жаргоне, оборот *всё в шоколаде* фиксируется лишь с 1998 г., поэтому его жаргонное происхождение весьма сомнительно. На наш взгляд, более убедительно проследить процесс образования метафорического значения выражения *в шоколаде* И. Т. Вепрева: «На основе существующих кулинарных изделий, традиционно покрываемых шоколадом, в сочетании с преувеличенно необыкновенными свойствами шоколада как продукта, обеспечивающего счастливое существование, возникает метафорическое словосочетание *жизнь в шоколаде* в значении обеспеченного великолепного бытия. Авторство сочетания приписывают Богдану Титомиру» [Вепрева 2007: 77].

Этот фразеологический неологизм настолько широко вошел в язык и речь, что в СМИ и рекламе началась игра с его внутренней формой – семантическая трансформация на базе актуализация прямого значения словосочетания. Напр., выражение *Всё будет в шоколаде!* в прямом значении кондитерские фабрики используют в функции слогана. На интернет-сайте компании «Anglely Land» встречается не только обыгрывание внутренней формы выражения *в шоколаде*, но и попытка его семантизации:

В шоколаде!

*Наверняка вы не раз слышали, как о ком-то, до-
вольною жизни и преуспевающим, говорят – Ну,
он в шоколаде! –*

Для клиентов роскошного женевского Hotel Du Rhone <...> эта фразе звучит буквально. Tic Toc Swiss Choc – так называется программа для любителей изысканных удовольствий, уже отведавших швейцарские трюфели, молочный шоколад, шоколадное фондю и горячий шоколад. Теперь <...> их ждёт купание в шоколаде [Anglelyland http]; Китайцы создают парк, где «всё в шоколаде». В столице Поднебесной решено создать так называемый «Шоколадный парк», в котором можно будет не только любоваться сладкими копиями произведений искусства, но и лакомиться ими (журнал «Сто дорог»).

Широта употребления, наличие отфразеологического деривата и обилие трансформаций – всё это свидетельствует о том, что выражения с предположительно надежным сочетанием *в шоколаде* прочно обосновались во фразеологическом фонде современного русского языка. Так на новом витке развития общества происходит дальнейшее развёртывание «сладкой» тематики во фразеологии, и новые фразеологизмы отражают новую картину мира современного россиянина.

Литература

Алексеев, М. А. О слове отфразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеев // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы междунар. науч. конф. / сост. Н. К. Онищенко. – М. : ИРЯ РАН, 2003. – С. 164 – 168.

Вепрева, И. Т. Шоколад как актуальное слово в современном российском контексте / И. Т. Вепрева // Nomen est Nomen est omen. Zeichen und An-Zeichen in den slawischen Sprachen. Festschrift für Manfred Niemeyer zum 60. Geburtstag. Hrsg. v. Harry Walter / red. H. Walter, T. Menzel. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2007. – S. 76 – 79.

Душенко, К. В. Словарь современных цитат / К. В. Душенко. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002.

БСРЖ 2000: Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2000.

Шулежкова, С. Г. От сладкой жизни к сладкой парочке (крылатые выражения-неологизмы с компонентом *сладкий* в современном русском языке) / С. Г. Шулежкова // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas – VI : materiały VI Międz. konf. nauk. – Szczecin ; Greifswald, 2002. – S. 328 – 333.

Anglelyland http: Кругосветные путешествия для дам и господ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.anglelyland.ru/new_29.php. – Загл. с экрана.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ И КОМПАРАТИВНО-ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ КАК ИСТОЧНИК ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Наименее исследованный аспект изучения потенциальности в сфере образной деривации – структурно-семантическое взаимодействие компаративно-производных слов (КПС) и устойчивых сравнений (УС), использующих один и тот же образ. Сопоставление образных значений, получающих регулярное воплощение в системе производной лексики, и образно-компаративных значений фразеологических единиц даёт возможность выявить те нереализованные потенции, которые остаются закрытыми при любом ином подходе. Образные возможности многих слов «таятся под спудом», не проявляясь ни в переносных значениях, ни в морфологических дериватах. В то же время носители языка ощущают «коннотативный ореол» подобных единиц. Источником этой образной ауры во многих случаях является употребление соответствующего компонента в качестве образа в составе устойчивых сравнений. Особенно интересные результаты, значимые для выявления образного потенциала отсубстантивной лексики, даёт анализ тех довольно многочисленных случаев, когда один и тот же образ используется УС и целой группой производных слов – «образным гнездом».

Теоретическая база лингвистического прогнозирования обеспечивается факторами общего и частного характера. К первым следует отнести реально проявляющуюся в языке взаимосвязь единиц разных языковых уровней – фразеологического и лексического. Разные аспекты этой связи, свидетельствующей о «прозрачности границ» между лексической и фразеологической системами языка, привлекают внимание лингвистов, исследующих проблемы вторичной, в том числе образной, номинации.

К факторам частного характера мы относим единство компаративной природы УС и образно-производного слова: «В целом компаративно-производные слова строятся по тем же логико-компаративным моделям, что и устойчивые сравнения, но характеризуются своеобразием их языкового воплощения» [Огольцев 1975: 284]. Имя существительное, выражающее элемент **В** (образ) устойчивого сравнения, выступает в качестве производящего (производящей основы) КПС. При этом семантическое взаимодействие основы и аффикса оказывается аналогичным тому, которое характеризует показатель сравнения **т** (союзы *как, словно, точно, будто*) и **В** раздельнооформленного сравнения:

...В...м.....м....В

змеи-чат-ый – как змея

..В...м.....м....В

звер-ски – как зверь

Однако структурно-семантическое соответствие УС и КПС обнаруживается не всегда и не в равной мере. Нами исследованы все случаи использования

одного и того же образа-субстанции в структуре компаративно-производного слова (метафорического деривата) и в составе устойчивого сравнения. Выявлены следующие основные варианты структурно-семантического взаимодействия разноразрядных компаративных единиц:

1. Полная структурно-семантическая соотносительность. Так, образное гнездо существительного *актёр* (*актёрский*, *актёрство*, *актёрствовать*) соотносится с УС как (*словно*, *точно*) *актёр* <на сцене> (признак-основание С: притворство, наигранность): говорить как актёр = по-актёрски = актёрствовать; актёрские интонации.

2. «Избирательная» соотносительность УС не со всеми дериватами образного гнезда, а лишь с некоторыми из них. Напр., УС как (*словно*, *точно*) *мочалка* (*мочало*) выражает внешний признак волос, бороды человека (грубый, неэластичный, прямой). Те же признаки используются и в актах образной деривации *мочальный*, *мочалистый* (о волосах, бороде человека). Глагол *мочалить* (2. перен. разг. Мучить, терзать) не находит семантического соответствия в системе устойчивых сравнений.

3. С образным значением производного слова соотносится лишь одно из значений УС-полисеманта. Напр., УС как (*словно*, *точно*) *монах* (*монахиня*, *монашка*, *монашенка*) имеет два значения, первое из которых находит соответствие в системе образной деривации: как *монах* (*монахиня*) – «1. Жить – скромно, воздержанно, избегать общества людей другого пола» [Огольцев 2001: 367-368] – *монашеский* <...> // Такой, как у монаха, аскетический образ жизни. Второе значение УС («2. Быть, ходить – в чёрной одежде; одеваться – во всё чёрное» [Там же: 368]) не находит «отклика» в системе образной деривации и, следовательно, служит источником потенциальных значений: *монашеский* / *монашески* / *по-монашески*; С: ходить в чёрной одежде, одеваться во всё чёрное (одеваться *по-монашески*, *монашеское* одеяние).

В аспекте выявления потенциальных образных значений представляет интерес не только анализ фактов полной и частичной соотносительности устойчивых сравнений и компаративных дериватов, но и рассмотрение тех случаев, когда такой соотносительности не наблюдается. Значительная часть имён существительных, использующихся в качестве образов в системе производной лексики, не задействована в компаративной фразеологии. И наоборот, многие образы, выступающие в качестве компонента **В** устойчивых сравнений, не используются в системе образной деривации. Анализ последнего случая имеет основополагающее значение в аспекте исследования образного потенциала: функционирование в языке устойчивого сравнения, использующего тот или иной образ-субстанцию, является мощным стимулирующим условием для образования новых компаративно-производных слов и для развития образных значений у дериватов, давно существующих в языке, но не располагающих в своей семантической структуре ни компаративными, ни метафорическими значениями. Напр.: как *клоун в цирке* (С: Вести себя – несерьёзно; кривляться, смешить своим видом, поведением – потенц. *клоунский**, *клоунски**, *клоунничать**: выглядеть *клоунски*, *клоунское* поведение, ученик *клоунничает*); как *в пустыне* (С₁: одинокий; С₂: безлюдный, безмолвный, безжизненный) – потенц. *пустын-*

*ный**, *пустынность** (*пустынное* одиночество, *пустынная* душа, *пустынное* существование; *пустынная* улица, *пустынно* в городе); как *жеребец* (С₁: здоровый, сильный. О чел.; С₂: ржать, гоготать – грубо, невозддержанно) – потенц. *жеребячий**, *по-жеребячи** (*жеребячье* здоровье, *по-жеребячи* силен; *жеребячий* смех/гогот/ржание (о чел.), ржать /смеяться/хохотать *по-жеребячи*).

Нами рассматриваются также случаи параллельного использования одного образа в структуре УС и КПС (метафорического деривата). При этом значение и употребление раздельнооформленной компаративной единицы, так же как и в предыдущем случае, может оказывать влияние на образный потенциал производных слов: как *бумага* («1. Белый, бледный; побелеть, побледнеть. О чел. (лице человека) <...> 2. <папиросная>. Тонкий, нежный, непрочный. О коже человека, тонком слое чего-л.» [Огольцев 2001: 75-76]. Эти компаративные значения, основанные на признаках цвета (1) и тонкости, нежности, непрочности (2), не соотносятся с образно-метонимическим значением прилагательного *бумажный*: «2. Канцелярский, бюрократический. Бумажная волокита <...> 3. перен. Существующий только на бумаге, не осуществимый на деле» [МАС 1999: 124]. Однако под влиянием УС у прилагательного *бумажный* (а также и у его потенциальных дериватов) может возникнуть синонимичное компаративное значение: *бумажная* белизна кожи, *бумажно* побелеть (о лице, коже человека).

Идеальными условиями для проявления отношений межуровневой синонимии являются: 1) однозначность УС; 2) наличие в семантической структуре образного деривата единственного образного значения; 3) компаративный характер образного деривата, ясность его внутренней формы; 4) единство признака-основания в семантической структуре сопоставляемых единиц 5) определённая признака-основания в семантической структуре компаративного слова; 6) совпадение «объекта приложения» образной характеристики, выражаемой разноразрядными единицами языка; 7) форма именительного падежа существительного, выражающего элемент **В** (образ) в составе УС; 8) отсутствие определений при существительном-элементе **В** в составе УС.

Представленные здесь наблюдения подтверждают нашу гипотезу о том, что устойчивые сравнения и компаративно-производные слова взаимно дополняют друг друга в выполнении общей языковой функции – образного выражения признака. Каждое из этих основных языковых средств выражения компаративной семантики имеет и определённые ограничения, и преимущества, которыми не располагает соответствующая единица другого уровня.

Одиннадцать рассмотренных нами семантических групп существительных – образов сравнения – существенно различаются как в плане взаимодействия двух анализируемых способов языкового воплощения компаративной семантики, так и в аспекте образного потенциала. Наиболее высоким образным потенциалом характеризуются: 1) наименования животных (167); 2) наименования конкретных предметов (86); 3) наименования лиц (63); 3) наименования веществ (50) [в скобках указано кол-во потенциальных образных значений – *Е. О.*].

В каждой семантической группе представлены существительные, использующиеся: 1) только в системе образной семантической деривации; 2) только в

системе образной морфологической деривации; 3) в системе семантической и морфологической деривации, но не встречающиеся в качестве образов УС; 4) в качестве образов УС, но не являющиеся мотиваторами образных значений производных слов; 5) параллельно в качестве образов в обоих сопоставляемых единицах; 6) употребляющиеся в качестве образов «однофункциональных» компаративных единиц разных уровней.

Образный потенциал той или иной семантической группы обусловлен распределением слов по вышеперечисленным типам. Наиболее «плодоносна» в образном отношении четвёртая группа. Воспроизводимое всем языковым коллективом употребление существительного в качестве образа аналитической компаративной единицы – устойчивого сравнения – в 80% случаев даёт основание предположить проявление потенциального образного значения в системе компаративного словообразования.

Литература

МАС 1999: Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1.

Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО «Русские словари» : «ООО Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2001.

Огольцев, В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук / В. М. Огольцев. – Л., 1975.

А. А. Осипова

Магнитогорский государственный университет

БИБЛЕЙСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА

Художественная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами. Художественная картина мира опосредована, вторична по отношению к когнитивной картине мира, она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения [Попова 2010: 56]. Языковые средства создают в тексте произведения картину мира, которая отражает индивидуальную картину мира писателя.

Литературоведы и лингвисты активно (особенно в последнее время) обращаются к исследованию творчества В. П. Астафьева. Но работ, посвящённых функционированию крылатых единиц (далее КЕ) в его произведениях, пока нет. А между тем КЕ, по замечанию К. В. Душенко, «выступают в роли особого кода – кода национальной культуры» [Душенко 1999: 53].

КЕ, используемые В. П. Астафьевым в творчестве, многообразны по происхождению. Их источниками являются Библия (*всемирный потоп; геенна огненная; жизнь вечная; Много званых, но мало избранных; невзирая на лица, путеводная звезда, сотворение мира, сын божий* и др.), народные песни и сказки (*В некотором царстве, в некотором государстве; Жить-поживать, да добра*

наживать; избушка на курьих ножках; Кабы знал я, кабы ведал; Ни в сказке сказать, ни пером описать; Пир на весь мир; суп из топора; ухарь-купец и др.), мировая художественная литература (*Аппетит приходит во время еды; Быть или не быть – вот в чём вопрос; Вы, жадную толпой стоящие у трона; Есть женщины в русских селеньях; жертва аборта; Красота спасёт мир; место под солнцем; невидимые миру слёзы; Нет повести печальнее на свете; рыцарь печального образа; тысяча и одна ночь; Я царь, я раб, я червь, я бог!* и др.), исторические официальные документы (*Делу время, потехе час; опиум для народа; От каждого – по способностям, каждому – по труду; Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи; Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; смутное время* и др.), научные сочинения (*Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача; борьба за существование*), речи политических и общественных деятелей (*враг народа; культ личности; места не столь отдалённые* и др.).

Объём статьи не позволяет рассмотреть все КЕ, употребляемые В. П. Астафьевым в своих произведениях. Остановимся на одной из самых многочисленных групп выделенных нами единиц – группе КЕ, восходящих к Библии. О. В. Беркова замечает, что «Библия является важнейшим культурным источником крылатых слов западного культурного ареала» [Беркова 1991: 88].

Множество КЕ, используемых В. П. Астафьевым, восходят к Ветхому Завету: *Время разбрасывать камни, время собирать камни; всемирный потоп; Всякой твари по паре; Выпить [испить горькую] чашу [до дна]; живая душа; земля обетованная; между небом и землёй; от мала до велика; притча во языцех; скрежетать <(за)скрипеть> зубами* и др. В ряде случаев эти КЕ применяются писателем как удобные готовые формулы при оценке определённых ситуаций. Так, в романе «Прокляты и убиты» солдаты по пути в совхоз попадают на нежатое хлебное поле и видят, что зёрна остались похороненными под снегом: *Шелестит немое поле <...> оно было пустое, без зёрен, без жизни, оно отшумело, отволновалось, перезрело и осыпалось – всему свой срок и время всякому делу под небесами, время не только собирать и разбрасывать камни, но и время сеять и собирать зёрна!* (т. 10, 215)¹. В рассказе «Сон о белых горах» из цикла «Царь-рыба» один из главных героев – охотник и рыболов Аким – при помощи КЕ оценивает противоречивые события своей жизни: *Теми как раз днями Аким широко обмывал с друзьями в игарском ресторане будущее фартовое зверовство, а здесь вот люди загибались <...> Всегда было и есть: одному хорошо, другому плохо, и «живой собаке лучше, чем мёртвому льву»* (т. 6, 333).

Иногда анализируемые КЕ входят в состав сравнительных конструкций, усиливая их выразительность. Напр., в автобиографическом рассказе «Бойе» из цикла «Царь-рыба» герой вспоминает своего отца – человека непутёвого, любившего выпить, неспособного обеспечивать свою семью и нести ответственность за детей: *Попав на руководящую должность, папа повёл бурный образ*

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997 – 1998. Следующие примеры даются с указанием тома и страницы.

жизни, да такой, что и не пересказать, будто перед **всемирным потопом** куролесил, кутил и последнего разума решился (т. 6, 17). В повествовании «Не хватает сердца» из этого же цикла автор описывает тайную перевозку «насыпью в трюмах» переселенцев-арестантов на Север и их ощущения по прибытии на место: *Енисей на Севере – штормовая река, но конвой, если совсем трусливый и подлый, не открывал трюмы, и, достигнув Дудинки, живые люди сгружались на берег с таким облегчением и радостью, будто достигли **земли обетованной**, новую Америку обживать приехали* (т. 6, 75).

В творчестве В. П. Астафьева можно выделить несколько ветхозаветных КЕ, которые писатель использует особенно часто: *живая душа, от мала до велика; скрежетать <(за)скрипеть> зубами*. При помощи КЕ *скрежетать <(за)скрипеть> зубами* автор выражает отрицательные эмоции своих героев, причём проявление этих эмоций «нередко сопровождается особой мимикой, в частности, плотно сжатыми челюстями, что образно описывается как зубовой скрежет» [БСКСиВ 2009: 355]. Например, в романе «Тают снега» приспешник председателя, мошенник Карасёв понимает, что власть в колхозе переменилась и в новых жизненных условиях ему нет места: *Уже после первых слов бухгалтера Карасёв понял: всему пришёл конец! Он с ненавистью посмотрел на седой затылок бухгалтера, скользнул по воротнику вытертого пиджака и, **скрипнув зубами**, покинул президиум* (т. 1, 461). В рассказе «Дикий лук» игарский парень Генка Гушин, вспоминая войну, выражает свою ненависть к врагам: *Отца на войне убили, брата убили, а ещё одного в печке сожгли, живём <...> Ух, я бы этих фашистов! – **скрипнул зубами** Генка* (т. 3, 154). Непутёвый отец главного героя в повествовании «Забубенная головушка» из цикла «Последний поклон» за что-то злится на местного писателя и проявляет свои эмоции следующим образом: – *Но, папа, Назаров здоровствует в Красноярске и ещё книжки пишет. – Книжки? Пишет? В натури? Я бы ему, курве, написал!.. – И папа, **скрипнув зубами**, сжал кулачишко...* (т. 5, 292). Очень часто В. П. Астафьеву не хватает той экспрессивности, которую несёт на себе анализируемая КЕ, и, чтобы чувства того или иного персонажа были переданы наиболее полно, автор трансформирует единицу, заменяя литературный глагольный компонент внелитературным. Зачастую такой элемент выступает как средство дополнительной характеристики героя. Например, в рассказе «Царь-рыба» Командор – грозный, своенравный мужик, похожий на джигита, который «не говорил, выкрикивал слова и при этом сёк собеседника молнией взгляда», – очень завидует своему старшему брату – сноровистому, хозяйственному, удачливому Игнатьичу. Брат вызывает в Командоре ярость: *Но даже молчаливая фигура старшего Утробина за рулём – вызов Командору, **скорготал он зубами**, клялся про себя нащупать самоловы очесливого братца и осадой, измором, нахрапом ли выжить его с реки...* (т. 6, 178). В рассказе «Медвежья кровь» и в романе «Прокляты и убиты» герои выражают свои эмоции во сне: *Напарник мой уже спал на нарах и, **проскорготав зубами**, внятно сказал: «Ушёл, зараза!»* (т. 9, 142); *Но у Гольбаха в последнее время сдали нервы, и он в бою всё время блажит, будто осёл, скалитесь, и во сне ворочается, чего-то бормочет, **скоргочет зубами**...* (т. 10, 474).

Часто используемой В. П. Астафьевым оказывается КЕ *от мала до велика*, т. к. она обладает большой степенью обобщения. Так, в романе «Тают снега» главные герои пытаются искоренить лень и мошенничество руководителей колхоза и призывают людей выйти на работу в воскресенье: – *В Корзиновке мало народу вышло на воскресник, с оглядкой люди живут. Но в других бригадах, я уверена, половина людей на работе, а в третьей – все <...> В третьей бригаде, в самом деле, вышли на воскресник все **от мала до велика*** (т. 1, 445). В повести «Весёлый солдат» автор размышляет: *Летом... поздним уже вечером, когда не мотаются по улице пьяные... когда все селяне **от мала до велика** сидят перед телевизорами... я люблю пройтись по-над рекой, по пустынной Набережной* (т. 13, 241) и др.

КЕ *живая душа* реализует в повествовании В. П. Астафьева только одно из своих значений – ‘о человеке, животном, живом существе’ [БСКСиВ 2008: 372]. В рассказе «Без приюта» из цикла «Последний поклон» повествуется о том, как родители бросили мальчика Витю на произвол судьбы в «хибаре сортирного типа» без дров и пропитания. И вот, возвращаясь как-то домой, он видит дымок над своим жилищем и рассуждает: *Значит, жизнь идёт, матека вернулась, может, и отец? Да пусть бы и отец – всё какая-никакая **живая душа**...* (т. 4, 413). В рассказе «Тельняшка с Тихого океана» главный герой – писатель – вспоминает своё трудное беспризорное детство с «безвольной, на ногу не скорой, умом вялой» матерью и отчимом-поляком. Мальчика ненавидели и родители, и население станка: *Ни единой **живой души** в станке Карасино, кроме малой Зоськи, «за меня» не было. Особенно лото меня ненавидел, дразнил, высмеивал Мишка Еремеев* (т. 9, 166) и др. Подобно КЕ *скрежетать <(за)скрипеть> зубами* КЕ *живая душа* тоже часто трансформируется путём замены частного компонента *душа* на более общий компонент *дух*: *Забудешь родню землю, могилку мамкину да дедушкину покинешь – вовсе тогда завертит тебя смерчем-бурею, ни годов, ни дней не заметишь, осыплешься на землю дряхлой, старой, одинокай, остановишься над обрывом, ни зги, ни голосу, ни **духу живого**, ни дна, ни покрышки* («Приворотное зелье», т. 5, 189); *Шелестит немое поле, никаких звуков живых, никакого **живого духа**, одно шелестение, один предсмертный немощный выдох сломавшихся соломинок...* («Прокляты и убиты», т. 10, 215) и др.

Наряду с ветхозаветными, В. П. Астафьев в своём творчестве активно использует новозаветные КЕ (*геенна огненная; за семью печатями; Иуда; ищите и обряцете; кесарево кесарю [и а божие <богово> богу]; конец света; не ведают, что творят; нести свой крест; от лукавого; страшный суд; тьма крошечная* и др.). Они служат для более точных, ярких характеристик той или иной ситуации или персонажа. Напр., в романе «Прокляты и убиты» так обыгрывается книжная КЕ *Много званых, [но] мало избранных*: *Однажды по ротам было объявлено: кто умеет рисовать и писать плакаты, пусть явится в клуб. Пришло народу доплетна – всем в тепле поощиваться охота. Но **званых**, как известно, **много, да избранных мало*** (т. 10, 140). В повести «Стародуб» при помощи КЕ автор описывает главного героя – отшельника Култыша: *По годам, по виду Култыш – мужик, а остался всё тем же вроде **не от мира сего** парниш-*

кой (т. 2, 136). В этом же произведении рассказывается о большой засухе в деревне Вырубы, которая влечёт за собой страшную беду – голод. Надежды на тайгу тоже не остаётся, т. к. зверь бежит из неё. Охотник Култыш, живущий в тайге, снабжающий её дарами население Вырубов, сравнивает существующее положение с концом света: – *Мор в тайге. Мо-ор! Всемирный мор, конец свету. Прогневали матушку-кормилицу...* (Там же, 147). В рассказе «Предчувствие ледохода» из цикла «Последний поклон» КЕ *конец света* в составе сравнительной конструкции приобретает значение ‘как в последний раз (делать что-л.)’: ... *той весной Пасха почти состыковывалась с майскими праздниками, гробовозы гуляли, как перед концом света* (т. 5, 21).

Отдельного внимания заслуживает КЕ *геенна огненная*. Интересно её использование в романе «Прокляты и убиты», где показан «...быт воюющего, убивающего друг друга ЧЕЛОВЕКА [выделено автором – А. О.], озверевшего, потерявшего всякое подобие человека» («Комментарии», т. 10, 751). Не случайно в романе происходит мена местами «того света» и «этого», и *геенной огненной* становится война, уничтожающая всё вокруг: *Что-то в тот небесный огонь выплескивалось ярче самого огня, порская, рассыпалось горящими ошметьями – геенна огненная пожирала земные потроха* (т. 10, 368). Более того, автор, описывая быт убивающих друг друга людей, рассуждает о том, что жизнь на войне страшнее самого ада: *Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерч, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой...* (Там же, 381); *Вперёд, только вперёд, на жерла пулёмтных огней, на харкающие миномёты, вперёд, в геенну огненную, в ад – нету им места на самой-то земле – обвальный, гибельный их путь только туда, вон, к рыжеющим бровкам свежесвырытых окопов* (Там же, 470). Таким образом, оказывается, что «этот свет» в повествовании В. П. Астафьева о войне страшнее, чем «тот».

Традиционна для писательской манеры В. П. Астафьева трансформация КЕ, в основном, с целью создания иронии. Напр., в рассказе «Пир после победы» (цикл «Последний поклон») повествователь попадает на территорию роскошной дачи совхоза «Удачный», «в терем, где жируют современные сиятельства». Рассуждая о вождях времён застоя, герой так характеризует их позицию: *Время от времени проторенной дорогой из уединённых куц «Удачного» в крупные вожди следовал очередной деятель местного производства, приучено считая: «Вождю – вождево», а «народу – народово»* (т. 5, 256). В романе «Прокляты и убиты» представлена сцена показательного суда над бойцом Зеленцовым, вступившим в потасовку с капитаном Дубельтом. Серьёзность мероприятия нарушает сам подсудимый, превращая действие в весёлое представление: *Самое весёлое и забавное началось, когда в качестве пострадавшего стал давать показания капитан Дубельт <...> – Мне кажется, он, этот негодай, ударил меня своей головой. – Кажется, дак крестись! – посоветовал Дубельту Зеленцов <...> По залу шевеление, хохоток. Зеленцов обернулся, подмигнул свойски ребятам: то ли ещё будет, друзья мои, ждите и обрячете* (т. 10, 152-153) и др.

В результате взаимодействия близких по значению языковых единиц в астафьевском употреблении иногда имеет место контаминация двух КЕ (например, *суд божий* и *страшный суд*): *Как пропьют Рассею, деревню, себя и портки последние – имя страшный Божий суд будет и проклятье от людей...* («Где-то гремит война», т. 5, 116). Компоненты *страшный* и *божий* в этом случае дополняют друг друга, с целью усиления воздействия на адресата они привносят важное взаимоуточнение – какой суд и кем он будет вершиться. В следующем контексте из рассказа «Не хватает сердца» контаминация, видимо, произошла в силу того, что две КЕ, использованных В. П. Астафьевым, восходят к одной евангельской легенде (*Иуда и тридцать сребреников*): *В тридцать седьмом году мудрое карательное начальство приняло меры: за поимку и выдачу беглого норильца – сто рублей премии или поощрения, так туманно именовались воистину иудины сребреники* (т. 6, 75).

КЕ *царство <царствие> божие <небесное>* и *царство <царствие> ему <ей, им> небесное* восходят и к ветхо-, и к новозаветным текстам и чрезвычайно употребительны в творчестве В. П. Астафьева. В основном эти единицы отражают христианское мироощущение героев и самого писателя, их представления о загробной жизни: *На исходе той памятной ночи я отправился домой, залез на сеновал и уснул, уверенный в том, что... никогда не гаснет свет будущего дня, а за высокой горою, в Царствии Небесном, есть Тот, Кто хранит не только лад и мир на земле, но и думает о будущем рабов Своих...* («Пеструха», т. 4, 317); *Помяни, Господи, новопреставленных рабов Божиих Еремея и Сергея и даруй им Царствие Небесное* («Прокляты и убиты», т. 10, 208) и др. КЕ *царство <царствие> ему <ей, им> небесное* всегда используется в речи персонажей как присловье, ритуальная формула-пожелание умершим оказаться в раю: *И помучилась же ангелица светлая, перестрадала женщина ясная от него, большеголового, ой перестрадала, царствие ей небесное...* («Кража», т. 2, 326); – *Я есть Аганька, тётки Авдотьиной дочь. Маму-то помнишь? Давно уж отмаялась, царство ей небесное* («Вечерние раздумья», т. 5, 368); – *Царство Небесное милой бабушке, – потупясь, произнесла Лерка, зачерпнула ложечкой куты из широкой вазы...* («Печальный детектив», т. 9, 121) и др.

С. И. Ожегов писал, что «авторские» единицы не отделены «каменной стеной» от фразеологии языка. «Часто в процессе употребления “крылатое слово” утрачивает оттенки, связывающие его с представлением об авторе, о колорите контекста или эпохи. В этих случаях, особенно при совпадении с синтаксическими формами и функциями фразеологии языка или при некоторой синтаксической трансформации, “крылатые слова” входят в ряды собственно фразеологии» [Ожегов 1974: 196]. Подтверждением сказанному является фиксация некоторых анализируемых нами КЕ в различных фразеологических словарях, напр., *выпить [испить горькую] чашу [до дна]* (ср. [Бирих 1998: 617], [Молотков 2001: 298]); *геенна огненная* (ср. [Бирих 1998: 108]); *живая душа* (ср. [Фёдоров 1995: 177]); *скрежетать <(за)скрипеть> зубами* (ср. [Фёдоров 1995: 494]); *тьма крошечная* (ср. [Бирих 1998: 578]); *царство <царствие> ему <ей, им>* (ср. [Молотков 2001: 512]) и др.

Наш современник В. П. Астафьев в своём творчестве (особенно после 1970-х гг.) активно использует фонд КЕ-библейзмов. Они значительно обогащают художественную картину его произведений, вносят в неё дополнительную ценностную составляющую. КЕ, функционирующие в текстах В. П. Астафьева, отражают и особенности национальной картины мира. Всё это подтверждает тезис С. Г. Шулежковой: «Крылатые единицы библейского происхождения переживают сейчас период второго рождения. То, что таилось глубоко в памяти народной, что оказывалось не востребуемым многие десятилетия, вдруг встрепенулось, расправило крылья и живёт полнокровной жизнью в художественной, научно-популярной и публицистической разновидностях русского языка» [Шулежкова 2002: 48-49].

Свидетельством признания многих произведений В. П. Астафьева классическими, авторитетными является факт использования цитат из них в качестве иллюстративного материала в одном из самых полных собраний русских крылатых единиц – «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» [см. БСКСиВ 2008-2009].

Источники

Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – 1998.

Литература

Беркова, О. В. Крылатые слова и проблемы их лексикографирования: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Беркова. – Л., 1991.

Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии (Историко-этимологический справочник) / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-пресс, 1998.

БСКСиВ 2008-2009: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2008-2009.

Душенко, К. В. Крылатые слова и цитатный канон культуры / К. В. Душенко // Культурология : Дайджест. – М. : РАН ИНИОН, 1999. – С. 39 – 65.

Молотков 2001: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.] ; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2001.

Ожегов, С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С. И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Высш. шк., 1974. – С. 182 – 219.

Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия.)

Фёдоров 1995: Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Фёдорова. – М. : «ТОПИКАЛЬ», 1995.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА БАЗЕ РУССКИХ ПРИМЕТ И СУЕВЕРИЙ

Проблема образования фразеологических единиц (ФЕ) до сих пор остаётся актуальной в современном фразообразовании. По нашему мнению, до настоящего времени недостаточно полно представлен способ создания ФЕ на основе русских примет и суеверий.

К сожалению, в науке пока ещё нет удовлетворительного определения народной приметы. В толковых словарях *примета* рассматривается как синоним *суеверия*. В. И. Даль в статье-предисловии к своему исследованию «Пословицы русского народа», характеризуя составляющие исследования, даёт определения *пословицам, пословичным изречениям, поговоркам, приговоркам и пустоговоркам, присловьям, скороговоркам, загадкам, прибауткам, пустобайкам*. Но определение приметы отсутствует.

С. И. Ожегов в своём «Словаре русского языка» даёт следующее определение приметы: «1. Примета – отличительное свойство, по которому можно узнать кого-нибудь, что-нибудь. 2. В суеверных представлениях – предвестие чего-нибудь» [Ожегов 1972: 546].

В паремиологии принято определять примету как «клишированное изречение с доминантной прогностической функцией, суть которой – в предсказании будущего» [Пермяков 1975: 256]. На наш взгляд, при таком подходе к примете из рассмотрения исключается целый ряд текстов, направленных не на предсказание будущего, а на предоставление человеку информации об уже свершившихся событиях, напр.: *На могилах праведников и жертв несчастной любви вырастают берёзы*. Учитывая это, мы определяем примету и как истолкование некой ситуации (реальной или увиденной во сне), которое используется носителями традиции для построения своего поведения. Иными словами, примета есть некий знак, символ, образ, интерпретация которого моделирует поведение человека. На адекватность такого понимания указывает и народная терминология: приметы выполняют функции знака, ориентира [Путилов 1994: 12-15]. В примете действует тенденция, свойственная любому фольклорному тексту, к закреплению обобщённой характеристической семантики, отражающей представления о человеке как социально детерминированной личности. Символика примет обусловлена их семантической организацией: примета охватывает грани мира действительного, должного, возможного, желаемого.

Материалом для анализа в данной статье послужили русские приметы из различных словарей и сборников, статей, наблюдений за речью, на основе которых были образованы фразеологизмы.

С точки зрения структуры приметы представляют собой однофразовые тексты, состоящие из двух частей. Можно выделить два типа примет:

а) приметы-толкования, представляющие собой тексты, в левой части которых содержится описание реальной ситуации или сна, а в правой сообщается,

что они означают (в их правой части которых используется настоящее или прошедшее время);

б) приметы-прогнозы, представляющие собой тексты, в правой части которых употребляется будущее время глагола.

Приметы-прогнозы строятся по модели «если есть (было, будет) ...», то, значит, будет/свершится ...»: *если у покойника отрываются глаза, то в доме будет ещё один покойник*. Приметы-толкования построены по модели «если есть ..., значит, есть (было) ...»: *если ворон сел на крышу дома, в доме будет покойник или разорение*.

При всём многообразии примет набор ситуаций, на основании которых люди судят о настоящем или будущем, достаточно ограничен. В зависимости от характера этих ситуаций приметы могут быть сведены к нескольким основным типам.

Можно заметить, что как при создании ФЕ на базе слов, так и при образовании ФЕ на базе переменных словосочетаний, элементы деривационной базы подвергаются семантической трансформации: при фразеобразовании на первом месте стоят семантические процессы.

При рассмотрении примет и суеверий как текстов можно выделить два типа сходства примет и основанных на их базе ФЕ: семантический и структурный. Следовательно, и типы преобразования примет и суеверий в устойчивые словосочетания можно рассматривать с этих точек зрения. При исследовании семантического типа в центре внимания оказались метафора и метонимия, причём не только как художественный приём, но – преимущественно – как способ номинации, порождения новых смыслов, создания языковой картины мира. Считаем целесообразным в данной статье рассмотреть лишь один тип семантического преобразования примет во фразеологизмы.

Известно, что метафора – как бы «смещённое» переносное название предмета на основе его сходства с каким-либо другим. ФЕ, основанные на метафорической соотнесённости, часто называют явления, которые уже имеют прямые наименования. Цель их образования, по нашему мнению, заключается в том, чтобы представить явление образно, с соответствующей экспрессией. Метафорический характер представления, обозначения явлений действительности может иметь либо сочетание в целом, либо отдельные его компоненты.

В процессе образования ФЕ на основе метафорического переноса можно выделить несколько этапов (они не являются обязательными, иногда процесс может ограничиваться только одним из них): 1) употребление в речи переменного сочетания со свободным значением компонентов как регулярного словосочетания; 2) употребление словосочетания как сравнительного оборота, когда начинает складываться значение, которое в дальнейшем приобретает ФЕ; 3) употребление словосочетания с метафорическим значением, которое даётся с опорой на сравнение, с подчёркиванием переносного характера; 4) употребление словосочетания с фразеологическим значением без указаний на основание переноса, поскольку в этом случае толкование ФЕ уже хорошо известно и с этим значением она регулярно воспроизводится в речи.

Процесс образования ФЕ на основе слов русского языка – фразеологиче-

ская дифференциация – в языкознании обычно определяется термином перифраза. А. А. Потебня определял перифразу как «речь околицей», «околично-словие», рассматривая её как метафорическое употребление слов. Перифраза – это конструкция, заменяющая в стилистических целях простую или менее сложную единицу, выражающую то же понятие. Перифразы по сравнению со словами, которые они замещают, как правило, более образны и намного более субъективны. Из разновидностей перифрастических ФЕ нас интересуют лишь табуированные и эвфемистические образования. Процессы, которые наблюдаются при образовании табуированных и эвфемистических выражений, в целом сходны с теми, которые происходят при возникновении собственно перифрастических образований, хотя причины их возникновения особые. Можно выделить три типа подобных выражений: а) обязанные своим появлением чувствому страха (*не к ночи будет помянут*); б) продиктованные чувством деликатности, когда мы говорим о болезни или смерти, физических или моральных недостатках (*Кондрашка / Мирошка хватил /хватила / стукнул /стукнула*); в) вызванные стремлением соблности приличия, запретами называть явления, относящиеся к сексуальной сфере, и определённые части и функции тела.

Таким образом, преобразование русских примет в ФЕ – процесс продуктивный. В основе его лежат семантические преобразования, которые в большинстве случаев связаны с метафоризацией.

Литература

Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов. – М. : Сов. энциклопедия, 1972.

Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1975. – С. 247 – 274.

Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура : моногр. / Б. Н. Путилов. – СПб., 1994.

С. А. Песина

Магнитогорский государственный университет

СОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗМ

Такое объективно существующее положение, когда всё знание создаётся субъективно, и «без человека нет знака», оставляет место для сомнения как в случае традиционных, так и современных подходов. В действительности, мы не можем понять, как мозг справляется с языком, несмотря на усилия огромного числа исследователей разного профиля. О «пустых надеждах» насчёт проникновения в тайны сознания говорят и лингвисты, и философы, исследующие природу ментального, поскольку в реальности «некая система (человек) не в состоянии анализировать себя полностью, разнимая себя на части в прямом смысле с тем, чтобы иметь возможность наблюдать себя со стороны» [Архипов 2009: 121].

В лингвистике, особенно прикладной, считалось, что наше знание языка подобно машине, способной оперировать множеством алгоритмических форм и формул. По этой аналогии цепочки форм отображаются друг на друга в зоне пересечения синтаксиса и семантики. К началу 1970-х гг. сознание уже уподоблялось нейронной программе. С течением времени, однако, стало ясно, что живые существа конструируют понимание в ходе адаптивных процессов. По мнению биокогнитивистов, деятельность сущности человека основана на порождении смыслов; другими словами, она имеет и каузальный, и семиотический характер. Живые действующие существа осмысливают сигналы, которыми они пользуются, потому что их способности определяются «мягкой сборкой» [Thelen, Smith 1994].

В частности, любопытную гипотезу природы сознания предлагает Д. Сёрль, полагающий, что сознание есть ментальное и поэтому физическое свойство мозга, в том смысле, в каком жидкое состояние есть свойство системы молекул. Т. е. тот факт, что некоторое свойство является ментальным, отнюдь не подразумевает, что оно не является физическим.

Д. Сёрль пишет, что лишённые разума частицы материи могут порождать разум в силу своей организации. Подобные кусочки материи структурированы определёнными динамическими способами, и именно динамическая организация создаёт разумность. Отвечая на закономерный вопрос о том, при каких условиях это может происходить, автор приводит пример искусственного воспроизведения формы той динамической организации, которая создаёт разумность: это компьютер. По мнению Д. Сёрля, компьютер порождает интеллект, поскольку выполняет правильную компьютерную программу с правильным вводом и выводом данных в полном соответствии с поведением искусственного интеллекта [Сёрль 2002: 50]. Нужно признать, что природа сознательного понимается Д. Сёрлем весьма оригинально. Сознание, полагает учёный, – это переключатель типа «вкл./выкл.», т. е. та или иная система либо сознательна, либо нет. И если она сознательна, то является в какой-то степени реостатом: имеются разные степени сознания. Так, если человек бодрствует, то он сознателен, если же человек засыпает (без сновидений), находится под общей анестезией или умирает, то его состояние сознания прекращается.

Базисным для взглядов Д. Сёрля является тот факт, что человеческие существа и другие высшие животные суть часть биологического порядка и являются продолжением всей остальной природы. А сознание есть биологическое свойство мозга человека и определённых животных. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественного биологического порядка, как и любые другие свойства вроде фотосинтеза, пищеварения или деления клетки (mitosis).

Надо сказать, что в плане отношения к сознанию как к естественному биологическому феномену взгляды Д. Сёрля прекрасно встраиваются в соответствующие представления генеративистов, с тем отличием, что автор весьма оригинален в своём отношении к природе живого и неживого. Так, генеративист С. Пинкер также считает, что люди знают как говорить приблизительно в том же смысле, в каком ласточки знают, как лепить гнездо, а перелётные птицы

как ориентироваться по звёздам [Пинкер 2004]. А это, в свою очередь, созвучно известным идеям Ч. Дарвина о том, что язык есть вид инстинкта: если язык развился в результате естественного отбора, то он такой же инстинкт, как и все остальные, а языковая способность, соответственно, есть инстинктивная потребность овладевать мастерством, которая присуща не только людям, но и некоторым другим биологическим видам, например, «говорящим» птицам.

Возвращаясь к идеям Д. Сёрля, заметим, что он подвергает сомнению правомерность утверждения о наличии чьей-либо ментальности, если речь идёт о третьем лице: «основываясь на точке зрения третьего лица, некто не смог бы сказать, обладаю ли я вообще какими-либо ментальными состояниями» [Сёрль 2002: 81]. По мнению автора, онтология ментального есть онтология от первого лица. Она является лишь затейливым способом говорить, что каждое ментальное состояние должно быть чьим-то ментальным состоянием.

В каузальном отношении связь между мозговыми процессами и моторной нервной системой является случайной нейрофизиологической связью, как и любая другая. Чуть ниже Д. Сёрль оговаривается, что некоторые исключительно сложные нервные системы способны причинно обуславливать и поддерживать сознательные состояния и процессы [Сёрль 2002: 43]. Имеются в виду исключительно мозговые процессы и связанные с этим соединения нервных клеток.

Итак, субъективно-материалистическая точка зрения Д. Сёрля на природу сознания заключается в признании того, что биологические процессы порождают сознательные ментальные феномены, а последние нередуцируемо субъективны. В этом плане его концепция сознания вполне созвучна марксистским воззрениям: идеальное, по К. Марксу, есть переведённое в голову и переработанное материальное. Обладать сознанием – это то же, что и обладать программой, а ментальные процессы могут быть моделированы вычислительно. Когнитивизмом же автор называет рассмотрение мозга как цифрового компьютера.

Как справедливо указывает А. Дамазио, в настоящее время имеется большой провал в понимании природы сознательного и разумного, и, в частности, в понимании того, как нейронные паттерны становятся ментальными образами. С его точки зрения, понятия *сознание* и *разум* – не синонимы. В строгом смысле, сознание – это процесс, в то время как разум определяется по отношению к тому, что называется личностью (self), и что выступает как наше знание о нашем собственном существовании и о существовании объектов вокруг нас [Damasio 2003].

Как известно, канонической версией классического взгляда на природу сознания является картезианский дуализм, согласно которому сознание и тело не просто отделены друг от друга, но и являются двумя разными сущностями. Первым шагом ухода от чистого дуализма явилось допущение того, что ментальное, хотя оно и отделено от физического, должно иметь какой-то материальный субстрат. При этом сознание, его содержание, а также происходящие в нём процессы, должны быть функцией работы механизма, имеющего физическую природу. Следует признать тот факт, что независимо от того, признаётся физическое основание сознания или нет, в классическом представлении созна-

ние пассивно в том смысле, что его функция заключается в отображении внешних положений дел или в кодировании описаний.

Когнитивисты, точнее биоконгнитивисты, напротив, утверждают, что сознание является, возможно, частью тела так, если бы его телесное размещение было вероятностным условием, не влияющим на его главную функцию: обрабатывать информацию в процессе выработки символически закодированных решений символически сформулированных проблем [Лав 2000]. Отсюда интеллект есть биологический феномен, заключающийся в способах сопряжения организма с миром для получения значимых реакций на ситуации в этом мире. В свете непрерывающегося взаимодействия между телом и его изменяющейся средой сознание как контролирующий орган должно порождать действия, соответствующие этим изменениям [Clark 1997].

Исследователи справедливо указывают, что область «ментального» не делится на актуальные ячейки, а само сознание не является пассивным вместилищем нависающего над ним свода картины мира. Скорее, ментальное сложным образом вплетено в тело, мир и действие: сознание состоит из структур, осуществляющих операции над миром через их участие в детерминировании действия [Clark 1997]. Мы, как явление объективного мира вышли из него, однако «наш удел судить о нём не непосредственно, но лишь изнутри ‘кокона’ нашего сознания» [Архипов 2009]. При этом мыслительная способность ситуативна, она осуществляется телесными существами, действующими в конкретной физической среде.

Биоконгнитивисты полагают, что знания нет за пределами живого организма. Оно непосредственно связано со своим субстратом – нервной тканью. Точнее оно является эффектом изменения её состояния. Знание изменяется – расширяется или сужается – в силу врождённой способности к научению. Стимулом подобных изменений и процессов является не «поток» поступающей извне информации, а сигналы. Сигналы воздействия материальных предметов на наши органы чувств не передают знания в прямом смысле. «Будучи свойством нервной ткани, мысль, значение, понятие и пр. не могут быть отделены от неё (нервной ткани) как нельзя отделить цвет от тканей помидора» [Архипов 2009: 108].

В этой связи, как нам видится, можно утверждать, что речемыслительная деятельность человека осуществляется **языковым организмом** человека, под которым понимается та часть мозговой деятельности, которая наряду с нервной системой, речедвигательным аппаратом и телесным функционированием отвечает за речевую деятельность.

В языковой организм как главное средство коммуникативной адаптации человека входит речь как результирующая составляющая, которой предшествует на более высокой ступени абстракции язык как индивидуальная и вместе с тем социальная сущность. Мышление, включающее процесс формирования и функционирования концептов, является основной составляющей языкового организма. Концепты как часть языкового организма включают конкретно-чувственные образы, представления (мыслительные картинки), схемы, понятия, пропозиции, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты и другие мыслительные формы.

Думается, что неучёт работы нервной системы, как и всего тела (язык телодвижений), функционирующих как открытый радар, ведёт к фрагментарным исследованиям, не давая полной комплексной картины функционирования речемыслительного аппарата. Кроме того, языковой организм должен содержать связующие средства в качестве схем фраз и предложений, т. е. то, что служит синтаксическому построению речи.

Поскольку разум формируется в мозге, который является частью организма, разум – это часть единого аппарата, но он не сводится к манипулированию с абстрактными символами: тело, разум и мозг представляют собой манифестацию одного и того же организма. Их можно различать для научных целей, но в действительности они неразрывны в нормальных ситуациях функционирования.

Что касается сознания, то оно включает ментальный, языковой и психический ресурсы, обладая свойством распределённости. Сознание стоит ближе к языку, оно упорядочено не только и не столько структурой действительности и структурами человеческой деятельности, сколько спецификой языка и системными отношениями в нём. То же распространяется и на системы концептов, которые, являясь принадлежностью сознания, по мнению некоторых авторов, оказываются достаточно автономными от деятельности, опыта и мира; «они выстраивают свои системные связи и отношения друг с другом, типологизируются по содержанию, сходству и различиям не относительно отражаемых ими миров, а относительно способа их языкового выражения» [Лакофф, Джонсон 1980].

Термин «сознание» должен употребляться не для обозначения абстрактных свойств мозга, а для обозначения осмысленных способов взаимодействия с физическим миром и миром общественных отношений – например, «решений, принимаемых людьми, их намерений, сомнений, искушений» [Hacker 1990 136].

В целом нужно отметить, что всё вышесказанное призвано привлечь внимание к необходимости учёта физиологической составляющей человека, изучения широкого диапазона отделов его нервной системы, участвующих в формировании актуального знания индивидуума о воспринимаемом предмете или явлении.

Литература

- Архипов, И. К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания / И. К. Архипов // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Иркутск : БГУП, 2009. – Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – С. 100 – 153.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры* / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1980. – С. 387 – 416.
- Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер ; пер. с англ., общ. ред. В. Д. Мазо. – М. : Едиториал УРСС, 2004.
- Damasio, 2003
- Сёрль, Д. Открывая сознание заново / Д. Сёрль ; пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М. : Идея-Пресс, 2002.
- Clark, A. Being There: Putting Brainm, Body and World Again / A. Clark. – Cambridge, MA : MIT Press, 1997.
- Damasio, A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Orlando, Austin / A. Damasio. – NY etc. : Harcourt, 2003.

Hacker, P. M. S. Chomsky's Problems / P. M. S. Hacker // Language and Communication-10. – 1990. – P. 127 – 148.

Thelen, E. A Dynamic System Approach for the Development of Cognition and Action / E. Thelen, L. Smith. – Cambridge, MA : MIT Press, 1994.

И. В. Петрова

Магнитогорский государственный университет

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА)

В настоящее время сфера церковно-религиозной общественной деятельности активно входит в нашу жизнь и раздвигает свои границы. «Коммуникация в этой сфере включает, с одной стороны, произнесение различных канонических богослужебных текстов, воспроизведение молитв и песнопений <...> а с другой стороны – выступления священнослужителей перед массовой аудиторией по радио, на митингах, по телевидению, в Государственной Думе, во время обряда освящения школ, больниц, офисов и т. д.» [Кожина 2003: 612]. В итоге в современной литературе по стилистике появилось указание на церковно-религиозный стиль и было снято распространённое ранее мнение, что данная сфера обслуживается не современным русским, а церковнославянским языком. В таком, на первый взгляд, формальном акте отразилось возрождение церковно-религиозных традиций в общелитературном языке, подготовленное изменениями в общественной жизни. Последнее обуславливает и некоторую трансформацию языка церковно-религиозной сферы. В результате создаются тексты, помогающие современной языковой личности привыкнуть к далеко не всегда понятному ей языку церкви.

Расширение области распространения религиозной коммуникации способствовало актуализации некоторых специфических жанров, соотносимых с данной коммуникативной сферой – молитва, исповедь, проповедь и др. Анализ жанра православной храмовой проповеди посвящена большая часть современных филологических работ, однако проповеднические тексты выступлений патриарха Московского и Всея Руси Кирилла не становились ещё материалом специального исследования. В настоящей работе выявляются только некоторые особенности лексики и фразеологии храмовых проповедей патриарха.

Рассмотрение исследуемого материала проповедей в аспекте категории темы и композиции (для православной проповеди они были определены в [Ицкович 2007]) позволило сделать следующие наблюдения. В храмовых проповедях патриарха Кирилла осуществляется сопряжение лексики и фразеологии, поддерживающей предметную тему (она связана с отражением реального события, значимого для аудитории в религиозном контексте), с лексикой и фразеологией, организующей духовную тему (она отвечает за реализацию сути христианского вероучения на базе лексемы *Бог* и наименования нравственных по-

нятий христианства: *вера, надежда, любовь, спасение, милосердие, грех, покаяние* и др.). Если предметная тема отражает события реальной действительности, произошедшие с реальными историческими лицами в разные периоды христианской истории и вошедшие в религиозный контекст христианства, то выделяются следующие группы: наименования событий библейской истории (*рождение Спасителя, крещение Господне, воскресение Господа*), наименования Бога-Сына (*Христос-Спаситель, Иисус Христос, Господь и Спаситель, Сын Божий, Слово Божие* и др.), наименования качеств и свойств Бога (*воля Божия, благодать Божия, правда Божия, Божия тайна* и др.), географические названия (*Голгофа, Вифлеем, Израиль, Иордан*) и др. Если же в предметной теме происходит обращение к событиям современной для проповедника жизни, то лексико-фразеологическое поле темы включает в себя обозначения реалий окружающей среды. Так, в тексте проповеди от 4 апреля 2010 г., прозвучавшей после Пасхальной вечерни в Храме Христа Спасителя, патриарх упоминает о детском доме-интернате, который он посетил. Эта тема представлена следующими лексическими и фразеологическими единицами: *жертвенность, любовь, персонал, внешний мир, в Царствии Божием, дети с Богом, синдром Дауна, сотрудница детского дома, тяжелобольные дети, церебральный паралич, церковные добровольцы* и др. [Пасхальная вечерня [http](http://www.patriarchia.ru)]. Нередко в проповедях патриарха Кирилла обнаруживается совмещение предметных тем (примеров библейской истории и событий современности), что отражается в сопряжении лексико-фразеологических полей, их организующих. Так, в проповеди от 9 мая 2010 г., завершившей Божественную литургию в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя, патриарх вспоминает чудесное исцеление Иисусом слепого. В церковном календаре это событие совпадает с празднованием в современной России 65-летия Победы. Наименования событий и участвовавших в них лиц (*Спаситель, Господь, ветераны; те, кто жизнь свою отдал на поле брани, в плену, в заточениях*), единицы, содержащие оценочную составляющую в своём значении (*неизмерима бездна человеческого страдания, налагает на людей печать особого страдания, избавил его от болезни без особых заслуг со стороны того человека* и др.), репрезентируют предметные темы [Патриарх о ВОВ [http](http://www.patriarchia.ru)].

Духовная тема в проповеднических текстах патриарха Кирилла эксплицируется следующими группами лексики: именами Бога во всех его ипостасях (*Мессия, Бог-Творец, Дух Святой, Господь-Бог* и др.), лексемами и фразами, обозначающими должную модель поведения (*благодать, любовь, жертвенность, милость, страх, служить Богу, исповедать Господа и Спасителя, благодарить Бога, прославлять Бога, просить милости, хранить веру, возносить молитву ко Господу, причащаться Святых Христовых Тайн <тела и крови Христовых>, уповать на волю Божию, обрести зрение, обрести веру, раскаяться в грехах, жить по закону Божию* и др.), словами с общей семантикой греха (*грех, злоба, преступления, покаяние*) и др.

Патриарх Кирилл часто прибегает к приему противопоставления в разработке тем, который репрезентируется антонимическими группами слов и фразем (*добро – зло, святость – грех, небесное – земное, смерть – жизнь, внутреннее, духовное зрение – физическое зрение, приходит к нам в голову – улету-*

чивается, грехи вольные – грехи невольные, материальная сторона жизни – духовная сторона жизни, земное бытие – вечное бытие, силы духовные – силы телесные, Дух Божий – дух дьявольский, этот мир – мир иной и др.). Так, в проповеди «Большое вознесение» (от 13 мая 2010 г.) патриарх вспоминает событие, которое завершает пребывание на земле Иисуса Христа. При этом в проповеди используются лексемы, вступающие в антонимические отношения друг с другом: удалиться видимым образом, видимая победа, видимый триумф, видимый мир, здесь Христос, окончание земного существования, физическое время – достаточно было стать невидимым, там Христос, тайна Царствия Божия, святые времена, у Бога нет времени, черта жизни и смерти и т. д. [Проповедь 13 мая http].

Отдельно следует отметить активное использование патриархом Кириллом образных фразеологизмов и тропов при разработке тем. Так, для современной храмовой проповеди характерно частое употребление эпитетов (божественная энергия, преображенная красота, духовный учитель, духовная бдительность, духовный заряд, духовное измерение), постоянных эпитетов (обильный плод, спасительный путь, вечное спасение, лёгкая добыча, святая обитель, вечная жизнь), сравнений (как дети воспринимаем слово Божие; плотская страсть, как некая внутренняя бомба; словно из непамяти восстановленных храмов, звучат как набат) в аргументативной части поучения. Своеобразна метафорика проповедей. Здесь можно выделить 1) метафоры, близкие современному человеку, его повседневной жизни (открыть своё сердце, закалять волю, свет разума, принять умом и сердцем, школа жизни, частица моей жизни, струны моего сердца, встать с колен, из глубины сердца, склад ума, книга жизни, дальше носа своего не видеть, угол зрения, возвращаться на круги своя, опускать руки), 2) метафоры библейского и церковного происхождения (бездна греха, дар благодати, семена веры, взойти на крест, довести до креста, нести свой крест, пленяться Божественной истиной, сила духа, знак надежды, человек – хрупкий сосуд, крест патриаршего служения, хранить веру, делатели Его виноградника, горнило искупления, идти против Бога – бессмысленное махание руками), 3) развёрнутые метафоры (всем тем, кто пребывает в спасительной ограде виноградника Христова; каждая новая кровь, проливаемая за Христа, сеяла обильно семена веры, и собиралась жатва; плотская страсть взрывает огромное число человеческих жизней; вера – это сила, которая в нас входит тогда, когда мы становимся способными уступить свое центральное место Богу и другому человеку; бессмысленная трата энергии – это некая ветряная мельница, которая не производит ничего, а устанавливаемая неизвестно по какой причине, ловит потоки ветра, вращается, и огромная энергия производится и расходуется впустую).

Духовную и предметную темы, иерархически сопряжённые, обрамляет в проповедях патриарха Кирилла ситуативная тема: название религиозного праздника (праздник Светлого Христова Воскресения, праздник иконы Божией Матери, праздник Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и др.), упоминание о месте и времени, когда произносится проповедь (сегодня, в этом храме), название действия (празднуем, отмечаем,

проводим и др.). Напр., в проповеди «13 мая 2010 года, в праздник Вознесения Господня» ситуативная тема впервые возникает в заголовке. Далее патриарх произносит: «*Радуюсь тому, что в престольный праздник имел возможность совершить богослужение в храме «Большое Вознесение» в Москве, известном своей славной историей*», – обозначая тем самым ситуативную тему. Ещё раз номинация ситуативной темы представлена в заключении: «*Праздник Вознесения – это праздник эсхатологический, он относит нашу мысль в будущее*» [Проповедь 13 мая http].

Предварительный анализ лексики и фразеологии храмовых проповедей патриарха Кирилла показал, что в них значителен момент агитационной направленности (он реализуется в духовной теме) при отсутствии высокой информативности (предметные темы). Проповедуя слово Божие, патриарх стремится воздействовать на сознание слушателей и убедить их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Именно поэтому аргументативная часть проповеди усиливается образными лексико-фразеологическими средствами.

Литература

Ицкович, Т. В. Православная проповедь как тип текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Ицкович. – Екатеринбург, 2007.

Кожина 2003: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – М. : Флинта : Наука, 2003.

Пасхальная вечерня http: Патриаршее слово после Пасхальной вечерни в Храме Христа Спасителя // Русская Православная церковь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1131478.html>. – Загл. с экрана.

Патриарх о ВОВ http: Святейший Патриарх Кирилл: «Великая Отечественная война явила нам Божию правду о нас самих» // Русская Православная церковь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1157282.html>. – Загл. с экрана.

Проповедь 13 мая http: Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в храме Вознесения Господня у Никитских ворот // Русская Православная церковь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1158772.html>. – Загл. с экрана.

А. М. Плотникова

Уральский государственный университет

УСТОЙЧИВЫЕ ОЦЕНКИ ИЗВЕСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Многие виды социальной деятельности направлены на получение одобрения окружающих, признание заслуг, моральное поощрение. К лексическим маркерам, репрезентирующим концепт «слава, известность», относятся оценочные прилагательные *известный, видный, знаменитый, популярный, прославленный, знатный, выдающийся* и др. Такие прилагательные используются в со-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Рособразования в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» 2.1.3/5556 и гранта РГНФ № 08-04-00145а.

ставе устойчивых формул идентификации специалиста в разных профессиональных сферах, напр.: *Т. Н. Герасимова – известный учёный, крупный специалист в области синтетической органической химии, доктор химических наук, профессор; Знаменитый врач и естествоиспытатель Парацельс был ещё и художником.*

В учебной и научной литературе существует традиция употребления оценочных прилагательных с семантикой известности. Справка об авторе, помещённая на форзаце некоторых изданий, часто содержит оценку его заслуг. Напр.: *Пищальникова Вера Анатольевна – известный специалист в области психолингвистики; В этой книге представлены избранные работы виднейшего отечественного лингвиста академика РАН Натальи Юльевны Шведовой.* И. С. Куликова и Д. В. Салмина отмечают свойственную энциклопедическим словарям оценочность, обнаруживаемую в биографиях исторических лиц: «В нашей картине мира оценочность, как только она проецируется на историческое лицо, приобретает неизбежно рейтинговый характер: такой-то гениальный, а такой-то талантливый или всего лишь способный, другой знаменит, а кто-то славен и велик» [Куликова 2009: 145]. Авторы этой работы рассматривают принципы ранжирования известности в текстах нескольких энциклопедий.

Следует отметить, что отдельные аспекты ранжирования заключены в лексических значениях прилагательных, что находит отражение и в словарях синонимов. Так, в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой синонимический ряд с доминантой *известный* выглядит следующим образом: *известный, популярный, знаменитый, прославленный, славный, знатный, именитый, мировой.* При характеристике значений отмечается, что *известный* – пользующийся известностью, всеобщим признанием; *знаменитый* имеет усилительное значение, пользующийся очень широкой, большой известностью; *прославленный* и *славный* указывают на высшую степень известности и признания [ССРЯ 1970: 419]. Однако не только интенсивность оценочного признака является способом дифференциации значений.

Рассмотрение контекстных употреблений исследуемых оценочных прилагательных позволяет говорить о некоторых семантико-прагматических и лингвокультурологических особенностях этих слов, определяющих их функционирование как устойчивых лексических маркеров известности человека.

Во-первых, состав данного синонимического ряда претерпел некоторые изменения, обусловленные идеологическими причинами. Практически вышло из употребления прилагательное *знатный*, о котором в словаре синонимов А. П. Евгеньевой сказано как о широкоупотребительном слове для характеристики названий лиц по профессиям, занятиям (*знатная ткачиха, знатный ставленник*). В современном употреблении это слово часто воспринимается как советизм и используется с ироническим значением, напр.: *Как правило, знатные функционеры какой-либо партии уже не стесняются публичных контактов с представителями крупного бизнеса* (газета); *Я, конечно, знатный кошковод, ничего не скажешь, приходится каждый вечер в справочной литературе рыться* (разг.).

В состав исследуемого синонимического ряда вошло слово *звёздный*, перешедшее из разряда относительных прилагательных со значением ‘такой, который относится к звезде – популярному человеку’ в разряд качественных со значением ‘популярный’, напр.: *Надо сказать, что на лицах звездных гостей, не обнаруживших в сервировке знаменитых армянских коньяков, изобразилось нескрываемое разочарование* (Г. Шергина).

За прилагательным *культовый* и *модный* также закрепилось значение ‘пользующийся широкой, известностью, популярностью’, напр.: *Театр им. Ленсовета переживает: на премьеру «Кровать для троих» намерен явиться сам автор – модный, культовый сербский драматург Милорад Павич* (газета).

Во-вторых, наблюдаются семантические расхождения, что даёт возможность выделить в составе исследуемой группы прилагательных несколько подгрупп по основанию оценки. Оценка может носить **рационально-интеллектуальный характер**, что свойственно словам *выдающийся, видный, талантливый, гениальный, большой, блестящий, блистательный, недоуменный*, которые используются для характеристики интеллектуального потенциала человека. Интеллектуальная оценка носит градуальный характер: от необычности интеллектуальных способностей, наличия у человека таланта, природных способностей, которые выделяют его среди других людей, делают видным, крупным, до фиксации его гениальности, выдающегося вклада в развитие какой-либо науки, искусства.

Психологический, эмоциональный характер оценки свойствен прилагательным *народный, любимый, легендарный, прославленный, славный*, в значениях которых фиксируется узнаваемость человека, интерес к нему. Социально-прагматической (выделить???) оценкой характеризуются слова *популярный, знаменитый, звёздный, культовый*, так же как и фразеологизм *медийное лицо* – человек, ставший популярным благодаря телевидению. В «Новом объяснительном словаре синонимов» при сравнении синонимических рядов с доминантами *известный* и *популярный* отмечается: «Оценка какого-то человека или предмета как *известного* может сохраняться на протяжении длительного времени, даже если социум теряет к нему интерес. Оценка *популярный* сохраняется ровно столько времени, сколько держится интерес к нему со стороны общества» [НОСС 2004: 421].

В-третьих, обращает на себя внимание сочетаемость оценочных прилагательных, которая носит во многом устойчивый характер. Напр., прилагательное *популярный* употребляется по отношению к актёрам, спортсменам, писателям, т. е. тем людям, чья профессиональная деятельность носит публичный характер; популярность предполагает известность человека в определенной среде в определенное время. Прилагательные *видный* и *крупный* употребляются с именами *учёный, специалист, общественный деятель* (вряд ли возможно *видный фотограф, видный учитель, крупный космонавт, крупный виолончелист*). Словосочетание *великий поэт* может использоваться без упоминания имени, при этом чаще всего оно характеризует А. Пушкина, напр.: *Задумываясь над секретом Зубра, убеждаешься, что в нём было развито имен-*

но самостоянье – слово, изобретённое великим поэтом (Д. Гранин); Далеко не каждый может осенью, подобно великому поэту, радоваться «пышному природу увяданью» (газета).

Помимо лексических маркеров известности, идея славы реализуется в русской фразеологии через использование образа лаврового венка (*увенчанный лаврами*) или сенсорных образов звучания и света (*громкое имя, наделавший шума, блестящие умы*), среди которых наиболее частотным является образ звезды (*звезда первой величины, восходящая звезда, звёздная болезнь*).

В русской паремиологии закреплёно двойственное отношение к славе и известности. С одной стороны, оно основано на отрицательном отношении к нескромным людям, которые склонны к хвастовству и преувеличению своих достоинств. В пословицах отражена опасность славы: *Хорошо жить в почёте, да ответ велик; Чем больше чести, тем больше напасти; Слава голову кружит; Добрая слава лежит, а худая бежит*. С другой стороны, в пословицах и поговорках отражено уважение к людям, пользующимся известностью благодаря своим заслугам, перед которыми *снимают шапку и преклоняют колена: Кого уважают, того и почитают; По заслугам и почёт*.

В современных публицистическом и электронном дискурсах (блогах, форумах, чатах) известность и слава обладает несомненной ценностью, что доказывается наличием множества статей с заголовками «Как стать звездой?», «Как стать знаменитым?», «Хочешь стать знаменитым? Стань им!» и т. п. В подобных текстах часто культивируется идея достижения известности без затраты усилий, напр.: *Хотите быстро стать знаменитым? Таким же, как Стивен Сигал или Исаак Ньютон, но без утомительных спортивных тренировок или научных исследований? Это элементарно. Главное – шумно начать*. Не оценивая произошедшие изменения в системе традиционных ценностей, отметим лишь, что современные медиа-тексты вытесняют принадлежащее Б. Пастернаку крылатое выражение о бренности славы *Быть знаменитым некрасиво* в область иронического, утверждая престиж славы и популярности.

Литература

Куликова, И. С. Оценочность как компонент культурной сверхинформации в «Настольном словаре-справочнике по всем отраслям знания» Ф. Толля (механизм экспликации) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы всерос. науч. конф. / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2010. – С. 141 – 147.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

ССРЯ 1970: Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970. – Т. 1.

А. В. Прокофьева
Магнитогорский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИХОПЕСНЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО К ДИСКОСПЕКТАКЛЮ ПО СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СПЕЦКУРСА ПО ФРАЗЕОЛОГИИ)

Формирование филологической компетентности будущего учителя начальных классов – одна из важных задач вузовского педагогического образования. Развитию языкового чутья студента способствует изучение функционирования языковых единиц (в нашем случае фразеологических единиц, далее ФЕ)¹ в художественном тексте. Подобная работа проводится в рамках спецкурса по фразеологии, а в качестве иллюстративного материала используются стихопесни талантливого барда В. С. Высоцкого, чьё виртуозное обращение с фразеологизмами отмечено многими высококоведами.

Несколько занятий посвящено особенностям трансформаций ФЕ в стихопеснях к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Содержательные, оригинальные, ироничные, тексты песен дают широкий простор для фразеологического анализа, к тому же в некоторых из них ФЕ являются идейно-тематическим стержнем всего произведения, или его *фразеологической доминантой* [термин наш – А. П.].

Студенты, уже знакомые с основными фразеологическими понятиями, находят и анализируют примеры, где ФЕ употреблены без изменения структуры и семантики: *Даже Алиса ответит едва ли: / Что остаётся от сказки потом...; Всё равно я ужасно скучаю! / Сэр! Возьмите Алису с собой!; И Джими и Билли, конечно, решили / Закапывать яблоки в поте лица; Таких имён в помине нет; Примите в знак почтения / Заборные творения!; И просто кондрашкахватила пашу, / Когда он узнал, что ещё я пишу, / Читайте, пою и пляшу*. Использование нетрансформированных ФЕ делает язык героев богаче и красочнее, столкновение фразеологизмов в одном контексте приводит к созданию комического эффекта: *Чеширский кот – совсем не тот, кто чешет языком* (каламбур основан на звуковом сходстве компонентов ФЕ *Чеширский кот* и *чесать языком*). В перечисленных примерах ФЕ является ещё и средством характеристики персонажа.

Следующий этап работы – квалификация ФЕ, подвергшихся индивидуально-авторским преобразованиям. Заметим, что в настоящее время вопрос о видах структурных и структурно-семантических трансформаций достаточно глубоко разработан и освещён во многих исследованиях (И. М. Абрамович, Н. Ф. Алефиренко, Н. Т. Баканова, Е. А. Бахмутова, В. Н. Вакуров, Л. М. Болдырева, Л. Г. Золотых, А. В. Кунин, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский, С. Г. Шулежкова и др.). Обстоятельную характеристику типов трансформаций ФЕ дают А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в словаре «Фра-

¹ Автор статьи – сторонник широкого подхода к фразеологии.

зеологизмы в русской речи» [1997].

В. С. Высоцким использованы следующие типы трансформаций ФЕ: расширение компонентного состава, лексическая и грамматическая замена компонентов, инверсия, буквализация (дефразеологизация), двойная актуализация, контаминация, употребление ФЕ в основе развёрнутой метафоры (образная экспликация ФЕ), повтор ФЕ, переосмысление (обновление семантики, семантическая трансформация), поляризация, погружение ФЕ в несвойственный ей лексико-стилистический контекст. В результате названных трансформаций происходит обновление эмоционально-экспрессивной окраски ФЕ.

Приведём примеры некоторых трансформ, встречающихся в песнях к дискоспектаклю «Алиса в Стране Чудес».

Растяжение формы ФЕ: *Все должны до одного / Числа знать до цифры пять...; С ней у доски всегда беда / Ни бе ни ме, ни нет ни да...*

Грамматические и лексические замены компонентов: И даже пробуют ходить на головах / Антиребята, антимамы, антипапы (ср. *ходить на голове* – ‘проказничать, озорничать, шалить’. Обычно о детях [Молотков 1987: 509]); *Сзади троечник сопит, / Голова – три уха!*.. (ср. ФЕ *голова – два уха*); *Дым из барабанных перепонок* (метонимическая замена в ФЕ *дым из ушей (валит)*); *Не в свои сони не садись* (не в свои сани не садись – каламбурная замена компонента паронимом); *Мы неточный план бралим и / Он ползёт по швам – там-тирам...* (ср. ФЕ *трещать по швам*).

Образование по существующей в узусе модели: *И так от лодыжек дрожу до ладошек, / а мне говорят по терьеров и кошек* (исходная модель с головы до ног (пят)); трансформация обусловлена рифмовкой *кошек – ладошек*); *А главный вопрос лягушат: Впустить – не впустить?* (исходная модель *Быть или не быть*).

Образование окказиональных трансформ: *Эй, вы, синегубые! / Эй, холодноносые! / Эй вы, стукозубые! И дыболодые! Эй, мурашкокожаные / Мерзляки, мерзлячки!; На пяти ногах идёт / Голова – два уха. / Болова, / Холова, / Долова – два уха.*

Совмещение буквального и фразеологического значения: *Чтобы не попасть в капкан, / Чтобы в темноте не заблудиться, / Чтобы никогда с пути не сбиться, / Чтобы в нужном месте приземлиться, / приводниться, – начерти на карте план; Когда провалишься сквозь землю от стыда, / Иль поклянешься: / «Провалиться мне на месте!» – / Без всяких трудностей ты попадёшь сюда, / А мы уж встретим по закону, честь по чести.*

Погружение ФЕ в несвойственный ей лексико-стилистический контекст: – *Погибаю, баюшки-баю!* / – *Дым из барабанных перепонок!* / *Замолчи, визгливый поросёнок, / – Я тебя, бай-баюшки, убью!* В данном примере междометная ФЕ обновляет свою эмоциональную окраску, семантику и воспринимается уже не как традиционный припев к колыбельной песне в значении ‘спи, засыпай’ [Ожегов 2005: 34], а как восклицательное междометие.

Обновление семантики ФЕ: *Я здесь какмышь промокла, / Продрогла как собака* (ср.: дрожать от холода, как собака [Огольцев 2001: 615]; быть мокрым какмышь – от пота: плывущаямышь вымокла от воды и (метафорически)

от усталости [Огольцев 2001: 383]). Наряду с устойчивыми ФЕ-сравнительными оборотами поэт создаёт свои единицы: *как укушенные, как пули в обойме, как карты в колоде.*

В песнях В. С. Высоцкого комплексные преобразования ФЕ, безусловно, преобладают. Так, распространённая у В. С. Высоцкого контаминация всегда соседствует с другими приёмами преобразования, напр., с лексической заменой компонентов: *Вот и ношусь я взад-вперёд как заяц угорелый* (образование трансформы произошло на базе ФЕ *как угорелый* и *как угорелая кошка*). ФЕ *как угорелая кошка* имеет значение ‘в исступлении, бессмысленно (бегать, метаться и т. п.)’ [Молотков 1987: 210], ФЕ *как угорелый* – значение ‘очень быстро, поспешно, беспорядочно, суматошно (бегать, метаться, носиться и т. п.)’ [Там же: 489]. Если говорить о градации этих фразеологизмов, то в ФЕ *как угорелая кошка* обстоятельство признак выражен сильнее, чем в ФЕ *как угорелый*. Данные ФЕ являются синонимами, отличие заключается лишь в наличии у одной из них дифференциальных сем ‘бессмысленно’, ‘в исступлении’. В результате в текст привносится элемент комического сумасшествия, которое, по словам Чеширского Кота (*Все мы здесь немного сумасшедшие*), было свойственно героям сказки. Белый Кролик заявляет о себе, что он носится *как заяц угорелый*. Действительно, зайцу, как дикому животному, более свойственно подобное суматошное поведение, нежели такому ленивому и не очень подвижному домашнему зверьку, как кролик. Так что лексическая замена здесь вполне оправдывается сказочной ситуацией, в которой оказался главный герой. Сам Л. Кэрролл сознательно противопоставил своего героя Алисе: чертами его характера были «боязливость, слабоумие и нервная суетливость» [Кэрролл 1991: 19].

Контаминация, наряду с лексической заменой компонентов, присутствует и в строчке из песни «Марш антиподов»: *Стоим на пятках твёрдо мы и на своём*. Образование трансформы происходит на базе ФЕ *стоять на своих ногах, стоять на своём*. Однако данной двойной контаминацией трансформация не ограничивается, поэт подключает ещё и видоизменённое крылатое выражение сталинской эпохи *Кто не с нами, тот против нас: Стоим на пятках твёрдо мы и на своём, / Кто не на пятках, те – антипятки!* (вариант последней строки – *И кто не с нами, те – антипятки!*).

Особенно характерна для В. С. Высоцкого экспликация образной основы ФЕ, при которой происходит «раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой фразеологизма». При этом фразеологическое значение, его индивидуальное употребление сопоставляется с мотивирующей его, “порождающей” ситуацией. Таким образом, прослеживается, выявляется процесс переноса значения, охватывающий определённую композиционную часть текста» [Фразеологизмы в рус. речи 1997: 22]. В песнях к дискоспектаклю мы неоднократно сталкиваемся с данным приёмом. Для студентов же его комментирование представляет определённую сложность, так как в результате применения экспликации возникает многоплановое восприятие смысла и появляется подтекстная информация. Напр., в рефрене «Королевского шествия» *Падайте лицами вниз, вниз! / Вам это право дано: / Пред Королём падайте ниц, – / В слякоть и грязь – всё равно!* употреблены две ФЕ: *не уда-*

речь в грязь лицом и всё равно. Но в зачине песни присутствует ещё одна ФЕ – упасть на колени: Нет-нет, у народа не трудная роль: / Упасть на колени – какая проблема?! Без изменения семантики остаётся лишь ФЕ всё равно, остальные единицы подвергаются комплексной трансформации. ФЕ не ударить в грязь лицом дефразеологизировано (ср. узуальное значение ‘не оплошать, не осрамиться’ [Молотков 1987: 490]). Фразеологизм упасть на колени претерпевает изменение значения в результате семантической контаминации с ФЕ преклонить колени. При этом значение ФЕ упасть на колени ‘умолять, просить колго-л. о чём-л.’ [Молотков 1987: 308] в тексте не реализуется в отличие от толкований ФЕ преклонить колени: ‘1. Покоряться, смиряться, признавать чью-л. власть над собой; 2. С уважением, почтением относиться к кому-л. или чему-л., признавать величие, достоинства кого-л. или чего-л.’ [Молотков 1987: 352]. Думается, что в песне используются значения именно ФЕ преклонить колени: герои признают королевскую власть и преклоняются перед ней.

Коннотация оборота не ударить в грязь лицом в результате трансформации и погружения в песенный контекст поляризуется: упасть лицом в грязь оказывается вовсе не зазорно, а напротив, лишний раз демонстрирует высшую степень преклонения перед правящими мира сего: раболепство возводится в символ, сказочный гротеск становится реальностью.

Таким образом, исследуя особенности индивидуально-авторских преобразований ФЕ, анализируя их роль в передаче темы и замысла, студенты с интересом погружаются в поэтический мир В. С. Высоцкого и порой совершают для себя настоящие открытия в области лингвистики.

Источники

Высоцкий, В. Собрание сочинений : в 2 т. / В. Высоцкий ; под ред. А. Е. Крылова. – Екатеринбург : ТОО «У-Фактория», 1997.

Литература

Кэрролл, Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл ; пер. с англ. Н. Демуровой. – М. : Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит., 1991.

Молотков 1987: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.] ; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1987.

Огольцев 2001: Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО «Рус. словари» : «ООО Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2001.

Ожегов 2005: Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005.

Фёдоров 1995: Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Фёдорова. – М. : «ТОПИКАЛЬ», 1995.

Фразеологизмы в рус. речи 1997: Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи : слов. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. словари, 1997.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ОТВЛЕЧЁННОСТИ

Глубинная динамичность фразеологизма выражается в его постепенном движении от однозначности к многозначности. Исследование полисемии в течение многих десятилетий является приоритетной задачей семасиологии. Обширная научная литература, посвящённая различным аспектам изучения многозначности, несомненно, свидетельствует о неослабевающем интересе учёных к этому языковому явлению. Причиной этого стал особый статус полисемии в структуре языка. Считается, что подавляющее большинство слов любого современного живого языка, имеющего длительную литературную традицию, являются словами многозначными, что многозначность слова – одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще, что около 80 % слов русского или польского, французского или испанского, английского или немецкого языков многозначны [Будагов 1974: 117-123].

Существующая в современной лингвистике теория полисемии, получившая отражение не только в научной, но и в учебной литературе, формировалась в 60-80-е гг. XX в. в рамках семасиологического подхода к изучению лексического состава языка. Именно в это время были написаны классические работы по теории полисемии В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелёва, Л. А. Новикова, опубликованы монографические исследования и учебные пособия, посвященные отдельным аспектам полисемии [Задорожный 1971; Литвин 1984; Ольшанский 1982; Селиверстова 1975; Чудинов 1986 и др.].

Общепризнанным стало положение о том, что многозначность является системным свойством не только лексемы, но и фразеологизма. Теория полисемии фразеологической единицы изложена в работах В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, В. П. Жукова, В. М. Глухова, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, А. М. Чепасовой, Л. П. Гашевой, Г. А. Шигановой, Е. Р. Ратушной и мн. др.

В стадии решения находится вопрос о том, каков процент многозначных фразеологизмов в русском языке. Судя по нашим данным, многозначные предметные фразеологизмы составляют 10 % от всего количества единиц анализируемого семантико-грамматического класса. Низкий процент многозначных предметных фразеологизмов связан с тем, что они обладают более сложным и обобщенным значением по сравнению с лексемами. Анализ функционирования названных единиц в речи показал, что они характеризуются высокой частотой употребления, как бы компенсирующей низкий процент самих многозначных фразеологизмов. По справедливому замечанию авторов монографии «Многозначность в лексике современного русского языка», «частота употребления слова в речи является одной из главных характеристик, отражающих его функциональную значимость в языке» [Многозначность... 1999: 181]. Нами было проанализировано 590 предметных фразеологизмов в 5 950 употреблениях, из них 60 единиц в 3 870 употреблениях оказались многозначными. Следова-

но, частотность употреблений многозначных фразеологизмов в речи составляет 65 %.

В большинстве работ, посвящённых полисемии языковой единицы, учёные фиксируют результат, а не анализируют процесс. Так, для описания механизма образования многозначного слова или фразеологизма используются термины «перенос» и «метафоризация», которые не позволяют раскрыть внутреннюю природу образования нового значения у языковой единицы (см. [Шмелев 1964, 1973, Новицкая 1977, Жуков 1978, Ольшанский 1982, Гайсина 1989]).

С позиции динамической природы языковой единицы, механизм образования нового значения необходимо рассматривать как длительный процесс, связанный не с переносом или метафоризацией, а с подвижностью и изменчивостью семного состава лексического или фразеологического значения. Возможна актуализация одних и деактуализация и исчезновение других сем. Всё это в целом создает основу полисемии слов и фразеологизмов (см. [Кузнецова 1989: 105–107, Чудинова 1988: 12, Шиганова 2001: 165–166]).

Динамические процессы, начинаясь в индивидуальном, продолжают развиваться и ярче проявляться в групповых значениях многозначных предметных фразеологизмов. Судя по нашему материалу, у единиц субкатегории отвлечённости изменяется только индивидуальная и групповая семантика. Динамизм значения названных единиц направлен от отвлечённости низкой степени к отвлечённости более высокой степени.

Так, у фразеологизма *живое слово* выделяется два значения: ‘устная речь в отличие от письменной речи’, ‘речь, содержащая свежие, интересные мысли, волнующая и трогающая слушателя’, – относящиеся к субкатегории отвлечённости: *И мёртвыми покажутся перед ними все добродетельные люди других племён, как мертва книга перед живым словом!* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души); *Долго Павлов не имеет себе сподвижников, электризирующих своим живым словом до энтузиазма* (Н. Г. Чернышевский. Биография).

Оба значения названного фразеологизма связаны общей семой ‘речь, устное слово’. Первое значение имеет более конкретный характер. В нём названная сема является ядерной. Фразеологизм репрезентирует концепт «Деятельность», микроконцепт «Речевая деятельность человека» и сочетается с конкретным именем существительным *книга* (см. первый пример). Второе значение единицы отличается большей степенью отвлечённости и оценочности. В нём деактуализировалась сема ‘речь, устное слово’ и актуализировались более отвлечённые и оценочные семы ‘интересный’, ‘волнующий’, ‘трогающий’. Названный процесс привёл к изменениям подгруппового, группового значений и лексико-семантической сочетаемости единицы.

Во втором значении фразеологизм репрезентирует концепт «Оценка», микроконцепт «Положительная оценка социального явления» и сочетается с лексемами, имеющими отвлечённое и оценочное значение: именем существительным *энтузиазм* и причастной формой *электризирующий* (см. второй пример). Итак, динамизм фразеологизма *живое слово* направлен от отвлечённости низкой степени к отвлечённости более высокой степени.

Единица *больное место (кого, чего)* имеет два значения: ‘уязвимая сторона кого-л.’, ‘сторона жизни, социальной деятельности, свойство, которое беспокоит кого-л., волнует’, – связанных между собой общими семами ‘недостаток, слабость, уязвимое место кого, чего-л.’. Оба значения принадлежат субкатегории отвлечённости: *Ленька часто слышал от деда этот вопрос, и ему уже порядком надоело рассуждать на тему о смерти, но у деда это было больное место* (М. Горький. Дед Архип и Ленька); – *Этика – наше больное место, господи* (А. П. Чехов. Интриги); *Мне кажется, секрет иных неудач, наших трудностей, больных мест прежде всего связан с недостаточно понятным, прочувствованным чувством долга, с отсутствием неукоснительного выполнения своих прямых обязанностей* (ЛГ, 09.05.1990).

В первом значении фразеологизма актуализирована сема ‘уязвимая сторона кого-л.’. В нём рассматриваемая единица репрезентирует концепт «Оценка», микроконцепт «Оценка внутренних качеств лица» и сочетается с конкретными именами существительными, называющими лицо (см. первый пример). Во втором значении актуализированы более отвлечённые семы ‘сторона жизни’, ‘социальная деятельность человека’. Степень отвлечённости в последнем увеличивается. Названный процесс повлёл за собой изменение подгруппового, группового значений единицы и смену её лексико-семантической сочетаемости. В анализируемом значении фразеологизм репрезентирует концепт «Оценка», микроконцепт «Оценка социальной жизни человека», сочетается с отвлечёнными именами существительными *этика, неудачи, трудности, чувство долга* (см. второй пример).

Проведённый анализ показывает, что у многозначных предметных фразеологизмов субкатегории отвлечённости динамические изменения начинаются в индивидуальном и заканчиваются в групповом значении. Семантическое развитие названных единиц направлено от отвлечённости низкой степени к отвлечённости более высокой степени.

Литература

- Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : МГУ, 1974.
Гайсина, Р. М. Проблема многозначности с позиций говорящего и слушающего / Р. М. Гайсина // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка : сб. науч. тр. – Свердловск : СГПИ, 1987. – С. 123 – 129.
Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978.
Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. спец-тей ун-тов / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1989.
Многозначность в лексике современного русского языка : моногр. / под ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург : УрГПУ, 1999.
Новицкая, В. В. Перенос наименования и развитие значения / В. В. Новицкая // Системные отношения в лексике и методы её изучения : межвуз. науч. сб. – Уфа : БашГУ, 1977. – С. 132 – 134.
Ольшанский, И. Г. Полисемия существительных в языке и тексте : учеб. пособие / И. Г. Ольшанский. – М. : Москов. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1982.
Чудинова, Е. А. Широкоразвитая многозначность в лексике современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Чудинова. – Пермь, 1988.

Е. Р. Ратушина
Курганский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Фразеологические обращения представляют собой разряд фразеологических единиц, называющих лицо, к которому адресована речь. Синтаксическая специфика таких единиц состоит в том, что в дискурсе они функционируют исключительно или в подавляющем большинстве в роли вокатива, при этом номинативная функция сопряжена с аппеллятивной. Фразеологические обращения выполняют оценочно-характеризующую функцию, выражая отношение к адресату речи со стороны адресанта. В большинстве единиц наблюдается преобладание оценочно-характеризующей функции над аппеллятивной, что обусловлено качественным характером их семантики.

Фразеологические вокативы обладают высокой степенью обобщённости семантики: в структуре их значений выявляется категориальная сема 'предмет', субкатегориальные семы 'одушевленность' и 'лицо', однако отсутствуют семы, указывающие на конкретные, индивидуализирующие свойства субъекта. Семантическая специфика таких единиц заключается в том, что на первый план выходит оценочное значение и коннотативный компонент доминирует над предметно-логическим содержанием.

Оценочно-характеризующую функцию выполняют в художественном тексте фразеологические вокативы, передающие широкий спектр эмотивно-экспрессивных оттенков, выражающие эмоциональное отношение субъекта речи к собеседнику: нежность, симпатию, иронию, одобрение/неодобрение, дружеское, фамильярное отношение и т. д. Напр., позитивная коннотация заключена в вокативах *ангел мой, голубчик мой, друг мой, свет мой, радость моя, дитя моё, ясный сокол* и др. Они функционируют, как правило, в речевой ситуации неофициального общения, в которой коммуниканты занимают приблизительно равное положение в социальной иерархии. Такие устойчивые сочетания слов, построенные по модели «субстантив + местоимение *мой, моя, моё*», выступают в роли ласкательного обращения к лицу, вызывающему у субъекта речи положительные эмоции (любовь, симпатию, нежность и т. п.). В семантике субстантивных компонентов изначально заложена позитивная тональность (*голубчик, друг, милый* и т. д.); присоединение местоимённого компонента усиливает эмоциональную насыщенность субстантивного, придавая значение большей эмоционально-психологической близости коммуникантов.

Синтаксическая специфика таких вокативов заключается в постпозитивном расположении согласуемого компонента, что способствует уменьшению его семантической значимости; при этом большую семантическую нагрузку не-

сёт субстантивный компонент. В речевом употреблении возможно обратное расположение компонентов. Напр.: – *Солнышко моё!* – с глубокой нежностью произнесла Олеся. – *Уж за одни твои слова спасибо тебе... Отогрел ты моё сердце...* (А. Куприн. Олеся); – *Не будем больше говорить, мой друг,* – сказал Пьер. Так странно вдруг для Наташи показался этот его кроткий, нежный, душевный голос. – *Не будем говорить, мой друг, я всё скажу ему; но об одном прошу вас – считайте меня своим другом* (Л. Толстой. Война и мир).

Фразеологические вокативы в контексте способны варьироваться. Напр., суффиксальное варьирование субстантивного компонента *друг* в речи Анны Павловны Адуевой (И. Гончаров. Обыкновенная история) позволяет матери выразить глубочайшую любовь к своему единственному сыну Александру: – *Ну, мой друг, Бог с тобой! Поезжай, уж если тебя так тянет отсюда: я не удерживаю!*; – *Что это ты, мой дружок, как заспался,* – сказала Анна Павловна, – *даже личико отекло?*; – *Куда же это, мой дружок?* – спрашиваю я, а сердце так и ноет у меня.

Семантика эмоциональной близости по отношению к адресату также усиливается при расширении компонентного состава фразеологизма за счёт включения личного местоимения *ты*, занимающего интерпозицию: – *Сашенька! Друг ты мой!* ... – воскликнула Анна Павловна и вдруг остановилась и глядела в недоумении на Александра.

Среди фразеологических обращений особое место занимают полифункциональные вокативы, которые в разных речевых ситуациях способны передавать различные и даже противоположные эмоции. При этом тональность общения определяется условиями коммуникации, ролевыми и личностными особенностями партнеров. Напр., фразеологизмы *милый мой (мой милый), милая моя (моя милая), друг мой (мой друг), ангел мой (мой друг)* изначально передают позитивное отношение к собеседнику, любовь, симпатию, нежность и т. д., выступая как ласковое, приветливое обращение к близкому знакомому, другу, родственнику; при этом коммуниканты имеют приблизительно одинаковый социальный статус, но возрастные характеристики могут быть различными. Напр.: Долли обняла Анну. – *Милая моя, как я рада, что ты приехала, как я рада. Мне легче, гораздо легче стало* (Л. Толстой. Анна Каренина); – *Как не увидишь петербургского житья, так и покажется, живучи здесь, что ты первый в мире; и во всем так, мой милый!* [обращение матери к сыну – Е. Р.] (И. Гончаров. Обыкновенная история); (Хлестова): *Ну, Софьюшка, мой друг, какая у меня аранка для услуг: Курчавая! Горбом лопатки!* (А. Грибоедов. Горе от ума); *Бабушка заговорила трогательным, нежным голосом: «Поди сюда, мой дружок; подойди, мой ангел»* (Л. Толстой. Детство).

Широкий семантический диапазон вокативов *мой друг, мой милый, мой ангел* позволяет им в определённом психологическом и социальном контексте выражать совершенно другое отношение адресанта к адресату – лёгкий упрек, иронию, фамильярную снисходительность к лицу равному или младшему по возрасту, социальному положению. Напр.: *Другой офицер, подпоручик Епифанов, любил задавать своему денщику мудрёные, пожалуй, вряд ли ему самому понятные вопросы. «Какого ты мнения, друг мой, – спрашивал он, – о рестав-*

рации монархического начала в современной Франции?» И денщик, не сморгнув, отвечал: «Точно так, ваше благородие, это выходит очень хорошо» (А. Куприн. Поединок); – Как и везде, мой **милый**; а кто не рассчитывает, того называют по-русски безрасчётным, дураком (И. Гончаров. Обыкновенная история); На конец того дела является голубка вся опять в слезах и опять с своими охами да вздохами. – Вздыхай, – говорю, – **ангел мой**, не вздыхай, хоть грудь надсади, но как я хорошо петербургские обстоятельства знаю, ничего тебе от твоих слёз не поможется (Н. Лесков. Воительница).

Таким образом, фразеологические вокативы в художественном тексте являются одним из способов создания модальной речевой стратегии. Психологическая установка говорящего обуславливает использование в его речи определённых фразеологических обращений, выражающих его чувства, оценку и эмоции по отношению к адресату. Фразеологические обращения с позитивной эмоциональной окраской способствуют гармонизации общения, во многом формируют положительную, мажорную тональность коммуникативной ситуации.

Б. Родзевич
Щецинский университет

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОЛЯКОВ

Ценность – это понятие, которое используется в различных гуманитарных науках при определении объектов действительности, явлений и абстрактных идей, являющихся воплощением общественных идеалов, служащих образцом должного и представляющих для человека всё значимое, дорогое, предпочтительное и совершенное. Аксиологическая система служит базой отношения человека к окружающему миру и его жизнедеятельности. Идеальные эталоны, в том числе ценностные, находят отражение в форме семантических компонентов в словаре человека. Лексические ресурсы, в свою очередь, одна из самых ярких форм представления языкового сознания, т. е. «совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 200: 26]. Одним из методов, позволяющих получить информацию об отношении индивида к каким-либо явлениям или понятиям, выраженным словами его родного языка, является ассоциативный эксперимент, т. е. эксперимент, основанный на вербальных ассоциациях опрашиваемых. Обычно он проводится следующим образом: респондентов просят назвать первое пришедшее в голову слово, которое данный им стимул вызывает в сознании. В рамках данного метода автором настоящей статьи был проведен ассоциативный тест, в котором участвовали 430 польских студентов. В эксперименте были задействованы несколько вузов различных городов, причём индивидуальные особенности студентов (напр. возраст, направление учебной деятельности), а также географические и экономические различия между училищами не учитывались.

Цель опроса состояла в том, чтобы изучить аксиологическую систему современных молодых поляков, тем самым выявить понимание студентами ряда ценностей и сопоставить результаты эксперимента проведёнными в российских и германских вузах.

Настоящая статья посвящена анализу восприятия поляками вербальных ассоциаций через призму двух существенных ценностных концептов – **OJCZYŻNA/РОДИНА** и **PATRIOTYZM/ПАТРИОТИЗМ**, представляющих для социума базовые ценности, проявляющиеся в их неразрывной связи с такими понятиями, как рождение, семья, родной язык, дом, земля, страна, и выступающих основой духовного единства народа, сохранения и развития его культурного своеобразия.

В ходе эксперимента на стимульные слова были даны следующие ответы-реакции:

OJCZYŻNA – Polska (172), patriotyzm (27), kraj (29), dom (29), honor (13), państwo (13), flaga (9), naród (6), miłość (4), patriota (4), walka (4), wojna (4), hymn (3), obowiązek (3), duma (2), historia (2), Kaczyński (2), mój kraj (2), orzeł (2), polityka (2), prezydent (2), przeszłość (2), przynależność (2), rodzina (2), szacunek (2), tradycja (4), wspólnota (2), abstrakcja, AK-Armia Krajowa, bezpieczeństwo, bigos; Bóg, honor, brak bodźców, braterstwo, dobro, dom rodzinny, flaga PL, gleba, godło; historia, hymn; jest, język, korzeń, kraj wielu sprzeczności, krajobraz, kwadrat, las, lojalność, lokalna, lokalna kraina, ludzie, łąka, mała, matka, mazurek, miasto, miejsce, miejsce przynależności, miejsce, w którym się urodziłam, miejsce w świecie, moje miejsce na ziemi, mój dom, nacjonalizm, narodowość, naród i jego historia, nieokreślona, niepodległość, odpowiedzialność, poczucie, polska, polska ziemia, Polska – dom; Polska, patriotyzm; poświęcenie, powstanie, przywiązanie, pustka, rodacy; sport, odzyskanie niepodległości; samotność, patriotyzm; symbole narodowe, szablą, szkoła podstawowa; sztandar, orzeł; walki, Kaczyński; wartość, ważna, wiersz, wiersze, własne miejsce, wojny, wolna, wolność, wspomnienia, wszechpolacy, zbiorowość, zero, ziemia (1).

PATRIOTYZM – ojczyzna (92), Polska (34), kraj (19), hymn (14), naród (13), flaga (12), oddanie (12), wojna (10), miłość do ojczyzny (9), wiara (8), wojsko (8), walka (7), historia (6), duma (5), walka (5), dziadek (4), lojalność (4), miłość (4), wartość (4), żołnierz (4), głupota (3), obowiązek (3), państwo (3), przynależność (3), coś nieaktualnego (2), emigracja (2), krew (2), lokalny (2), mecz (2), obywatel (2), odpowiedzialność (2), odwaga (2), patriota (2), polityka (2), poświęcenie (2), przywiązanie do ojczyzny (2), śmierć (2), umiłowanie ojczyzny (3), żołnierze (2), II wojna światowa, 11. listopada archaizm, bezsens, bohaterstwo; Bóg, honor, ojczyzna; bojówki, cecha nabyta, cecha wśród ludzi, chwała, cnota ludzi mądrych, co to, coś nieistotnego, coś ważnego, czasy I i II wojny światowej, człowiek, czyn, flaga narodowa, flaga Polski; flaga, sztandar; frajerstwo, godność, harcerstwo, Harrison Ford, heroizm, hmm, husaria; hymn, flaga; hymn narodowy, idealizm, indoktrynacja, jest, Kaczyński, kibic, kombatan, konserwatyzm, kraj i honor, kraj najważniejszy, kraj ojczysty, Kukiz, lata 50.te, manipulacja, miłość do kraju, miłość do państwa, mundur; mundur, walka bez pustych słów; narodowość, nie w tych czasach, niemożliwe, niepodległość, obecnie mało popularny, obłuda, ojczyzna moja Polska, orzeł, orzełek, otwartość, pamięć o ojczyźnie, politycy zohydżają własny kraj, polskość, poświęcenia dla kraju, powinność, Powstanie warszawskie, pozostać wiernym swojej ojczyźnie, praca, prawo, przynależność historyczna, przywiązanie, romantyzm, samata, służba, solidarność, społeczeństwo, sposób życia, swój kraj, szacunek, szacunek dla swojego kraju, szacunek dla ojczyzny i tradycji, szacunek do ojczyzny, szanowanie ojczyzny, szkoła, sztandar, śmierć w imię ojczyzny, święta narodowe, tata, tożsamość z własnym krajem, tylko dla bohaterów, udział w świętach narodowych, ukochanie ojczyzny, utożsamianie się z kulturą, walka/obrona, walka za ojczyznę, wartości duchowe, wartość najwyższa; ważny, choć trudno egzekwować; wiara w siebie, wiedza, wierność, wierzyć w coś, więzi, wolność, wygasa, wymarłe dzieje, wyrzeczenie, zanik, zaskakująca pamięć o własnym kraju, zbrojna rękawica, ziemia, zło (1).

Первые по частоте названия ответы на слово-стимул **OJCZYŻNA/РОДИНА** повторяют в сокращённом виде лексикографическую характеристику слова *ojczyzna* (*родина*), не мотивированную культурными и этническими маркерами. Для большинства опрошенных **OJCZYŻNA/РОДИНА** – это в первую очередь *Polska* *Польша* (172 реакции, почти 40 % респондентов) и *kraj/страна* (29 реакций, около 7 % анкетируемых). Обе реакции обозначают один и тот же объект действительности. В лексическую характеристику слова *Polska/Польша* входят, несомненно, и другие неотъемлемые части исследуемого концепта в виде семантических компонентов, нашедших выражение в ответах респондентов и подтверждающие имплицитно или эксплицитно тождество понятий *ojczyzna/родина* и *Polska/Польша*: *państwo/государство* (13), *mój kraj/моя страна* (2), *miejsce, w którym się urodziłam/место, в котором я родилась* (1), *polska ziemia/польская земля* (1), *polska польская* (1).

В последующих реакциях выявляется ещё одна не менее важная составляющая концепта **OJCZYŻNA/РОДИНА** – так называемая **малая родина**, которая, в отличие от концепта **большой родины** (страны в целом, в которой человек родился и гражданином которой является), обозначает прежде всего конкретное место, где человек родился, и место, в котором он чувствует себя хорошо, а также где живут его родственники, близкие люди, где находится его дом. Реакции *dom/дом* (29), *rodzina/семья* (2), *dom rodzinny/родной дом* (1), *lokalna местная* (1), *lokalna kraina/местная земля* (1), *łąka/луг* (1), *las/лес* (1), *krajobraz/пейзаж* (1), *mój dom/мой дом* (1), *matka/мать* (1), *miasto/город* (1), *ludzie/люди* (1), *mała/малая* (1), *własne miejsce/собственное место* (1), *moje miejsce na ziemi/моё место на земле* (1), *Polska – dom/Польша – дом* (1), характеризуют именно **малую родину** (45 реакций, приблизительно 11% опрошенных).

Следующей составной частью исследуемого концепта в языковом сознании молодых поляков является этика подвижничества, некий отголосок прошлого, когда служба, мужество, жертвенность, отпор врагу и гибель во имя защиты независимости польского государства служили эталоном отношения к родине. На такое значение понятия **OJCZYŻNA/РОДИНА** имплицитно указывают такие компоненты, как *patriotyzm/natriotизм* (27), *patriota/natriot* (4) и *Polska, patriotyzm/Польша, natriotизм* (1). Риторика патриотизма, в свою очередь, включает элементы героизма и чувства ответственности за судьбу и свободу родины, что находит выражение в следующих ответах-ассоциациях: *walka/борьба* (4), *walki/борьбы* (1), *wojna/война* (4), *wojny/войны* (1), *obowiązek/обязанность* (3), *AK – Armia Krajowa/AK – Армия Крайова*¹ (1), *niepodległość/независимость* (1), *odpowiedzialność/ответственность* (1), *odzyskanie niepodległości/восстановление независимости* (1), *powstanie/восстание* (1), *poświęcenie/жертвенность* (1), *szabla/сабля* (1), *wolna/свободная* (1), *wolność/свобода* (1). Оставаясь в русле понимания патриотизма как неотъемлемого атрибута стимула **OJCZYŻNA/РОДИНА**, 4 % респондентов называют ряд национальных символов, таких как *flaga/флаг* (9), *hymn/гимн* (3), *orzeł/opęł*²

(2), *godło/герб* (1), *mazurek/мазурка*¹ (1), *symbole narodowe/национальные символы* (1), *sztandar, orzeł/знамя, орёл* (1).

В значительно меньшей степени (всего лишь 10 ответов, или 2 % респондентов) в сознании анкетируемых польских студентов родина представляет собой мир ощущений и чувств. При мысли о родине они испытывают прежде всего любовь – *miłość* (4), поскольку любовь к родине – естественное чувство, в основе которого лежит древний архетип родины-матери и матери-земли. Реагируя на слово-стимул **OJCZYŻNA/РОДИНА**, небольшая группа молодых поляков восстанавливает в памяти и другие лексемы, называющие чувства: *duma/гордость* (2), *szacunek/уважение* (2), *lojalność/лояльность* (1), *przynależność/принадлежность* (2), *przwiązanie/привязанность* (1). На понимание ценности родины влияют передаваемые из поколения в поколение духовные сокровища предков – национальные традиции, обычаи, культура, родной язык. Духовная связь с родиной осуществляется в сознании 3 % опрошенных с помощью таких понятий, как *tradycja/традиция* (4), *historia/история* (2), *naród i jego historia/народ и его история* (1), *przeszłość/прошлое* (2), *język/язык* (1), *wiersz/стих* (1), *wiersze/стихи* (1), *wspomnienia/воспоминания* (1).

Немногие студенты (1,5 % опрошенных) предпочли проиллюстрировать свои представления о родине ссылками на политику и конкретного политического деятеля. Они упоминают президента Польши Леха Качиньского, принадлежавшего к консервативной политической партии «Право и справедливость», подчеркивающей в своих политических лозунгах, что человек прежде всего должен быть патриотом, ср. *Kaczyński/Качиньский* (2), *polityka/политика* (2), *prezydent/nprezydent* (2), *szkoła podstawowa, Kaczyński/начальная школа, Качиньский* (1).

Существенной частью общественного сознания, отражающей общенациональные процессы в становлении и развитии государства (родины) является патриотизм, понимаемый, согласно лексикографическим источникам, как любовь к родине, преданность родине, стремление служить её интересам и готовность её защищать. Исследование специфики понимания патриотизма поляками приобретает сегодня особую актуальность, поскольку Польша оказалась в структуре Европейского союза и таким образом участвует в процессах глобализации, усиливающих системные изменения и, самое главное, смену способов связи гражданина с государством (родиной). Какие смыслы вкладывают современные молодые поляки в понятие *natriotизм*?

Большинство студентов (приблизительно 36 %) связывают понятие **PATRIOTYZM/ПАТРИОТИЗМ** со словами *родина* и *Польша – ojczyzna* (92), *Polska* (34), *ojczyzna moja Polska/родина моя Польша* (1) – и последовательно с компонентами их лексической характеристики, воплощаемыми следующими реакциями: *kraj/страна* (19), *kraj ojczysty/родная страна* (1), *swój kraj/собственная страна* (1), *państwo/государство* (3), *obywatel/гражданин* (2), *społeczeństwo/общество* (1).

По мнению современных молодых поляков, патриотизм проявляется в истинной любви, привязанности и уважению к родине, что находит подтверждение в словарном толковании исследуемого слова-стимула. Типичными яв-

¹ Польские вооружённые объединения, возникшие в период Второй мировой войны в качестве конспиративной военной организации.

² Белый орёл на красном фоне изображён на государственном гербе Польши.

¹ «Мазурка Домбровского» – национальный гимн Польши.

ляются следующие реакции на слово *patriotyzm*: *miłość do ojczyzny* (9), *umiłowanie ojczyzny* (3), *ukochanie ojczyzny* (1)/любовь к родине, *miłość*/любовь (4), *miłość do kraju*/любовь к стране (1), *miłość do państwa*/любовь к государству (1), *przynależność*/принадлежность (3), *przwiązanie do ojczyzny*/привязанность к родине (2), *przwiązanie*/привязанность (2), *więzi*/связи (1), *szacunek*/уважение (1), *szacunek dla swojego kraju*/уважение к собственной стране (1), *szacunek dla ojczyzny i tradycji*/уважение к родине и традиции (1), *szacunek do ojczyzny*/уважение к родине (1), *szanowanie ojczyzny*/почтение к родине (1); всего 29 ответов (7%).

Патриотизм в языковом сознании достаточно большой группы испытуемых (71 ответ, или 17 %) ассоциируется с готовностью к самопожертвованию ради своей страны, вплоть до кровопролития во имя свободы родины, к участию в сражениях за родину или военной службе, хотя такое понимание патриотизма современные молодые люди склонны, скорее всего, соотносить с прошлым и его (постаревшими сегодня) героями, ср. *walka*/борьба (12), *wojna*/война (10), *wojsko*/армия (8), *historia*/история (6), *żołnierz*/солдат (4), *żołnierze*/солдаты (2), *walka/obrona*/борьба/оборона (1), *walka za ojczyznę*/борьба за родину (1), *tylko dla bohaterów*/только для героев (1), *komisant/фронтовик* (1), *czasy I i II wojny światowej*/времена I и II мировой войны (1), *II wojna światowa*/II мировая война (1), *mundur*/мундир (1), *walka bez pustych słów*/борьба без пустых слов (1), *bohaterstwo*/героизм (1), *bojówki*/боевые отряды (1), *Powstanie warszawskie*/Варшавское восстание (1), *krew*/кровь (2), *śmierć w imię ojczyzny*/смерть во имя родины (2), *śmierć*/смерть (2), *dziadek*/дедушка (4), *odwaga*/отвага (2), *poświęcenie*/жертвенность (2), *poświęcenia dla kraju*/жертвенность во имя страны (1), *heroizm*/героизм (1), *nierpodległość*/независимость (1), *wolność*/свобода (1).

Стимульное слово **PATRIOTYZM/ПАТРИОТИЗМ** породило в сознании почти 9 % польской молодежи ассоциаты, свидетельствующие о благоговении перед историей и подвигом, требующим от гражданина определенных чувств, напр., преданности и верности родине, и соблюдения конкретных норм поведения, напр., отмечания национальных праздников. Информанты называют следующие патриотические ценности: *oddanie*/преданность (12), *wiara*/вера (8), *duma*/гордость (5), *lojalność*/лояльность (4), *obowiązek*/обязанность (3), *powinność*/долг (1), *wierność*/верность (1), *pozostać wiernym swojej ojczyźnie*/остаться верным своей родине (1), *udział w świętach narodowych*/участие в национальных праздниках (1), *święta narodowe*/национальные праздники (1), *11. listopada*/11 ноября¹ (1).

Описываемый концепт дополняется не менее важными для респондентов (34 реакции, 8 %) символическими компонентами, такими как *hymn*/гимн (14), *hymn narodowy*/национальный гимн (1), *flaga*/флаг (12), *flaga narodowa*/национальный флаг (1), *flaga Polski*/флаг Польши (1), *flaga, sztandar*/флаг, знамя (1), *hymn, flaga*/гимн, флаг (1), *sztandar*/знамя (1), *orzel*/орёл (1), *orzełek*/орлёнок (1).

¹ Главный национальный польский праздник, отмечаемый 11 ноября в память обретения Польшей независимости в 1918 г.

Спорным критерием оказывается отношение молодых поляков к актуальности стимульного понятия. **PATRIOTYZM/ПАТРИОТИЗМ** вызывает у анкетированных противоречивые и неожиданные реакции. С одной стороны, любовь к родине имеет особенно большое значение и считается ценностью, ср. *wartość*/ценность (4), *wartość najwyższa*/высшая ценность (1), *cnota ludzi mądrych*/свойство умных людей (1), *coś ważnego*/что-то важное (1); однако с другой, по мнению 4 % респондентов, эта ценность сегодня девальвирована, ср. такие реакции как *ghupota*/глупость (3), *coś nieaktualnego*/что-то неактуальное (2), *archaizm*/архаизм (1), *bezsens*/бессмыслица (1), *co to/что это* (1), *coś nieistotnego*/что-то маловажное (1), *frajerstwo*/наивность (1), *idealizm*/идеализм (1), *konserwatyzm*/консерватизм (1), *nie w tych czasach*/не в эти времена (1), *niemożliwe*/невозможно (1), *obecnie mało popularny*/сейчас мало популярен (1), *obluda*/лицемерие (1), *wygasa*/исчезает (1), *zanik*/отмирание (1).

В заключение следует сказать, что полученные в результате опроса ответы не претендуют на целостную когнитивную модель двух исследуемых концептов. Данные ассоциаты представляют собой фрагментарные знания о лексико-семантическом содержании слов-стимулов **OJCZYŻNA/РОДИНА** и **PATRIOTYZM/ПАТРИОТИЗМ**, существующем в сознании молодых поляков. Результаты проведенного автором эксперимента требуют, несомненно, дальнейшей лингвистической и культурологической обработки.

Литература

Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24 – 32.

О. С. Савельева
Челябинский государственный педагогический университет

СУБСТАНТИВАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОСТИ

1. Термин «субстантивация» понимается в современной науке очень широко, т. к. её средствами называют и аффиксацию и конверсию. Мы под субстантивацией понимаем переход прилагательных и причастий (в основном) в существительные с сохранением исходной формы. Это узкое понимание (исключающее аффиксацию) является, на наш взгляд, единственно корректным.

2. Субстантивацию рассматривают такие известные лингвисты, как В. Г. Гак, Л. К. Граудина, Е. С. Кубрякова, Е. Курилович, В. В. Лопатин, М. Ф. Лукин, В. М. Никитевич, И. М. Полякова, П. А. Соболева и др. В современном языкознании субстантивация характеризуется как один из наиболее активных иммиграционных процессов. Выделяют два этапа субстантивации: 1) полная (постоянная, морфологическая) и 2) неполная (непостоянная, синтаксическая, ситуативная).

3. Мы рассматриваем явление субстантивации при изучении содержательных и формальных свойств категории предметности. В исследовании формальной структуры категории предметности субстантивированные единицы мыслятся нами как одна из форм системы, имеющей, по нашему мнению, следующий вид. Первый тип форм охватывает существительные трёх типов склонения; это исконный тип, включающий абсолютное большинство слов. Второй тип форм появился благодаря действию процесса субстантивации – класс предметных слов был пополнен в основном прилагательными и причастиями. Третий тип форм, позднейший, представлен несклоняемыми существительными [Савельева 2007: 41; Чепасова 2005].

Остановимся на исследовании субстантивированных форм предметности. Второй тип форм появился в связи с расширением значения предметности. Прилагательные и причастия как согласовательная форма глагола, оставаясь в форме исходной части речи, изменили своё категориальное значение и синтаксическую функцию. Флексии таких единиц приобретают новое значение – предметное – и оставляют форму согласовательной части речи. Появление новой формы предметности – само по себе является показателем движения языка, динамических процессов внутри категории. Более того, такой процесс, на наш взгляд, является показателем силы предметности как категории качества, являющейся первой в предложенной нами системе грамматических категорий существительного: качество, количество, отношение [Савельева 2007]. В исследовании мы подчёркиваем, что субстантивация – источник обогащения предметности, особенно ярко проявляющий свою активность в речи.

При переходе слов в разряд существительных из прилагательных происходит опредмечивание постоянного внешнего признака предмета, не вошедшего в совокупность сущностных облигаторных свойств, обозначаемую существительным. Главным условием в этом процессе является длительное постоянное употребление внешнего признака при каком-либо существительном. При переходе причастий в разряд существительных главным условием является изменение качества, обозначаемого причастием. В субстантивации глагольных единиц отражается процесс изменения исходных, процессуальных, свойств и появления новых, предметных, свойств.

4. Исследуя развитие формальной структуры категории предметности, мы рассматриваем факты движения и развития современного языка, однако такое исследование невозможно без взгляда внутрь самого явления, без фона исторического. Не изучая, как происходил этот процесс многие века назад, не углубляясь в его причины, мы рассматриваем, что сложилось к дню сегодняшнему, и сравниваем современные языковые единицы и единицы других периодов языкового развития для полной характеристики русского языка на данном этапе существования. Материалом для исследования послужила картотека субстантивированных единиц XI–XIV вв., составленная методом сплошной выборки из «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», тт. IV–VI (буквы М, О), и коллективной монографии «Древнерусская грамматика XII–XIII вв.». Используя данные оригинальной картотеки, мы отмечаем, что субстантивация – древний процесс, отличающийся активностью и широтой проявлений: выборка слов

только из трёх томов позволила нам обнаружить 332 (!) субстантивированные единицы. Исследование извлечённых из словаря единиц (в их числе и полностью субстантивировавшиеся) позволило нам увидеть: субстантивация отмечена во всех разрядах прилагательных и в формах сравнительной степени, в действительных и страдательных причастиях; субстантивированные единицы представлены в семантических категориях конкретности и отвлечённости, в субкатегориях, или лексико-грамматических разрядах, и в тематических группах. Эти данные позволяют сделать вывод: процесс субстантивации был активным в XI в., и логично предположить существование таких примеров в речи и в более ранние исторические периоды.

Субстантивированные единицы древнерусского языка обозначают и конкретные, их большинство (267 единиц), и отвлечённые предметы (65 единиц). Мы выделили группы субстантиватов древнерусского языка по значению (на сегодняшний день нами выявлено 16 групп субстантивированных прилагательных, 11 групп субстантивированных действительных причастий, 9 групп – страдательных; здесь и далее ограничимся перечислением лишь нескольких групп и примеров). Субстантивированные прилагательные в древнерусском языке обозначали человека: по должности, чину: *окольников*, *олтарных*, *молодыи* и т. п.; по возрасту: *младыи*, *моложи* и т. п.; виды подати или пошлины: *медовое*, *осмниче* и т. п.; разнообразные отвлечённые понятия: *многохытроующее*, *общее* и т. п. Субстантивированные действительные причастия (временная субстантивация; единицы даны в глагольной словарной статье) называли человека: по эмоциональной, нравственной характеристике: *милоующии*, *облыгаующии*, *оклеветаующии* и т. п.; по семейному положению: *оброучивши*, *ожени* и т. п.; по роду наказуемых действий: *откупаующии*, *отъкопцоваючи*; отвлечённые понятия: *полоучшее* и т. п. Страдательные причастия обозначали человека: по правовым взаимоотношениям: *оглаголемый*, *оставленный* и т. п.; по эмоциональной характеристике: *обрадованныи*, *очищенныи* и т. п.; **отвлечённые понятия**: *мнимое*, *отътворимо* и т. п.

В современном русском языке, по данным нашей картотеки, составленной методом сплошной выборки из словарей [БАС; БТСРС], насчитывается 493 субстантивированные единицы. Используя данные картотеки, мы отмечаем: субстантивированные единицы представляют собой и конкретные (478 единиц) и отвлечённые (19 единиц) существительные, включающие тематические группы (мы выявили 35 групп; перечислим лишь некоторые из них). Субстантивированные прилагательные в современном русском языке обозначают человека: по роду деятельности, профессии, должности: *горничная*, *рабочий* и т. п.; по социальному положению: *бедные*, *богатые* и т. п.; по семейному положению: *женатый*, *холостой* и т. п.; помещения: *булочная*, *детская* и т. п.; отвлечённые понятия – психические процессы: *бессознательное*, *субъективное* и т. п. Субстантивированные причастия называют человека: по роду деятельности, должности: *заведующий*, *нападающий* и т. п.; по отношению к религии: *верующий* и т. п.; пищу: *жареное*, *мороженое* и т. п.; отвлечённые понятия – обозначение времени: *будущее*, *настоящее* и т. п.

5. Субстантивация как проявление динамических процессов в категории предметности является источником обогащения и усложнения категории, расширения формальной структуры предметности. Субстантивация является живым процессом русского языка. Анализ фактов современного и древнерусского языка указывает на активность явления, отражающего активность мышления человека и познавательную функцию языка.

Изучение процесса субстантивации в современном русском языке с привлечением анализа фактов древнерусского языка указывает на общность и единство законов, действующих в разные периоды развития языка в разных исторических, культурных и социальных условиях. Субстантивация – единый процесс развития категории предметности в современном русском и древнерусском языках: по нашим данным, в числе субстантивированных единиц современного русского и древнерусского языков наблюдается безусловное преобладание конкретных единиц, а в числе конкретных – обозначений лиц. Однако показательным является различие лексического состава групп древнерусского и современного русского языков. Происходит изменение лексического состава второго типа форм предметности: в современных словарях практически отсутствуют субстантивированные прилагательные и причастия древнерусского языка. Изменение компонентного состава указывает на то, что он определен временем и изменяющимися социальными условиями, тесно связан с развитием общества; это яркий пример «привязанности» языка к своему времени.

Литература

БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950 – 1965.

БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. (Фундаментальные словари.)

Древнерусская грамматика XII – XIII вв. / В. В. Иванов [и др.]. – М. : Наука, 1995.

Савельева, О. С. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных : моногр. / О. С. Савельева. – 2-е изд. – СПб. : Ключ ; Челябинск : ЧГПУ, 2007.

СДЯ 1988–2008: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988 – 2008 (издание продолжается).

Чепасова, А. М. Существительные в современном русском языке : учеб. пособие / А. М. Чепасова, И. Г. Казачук. – Челябинск : ЧГПУ, 2005.

*Л. Б. Савенкова, А. А. Панова
Южный федеральный университет*

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНИНА В АФОРИСТИКЕ ПРАВОСЛАВНОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Настоящее исследование посвящено отражению православной системы ценностей в афоризмах, имеющих место в русскоязычных проповеднических текстах последнего столетия. Под афоризмами здесь понимаются авторские высказывания, выражающие законченную мысль и претендующие на общезначи-

мость. Основной тезис исследования: современные тексты учительной литературы демонстрируют не только расширение круга значимых ценностей, но и – в определенной мере – изменение их иерархии. Материалом для анализа послужило 626 афоризмов, извлеченных из 31 текста проповедей, слов, публичных лекций (общим объемом в 230 страниц) таких религиозных проповедников XX – начала XXI вв., как Иоанн Крестьянкин [2009а; 2009б], Андрей Кураев [Кураев <http://>], Патриарх Кирилл [«Неизвестный» Патриарх Кирилл 2009], Александр Мень [2003; 2004], Николай Сербский (Велимирович) [2003]. Для сопоставления было изучено 278 афоризмов из восьми памятников древнерусской литературы XI – XIII вв., а именно: «Изборника Святослава 1076 года», «Сказания о Борисе и Глебе», «Слова о законе и благодати митрополита Илариона», «Поучения Владимира Мономаха», «Моления Даниила Заточника», «Слова о полку Игореве», «Сказания о житии Александра Невского» и «Пчелы» [Изборник 1965; Книги Пчелы <http://>; Мудрое слово 1989] (объемом в 137 страниц).

Сопоставление показывает, что в аксиологической картине мира древнерусского христианина важное место занимали смирение (51 единица, или 18,3 % от общего объема материала), добро (49, 17,6 %), образованность (37, 13,3 %), семья (32, 11,5 %), религия (Бог, вера) (27, 9,7 %), социальная иерархия (26, 9,4%). Кроме того, упоминаются щедрость и искренность (по 13 единиц, или по 4,7 %), а также государство (7, 2,5 %), надежда и трезвость (по 2 единицы, или по 0,7 %). Конечно, следует помнить, что проанализировано всего восемь текстов, так что материал не может претендовать на отражение полного перечня православных ценностей, однако некоторые из них (вероятно, приоритетные) могут быть обозначены.

В современной православной афористике аксиологическая картина мира представлена более широко. Самыми значимыми оказываются религия (Бог, вера) (123 единицы, или 19,6 % от общего количества материала) и смирение (81 единица, 13 %); далее следуют нравственность (55 единиц, 6,5 %), добро (41 единица, 6,5 %), жизнь (40 единиц, 6,4 %), время (35 единиц, 5,6 %). На долю каждой из остальных ценностей приходится менее 5 %: правда (25, 4 %), любовь (21, 3,4 %), свобода, государство, мужество (по 20 единиц, или по 3,2 %). Кроме того, проповедники обращаются к таким ценностям, как личность, терпение, надежда, счастье, чувство меры, разум, воспитание, профессия, совесть, индивидуальность, образование, стабильность, богатство, покой, прогресс, семья, справедливость.

Итак, ценности разнятся по количественному и качественному составу, что можно считать естественным следствием развития общества. У современного человека значительно больше ценностей потому, что границы окружающего мира в его сознании намного шире, чем у человека Древней Руси. Качественные изменения проявляются в развёртывании понимания некоторых ценностей. Например, в древнерусской литературе смирение рассматривалось как антипод гордыни. В современной учительной литературе также упоминаются покаяние и крестоношение как формы проявления смирения: покаявшийся человек смирился и предал себя суду Божьему; человек, осознающий свое крестоношение, смирился с теми обязанностями, которые возложены на него Богом.

Следующее, на что необходимо обратить внимание, – смена приоритетов. Несмотря на то, что добро и смирение всегда расценивались авторами учительных произведений как одни из самых важных, общая картина жизненных приоритетов заметно изменилась. Например, в литературе XI – XIII вв. много внимания уделялось образованности человека и значимости института семьи. Образование представлялось в первую очередь как умение владеть языком, что доказывается большим количеством древнерусских высказываний, посвящённых языку и речи. Кстати, именно из этой группы больше всего афоризмов со временем вышло за пределы текста-источника. Они стали часто употребляться в устной речи, и в результате воспринимаются как поговорки. Их можно встретить в сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля, например: *Неверный шаг по земле всё же лучше, чем языка ошибки* [Изборник] и *Лучше ногою запнуться, нежели языком* [Даль <http://>].

В сегодняшней системе христианских ценностей образование не занимает первых позиций и понимается шире. Семья в рейтинге ценностей по числу упоминаний находится ещё ниже образования: 0,6 % в современном дидактическом монологе против 11,5 % в древнерусских источниках.

У современного человека есть то, на что не обращалось внимания в Древней Руси, – индивидуальность. Ранее имела место установка на равенство всех христиан, теперь люди признаются равными только перед Богом, но между собой все разные, неповторимые, каждый человек – личность. Личность в современном религиозном понимании – это душа человека, ср.: *Характер и свойства принадлежат душе, а не телу* [Крестьянкин 2009а: 126].

Приоритет личности перед толпой – второе существенное отличие современного образа человека от образа, существовавшего в Древней Руси: *Личность стоит на вершине. Она любит, она творит, она постигает, познаёт. И она не гибнет* [Мень 2003: 11]. Человек противопоставлен толпе: *Всё – в глубине сердца, и ничего напоказ, на толпу* [Крестьянкин 2009б: 102]. Личность – самое дорогое, к ней следует относиться бережно и потому, говорят проповедники, *не убивайте личности вашего ближнего ни разу ни словом, ни намёком, ни жестом* [Крестьянкин 2009а: 153].

Личность обладает свободой выбора: *Человек свободен выбирать, по какому пути он пойдёт* [Мень 2003: 2]; *Каждый человек выбирает свой путь и каждый на своём жизненном пути не застрахован от падений и от ошибок* [Крестьянкин 2009а: 86]. Главное, чтобы этот выбор был сознательным: *Выбор должно делать не в парении духа, а отдавая себе отчёт, к какому кресту протягиваешь руки* [Крестьянкин 2009б: 31]. Главная задача человека – *воспитать личность таким образом, чтобы она сама могла формировать для себя систему запретов* [«Неизвестный» Патриарх Кирилл 2009: 127].

Личность должна развиваться. Человек деградирует, если останавливается в самосовершенствовании: *Устойчивость ног в болоте иногда мешает человеку броситься с головою в бездну. Но более часто бывает, что болото мешает человеку взойти на гору* [Крестьянкин 2009а: 151-152]. И достижения человеческого разума уже не воспринимаются как нечто страшное: *... один на компьютере издаёт богослужебные книги, а другой нечто непотребное. И разве*

под суд нужно отдавать компьютер? [Крестьянкин 2009б: 158]. Правда, оговорка по поводу его ценности всё-таки есть: *То, что идёт от ума, умом же и разрушается* [Мень 2004: 9]. Но в целом отрицательного отношения к разуму, как в древнерусской литературе, нет. Нет и противопоставления разума вере: *... маловерие рождается не в уме, а в сердце* [Мень 2004: 15].

Изменилось и отношение к стремлению человека к материальному достатку, оно уже не осуждается, как ранее: *Ни богатство, ни бедность, ни болезни сами по себе не губят нас, не спасают* [Крестьянкин 2009а: 73]. Ср. с древнерусскими представлениями: *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Марк 10: 25); *... богатого князя и бояре почитают, а бедного и свои не помнят* (Моление Даниила Заточника). Однако есть и оговорка: *Если ты богат лишь тем, что вор может украсть и моль поест, с чем останешься, если вор действительно украдёт и моль поест?* [Николай Сербский 2003: 10].

Особое отношение современный религиозный дискурс выработал к профессии человека, его работе. Она рассматривается как одна из значимых ценностей современного человека, неотъемлемая часть его жизни, то, в чём человек должен быть лучшим (кстати, установка на лидерство – очередное новшество современной концепции христианина). Поэтому *к работе надо относиться как к послушанию и в профессиональном плане быть всегда на должном уровне, а никак не ниже среднего* [Крестьянкин 2009б: 145-146]. Но *если ваш труд никому не нужен – бросьте его немедленно, займитесь другим, а если он нужен кому-то – принимайте его как послушание* [Мень 2004: 21], *ибо работа настоящего христианина должна отличаться во всём!* [Мень 2004: 21].

В целом, осознавая, что современное российское общество безотносительно к его религиозным воззрениям придаёт большое значение формированию, развитию, существованию личности, православные проповедники и выстраивают систему ценностей, ориентируясь на жизнь каждого отдельного человека.

Источники

Изборник 1965: Изборник Святослава 1076 года / издание подгот. В. С. Голышенко [и др.] ; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1965.

Книги Пчелы <http://> Книги Пчелы. Слова и мысли из Евангелия и из Апостола, и из книг святых отцов, и знания светских философов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old-rus.narod.ru/02html1>. – Загл. с экрана.

Крестьянкин 2009а: Крестьянкин, И. Главное – быть с Богом! / И. Крестьянкин. – М. : Благовест, 2009.

Крестьянкин 2009б: Крестьянкин, И. Неведомому чаду. Деятельные и созерцательные слова (обретённые в переписке) / И. Крестьянкин. – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2009.

Кураев <http://> Кураев, А. Школа не должна учить духовности (выступление А. Кураева перед учителями в г.Томск 29.10.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kuraev.ru>. – Загл. с экрана.

Мень, А. Прости нас, грешных / А. Мень. – М. : Фонд им. А. Мень, 2004.

Мень, А. Тайна жизни и смерти / А. Мень. – М. : Фонд им. А. Мень, 2003.

«Неизвестный» Патриарх Кирилл : сб. / под ред. А. Добросоцких. – М. : Изд-во «Даниловский благовестник», 2009.

Николай Сербский (Велимирович). Мысли о добре и зле / Н. Сербский. Минск : Изд-во Православного Братства во имя Архистратига Михаила, 2003.

Мудрое слово Древней Руси (XI – XVIII вв.) / под ред. В. В. Колесова. – М. : Сов. Россия, 1989.

Литература

Даль [http: Даль, В. И. Пословицы русского народа \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа : www.zipsites.ru/books/dal_poslovicy/](http://www.zipsites.ru/books/dal_poslovicy/). – Загл. с экрана.

А. В. Савченко

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦИТАТА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ)

Нередко высказывание, обладающее яркой образностью, высоким зарядом экспрессивности, становится потенциальной основой для зарождения фразеологической единицы в самом широком диапазоне: от крылатой фразы, афоризма до собственно фразеологизма. Нетрудно заметить, что авторами подобных неординарных, а зачастую и парадоксальных высказываний, как правило, являются «публичные» люди, занимающие видное место в обществе, пользующиеся авторитетом или наоборот – вызывающие раздражение или чувство иронии. Наиболее «плодовитыми» авторами таких «крылем» чаще всего были и остаются политики. В данной статье мы предлагаем затронуть проблему формирования фразеологической единицы на основе цитаты в не менее популярной и актуальной в сравнении с политикой сфере – сфере спорта. Интерес к спорту оставался достаточно высоким в любые времена, в последние десятилетия возрастает его популярность и роль в общественной, государственной жизни. Спорт уже фактически стал одним из элементов политики и бизнеса. Таким образом, люди спорта, в первую очередь сами спортсмены и тренеры, становятся публичными персонами, получают возможность высказываться в различных средствах массовой информации (телевидение, радио, Интернет, печатные издания).

Механизм возникновения фразеологической единицы (ФЕ) цитатного характера можно схематически представить следующим образом: произнесённая фраза «сворачивается»: из контекста «конденсируется» экспрессивно-окрашенное смысловое ядро. В большинстве случаев именно в этом «смысловом ядре» выражена оценка (чаще всего негативная или ироничная) действий игрока или судьи, общая оценка игры и т. п. Стилистическая окраска возникающих в результате свёртывания контекста ФЕ зависит от общей степени экспрессивности высказывания.

Цитатные ФЕ могут обозначать различные характеристики непосредственно процесса игры. Напр., однажды футбольный тренер Г. Ярцев так прокомментировал матч: *По самоотдаче ни к кому претензий нет, а организация игры хромает: лоскутный футбол пока демонстрируем. Много огрехов в технике, но это связываю с накопившейся от больших нагрузок усталостью. Надо*

терпеть (Спорт-Экспресс, 18.02.2000). С тех пор *лоскутным футболом* называют матч, в котором команды лишь в отдельные эпизоды показывают активную комбинационную, зрелищную игру.

Недовольство главного тренера ФК ЦСКА В. Газзаева действиями футболистов в одной из игр выразилось следующим образом: *Игру следует разделить четко на два разных тайма. В первом на поле в форме ЦСКА присутствовали академики с тросточками, ну а во втором я уже увидел профессиональных футболистов* (Сов. спорт, 26.03.2006). Журналисты моментально подхватили и растиражировали выражение *академики с тросточкой*, благодаря чему оно стало шутливо-ироническим и означает «игроки команды ЦСКА; перен. о футболистах (командах), играющих в «академичный», не очень быстрый футбол, не выкладывающихся полностью на поле, стараясь победить соперника «на классе», с минимальной затратой усилий».

Появлением ещё одной экспрессивной ФЕ мы обязаны, с одной стороны, В. Газзаеву, высококвалифицированному тренеру и неординарной, харизматической фигуре, и с другой – «фразеологическому чутью» и острому перу журналистов. Произнесённая тренером фраза *В моём понимании есть игроки середины поля, которые в равной степени должны вести как оборонительные, так и атакующие действия. А футболиста по фамилии Плеймейкер я не знаю* (Спорт Экспресс, 17.06.2003) способствовала возникновению иронического оборота *игрок по фамилии Плеймейкер* (англ. *playmaker*) – «игрок-диспетчер», «плеймейкер, от действий которого во многом зависит общая игра команды».

Бывший главный тренер московского «Спартака» О. Романцев в сердцах назвал одного из игроков своей команды – А. Тихонова – *отработанным материалом*. ФЕ *отработанный материал* вошла в языковой обиход в значении «неперспективный, как правило уже возрастной футболист, прошедший пик своей игровых формы».

Цитатными по своей природе являются и некоторые современные спортивные понятия. Напр., фактически термином стало выражение *выездная модель*, т. е. особая модель игры команды на выезде, когда главное внимание уделяется обороне собственных ворот. Авторство данного понятия и стратегии принадлежат главному тренеру команды «Динамо» (Киев) и сборной СССР в 70–90-е гг. XX в. В. В. Лобановскому. В целом он сводил свою стратегию к принципу «победа дома, ничья в гостях».

В зависимости от обстоятельств (чаще всего экстралингвистических) возникшая на основе цитаты стилистически нейтральная ФЕ может приобретать экспрессивную (негативную) окраску. Так случилось с понятием, введённым и пропагандируемым в 80-е гг. XX в. известным тренером того времени Э. Малофеевым: *искренний футбол*, т. е. открытый, честный, без закулисной борьбы и других негативных явлений футбол, футбол как спорт в чистом виде. Сам Э. Малофеев так ответил на вопрос об «искреннем футболе»: *Искренность – это есть честность, чистоплотность, уважение и сопереживание друг другу. Я любил и люблю театр, но когда нет восхищения просто захватывающей тебя игрой – всё это не то. И вдруг выходит... Помнится, мне очень нравился Ульянов: я так сопереживал всем его героям, когда страсть его тебя*

просто несет. В английском футболе есть такая страсть! Они и ногой, и головой, и любой частью тела лезут - лишь бы забить, и зрители им очень сильно сопереживают. Настоящий игрок обязан уметь и бить головой, и выцеливать прямо в «девятку» как настоящий снайпер в бою – тогда, может, и Пеле зарыдает (Спорт уик-энд, 29.09.2008). Благодаря неординарности Э. Малофеева как личности и тренера, выражение *искренний футбол* приобрело популярность, однако вскоре стало употребляться в ироническом контексте: «*Искренний футбол*» по Малофееву в 80-х включал в себя футбол на льду и двусторонки в манеже с выключенным светом (Информ. агентство «Спорт Украины», 27.06.2009). Тем не менее, бывший футболист Э. Хацкевич в одном из интервью высказал своё мнение: *Основу «искренного футбола» Эдуарда Васильевича я бы определил иначе. Главное в этом деле, чтобы у людей горели глаза, и чтобы они тратили себя до последней капли пота даже на тренировках. Тогда сама игра станет частью виртуозной импровизации, основанной на удивительном эмоциональном настрое* (Спорт-Экспресс в Украине, 28.06.2009).

Свою лепту в образование ФЕ цитатного характера вносят и спортивные комментаторы. Не принимая во внимание так называемые комментаторские ляпы, отметим, что некоторые весьма ёмкие образные, экспрессивные, нестандартные выражения имеют достаточно высокий фразеологический потенциал. Как пример приведём лишь одну такую единицу. Её автор – футбольный комментатор и сам в прошлом футболист В. Маслаченко. В одном из своих телевизионных репортажей он так охарактеризовал действие игрока на поле: *Альваро Рекоба делает прыжок для газеты «Пионерская правда». Такие номера я называю полотёрскими*. Теперь комментаторы, спортивные журналисты, болельщики об эффектном, зрелищном (чаще всего излишнем), иногда не всегда эффективном действии игрока на поле с расчётом на реакцию болельщиков говорят: *полотёрский номер, [игрок] исполнил полотёрский номер*.

«Интернациональным» фразеологизмом стал один из самых известных и самых скандальных голов в истории футбола, – гол, забитый рукой футболистом сборной Аргентины Диего Марадоной в четвертьфинальном матче чемпионата мира по футболу в Мексике в 1986 г. в ворота сборной Англии. Судья засчитал гол, решив, что он был забит головой. После матча Марадона заявил, что *если и была рука, то это рука Бога*. Марадона до сих пор говорит, что гол был забит *отчасти головой Марадоны, отчасти рукой Бога*. Так Марадона стал автором не только исторического во всех отношениях гола, но и автором ФЕ *рука Бога* (исп. *la Mano de Dios*, англ. *the Hand of God*). Кстати, британские комментаторы до сих пор не могут простить Марадоне такого жульничества: выражение *рука бога* они до сих пор произносят с крайним презрением.

В одном из интервью нападающий ФК «Зенит» А. Кержаков в ответ на вопрос, будет ли он продолжать бить по воротам из любого положения или иногда всё же отдаст пас партнёрам, заявил: *Я бил, бью и буду бить*. Выражение *бил, бью, буду бить* с тех пор стало своеобразным девизом А. Кержакова, с одной стороны, и его прозвищем болельщиками – с другой. Появились трансформации и варианты значения возникшей цитатной ФЕ: «*ББББ / 4 б – ирон.* прозвище футболиста Александра Кержакова; *[правило, принцип] 4б / [стиль,*

принцип] бил, бью, буду бить – ирон. об игроке, который стремится нанести удар по воротам противника из любого положения и в любой ситуации, зачастую в ущерб командным действиям, без большой пользы для достижения успеха своей команды» [Киселёва 2008: 39].

Итак, чем более нестандартным, неординарным является высказывание, тем больше вероятность возникновения на его основе ФЕ. «Живучесть» таких единиц также зависит от различных факторов: одни надолго остаются в языке, могут трансформироваться и развивать дальнейшие значения, другие довольно быстро выходят из употребления, одни продолжают ассоциироваться с именем своего автора, другие фактически теряют свою цитатную соотнесённость.

Литература

Киселёва, В. А. Идеографический словарь-справочник языка футбола : слов / В. А. Киселёва. – СПб. : Книжный Дом, 2008.

Никитина, Т. Г. Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!!! / Т. Г. Никинина, Е. И. Роголёва. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Е. И. Селиверстова
Санкт-Петербургский университет

ОДНОТИПНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ

Воздействующе-экспрессивная сила текста – как художественного, так и публицистического – зависит от того выбора, который автор сделал из имеющегося набора языковых возможностей [Арнольд 1999: 137]. В языке СМИ, выполняющих наряду с информативно-содержательной функцию воздействия, убеждения, внимание читающих привлекается во многом за счёт экспрессивных средств¹. К таковым можно отнести изречения, напоминающие паремииологические единицы (ПЕ), использование которых, как, впрочем, и иных видов устойчивых фраз, ориентировано на выражение экспрессивности и внесение в контекст оценочности². ПЕ как никакие другие языковые единицы позволяют журналисту, подкрепляющему своё мнение авторитетом народной афористики, дать оценку – нередко весьма смелую, – но при этом дистанцироваться от неё. Ярким примером может послужить преобразованная ПЕ *В «Семье» не без Комиссарова* (А. Бархатов. Улыбка на клоне; ЛГ), не только связывающая реалии – телепрограмму «Семья» и её ведущего Комиссарова, – но и дающая недвусмысленную оценку деятельности последнего в этой роли.

Степень близости к исходным ПЕ может варьироваться от очевидного родства до непризнания контекстуальных версий пословицами. Что же в кон-

¹ Данное утверждение уже более не нуждается в доказательствах; см. об этом, в частности, работы А. Н. Васильевой, Т. Г. Винокур, В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика и др.

² Эти единицы восполняют дефицит информации при отражении действительности и передают оценку информации субъектом отражения [Человеческий фактор в языке 1991: 137]. На экспрессивность как категориальное свойство фразеологизмов указывает и В. М. Мокиенко [1989: 210-214]. Пословица участвует в создании особой экспрессивности текста как один из видов интертекстуальных единиц [Арнольд 1999: 360].

тексте сигнализирует о «паремийности» окказионального выражения, иной раз имеющего мало общего с привычной по форме и смыслу единицей, и, следовательно, о наличии соответствующей семантики, эмоционально-оценочных оттенков и проч. Не претендуя на создание типологии приёмов трансформации устойчивых выражений (гесп. паремий)¹, попытаемся отметить некоторые из маркеров, роднящих «новые» обороты с пословицами.

Наиболее легко идентифицируются в качестве паремий, обладающих соответствующими семантико-прагматическими параметрами, выражения со следами незначительных трансформаций исходных ПЕ, оставляющих почти без изменений их лексический состав. Напр., в ПЕ *Уговор дорожке* в соответствии с темой дискурса замещается лишь один компонент: *Уговор дорожке дружбы* [заголовок]: *Пари было заключено при свидетелях <...> Чтобы выплатить выигрыш, азартному болельщику пришлось продать дом <...> На вопрос, не стыдно ли Карателле так поступать с другом, он ответил: «Уговор есть уговор»* (Санкт-Петербургские вед., 11.06.2004, с. 8).

В случае же почти полного разрушения структуры ПЕ её оставшийся фрагмент способен аккумулировать «паремийность», если он является маркированным, узнаваемым. Так, в следующих примерах образ чёрта, ассоциируемый с ожидаемыми проблемами, трудностями, вырисовывается благодаря семантическим опорам контекста, намёку на грамматический «остов» ПЕ (*не так страшен, столь страшно*) и яркому лексическому маркеру (*намалёван, размалёванным*): Английским «Доктором Живаго» нас пугали долго <...> Теперь, когда первый канал ознакомил-таки массы *со столь страшно размалёванным, поневоле понимаешь: литературоведы могли спать спокойно* (КП, 28.08.2004, с. 22); Впрочем, этот сценарий при детальном изучении *не так страшен, как намалёван* (НК; «Богатей», Саратов, 10.30.2003)².

Особенно широко используются в языке СМИ паремии, способные предельно расширять сочетаемость основной структуры с новыми компонентами и с лёгкостью «врастать» в любой контекст – это один из самых частотных способов преобразования пословиц. Так, удивительна по разнообразию обретаемых обликов ПЕ *Кто первый встал, того и сапоги (тапки): Кто первый встал, того и рельсы* [заголовок] – статья о рынке железнодорожных перевозок (Дайджест правовой прессы в СПб.: <http://www.kadis.ru/daily>); *... того и койко-место* – о финансовых затратах на содержание жилищно-коммунального хозяйства (Городские вед., Тольятти, 1.11.2005); *... того и танки* (АиФ, 2007, № 49, с. 2); *... того и деньги* [заголовок] – о возможности получения денег клиентами турфирмы-банкрота (GZT Newsreader: <http://www.gzt.ru/tourism/2008/07/10>).

В качестве ещё одной особенности отметим способность пословичного фрагмента, за которым закреплён определенный квант содержания, возвести в ранг ПЕ любое сочетание – при условии соблюдения грамматической структу-

ры; ср.: [Заголовки]: *Бизнес энергетикам не товарищ* – о противостоянии города и энергетиков (НК; «Богатей», Саратов, 31.07.2003); *«Чеченец русскому не товарищ»* (НК; «Жизнь национальностей», 2001); *Уборщик грузчику не товарищ* (НК; «Столица», 12.08.1997) и др. Налицо продолжение языковой тенденции к образованию многочисленных ПЕ¹ за счёт пословичного клише, канонического пословичного признака.

Цементирующим ядром окказионализма становится и мотив выклёвываемого глаза: *Как гласит театральная мудрость, критик критику глаз не выключает, но настроение попортить может* (Изв., 15.04.1997); *Главный главному глаз не выключает* [заголовок] (ЛГ, 1999 № 35, с. 5). Заметим, что преобразованные ПЕ, как и классические, могут сопровождаться традиционными метаоператорами типа «как говорится», «согласно пословице» и проч., что подтверждает стремление автора приблизить окказионализм к общеупотребительным паремиям.

Отметим и частоту воспроизведения на разном материале моделей отдельных ПЕ – с неполным сохранением их лексического состава: *Но тепла никто ни от кого не ждал: спасение замерзающих – дело рук самих замерзающих* (НК; «Известия», 10.04.2002); *Спасение пьющих дело рук самих пьющих* – о чистоте водопроводной воды (НК; «Профессионал», 1998); *Защита абонента – дело рук самого абонента* («Перекрёсток»). Компоненты *Спасение ... – дело рук самих...* составляют практически самодостаточное выражение «Спасение [в N-ой ситуации] – дело своих рук», что обеспечивает быстрое его опознавание и понимание его смысла в самых различных сочетаниях, в том числе – и вне контекста. Таким образом, возможность различных денотативных подстановок определяется неполновесностью отдельных составляющих ПЕ.

Родственность паремиям предложений, начинающихся со слов *Плох тот...* устанавливается на основании семантического и синтаксического критериев. Перед нами сложноподчинённое предложение с придаточным определительным, семантическое содержание которого на фоне главного воспринимается как указание на нечто более приоритетное, поощряемое, достигнутое: *Куда там обычной сельской школе до столичных?! Но, с другой стороны, плох тот руководитель, который не ставит перед собой высоких целей* (НК; «Марийская правда», Йошкар-Ола, 1.06.2003); *Плох тот поросёнок, который не мечтает стать овчаркой* (НК; «Коммерсантъ-Daily», 27.01.1996). Статусом ПЕ наделяются, как нам кажется, и те выражения, в которых, «хромает» логика – приоритетность того, на что указывается во второй части ПЕ, не очевидна: *Дескать, плох тот 39-й, который не мечтает стать сороковым* (НК; «Столица», 13.05.1997).

Для двучастных ПЕ характерно использование одной из частей и соединение её в тексте с тематически оправданным нестандартным элементом, напр.: *Собака лает, а Петросян шутит* (<http://www.pronline.ru/read>); *Заставь дурака Богу молиться, он и ядерное оружие применит* (<http://www.ua-today.com/modules/myarticles/article>) и др.

¹ Система приёмов преобразования устойчивых фраз подробно показана в словаре А. М. Мелерovich и В. М. Мокиенко, демонстрирующем возможности речевого употребления фразеологизмов и пословиц [1997].

² НК – ссылка на информационно-справочную систему Национального корпуса русского языка, представленного в электронной форме. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹ О пословицах, образованных по структурно-семантической модели «Икс не равен игреку» см. подробнее в [Селиверстова 2003].

Как синтаксис пословиц ориентируется на живые продуктивные модели языка [Тарланов 1999: 305], так и журналист, образуя окказиональные выражения, ориентируется на активные модели ПЕ, выразительные и компактные. Ср.: *Но какова родословная, такова и судьба. В современной России нет ни одного капитала с прозрачной кредитной историей* (НК; «Сов. Россия», 15.05.2003); *Это просто нелёгкая история государства российского приучила нас к жёсткой взаимозависимости: какова власть, такова и страна* (НК; «Профиль», 17.03.2003); *Каково общество, такова и элита* [заголовок]: *Какая бы у нас ни была элита – всё равно при нынешнем состоянии умов она не может быть активной и вести общество «к светлому будущему»* (Дело, 20.10.2003, с. 8); *Березовский и Проханов... Проханов и Зюганов... Союз антагонистов? <...> Каково время – таков проект. Время Д... Время дерьма у нас на дворе (то бишь колпромата, прошу прощения)* (КП, 24.10.2003, с. 8)..

Показательно, что в большинстве обнаруженных нами примеров с моделью «каков... – таков» актуализируются причинно-следственные отношения между двумя отрицательно оцениваемыми явлениями – «*поскольку плох X, то плох и Y*», хотя в принципе встречается и позитивная констатация зависимости.

Можно привести пример использования модели ПЕ, где при отсутствии характерной лексики исходной паремии сохраняется логическое соотношение обобщённых сущностей: *Лучше быть бесправным русским в Эстонии, чем русским с правами в России* (НК; «Криминальная хроника», 10.06.2003).

Многочисленное «прокатывание» модели ПЕ на разном лексикотематическом материале – второй из наиболее популярных способов их использования в языке СМИ. Какая именно из ПЕ послужила образцом для окказионального выражения – не столь важно, но в каждом случае автор прибегает к известной модели не только ради экономной передачи информации, но и ради экспрессивности, распространяющейся на весь микроконтекст. В тексте, как мы видим, на эти единицы приходятся весьма ощутимые «кванты» информации. Выбирая ту или иную модель для подачи материала, говорящий уже тем самым выражает своё отношение к назывному акту. Благодаря использованию моделей ПЕ с закреплённым за ними смыслом легко достигается близость интерпретации фактов отправителем и адресатом.

Литература

- Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; С.-Петербургск. гос. ун-т; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб. : СПбГУ, 1999.
- Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи : слов. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Изд-во «Русские словари», 1997.
- Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец-ти «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989.
- Селиверстова, Е. И. Вариативность пословиц как проявление законов жанра / Е. И. Селиверстова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. – 2003. – Вып. 3 (№ 18). – С. 44 – 54.
- Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : ПГУ, 1999.
- Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности : коллективная моногр. / Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991.

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПАРЕМИЙ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Категориальная сущность внутренней формы (ВФ) паремии является предметом рассмотрения, актуальным как для фразеологии в целом, так и для когнитивной фразеологии и паремиологии, изучающих механизмы «выражения интерпретированного при помощи фразем знания» [Алефиренко 2008б: 14]. В условиях признания паремиологического фонда периферийной зоной фразеологии особое звучание приобретают проблемы выявления когнитивных механизмов выражения знаний при помощи устойчивых единиц различных типов. Паремический фонд представлен устойчивыми сочетаниями и выражениями фольклорного происхождения, каждая разновидность которых демонстрирует свой индивидуальный набор категориально-функциональных признаков, обусловленный как общей фразеологической природой устойчивых единиц, так и жанровой, функциональной и когнитивной разнородностью фразем и паремий различного типа.

Обращаясь к основным разновидностям паремий, следует отметить, что пословицы, поговорки, приметы и загадки – паремические жанры, которые, с одной стороны, имеют категориально-функциональные различия, а с другой – совпадают по ряду параметров, актуальных для когнитивно-прагматического анализа, что и позволяет проводить их сопоставительное изучение применительно к одному аспекту семантического исследования. При этом вопрос о категориальной сущности ВФ фразеологических единиц вообще и паремий, в частности, остаётся в дискуссионном поле не только когнитивной лингвистики, но и фразеологии в целом.

Среди основных подходов к пониманию ВФ для современной науки о языке в целом и для фразеологии, в частности, следует выделить 1) этимологический – понимание ВФ как этимологически исходных мотивирующих признаков, 2) семиотический – признание ВФ в качестве средства закрепления первоначального номинативного содержания за планом выражения языкового знака, 3) структурно-семантический – определение ВФ как способа мотивировки значения языковой единицы или основного признака номинированного денотата. Применительно к единицам вторичной номинации (фразеологизмам) и прецедентным высказываниям (паремиям) вопрос о категориальном статусе ВФ усложняется целым рядом проблем, в частности, фразеологизмы реализуют не номинативную, а номинативно-образную функцию, в то время как различные типы паремий в большей или меньшей степени проявляют свойства текста, что подразумевает переосмысление тех признаков, которые формируют основу ВФ. Анализируя специфику ВФ фразеологических единиц, В. М. Мокиенко полагает, что она имеет «многослойную» структуру, что обусловлено «мощной диалектикой» фразеологической единицы, природа которой соотносима с актуаль-

ностью «специфичных для неё оппозиций: устойчивость – неустойчивость, моделируемость – немоделируемость, имплицитность – эксплицитность, образность – безобразность, экспрессивность – нейтральность», что и приводит в итоге к «постоянной актуализации внутренней формы идиом» [Мокиенко 2008: 67]. Н. Ф. Алефиренко, решая проблему категориальной сущности ВФ фразеологизма в когнитивно-синергетическом ключе, отмечает, что «как элемент языкового сознания внутренняя форма фраземного знака – средство косвенно-произвольного взаимодействия его означающего и означаемого, точнее, средство перевода содержания формы в форму содержания» [Алефиренко 2008б: 51]. При подобном подходе особенно интересно выявление тех особенностей, которые приносят формальные различия паремий в механизм реализации их ВФ.

Действительно, понимание ВФ как «средства экспликации образа, служащего способом соотношения предмета мысли и значения фраземы» [Алефиренко 2008а: 62], вполне приемлемо для характеристики поговорок, представляющих собой фразеологизмы в их традиционном понимании, а также для загадок, текстовая форма которых и фреймовая (ситуативная) обусловленность семантики, тем не менее, не заслоняет их основной функции – функции образной номинации денотата. Что же касается ВФ пословиц и примет, то она может толковаться скорее как средство экспликации образа, соотносящего исходную ситуацию и следующую из неё прагматически выраженную рекомендацию, поскольку, собственно значение пословиц, взятое вне контекста, выступает как обобщённое (отвлечённое от конкретной когнитивно-денотативной ситуации) и допускает большое число вариантов «прочтения» ВФ. Что же касается примет, то их прогностически-рекомендательная функция весьма самодостаточна, но при этом значение, выражаемое паремией, в принципе не актуально в отрыве от конкретной ситуации (погодно-природной, сельскохозяйственной, бытовой, ритуальной и т. д.), в которой она призвана регулировать действия и предсказывать возможный исход события. Соответственно, для когнитивной структуры, лежащей в основе пословиц и примет, ведущую роль играет фрейм в его взаимодействии с концептуальным «фоном» высказывания, а для поговорок и загадок структурообразующими являются концепты, связанные с денотатом высказывания, в то время как фрейм выполняет роль своеобразной «ситуативной периферии» когнитивной структуры паремии.

Таким образом, для поговорок и загадок функция образной номинации соотносима с механизмом формирования фразеологического значения, опирающегося на «совокупность знаний о первичном и вторичном денотате фразеологической единицы» [Алефиренко 2008б: 86]. При этом в качестве ядра фраземного знака Н. Ф. Алефиренко выделяет сам концепт (интенционал знака), а в качестве периферии – фрейм (импликационал знака) – ту ситуацию, обобщённый образ которой абстрагировано выражен во ВФ [Там же: 87]. Как нам кажется, у примет и пословиц акцентуализация (схема реализации) когнитивной модели прямо противоположная – в качестве ядра выступает фрейм, а концептуальная интегративная область выполняет роль «фона», периферии. Напр., поговорка *Креста на тебя нет* в основании когнитивной модели опирается на концептуальное единство «Совість=Честность», а фоновый фрейм «Че-

стное поведение» реализован во фрагменте взаимодействия слотов «Обман» и «Честь». ВФ паремии, таким образом, соотносит обобщённый образ ситуации с характеризуемым денотатом – ‘бесчестный человек’. В загадке *У нас под лавкой медвежья лапка (полено)* когнитивная модель высказывания «опирается» на набор признаков, соответствующих понятию «Большой размер». Концептуализация понятия наблюдается как раз вследствие соотнесения посредством ВФ понятийных признаков денотата с типичной культурной ситуацией (фреймом) «Дом». Так загадка выполняет свою номинативно-образную функцию в условиях наличия «фонового» фрейма, дающего необходимый «намёк» на разгадку денотативной сущности.

Для приметы *Радуга воды наберёт – опять дождь будет* определяющим в структуре когнитивной модели является фрейм «Радуга после дождя», реализуемый в конкретном сценарии, чётко представленном в тексте приметы. Концептуальный фон высказывания при этом мало существенен, так как значение приметы не характеризуется как обобщённое, а базируется на предметно выраженной когнитивно-денотативной ситуации. Для приметы с признаками обобщённого значения картина будет несколько иной: *В разбитое зеркало нельзя смотреться – чёрта увидишь* – частичное обобщение значения наблюдается и как следствие ряда формальных признаков (использование безличных форм настоящего и будущего времени), и как результат использования символически значимых для культуры денотатов (*зеркало* – проводник в потусторонний мир, *чёрт* – несчастье). Соответственно, структурообразующим для когнитивной модели паремии является фрейм «Гадание по отражению», а в качестве когнитивного фона выступают концепты «Беда/Несчастье» (*чёрта увидишь*) и «Неосторожность/Непослушание» (*нельзя смотреться*).

Для пословиц, характеризующихся наличием выраженного обобщённого значения и поликонцептуальной семантикой (способность текста пословицы репрезентировать различные когнитивные структуры, реализующиеся большей частью под влиянием дискурсивной интенции), в центре когнитивной модели находится фрейм как наиболее типичная ситуация, ставшая поводом для умозаключения. Напр., *Не поглядев в святцы, да и бух в большой колокол* – в данной пословице центральным звеном когнитивной модели является фрейм «Несвоевременное действие», образ этой ситуации, заключённый во ВФ высказывания, имеет опору на прототипическую когнитивно-денотативную составляющую церковного праздника, определяемого по святцам. Концептуальный фон высказывания же служит своеобразным «проводником» пословицы в дискурс, актуальный для обсуждения проблем торопливости, самоуверенности, некомпетентности и т. д.

Таким образом, можно предположить, что ВФ паремии – это своеобразное лингвокогнитивное образование, отражение в сознании образа исходной ситуации, которое, с одной стороны, соотносит когнитивную модель высказывания с той прототипической ситуацией, в которой последняя находит свою денотативную «опору». С другой стороны, ситуативность ВФ пословиц, поговорок, примет и загадок по-разному обнаруживает себя в ходе мотивации

исходного значения паремии, что в условиях конкретного дискурса, вне сомнения, усложнится ещё и влиянием определённой дискурсивной интенции.

Литература

Алефиренко 2008а: Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО «Изд-во “Элпис”», 2008.

Алефиренко 2008б: Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: БелГУ, 2008.

Мокиенко, В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.

К. П. Сидоренко

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

«КРЫЛАТЫЕ РАРИТЕТЫ» А. С. ГРИБОЕДОВА И ТИПОЛОГИЯ СЛОВАРЕЙ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

В словарях крылатых единиц насчитывается примерно 50–60 статей, входящих к текстам А. С. Грибоедова. Однако количество выражений, соотносимых только с комедией «Горе от ума», будет значительно больше, если учитывать разнообразие источников и случаи употребления редкие, даже единичные. Ассоциативную силу грибоедовского слова особенно тонко чувствовал М. И. Михельсон [Михельсон 1902–1903], введивший фразеологический материал фоново, как иллюстративный комментарий. Проблема организации семиотически усложнённого корпуса крылатых единиц как гипертекста по сути решается и в трудах С. Г. Шулежковой [см., напр., Шулежкова 2003]. Приведём ряд примеров редких крылатых выражений, словарная обработка которых предполагает известные оговорки.

Малоизвестность выражения даже при приблизительном знании текста «Горя от ума» не стирает чувства узнаваемости при «случайном» цитировании. Так, слова Чацкого *отважно жертвовать затылком* (II, 2) ('о способах делать карьеру, выслуживаться при помощи шутовства, подхалимажа и т. п.') неоднократно встречаются у Ф. М. Достоевского: *Но ведь это ничему не мешало: Гвоздиловы гвоздили по-прежнему <...> Монбазоны драли с живого и с мёртвого, кулаками в манжетах и ногами в шёлковых чулках давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагах, отважно жертвуя затылком* (Зимние заметки о летних впечатлениях, 1863). Показательно, что у Ф. М. Достоевского слово *затылок* заменяется синонимом *потилица* (*потылица*, по В. И. Далю, 'зашеина, затылок, загривок'), и цитата приобретает характер усложнённой реминисценции, втягиваясь в круг парадигматических вариаций: *Чего же вам хочется? Чтоб потилицей жертвовать, что ль. Не увлекаться, без поэзии* (Записи к «Дневнику писателя» 1876 г. Из рабочих тетрадей 1875–1877 гг.).

В одном из современных «литературных продолжений» «Горя от ума» обыгрывается объяснение «сумасшествия» Чацкого наследственностью (у

А. С. Грибоедова: «Фамусов. По матери пошёл, по Анне Алексеевне; / Покойница с ума сходила восемь раз» – III, 21): *Сегодня мы представляем репортаж нашего специального корреспондента в XIX веке Эммы Равич, побывавшей на балу у Фамусова <...> Окончательно же всё разладилось, когда в отместку Чацкому Софья заявила, что он не в своём уме. Весть немедленно была пересмыслена, – мол тот сошёл с ума, – и разнеслась по комнатам и залам, а уж потом, можно не сомневаться, облетит и всю Москву. Причин такому событию тут нашлось немало: сначала вспомнили мать Чацкого Анну Алексеевну, по общему признанию, сходящую с ума восемь раз... (Э. Равич. Репортёр на балу у Фамусова, 2005). Естественно, что тексты типа пародий и подражаний насыщены цитатами, ориентированными на воспроизведение исходного эпизода источника. Однако неожиданно нам встретился «непаспортизированный» раритет – также обыгрывание слов Фамусова:*

Старуха тронулась. И дело мы не возбудили –

Топор сама в себя вонзила. Вам отказ.

Смущает семь ножей в спине? Так мы установили:

Покойница с ума сходила восемь раз.

Комментарии: да, это переложение того знаменитого анекдота: «... спотыкается и падает случайно на мой ножик. И так семь раз...» (Д. Мартинсон. Интернет-чемпионат по бескрылкам, 2000).

В ряде случаев грибоедовская строка закономерно возникает как иллюстрация значения слова, ушедшего из активного употребления. Например, словосочетание *тюрлюрю атласный* (III, 7) встречается в разных контекстах: *Наталя Дмитриевна. Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный! Тюрлюрю – длинная женская накидка без рукавов из шёлковой шуршащей ткани. Собственно тюрлюрю – это звукоподражание, передающее шелест шёлка (хлопок и шерсть не имеют таких акустических эффектов). Шумящие платья были в моде ещё в конце XVIII в. [Кирсанова 1989: 230]; тюрлюрю атласный... Дамский наряд, мантилья <...> На парижском жаргоне «искусниц модных лавок», тюрлюрю означало и припев старинной песенки, и гитару, под которую песенка пелась (тюрлюрлет), и шаль, под которой носила гитару уличная певица, и, наконец, общедоступную девицу... [Кунарев 2004: 516]; «Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный!» [заголовок статьи И. Ахундовой]. Так восклицает Наталья Дмитриевна в комедии Грибоедова «Горе от ума». Тюрлюрю – это длинная женская накидка без рукавов из шёлковой шуршащей ткани. Два с половиной года назад увидеть её могли почитатели таланта Олега Меньшикова, придя на поставленный им спектакль «Горе от ума» (сценография и костюмы Павла Чапурина) (Моск. правда, 17.07.2003). Наконец, можно отметить и более отдалённые реминисценции: «Всё тот же тюлевым чепец» «княжны Елены» – чуть ли не «тюрлюрю атласный» Натальи Дмитриевны... [Онегинская энциклопедия 1999: 319]. Очевидно, что не Грибоедов ввёл это слово в русский язык, но также очевидно, что он является посредником в процессе интертекстовой деривации.*

Возникает проблема адекватного восприятия скрытой цитаты [см. об этом Шулежкова 2002: 170], здесь ещё одна сторона «раритетности». Например, в

«Горе от ума» дважды употребляется выражение *ногу в стремя* (II, 7 и III, 6). Встретив эти слова в ином контексте, мы можем взять на себя ответственность приписать их А. С. Грибоедову с оговоркой, предположительно, рискуя заслужить упрек за искусственное выделение «чужого слова», ср.:

*Пусть подведут коня – и ногу в стремя,
всё та же предо мной златая Стрельна,
как будто вновь залив во мгле белеет,
и вьётся новый снег, и козы блеют* (И. А. Бродский. Стрельнинская элегия, 1960).

Однако можем допустить, что разработка методики объективного установления межтекстовых связей – задача будущего, здесь необходим учёт соответствий по линии содержательной структуры в рамках интертекстовой деривационной цепочки.

И ещё один аспект в обработке редкой цитаты: имеется в виду то, что мотивирует интертекстовый шаг и требует комментария как текстологический курьёз. Так, напр., вошедшее в словари крылатое выражение из «Горя от ума» *И дым отечества нам сладок и приятен!* (I, 7) возводится к нескольким латинским пословицам [см. Бабичев 1986: 231]. Иногда эти слова Чацкого комментируются как «не совсем точная» цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (ср.: «*Отечества и дым нам сладок и приятен*»). Однако в «Горе от ума» стих Г. Р. Державина цитируется точно из первоначальной редакции «Арфы» (альманах «Аонида», 1798-1799, кн. 3, с. 14), имевшей заглавие «К арфе NN» [см. Западов 1957: 431]. Память о забытом варианте державинского стихотворения осталась в цитатном фонде русской словесной культуры именно благодаря А. С. Грибоедову. Здесь своеобразный «крылатый парадокс», требующий словарного комментария.

Ориентируясь на известную схему «общих словарей» [Ожегов 1974: 165-166], среди лексикографических изданий, посвящённых крылатике одного произведения (в данном случае – «Горя от ума»), можно выделить три типа. Во-первых, словарь краткий [Костомаров 1998], во-вторых, словарь среднего типа (учебный словарь-справочник) [СГ 2009], в-третьих, словарь расширенного типа [БСГ 2009]. В последнем случае с известной долей условности можно говорить об интертекстовом тезаурусе, включающем и комментирующем редкие крылатые единицы.

Литература

- Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. – 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986.
- БСГ 2009: Мокиенко, В. М. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума») / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко; под общ. ред. К. П. Сидоренко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
- Западов, В. А. Примечания / В. А. Западов // Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. – Л.: Сов. писатель, 1957. – С. 361 – 452.
- Кирсанова, Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. / Р. М. Кирсанова. – М.: Книга, 1989.
- Костомаров, В. Г. Читая и почитая Грибоедова: Крылатые слова и выражения / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – М.: Рус. яз., 1998.

Кунарев, А. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий: кн. для учителя и ученика / А. А. Кунарев. – М.: Изд.-торг. дом «Рус. редакция», 2004.

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. / М. И. Михельсон. – СПб., 1902 – 1903.

Ожегов, С. И. О трёх типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов / С. И. Ожегов. – М.: Высш. шк., 1974. – С. 158 – 182.

Онегинская энциклопедия: в 2 т. / под общ. ред. Н. И. Михайловой. – М.: Рус. путь, 1999 – 2004.

СГ 2009: Мокиенко, В. М. «Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: учеб. слов.-справ. / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко; под общ. ред. К. П. Сидоренко. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: моногр. / С. Г. Шулежкова. – М.: «Азбуковник», 2002.

Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М.: «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

Л. И. Степанова

Оломоуцкий университет им. Ф. Палацкого

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В НОВОМ ЧЕШСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

«Словарь чешской фразеологии и идиоматики», задуманный и созданный коллективом лингвистов Карлова университета под руководством известного чешского фразеолога проф. Ф. Чермака – солидный лексикографический труд, включающий в себя четыре тома: «Устойчивые сравнения», «Именные фразеологизмы», «Глагольные фразеологизмы» и «Фразеологизмы, имеющие форму предложения». Первые три тома (последний в двух частях) вышли в 1983 – 1994 гг. Они были переизданы вновь в 2009 г. [SČFL, 1-4, 2009], причём в данном издании к ним был присоединён новый фундаментальный том – «Сверхсловные фразеологизмы, или Фразеологизмы, имеющие форму предложения» («*Výrazy větné*»).

«Словарь чешской фразеологии и идиоматики» возник на основе Чешского национального корпуса (<http://ucnk.ff.cuni.cz>) – величайшего проекта в истории чешской лингвистики, созданного в соответствии с последними достижениями лексикографической науки. Все выражения, включённые в Словарь, снабжены подробнейшими пометами: грамматическими, стилистическими, описанием ситуации употребления, синонимами и антонимами, английскими, немецкими, французскими и русскими эквивалентами. Приводится также значение, краткий контекст, сочетаемость, в последнем томе и тип интонации, чего еще не было сделано ни в одном словаре, хотя фразеологи разных стран неоднократно высказывались за необходимость таких помет. Каждый том Словаря завершает идеографический (тематический) указатель содержащихся в нём единиц.

Последний том словаря – «Фразеологизмы, имеющие форму предложения» («Výrazy větné») – представляет собой новаторский труд, не имеющий себе подобных ни в чешской, ни в общеевропейской лексикографии. В нём собраны все устойчивые выражения, которые обычно остаются за пределами фразеологических (паремиологических, толковых и других) словарей в силу их чрезвычайного формального разнообразия, «разношерстности», несмотря на то, что их устойчивость и «опознаваемость» явно выделяет их из массы свободных словосочетаний.

Устойчивые выражения извлекались из материалов Чешского национального корпуса, из многочисленных записей разговорной речи, произведённых в течение последних двадцати лет (выражение вносилось в словарь только в случае повторения в двух независимых друг от друга записях), и из данных проведённого анкетирования.

Поскольку в нашей статье будут описаны крылатые выражения, содержащиеся в новом томе «Словаря чешской фразеологии и идиоматики», то далее мы сосредоточимся именно на томе «Фразеологизмы, имеющие форму предложения».

Отбор материала для всех томов Словаря подчинён дефиниции фраземы и идиомы, выработанной проф. Ф. Чермаком: это любая устойчивая и аномальная комбинация как минимум двух словоформ, для которых характерно то, что по крайней мере одна из них не комбинируется в данном значении и функции с другой словоформой [ŠCFL, 4, 2009: 9].

В последний том вошли очень разные по структуре выражения. Сами авторы Словаря подчёркивают, что в языке существует огромное количество языковых единиц, которые трудно подвести по какому-то определению. Для них было создано, по образному выражению авторов, большое количество «наклеек», часто расплывчатых и перекрывающих друг друга, напр., афоризм, анекдот, цитата, формула, пословица, присказка, крылатое выражение, поговорка и многие другие [ŠCFL, 4, 2009: 10]. В предисловии к Словарю указывается, что поэтому в вокабулах не приводится точной характеристики типа оборота, исключение составляют только абсолютно ясные выражения, напр., пословицы.

Пословицы составляют около одной десятой части материала. История их лексикографической презентации имеет в Чехии длительную традицию, однако очень часто паремии некритически заимствуются из словаря в словарь, в результате чего повторяются пословицы, которые редко используются современными носителями языка. Авторы нового Словаря взяли на себя труд кропотливой проверки актуальности паремий, поэтому в Словаре представлено именно актуальное паремиологическое ядро современного чешского языка (впрочем, актуальность – главное правило авторов, весь Словарь – ок. 10 000 выражений – это репрезентативный фразеологический фонд чешского языка).

В Словарь также вошло много выражений междометного характера (напр., *To je báječný!* – Великолепно!; *Jedna báseň!* – Прекрасно!; *Просто красота!*; *Jo bejvávalo!* – Да, были времена!; *Ruplo ti v bedně?* – Ты с ума сошёл? и др.) и выражений, имеющих форму поговорок, разного типа афоризмов, рифмованных присказок (ср.: *Měj se krásně, skládej básně!* – Живи-поживай, стихишки

пописывай [Здесь и далее перевод наш – Л. С.]; *Kam se na něj hrabe!* – Куда ему с ним тягаться!; *To by tak hrálo (aby...)*! – Не хватало ещё (чтобы...)!).

В материал четвёртого тома включены также многие обороты, которые в русской фразеологической традиции чаще всего относятся к классическим фразеологизмам и приводятся в форме инфинитива, напр.: *Je to na beton* (букв. «Это на бетон») – ср. совр. рус. *Сто пудов* ('точно, ручаюсь головой'); *Je to těžký jako bejk (prase)* (букв. «Тяжёлое как бык, свинья») – *Тяжёлое как гири* ('очень тяжёлое').

Выделены в отдельные выражения фразеологизмы-ответные реплики, напр.: *Až pokvetou hrábě!* (букв. «Когда грабли расцветут») – *После дождичка в четверг!*; *Starou belu!* – *Чёрта лысого!*

И, наконец, весьма значительную часть Словаря составляют крылатые выражения. Нужно отметить, что если в русской лексикографии появилось уже несколько фундаментальных словарей крылатых слов [ср. Шулежкова 2003; БСКСиВ 2008–2009; Дядечко 2001–2003; Chlebeda 2003 и др.], то в чешском языкознании до сих пор нет ни одного подобного словаря, поэтому первое представление чешской крылатики в новом словаре – весьма важное и своевременное событие.

В Словаре фиксируются не только чешские, но и иноязычные крылатые выражения, причём многие из них приводятся в оригинальном написании, напр.: *Ab love principium*; *All the world is a stage*; *Alles schon dagewesen*; *cherchez la femme* и др. Впервые здесь отмечены словацкие крылатые выражения, закрепившиеся в чешском языке за время совместного проживания чехов и словаков в единой Чехословацкой Республике: *Boha jehol!*; *Tu som, netreba ma hladať*.

Важная положительная черта нового Словаря – присутствие в нём (как и в первых трёх томах) этимологических комментариев к избранным единицам. Так, здесь отмечаются крылатые выражения:

– из латыни: *Bláho národa (budiž) nejvyšším zákonem* – *Благо народа – высший закон*; *Bud' všechno nebo nic* – *Всё или ничего*; *Co bylo, bylo* – *Что было, было*;

– из английского языка: *Být či nebýt* – *Быть или не быть*; *Je to fifty fifty* – *Фифти-фифти*; *Cesta do pekla je dlážděna dobrými předsevzetími* – *Дорога в ад вымощена благими намерениями*;

– из французского языка: *To je bouře ve sklenici vody* – *Буря в стакане воды*;

– из арабского языка: *Bože, chraň mě před tými přáteli, před nepřáteli se ochraním sám* – *Боже, спаси меня от друзей, с врагами я справлюсь сам* и др.

Многие крылатые выражения восходят к общему культурному наследию европейских народов, напр., к Библии (*Blahoslovení chudí duchem!* – *Блаженны нищие духом!*; *Břevno v oku svém nevidíš* – *Бревна в своём глазу не видишь*; *Bůh stvořil člověka k obrazu svému* – *Бог создал человека по образу и подобию своему*), к античной истории (*Nevstoupíš dvakrát do stejné řeky* – *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку*), к европейской истории и культуре (*Kdyby Bůh neexistoval, museli bychom si ho vymyslet* – *Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать*) и др.

Широко представлены в Словаре и чешские крылатые выражения, большинство из которых фиксируется в чешской лексикографии впервые. Это обороты:

– из произведений чешских писателей и поэтов: *Car necar* – букв. «Царь нецарь» (К. Г. Боровски); *Však ještě žije českých bitev bůh!* – букв. «Дух чешских битв ещё жив!» (Я. Неруда); *Byli jsme a budem!* – букв. «Мы были и будем!» (Й. Сладек) и др.;

– из молитв и колядок: *Andělíčku, můj strážníčku* – букв. «Мой ангел-хранитель»; *Půjdem spolu do Betléma* – букв. «Пойдём вместе в Вифлеем»;

– из народных песен: *Holka modrooká* – букв. «Синеглазая девушка»; *Napíj se, bratříčku...* – букв. «Выпей, братишка!»;

– из гуситских и революционных песен: *Ktož jste boží bojovníci* – букв. «Кто вы, божьи воины»; *I kdybychom padli všichni, vstanou noví bojovníci* – букв. «Даже если мы все падём, придут новые воины»;

– из оперетт: *Blondýnky sladké, ty mám tak rád* – букв. «Блондинки сладкие, как я вас люблю»;

– из фильмов: *Hopsa hejsa do Brandejsa* – букв. «Поспешим в Брандейс»; *Jednou jsi dole a podruhy nahoře* – букв. «Когда-то ты внизу, а когда-то наверху» и др.

Интересно, что в предисловии авторы отмечают, что не будут приводить в Словаре лозунгов эпохи социализма (напр., *Sovětský svaz náš vzor* – букв. «Советский Союз – наш образец») и эпохи бархатной революции, утратившие сейчас актуальность (напр., *Zpátky do Evropy!* – букв. «Назад в Европу!»), однако выдвинутое ими требование живого употребления заставляет их включить в материал такие выражения, как, напр., *Poslední bitva vzplála* («Интернационал»); *K budování a obraně vlasti bud' připraven!* (клятва пионеров); *Jsm s vámi, bud'te s námi!* (лозунг периода Пражской весны 1968 г.) и т. п. Такое отступление представляется нам весьма закономерным и оправданным, т. к. лозунги прежних лет, как отмечают и все российские исследователи крылатики, всё ещё активно используются в прессе и литературе и уйдут в прошлое, по-видимому, только с уходом поколений, живших при социализме.

К целому ряду крылатых выражений приводятся комментарии, связанные с их историей и этимологией. Во многих случаях эти данные совпадают с данными русского словаря [см. БСКСиВ 2008–2009]. Например, выражение *буря в стакане воды* – *bouře ve sklenici vody* чешский словарь SČFI 4 и русский БСКСиВ одинаково возводят к высказыванию Монтеस्कье, отмечая, однако, что уже ранее подобный оборот – *excitare fluctus in simpulo* – употребил Цицерон. Однако нередко этимологические гипотезы в одном из словарей шире или совсем расходятся. Так, крылатое выражение *Кто не с нами, тот против нас* – *Je proti nám, kdo není s námi* чешский словарь связывает с произведением чешского поэта Й. Сладека (1880), отмечая, правда, что существует и оборот *Kdo není s námi, je proti nám*, часто использовавшийся в коммунистической печати. БСКСиВ даёт более подробное изложение: «Возникло на основе евангельского выражения “Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает” [Мф., 12; 30; Лк., 11: 23], слова Иисуса» [БСКСиВ 2008: 547] и да-

лее: «В эпоху воинствующего социализма это выражение стало лозунгом классовой ненависти» [Там же: 548]. С другой стороны, в SČFI 4 отмечается выражение *Musíme tam všichni* (лат. *Omnes eodem cogimur*) – *Все там будем*, отсутствующее в БСКСиВ.

Таким образом, появление нового тома «Словаря чешской фразеологии и идиоматики» важно ещё и потому, что сопоставление этимологических версий в словарях разных европейских языков, которых до сих пор ещё крайне недостаточно, позволит установить наиболее верное изложение истории и этимологии фразеологизмов (в том числе и крылатых слов), пополнить имеющиеся в европейской лингвистике знания.

Литература

БСКСиВ 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

Дядечко, Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря) / Л. П. Дядечко. – Киев : Комп'ютерпрес, 2001 – 2003.

Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1 000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W. M. Mokienko, S. G. Szulejkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.

SČFI 1-4: Slovník české frazeologie a idiomatiky. – Praha : Leda, 2009. – D. 1. Přirovnání; D. 2. Výrazy neslovesné; D. 3. Výrazy slovesné; D. 4. Výrazy větné.

Д. З. Сулейманова
(Магнитогорский государственный университет)

МАРЬЯЖНЫЕ ДАМЫ И КРАЛИ

Постоянное пополнение и обновление словаря общеупотребительного языка в ту или иную эпоху происходит за счёт единиц, приходящих из различных сфер: из сферы специальной лексики, просторечия, социальных и территориальных диалектов и т. д. Пополняется язык также устойчивыми и крылатыми выражениями, проходящими процесс стабилизации в речевой практике. По всей видимости, в этих процессах транспозиции единиц различных сфер в общее употребление можно обнаружить сходные общие тенденции и отдельные закономерности.

Выводы, к которым пришли учёные, наблюдавшие за крылатыми единицами, заставляют задуматься и над отдельными явлениями процесса детерминологизации специальной лексики. Многие крылатые выражения имеют два источника: во-первых, исходное, например, литературное (часто поэтическое) произведение, во-вторых, произведение, сделавшее их популярными: романс, песня, опера или другое литературное сочинение, процитировавшее первоисточник. На это справедливо указывала С. Г. Шулежкова, говоря о «двой-

ном авторстве» крылатых выражений: «... необходимо разграничивать, во-первых, право автора-сочинителя и, во-вторых, заслугу автора-популяризатора. Значение крылатого выражения обычно обогащается за счёт ассоциации с тем произведением, оторвавшись от которого оно стало крылатым, приобрело известность, ибо “хозяином положения” в данном случае является носитель языка (читатель, слушатель), который “заметил”, выделил понравившееся ему выражение из вполне определённого “макротекста”, и именно к нему обращается его “генетическая память” в поисках осмысления данной языковой единицы» [Шулежкова 2002: 179].

Наличие двух источников, двух сфер, в которых функционировала единица до того, как стать фактом общего употребления, возможно, вообще является обстоятельством, провоцирующим, облегчающим процесс перехода, причём вторая сфера – передающая – оказывает решающее воздействие на формирование её новой семантики. Подобное явление может иметь место и при детерминологизации специальной лексики: происходит миграция слова (выражения) из исходной терминологической сферы в передаточную – также терминологическую, где единица «обрастает» новыми смыслами и коннотациями, а уже затем, обогащённая приросшими в обеих сферах семантическими оттенками, она попадает в общенародный язык.

Карточная терминология функционирует в двух специальных сферах – сфере азартных или коммерческих игр и в сфере карточного гадания, причём гадательная функция является для карт вторичной. Гадательная карточная терминология возникает на базе игрецкой, но в этой гадательной терминологической области термины (даже при сохранении общего значения) приобретают новую семиотическую наполненность. Это отмечал В. В. Виноградов, говоря о «символических формах гадательного жаргона»: «Выражения гадательного жаргона двупланны: за именами и знаками карт скрыт мир людей, вещей и событий <...> Название карты становится условным символом личности, события или движущей силы, причины происшествий» [Виноградов 1936: 93]. Полагая, что на формирование общеупотребительного значения у некоторых карточных терминов оказала решающее влияние именно «передающая», гадательная сфера, а не исходная игрецкая. Детерминологизация подобных слов происходила в русском языке в XVIII – XIX вв., когда и карточные игры, и карточные гадания были чрезвычайно широко распространены в России.

Слово *марьяж* заимствовано из французского языка, где имело значение ‘брак, свадьба’, но широкое распространение в русском языке и фонетическое, грамматическое, семантическое освоение оно получило в специальной сфере карточных игр. С. И. Ожегов отмечал: «Заимствование существительных на *-аж* шло по основному пути – терминологическому» [Ожегов 1974: 79]. Свидетельство того, что игра *марьяж* была широко известна в начале XVIII в., находим у В. О. Михневича, который цитирует дневник путешествовавшего по России в 1722 г. А. Берхгольца: «... Мне очень хотелось узнать, что это будет за игра, но как скоро мой партнёр сдал себе и мне только шесть карт и одну выбрал, я тотчас же понял, что игра наша – *марьяж*, особенно когда он после первой взятки открыл настоящий *марьяж*. Тогда игра пошла уже легко» [Михневич 1901: 153].

Об этой игре упоминает бригадирша в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (сер. XVIII в.), объяснение её правил находим в одном из руководств по карточным играм конца XVIII в. [Комов 1779: 47]. Термин *марьяж*, обозначавший короля и даму одной масти, использовался тогда и впоследствии во многих играх: *гимбарда*, *мушка*, *тысяча*, *шнопс*, *шестьдесят шесть* и др.

Слово *марьяж* было заимствовано гадательной сферой, где видоизменило значение (не без влияния французского источника). Если при раскладе выходили дама и король интересующих мастей (не обязательно одной, масть могла зависеть и от цвета волос «героев» гадания, их возраста и социального положения), то эта ситуация обозначалась словом *марьяж* и предсказывала будущий брак, свадьбу для гадающего. Гадальщицы даже различали гадание на будущее (общий прогноз событий) и *марьяжное* гадание (на любовь и брак). Существовал специальный «брачный» пасьянс – «*Марьяж* гадальщицы». Именно в сфере карточного гадания лексема активно начала образовывать производные слова (*марьяжиться*, *замарьяживать*), стала расширяться их сочетаемость, образовались до сих пор используемые устойчивые сочетания: *марьяжный король*, *марьяжная дама*, *марьяжный интерес*, *марьяжная любовь*, *марьяжная постель*. Описания систем гаданий не издавались вплоть до конца XIX в., передавались изустно и дошли в целом в неизменном виде до наших дней, даже метод знаменитой гадалки Ленорман не зафиксирован в источниках того времени, а реконструирован уже в XX в. [Лесной 1994: 326]. Поэтому сошлёмся на современные источники: «**Марьяж**. Колода перемешивается, и из неё извлекают червового короля и червовую даму. Даму выкладывают, а короля убирают в конец колоды. Карты выкладывают по одной и убирают их из расклада... Если в результате остаются только дама и король червей, загаданная пара будет вместе. Раньше так гадали на свадьбу, теперь времена изменились и, соответственно, свадьба не обязательна» [Марьяж <http://>]; «При гадании, когда девушке выпадает определённое сочетание карт – короля и дамы одной масти, восклицание «МАРЬЯЖ!!!» означает, что девушку ожидает свадьба» [Там же].

В словарях лексема *марьяж* и её производные отмечаются только с середины XIX в. Наряду со специальным значением в них фиксируется и переносная общеупотребительная семантика, сформировавшаяся под решающим воздействием «гадательного» значения и связанная с «любовными» отношениями либо с понятием брака: «**Марьяжить** кого, замарьяживать, залучать поклонника, привязывать к себе обожателя» [Даль 1989: 301]; «**Марьяж**. Брак // Пара, чета», «*Марьяжный* – относящийся к марьяжу, свадьбе», «*Марьяжить* – стараться устроить марьяж, сватать; залучать поклонника» [Словарь русского языка 1929: 281], «**Марьяж**. 1. Брак, свадьба (прост. устар. или в гадании на картах)...», «**Марьяжный**. В карточном гадании – предсказывающий свадьбу» [ТСУ 1938: 150-151]. Уже в XIX в. анализируемое слово и его производные тяготели к просторечной среде, в XX в. квалифицировались как устаревшие либо стилистически ограниченные, переключаясь в арготическое употребление, они испытали дальнейший сдвиг в семантике.

На развитие неспециального переносного значения у слова *краля* также сильно повлияла символика карты в гадательной системе. Это слово было за-

имствовано из чешского языка в конце XVI – начале XVII в. как обозначение карты, изображающей женщину с короной [Чернышёв 1970: 448] и с конца XVIII в. начало вытесняться конкурирующим термином *дама*. Существительное *краля* с начала XIX в. всё больше становится фактом простонародного и областного употребления, где старый термин является единственным наименованием этой карты. В такой среде и произошло метафорическое переосмысление слова, основанное как на внешнем виде карты (изображение красивой и нарядной женщины с символами власти), так и на её функциях в гадательной системе, где она могла олицетворять различных женщин, связанных с гадающим. Образовалось диффузное переносное значение, предполагающее возможность реализации в речевом употреблении различных оттенков, основанное на ассоциативных представлениях, что отражается в словарях и выявляется при анализе семантики нового переносного употребления в художественной речи. В переносном значении слова *краля* можно выделить следующие оттенки: ‘женщина благородного происхождения’, ‘гордая, капризная женщина’, ‘женщина, за которой кто-то ухаживает, любовница’, ‘красивая женщина’, ‘нарядная женщина, шеголиха’ (иногда иронично). Все эти оттенки значения сформировались именно благодаря терминологии гадания, где символика карты менялась в зависимости от масти (к тому же в разных системах гадания дама определённой масти могла олицетворять разные признаки, на значение влияло и соседство с другими картами). Приведём в пример некоторые толкования. В гадании «Киевская ворожея» бубновая дама – преданная женщина, червонная дама – добрая женщина, благодетельница, трефовая дама – соперница, недоброжелательница, пиковая дама – вдова, обиженная женщина; в гадании «Египетская пифия» пиковая дама – богиня мудрости, неприступная женщина, величие, трефовая – богиня хлебопашества, крестьянка, бубновая – богиня любви и красоты, покровительница хороших девушек и любовных интриг, червонная – покровительница ночи и охоты; в гадании «Сивилла» пиковая дама – злая женщина, трефовая – верная подруга, бубновая – неверная женщина, червонная – фаворитка и т. д. [Лесной 1994: 135]. Особенно часто в переносном значении употреблялось устоявшееся выражение *червонная краля* (карта, олицетворявшая взрослую привлекательную женщину, имеющую «марьяжный», любовный интерес): «Запрягать, запрягать, *краля моя червонная!* – отвечал Гвоздиков. – Да где мужики-то?» (Н. С. Лесков. Разбойник); «*Краля червонная* ты, а твой Карп Пантелеич просто козырный король – выбирай, какой» (Н. А. Некрасов. Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна).

Некоторые из выражений картёжно-гадательного языка попали в литературный язык не непосредственно из терминологического употребления, как описанные выше, а через художественные произведения, пройдя путь превращения в крылатые единицы (см., например, термин *червонный валет*, зафиксированный в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» [БСКСиВ 2009: 547]).

Литература

- БСКСиВ 2009: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова ; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Armdt-Universität, 2009. – Т. 2.
- Виноградов, В. В. Стиль пиковой дамы / В. В. Виноградов // Пушкин. Временник пушкинской комиссии / АН СССР ; Ин-т литературы. – М.-Л., 1936. – Т. 2. – С. 74 – 147.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – Т. 2.
- Комов, Г. Описание карточных игр, с показанием правил / Г. Комов. – СПб., 1779. – Ч. 1.
- Лесной, Д. С. Игровой дом : энциклопедия / Д. С. Лесной. – Вильнюс : Полина, 1994.
- Марьяж [http: // Марьяж \[Электронный ресурс\].](http://www.mariage72.ru/about/) – Режим доступа : www.mariage72.ru/about/. – Загл. с экрана.
- Михневич, В. О. История карточной игры на Руси / В. О. Михневич // Исторический вестник. – 1901. – Т. 83. – С. 68 – 85.
- Ожегов, С. И. Существительные на *-аж* в русском языке // С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. – М. : Высш. шк., 1974. – С. 72 – 92.
- Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии Наук СССР. – Т. 6. – Вып. 2. – Л., 1929.
- ТСУ: Толковый словарь современного русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. – М. : ОГИЗ, 1938. – Т. 2.
- Чернышёв, В. И. Терминология русских картёжников и её происхождение. Статья первая // Избранные труды : в 2 т. / В. И. Чернышев. – М., 1970. – Т. 2. – С. 439 – 464.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

О. П. Фесенко

Омский экономический институт

ТЕОРИЯ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Фразеология – сравнительно молодая лингвистическая дисциплина. С одной стороны, она бурно развивается в русле основных лингвистических направлений. С другой – многие вопросы фразеологии до сих пор не имеют однозначного решения. Прежде всего, это касается трактовки самого термина *фразеологизм* и набора его базовых признаков. Отсутствие единой точки зрения порождает различные подходы к анализу структуры фразеологизмов, типов варьирования; полисемии, омонимии и синонимии во фразеологии.

Современные исследователи по-разному трактуют фразеологическую единицу (ФЕ), выделяя в качестве критериев её определения воспроизводимость, устойчивость, целостность значения (идиоматичность), раздельнооформленность, возможность сочетаться со словом, принадлежность к номинативному инвентарю языка и отсутствие объективной модальности вне текста, асимметрию плана содержания и плана выражения, способность выражать культурно-исторический смысл и т. п.

В зависимости от того, какие критерии рассматриваются в качестве определяющих (категориальных), состав фразеологии либо резко сужается до идиом, либо расширяется до коллокаций (А. Н. Баранов, В. Н. Телия), пословиц и поговорок (коммуникативных ФЕ – термин А. В. Кунина), крылатых выражений, фразеосхем (синтаксических фразеологизмов – термин А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского) и клише.

Для того чтобы снять вопросы, связанные с определением границ фразеологии, обратимся к основным, традиционно выделяемым критериям определения фразеологизмов.

Воспроизводимость – это базовое свойство фразеологизма, заключающееся в его способности не создаваться в процессе речи, а извлекаться из памяти носителя языка в готовом виде. Однако в последнее время появились работы, в которых воспроизводимость рассматривается не как свойство, присущее исключительно фразеологизмам, а как свойство всех элементов языковой системы. Именно поэтому воспроизводимость не может являться, по нашему мнению, основным категориальным признаком ФЕ.

Идиоматичность – смысловая неразложимость фразеологизма вообще (В. П. Жуков), цельность значения (Н. А. Павлова), целостность значения (А. В. Кунин). Идиоматичность в той или иной степени присуща всем фразеологизмам, но проявляться она может в различных формах: целостность, неразложимость значения, невозможность его мотивировать, наличие в языке простого наименования обозначенного во фразеологизме явления. Именно этот признак может являться одним из ведущих при определении ФЕ, поскольку он помогает разграничить фразеологизм и свободное словосочетание.

Благодаря наличию целостных фразеологических значений с общей категориальной семьей фразеологизмы могут быть соотнесены со словом определённой части речи [Чепасова 1983].

Устойчивость как один из ведущих признаков фразеологизма имеет наибольшее число несовпадений в трактовке термина. По мнению А. Н. Баранова, устойчивость «проявляется в регулярном воспроизводстве некоторого словосочетания носителями языка» [Баранов 2008: 51]. В. П. Жуков рассматривает устойчивость как «форму проявления идиоматичности применительно к конкретному данному фразеологизму» [Жуков 1978: 9]. А. В. Кунин основными показателями устойчивости считает регулярность употребления, семантическую осложнённость, раздельнооформленность и невозможность образования по порождающей структурно-семантической модели переменного сочетания слов [см. об этом: Кунин 2005: 56].

Понимая под устойчивостью, прежде всего, постоянство состава ФЕ, большинство исследователей сталкиваются с проблемой квалификации фразеологизмов, имеющих структурные варианты. Тогда устойчивость, как критерий выделения ФЕ, становится относительной. Именно поэтому «положение об устойчивости фразеологизма не может войти в его определение в качестве ведущего <...> устойчивыми являются далеко не все фразеологизмы» [Бурмистрович 2006: 32].

Раздельнооформленность обусловлена тем, что фразеологизм генетически восходит к словосочетанию, поэтому в его составе всегда два и более ком-

понентов. При этом ФЕ переходит в особую единицу с иными, чем у словосочетания, признаками. Раздельнооформленность является именно тем признаком, который отделяет ФЕ от слова, поэтому, наряду с наличием целостного фразеологического значения, рассматривается нами как одно из ведущих свойств ФЕ.

Итак, под *фразеологизмом* мы понимаем раздельнооформленную, относительно устойчивую единицу языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определённой части речи и выражает единое целостное понятие. Это узкое понимание фразеологии, тем не менее, не является единственно верным. Даже при учёте основных категориальных признаков фразеологизма остаются языковые единицы, принадлежность которых к фразеологическому фонду вызывает споры. Это явление связано, прежде всего, с тем, что фразеологический состав языка представляет собой динамическую систему. Нам представляется, что фразеология не характеризуется чётко очерченными границами. Именно поэтому продуктивнее рассматривать фразеологический состав как систему с относительно устойчивым центром и периферией.

При определении центра (ядра) системы и её периферии мы обратились к исследованиям когнитивной лингвистики, в частности, к «Теории прототипов и категорий базисного уровня» Э. Рош [см. об этом: Скребцова 2000: 90-93]. Согласно данной теории, центром системы, типичным для неё элементом является тот, который соответствует определённому набору критериев в полном объёме (его называют прототипом). В нашем случае – это ФЕ, обладающие основным набором категориальных критериев выделения фразеологизмов: 1) идиоматичностью, предполагающей, во-первых, целостность значения (что позволяет соотнести фразеологизм со словом определённой части речи); во-вторых, невозможность мотивировать значение ФЕ, её образность; в-третьих, наличие в языке простого наименования обозначенного во фразеологизме явления; 2) раздельнооформленностью.

Остальные элементы фразеологической системы также являются «сто-процентными», различие заключается только в их типичности, т. е. в степени близости к прототипу. При сохранении категориальных признаков такие единицы могут отличаться от прототипа следующими чертами:

1. Степенью идиоматичности. Часть ФЕ имеет значения, образность которых утрачена: *в роде (кого, чего)* – ‘подобно (кому, чему)’, *к стати* – ‘уместно’ и т. д. При целостности фразеологического значения и возможности подбора простого наименования обозначенного во ФЕ явления, мы можем говорить, что языковая единица является фразеологизмом, располагаясь на периферии фразеологической системы. На периферии фразеологии находятся пословицы, поговорки и крылатые выражения, обладающие воспроизводимостью и образностью, но лишённые целостности значения.

2. Генетическим характером компонентов. Чаще всего фразеологизмы включают в свой состав компоненты, восходящие к знаменательным частям речи. Однако в языке существуют предложно-падежные сочетания (*на деле* – ‘в действительности’, *до сита* – ‘вдоволь’ и т. п.), один из компонентов которых

восходит к предлогу. Поэтому часть исследователей не считает такие единицы фразеологизмами. Подобные ФЕ обладают целостным фразеологическим значением, раздельнооформленностью и соотносимостью со словом определённой части речи, что приближает их к прототипу и делает полноценными членами фразеологической системы.

3. Принадлежностью к номинативному инвентарю языка. Традиционно ФЕ соотносились на основе семантических и грамматических свойств с определёнными знаменательными частями речи. В связи с этим единицы типа *в виду (чего)* – ‘из-за’, *да ведь* – ‘но’ в состав фразеологии не включались. Однако они, как и предыдущая разновидность ФЕ, обладают целостным фразеологическим значением, раздельнооформленностью и соотносятся со словом определённой части речи (в данном случае со служебными частями речи), а значит, являются полноценными членами фразеологической системы.

Кроме того, «растяжимость» системных границ фразеологии обусловлена уровнем знаний, накопленных и используемых в науке. Поэтому ограничиваться жёсткими рамками определения границ фразеологии нецелесообразно. Гораздо продуктивнее – чётко установить, какие признаки ФЕ являются определяющими, а какие – периферийными.

Литература

Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии : моногр. / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008.

Бурмистрович, Ю. Я. Из основного о фразеологизме / Ю. Я. Бурмистрович // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской. – Курган : КГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 31 – 34.

Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец-ти «Рус. яз. и лит.» / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978.

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005.

Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Анатолия, 2000.

Чепасова, А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов : учеб. пособие к спецкурсу / А. М. Чепасова. – Челябинск : ЧГПИ, 1983.

Ж. Финк

Философский факультет Загребского университета

О ХОРВАТСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТАМИ *LETVICA* И *ПЛАНКА*

Возникновение многих хорватских и русских фразеологизмов мотивировано сферой спорта, причём образ, лежащий в их внутренней структуре, может относиться к спорту вообще, к определённому виду спорта, к правилам игры, к спортивным снарядам и т. д. (напр., *skupljati bodove (poene)*, *odskočna daska*, *greška u koracima*, *stati na loptu*; *игра в одни ворота*, *положить на <обе> лопатки кого*, *удар ниже пояса*, *ход конём*). Такие обороты весьма часто употреб-

ляются в публицистике, в текстах, относящихся к политике¹, экономике, хозяйству, но нередко их можно услышать и в устной речи. Изучению фразеологических оборотов, порождённых спортивной сферой, посвящены работы Н. А. Онищук [2009], А. В. Савченко [2006, 2009], Ж. Финк [2001, 2002], В. Хлебды [2005], А. Hrnjak [2007].

В данной работе рассматриваются хорватские и русские фразеологизмы с компонентами *letvica* и *планка*, пришедшие из лёгкой атлетики. Они сравнительно недавно появились в обоих языках. Планка² (*letvica*³) – это часть спортивного снаряда, перекладина, сделанная обычно из лёгкого металла, которую ставят между двумя стойками для прыжков в высоту или с шестом. Словосочетания из речи спортсменов *podignuti letvicu* (досл. «поднять планку») и *взять планку* обозначают момент, когда прыгун либо поднимает планку на весьма солидную высоту, либо он уже прыгнул на такую высоту. Приведённые словосочетания получили переносное значение и в качестве устойчивых вошли в общий фразеологический фонд хорватского и русского языков⁴.

В хорватском языке оборот *podignuti letvicu* ('postaviti sebi ili drugome težu zadatak') впервые фиксируется в 1998 г. в «Словаре хорватского языка» Владимира Анича [Anić 1998].

Появление у слова *планка* значения ‘уровень, степень, показатель значимости чего-л. (*перен., газ.-публ.*)’ в русском языке появляется в 1987 г. и фиксируется в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов» [Новые слова и значения 1997]. После заголовочного слова и его семантической разработки следует «устойчивое нетолкуемое словосочетание нефразеологического характера»⁵ *поднять (поднимать), повисить (повышать) планку*, а затем даются примеры его употребления, из которых видно переносное значение и в которых легко определяется смысл устойчивого словосочетания в приведённых контекстах: *Работа над картиной для меня – настоящая радость <...> Каждый раз я стараюсь **повышать планку** <...> Это для меня принципиально важно: всякий раз хоть на йоту добиться лучшего результата, чем в предыдущей ленте.* СК 03.01.87; *Новый директор ДК сразу поставил для себя <...> цель – **поднять планку**. Никакой халтуры <...> Всё должно быть как на лучших сценах страны.* Ог. 1988, 16.

Что касается фразеологизмов с опорным словом *планка*, они фиксируются всего в нескольких словарях современного русского языка. В словаре «Новая русская фразеология» [Мокиенко 2003] приводится один оборот: *брать/взять планку чего* ('преодолевать уровень чего-л., достигать успехов в чём-л.'), в то время как в «Современном фразеологическом словаре русского языка» А. В. и М. Е. Жуковых [Жуков 2009] фиксируются два оборота: *устанавливать (устанавливать) <высокую> планку* ('предъявлять исключительные требования к кому-

¹ Ср. метафору ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ, *POLITIČKI ŽIVOT (POLITIKA) JE SPORT*.

² Планка также обозначает любую продолговатую дощечку или металлическую пластинку.

³ Существительное *letvica* представляет собой уменьшительную форму к существительному *lena* ('планка'), но спортивный снаряд именуется исключительно уменьшительной формой.

⁴ Со временем и другие компоненты (глагольные, адъективные, наречные) вошли в состав фразеологизмов с данными субстантивными компонентами.

⁵ Значит, авторы словаря ещё не считают выражение фразеологизмом.

либо или к чему-либо') и *ронять* (*уронить*) *планку чего, какую* ('занижать требования к чему-либо'). В «Большом словаре русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2008] регистрируется шесть единиц с субстантивным компонентом *планка*, но только одна относится к интересующей нас сфере¹: *брать/взять планку*. Приводятся два её значения: первое соответствует значению из словаря «Новая русская фразеология», а второе не соотносится с темой данной работы². В русских текстах зафиксировано и употребление фразеологизма <высоко> *поднимать/поднять планку* (ср. словарь «Новые слова и значения»), который является эквивалентным хорватскому обороту <visoko> *dizati/dignuti (podizati/podignuti, stavljati/postaviti) letvicu*.

Таким образом, один фразеологический оборот даёт представление о преодолении уровня чего-либо и/или достижении каких-либо успехов (*брать/взять планку чего*), в то время как другие называют либо повышенные (чаще), либо заниженные требования и/или критерии, предъявляемые к кому-либо чему-либо. Часто во фразеологизм включаются наречные компоненты *visoko*, *высоко*.

Интересно, что иногда при употреблении в текстах анализируемые фразеологизмы используются для описания не только легкоатлетических, но и других спортивных соревнований: *Ostvarivši brzinu od gotovo 383 km/h na dva kotača, mlada kanadanka postavila je visoko letvicu za sve nadolazeće izazivačice...* (<http://motocikli.com/.../133/>); *В этом году, уверен, мы поднимем планку чемпионата страны ещё выше* (http://infovelo.ru/hockey/vladislav_tretyak...etom...plank).

Фразеологизмы с компонентами *letvica* и *планка*, реализующие значение 'высокие требования, критерии', употребляются в разных контекстах и формах: *... mi smo ove godine odlučili podignuti letvicu organizacije festivala stripa jako visoko i nadam se kako će vam se naš plan svidjeti!* (<http://forum.stripovi.com/post.asp>); *Istodobno sam puno putovao, istraživao europsko tržište i prikupljao znanja i iskustva europskih proizvođača kako bismo si letvicu postavili što više* (<http://www.poslovni.hr/.../postat-cemo-najveci-regionalni-proizvodac-sadnica-vrhunske-kvalitete>); *Trenutno je letvica postavljena visoko i cilja se na cijenu od 10.000 eura, što nije neizvedivo uz određene subvencije za zelena vozila...* (<http://autoklub.jutarnji.hr/.../676797/>); *В детстве девочка отца побаивалась, он был требователен безмерно, хотел видеть в дочери только отличницу и планку своих притязаний поднимал слишком высоко* (А. Маринина. Соавторы); *Основной чертой монографии Кнута, выгодно отличающей её от других книг, посвящённых программированию, является исключительно высоко поднятая планка качества материала и академичности изложения...* (http://ru.wikipedia.org/wiki/Искусство_программирования); *Бруно с самого начала установил очень высокую планку для себя, и он имел право требовать того же и от тех, которые считали себя учёными мужами и избранными людьми*. (Р. Варда. Девочка с лютней); *Доллар берёт очередную планку* – Финансы (http://www.EuroSmi.ru/dollar_beret...planku.html).

¹ См. остальные фразеологизмы с компонентом *планка*: *планка съехала (слетела) у кого, планка упала у кого, по слетевшей планке, сбить планку, сорвало (снесло) планку кому*. Все они принадлежат молодёжному жаргону.

² Второе значение 'погибнуть' относится к молодёжному армейскому жаргону.

Хорватские и русские фразеологизмы с компонентами *letvica* и *планка* могут иметь значение 'возможное занижение требований или критериев'. Следовательно, в таких случаях они антонимичны предыдущим (см. *spuštati/spustiti letvicu, ронять/уронить планку чего, какую*): *Spustiti letvicu očekivanja i pokušati zadobiti konsenzus navijača i javnosti* (<http://www.forza-fiume.com/.../viewtopic.php?...>); *Игорь Щёголев: задача профессионалов отрасли – не ронять планку качества* (<http://www.minsvyaz.ru/news/xPages/entry.10197.html>).

Глагольные фразеологизмы с эквивалентными компонентами употребляются и в некоторых других языках. Так, английский оборот *set a high bar for sb* можно считать полным семантическим аналогом хорватского и русских фразеологизмов <visoko> *dizati/dignuti (podizati/podignuti, stavljati/postaviti) letvicu, устанавливать/установить <высокую> планку, <высоко> поднимать/поднять планку*. Это доказывает использование английского фразеологизма в следующем контексте: *A standard, expectation, or degree of requirement: a leader whose example set a high bar for others* (<http://www.thefreedictionary.com>). Во фразеологических словарях – чешско-русском [Mokienko, Wurm 2002] и русско-чешском [Stěpanova 2007] – фиксируются два чешских оборота, структурно и семантически соответствующих данным оборотам в хорватском и русском языках: *zvyšovat/zvýšit (zvedat/zvednout) <кому> laťku¹, nasazovat/nasadit vysokou laťku*.

Если учесть словарную фиксацию фразеологизмов спортивного происхождения с компонентами *letvica* и *планка*, видно, что в Хорватии и России они начали употребляться в конце XX в. Значит, их можно считать сравнительно новыми оборотами в этих двух славянских языках, а с большой степенью вероятности можно предположить, что они заимствованы из английского языка (по крайней мере их мотивация и её влияние на формирование значения). Принимая во внимание функционирование эквивалентных фразеологизмов в английском и чешском языках, интересно было бы установить, каким ещё языкам присущи подобные единицы и с какого времени они в них употребляются.

Литература

- Жуков, А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ, Астрель, 2009.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / под ред. Е. А. Левашова. – СПб. : ИЛИ РАН, 1997.
- Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Opole : Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2003.
- Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Онищук, Н. А. Функционирование фразеологических инноваций общественно-политического характера, возникших на основе спортивной терминологии (на материале русскоязычной прессы Украины) / Н. А. Онищук // Мова і культура. – Київ : Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – Т. V (117), вип. 11. – С. 193 – 198.

¹ Интересно, что в «Чешско-русском фразеологическом словаре» в качестве русского фразеологического эквивалента приводится словосочетание *предъявлять/предъявить [кому] повышенные требования*, а после него дан дословный перевод данного чешского оборота – *поднимать/поднять [кому] планку*. Этот перевод в настоящее время уже можно считать фразеологизмом, хотя в такой форме он не фиксируется во фразеологических словарях (ср. «Новые слова и значения»).

Савченко, А. В. К вопросу об образности в формировании фразеологических единиц языка спорта (на материале чешского языка) / А. В. Савченко // Фразеология в прошлом и настоящем : материалы XXXVII Междунар. филол. конф. – СПб. ; Грайфсвальд : Фак. филологии и искусств СПбГУ ; Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, 2009. – С. 148 – 152.

Савченко, А. В. Спорт – зона «повышенной фразеологизации» / А. В. Савченко // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. ; Кострома : Междунар. комитет славистов, Администрация Костромской обл., КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – С. 118 – 121.

Финк, Ж. Спорт и детские игры как источник фразеологизмов хорватского языка (в сопоставлении с русским) / Ж. Финк // II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова : материалы междунар. науч. конф. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2001. – С. 92 – 93.

Хлебда, В. Политика – это спорт. Фразеология спортивного происхождения в современном польском публичном дискурсе / В. Хлебда // Frazeologické štúdie IV. – Bratislava : VEDA, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2005. – С. 87 – 93.

Anić, V. Rječnik hrvatskoga jezika / V. Anić. – Zagreb : Novi Liber, 1998.

Fink, Ž. Sport u frazeologiji / Ž. Fink // Primijenjena lingvistika u Hrvatskoj : izazovi na početku XXI. stoljeća : zb. Hrvatskog društva za primijenjenu lingvistiku. – Zagreb – Rijeka, 2002. – С. 123 – 128.

Hrnjak, A. Sportska konceptualna metafora u hrvatskoj i ruskoj «političkoj frazeologiji» / A. Hrnjak // Язык на перекрёстке культур : междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии. – Самара : Самарская гуманитарная академия, Центр международных связей, 2007. – С. 78 – 82.

Mokienko, V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, A. Wurm. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2002.

Stěpanova, L. Rusko-český frazeologický slovník / L. Stěpanova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2007.

О. В. Франчук

Магнитогорский государственный университет

«СЕРДЦЕ МУДРЫХ – В ДОМЕ ПЛАЧА, А СЕРДЦЕ ГЛУПЫХ – В ДОМЕ ВЕСЕЛЬЯ» (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНЦЕПТА «ВЕСЕЛЬЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН)

Письменные памятники XI – XIX вв. свидетельствуют о том, что христианство упорно «открещивалось» от всего, что было связано с весельем, забавами и развлечениями, называя их «бесовскими игрищами» и наделяя отрицательной сакральностью [см. Франчук 2007, 2010]. Способность петь, танцевать или играть на музыкальных инструментах считалась неотъемлемым качеством демонических персонажей: леших, водяных, чертей и пр. Для них, а также для восточнославянских русалок и южнославянских вил характерны игровые формы поведения: смех, пляска с хлопаньем в ладоши, игра на музыкальных инструментах, вождение хороводов, игры с преследованием, подшучивание, озорство. Как бесовские собрания нередко рассматривались и молодёжные игрища, во время которых чёрт «миж девок увихаетца» [Славянские древности, т. 2, 1999: 381].

В «Житии Феодосия Печерского», написанном монахом Киево-Печерского монастыря летописцем Нестором, есть эпизод, когда преподобный Феодосий приходит к князю Святославу и видит *многых играющих прѣдъ нимъ: овы гусльныя гласы испускающе, другыя же оръганьныя гласы поюще, и инѣмъ замарьныя писки гласяще, и тако въсѣмъ играюще и веселящеся, якоже обычай есть прѣдъ князьмъ. Блаженный же <...> рече къ тому: То будетъ ли сице на оноу свѣтѣ? То же ту абие онъ съ словѣмъ блаженаго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли представляше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдѣша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры* [Житие Феодосия Печерского: 422]. Веселящиеся и играющие люди вызывают осуждение со стороны преподобного, несмотря на то что их действия, судя по тексту жития, никак не были связаны с культовой языческой обрядностью.

Достаточно ярко иллюстрируется отношение христианства к всевозможным видам развлечений в «Поучении Нифонта о русалиях»: *Бысть же по обѣдѣ, поиде человекъ, скача съ сопѣлми, и по немъ много народ, ови поющее, и пляшущее, а инии пляшущее. И се окаяннии бѣси видѣше возрадовавшиеся радостию великою и начаша ти лстити – ови на игры и на плясание, ины на пѣсни* [Слово святого Нифонта о русалиях: 102]. Характерно, что поющие, пляшущие и играющие на музыкальных инструментах люди сразу вызывают интерес двенадцати бесов и демона, *иже бѣсом бысть князь*. Дьявол призывает бесов: *Шед, и понужайте крестьян на игры и на плясания и на иная, иже ми в любви суть* [Там же].

Как известно, «поставщиками» разных видов веселья на Руси были скоморохи. Несмотря на то что в проанализированных нами примерах нет прямых указаний на присутствие среди веселящихся людей скоморохов, по мнению исследователей, речь идёт именно о них. Практически все авторы, изучавшие историю скоморошества на Руси (И. Беляев, А. А. Белкин, А. Фаминцын, А. П. Руденский и др.), неоднократно указывали на тесные связи скоморохов с язычеством и утверждали, что их искусство было близко с одной стороны к колдовству, а с другой – к ритуальному веселью.

По мнению Н. И. Толстого, веселье в славянской культуре всегда представляло собой «ритуализованное выражение положительных эмоций, обычно сопровождаемых смехом, пением, танцем. Может быть естественным и нарочитым, подчеркнуто ритуальным действием. В некоторых славянских языках слова с корнем *vesel- могут быть терминами, обозначающими обряд, жертвенное животное, предмет и т. п. Веселье – обязательный компонент почти всех семейных обрядов – рождественского, новогоднего, масленичного, троичного, купальского и др.» [Славянские древности, т. 1, 1995: 346].

Однако в «Словаре старославянского языка», в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» и в «Словаре древнерусского языка XI – XIV вв.» существительное *весели* фиксируется лишь в двух значениях: 'радость, веселье' и 'праздник, пиршество' [ССЯ 2006: 181; Цейтлин 1994: 112; СДЯ XI–XIV 1988: 395]. Следует отметить, что уже в древнерусских памятниках XI – XIV вв.

встречаются устойчивые словосочетания *весели доуховно*, *весели до-ошьевно*, *весели благообразно*, *весели телесно*, *весели мирско* [СДЯ XI–XIV 1988: 395].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» приводит следующие значения слова *веселье*: ‘веселье, радость; развлечение, увеселение; свадьба’ [СРЯ XI–XVII 1975: 112]. Кроме того, названный словарь содержит примеры употребления прилагательного *веселый* для наименования скоморохов, певцов, музыкантов и плясунов. Так, во «Второй Новгородской летописи» под 1572 г. читаем: *А в тѣ поры в Новѣгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по во(ло)стемъ, на государя брали веселыхъ людей да и медвѣди описывали на государя, сеѣ весны, у кого скажутъ»* в «Актах Александрова Свирского монастыря XVII в.» в 1659 г. сделана запись: *И Яков сказал: веселые были иноволосные, а были в дрвни и збирали себѣ хлѣбъ, а у меня веселье не играли* [Цит. по: СРЯ XI–XVII 1975: 112].

Несмотря на толкования словарями существительного *веселье* через существительное *радость*, мы не можем считать их абсолютными синонимами. Необходимо учитывать, во-первых, исконные значения данных слов, и во-вторых, тот факт, что в письменных памятниках зачастую говорится о *радости и веселье* даже о *веселии радости*. В качестве примера приведём строки из «Пролога сентябрьской половины первой четверти XIV в.»: *радость имъ боудеть и весели ѿ тво мѣ обращении*; в «Поучении Серапиона Владимирского», дошедшем в списке конца XIV в., сказано: *исходъ миренъ подасть намъ на ѿну жизнь, идеже радости и весель бесконечнаго насладимся*; в «Палее толковой 1406 г.» читаем: *(п)риведуть(с) ѿ(с)рю двѣ по неи и ближнѣмъ приведуть(с) въ веселии радости* [Цит. по: СДЯ XI–XIV 1988: 395].

Под воздействием христианского миропонимания в картине мира православного верующего мир распадался на божественный (в этическом плане совершенный) и земной (греховный, подлежащий божественному суду). Отсюда всё, что связывалось с церковным богослужением, стоило одобрения и даже поощрения, а всё, что ассоциировалось с мирскими интересами, а тем более с развлечениями, смехом и весельем, осуждалось. И хотя музыка, пение и танец в средние века, утратив связь с языческими обрядами и культами, приобрели массовый развлекательный характер, духовенство вело активную борьбу против всех видов веселья. Так, в одном из «Слов» Кирилла Туровского в числе так называемых христианских мытарств души названы «буе (буйное) слово, срамное слово, бестыдная словеса и плясание, еже в пиру, и на свадьбах, и в павечерницах, и на игрищах и на улицах, а также уже басни бают и в гусли гудут...» [Морозов http].

Воссоздавая языковой портрет человека Древней Руси, Т. И. Вендина пришла к выводу, что в жизни русского человека было больше печали, чем веселья: «Собственное несовершенство не давало ему радоваться. В его словаре было мало слов, передающих счастье и радость. Прилагательное *РАДОСТЫНЪ* – скорее исключение из правил. А если и был он весел, то о Боге (*БОГОВЕСЕЛЫНЪ*). Зато состояние печали передавалось множеством слов и выражений. Он бывал и *ОШЫЛЪ*, и *ПРИСКРЪБЫНЪ*, и *МЪНСТОП* –

ЛАЧЫНЪ, и *СЪТЪНЪ*. Жизнь его заставляла *ЗЪЛОСТРАДАТИ*, *СКРЪБѢТИ*, *СТРАДАТИ*, *ТРЫПѢТИ*, *ТООЖИТИ*, *ВЪПЛАКАТИ*, *СЛЪЗИТИ* и *РЫДАТИ*. Состояние печали даже описывалось очень красноречивым глаголом *ЛЮБОПЛАКАТИ* (т. е. любить плакать)» [Вендина http].

В русском православии, по словам А. А. Панченко, «действовал запрет на смех и веселье. Это было буквальное толкование евангельской заповеди: “Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете” [Лк. 6: 25]. Книжники средних веков ссылались на то, что в Писании Христос никогда не смеялся (это заметил ещё Иоанн Златоуст, особенно почитавшийся на Руси). Не случайно за смех, колядование, за пир с пляской и т. п. налагались различной тяжести епитимьи: “*Аще кто възгаголет сам, хотя смеху людем, да поклонится той дни шмъ*”. Собственно, поклоны налагались уже за то, что люди рассмеялись сказанной шутке, за балагурство. А те, кто рассмеялся, тоже попадали под епитимью: “*Посмеявшійся до слез, постъ ѿ дни, сождѣ части, поклонъ ж на день*”» [Серафим http].

Однако Библия не отрицает веселье как таковое, а, скорее, говорит о его уместности, противопоставляя «смех как грех» радости духовной. Святитель Тихон Задонский писал: «Вера порождает радость и веселье в сердце верующего. Радость эта не о пище и питии, не о чести, не о богатстве, золоте, серебре, не о прочем, чем сыны века сего радуются, ибо эта радость плотская. Но есть радость духовная, радость о Господе Спасе, о благодати и человеколюбии Его, утешение и спокойствие в совести...» [Серафим http].

Литература

- Вендина http: Вендина, Т. И. Портрет человека Древней Руси / Т. И. Вендина // Всякая всячина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wsyachina.narod.ru/histori/portal_homo.html. – Загл. с экрана.
- Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 352 – 433.
- Морозов http: Морозов, И. А. Женитьба добра молодца / И. А. Морозов // Концепция двух продолжений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nounivers.narod.ru/bibl/marry.htm>. – Загл. с экрана.
- Серафим http: Серафим иер. (Парамонов). О смехе и веселии. Раздел: Закон любви. Как жить по-православному // Правокнига: Православная книга России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://golden-ship.boom.ru>. – Загл. с экрана.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1; М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 2.
- СДЯ XI–XIV 1988: Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.: в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988. – Т. 1.
- СРЯ XI–XVII 1975: Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 2.
- Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4. – С. 142 – 206.
- Слово святого Нифонта о русалиях // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева и др. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10. – С. 102 – 105.
- Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994.
- Франчук, О. В. Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (игры, песни, пляски) / О. В. Франчук // От языковой картины мира средневекового

славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. моногр. / под ред. С. Г. Шулежковой : в 2-х ч. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 33 – 40.

Франчук, О. В. Эволюция представлений о развлечениях и играх в концептосфере славян / О. В. Франчук // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития : коллектив. моногр. / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – С. 58 – 79.

ССЯ 2006: Словарь старославянского языка : в 4 т. – СПб. : СПбГУ, 2006. – Т. 1 (репринт. изд.).

В. Ф. Хайдарова

Магнитогорский государственный университет

О СТАНОВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА

Возможность трансформации компонентного состава фразеологической единицы (ФЕ) является одним из признаков, обусловленных раздельнооформленностью и отличающих её от единиц других уровней языка. Наиболее ярко эта особенность проявляется во фразеологических неологизмах, поскольку их внутренняя форма в силу непродолжительности существования ещё сохраняет прозрачность структуры и семантики, а внешняя не успела обрести достаточную устойчивость. Часто эта предположенность реализуется в изменении графической формы компонентов фразеологизма, а также в его экспликации. Так, оборот *в Бобруйск, животное* встречается в форме *Скорей в Бобруйск, моё животное, Там нас услышат и поймут!* (главная страница naobum.de, 2009); выражение *Йа креведко* – в варианте *йа печальнае криветко*=(/// (дневник на diary.ru, июль 2008); устойчивое сочетание *Учи матчасть* трансформировано в *учи русский язык, для начала, а потом матчасть*, с которой у меня всё в порядке (форум iphones.ru, август 2008).

В настоящее время существует ряд фразеологических неологизмов, развитие которых характеризуется тенденцией к превращению из фразы в слово. Возникнув как раздельнооформленные единицы, они на этапе становления имеют две конкурирующие формы: слитную и раздельную. Образование новых слов путём сращения отмечается в русском языке ещё с древних времён. Подобное происхождение, напр., имеют лексемы *простолюдин* – из *простъ людинъ*, *имярек* – из *имя рекъ*, *неудобоносимый* – из *не оодъвь носимъ* [Материалы к ФССЯ 2009: 225-226, 162, 206] и др. В настоящее время существует ряд единиц, находящихся в пограничном состоянии между предложно-падежным сочетанием и словом: *испацтала* (от *из-под стола*), *пацстулом* (от *под стулом*), *подкат* (из *под кат!* – выражение является призывом спрятать громоздкий текст под ссылкой, нажав на которую, желающие могут его увидеть; оборот восходит к названию команды *cut*, служащей для создания такой ссылки), *фтонку!* (от *в тонку*) и др. Более экзотичными представляются единицы, чьи компоненты восходят к нескольким знаменательным словам: *стопицот* (может передаваться на письме цифрами: 100500), *маст дай* (также *мастдай*,

маздай и др. графические варианты), *многобукаф*, *ржунимагу* и др. Эти единицы, как и описанные выше, находятся в фазе колебания между цельнооформленностью и раздельнооформленностью, что проявляется в попеременном использовании их разных форм участниками интернет-коммуникации: *Боюсь показаться мелочным, но (ржу не могу) с линейкой ползал – горизонт завален влево* (форум nerve.ru, январь 2009); *После последнего рассказа действительно ржунимагу* (форум myJape.ru, январь 2006); *Очевидно, интеллект естественный за истекшие сто тысяч лет так и не доказал своего права называться таковым... Маст дай?* Но он, похоже, и так в коме – судя по большинству своих проявлений... (форум jesuschrist.ru, январь 2006); *Маздай не телефоны, а фирма, которая дала денег печатным изданиям за такую «рекламу».* Но, в данном случае **МАЗДАЙ НЕ** Алькатель, а **ГАЗЕТЧИКИ** (Конференция iXBT.com, январь 2002).

Оборот *стопицот* выбивается из ряда перечисленных единиц. Лексемы *сто* и *пятьсот* синтаксически не связаны, логика их объединения может быть объяснена только с этимологических позиций. Относительно подобных единиц В. В. Виноградов замечал: «Слова, попавшие в русский литературный язык из профессиональных диалектов или жаргонов, часто не поддаются <...> оправданию с точки зрения общей литературно-языковой системы. Их морфологическая или семантическая структура даже в тех случаях, когда в них выделяется производная основа, не всегда может быть оправдана параллелями аналогичных образований в строе самой литературной речи» [Виноградов 1999: 196]. В силу этой особенности их графическая форма подвергается наиболее частому варьированию: *Плюс стопицот, Фёдор Михайлович!!!* (блог на diary.ru, апрель 2010); *Сто пипсот раз: Покупай лицензионную игру. Раньше играл... времена меняются* (форум 211.ru, февраль 2010); *Хипстер просыпается поздно. Проснувшись, лезет в Интернет проверить почту, комментарии оставленные в его блоге, на его myspace/facebook/livejournal/twitter-страничке, проверить ленту друзей, загрузить сто-пятьсот полароид/плёночных, не в фокусе фотографий со вчерашних вечеринок* (статья на letopisi.ru); *Снам, или? (100500-ый раз про аську)* (форум searchengines.ru, январь 2010).

Среди фразеологических неологизмов языка Интернета встречаются единицы, модель которых настолько неопределённая, что возникает вопрос о самом существовании фиксированной формы компонентов ФЕ. Однако в данном случае «признак устойчивости выражается в наличии константных элементов в структуре фразеологизма – хотя бы в одном из его звеньев» [ЛЭС 2002: 559]. Подобные ФЕ могут возникать на основе литературных произведений, мифов и т. д., в которых, однако, самих этих словосочетаний нет. Так, проф. Х. Вальтер отмечает, напр., что «такие устойчивые сравнения, как *wie Lots Weib*, *arm wie Hiob*, в качестве устойчивых компаративов, подобных оборотам *wie Sand am Meer*, *wie Spreu im Winde*, в самой Библии не встречаются, а образованы позднее на основе соответствующих сюжетов; не встречаются в самой Библии такие шуточные обороты, как *im Adamskostüm (Evaskostüm) gehen* – в костюме Адама и *jmdn. von Pontius zu Pilatus schicken* – посылать кого-л. от Понтия к Пилату» [Вальтер 2009: 74-75]. В процессе формирования подобной ФЕ наличие лексем,

указывающих на генетический источник (литературное произведение), сочетается с отсутствием формального прототипа и, следовательно, определённой модели фразеологизма. В таких условиях наблюдается высокая вариативность моделей, в которых участвуют одни и те же компоненты ФЕ.

По указанной модели организуется комплекс ФЕ с элементом *Ктулху*, обладающий ограниченным числом компонентов, но не имеющий фиксированной внешней формы. Кроме основных фраз *пробуждение Ктулху*, *Ктулху захватывает фсех*, *Ктулху захватывает/захватил мой (твой, чей) моск* и *Ктулху фхтагн*, в Интернете встречаются разнообразные обороты, состоящие из компонентов *Ктулху*, *пробуждение*, *пробудиться*, *захватить*, *моск* в различных сочетаниях и формах. Данный комплекс может быть назван фразеологизмом, который на данный момент состоит из набора не постоянных, но свободно располагаемых компонентов, и идиоматичность которого поддерживается ограниченностью употребления слова *Ктулху*. Другой компонент, обладающий неярко выраженной способностью управлять формой комплекса – глагол совершенного вида *захватить*. Он образован от жаргонного *хавать* ('есть') при помощи приставки *зо-*, которая является эрративом префикса *за-* в значении 'совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом', и создан по аналогии со словами *заминировать*, *зарегистрировать*, *запеленговать* и т. д. Как одновидовой глагол совершенного вида он не имеет формы настоящего времени, а, следовательно, и все возможные варианты фраз будут содержать глагол *захватить* лишь в форме прошедшего или будущего времени, что подтверждается материалами Интернета: *Чей моск захватил Ктулху???* (клуб сервиса Я.ру, февраль 2008); *Если ктулху ещё не захватил Ваш моск, то наши новости сделают это сейчас* (главная страница moymosk.org.ua, декабрь 2008).

ФЕ с высокой вариативностью компонентного состава и графической формы составляют значительную часть корпуса фразеологизмов интернет-языка. Это объясняется как незаконченностью процесса их формирования, так и постоянным использованием в языковой игре. Трансформирующее начало языковой игры вызвало к жизни большинство единиц интернет-языка, но оно же не позволяет фразеологическим неологизмам обрести законченную инвариантную форму. Грамматическое оформление фразеологического оборота и его общая структурная схема более устойчивы, что даёт возможность создавать и эксплуатировать модель по принципу фразеологической серийности.

Литература

Вальтер, Х. Лексикографическое описание библейской фразеологии (из опыта немецко-русского словаря фразеологизмов) / Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 73–78.

Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; РАН. Отд. лит. и яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999.

ЛЭС 2002: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002.

Материалы к ФССЯ 2009: Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка : свыше 350 ед. / Науч.-исслед. слов. лаб. МаГУ ; отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2009.

ПРИЁМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В РОМАНЕ Г. А. ЗОТОВА «РЕСПУБЛИКА НОЧЬ»

Имя Г. А. Зотова появилось в российской литературе в 2007 г. Его проза, в первую очередь, иронична и сатирична; не случайно многие определяют её как «стёб».

Одним из способов создания иронии в романе Г. А. Зотова «Республика Ночь» становится окказиональное употребление устойчивых словесных комплексов (УСК). В этом произведении встречаются различные трансформы, однако наиболее часто автор преобразует УСК с помощью варьирования их компонентного состава. Используя этот приём, Г. А. Зотов создаёт в романе колорит жизни вампиров. Так, к примеру, у них нет крови, поэтому автор не может использовать традиционный УСК *сердце кровью обливается*, но создаёт новый – *сердце гноем обливается*, в котором сохраняется значение 'кому-л. невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемлящей тоски' [Молотков 1987: 421]: *Ни капли крови за пару ночей не добудешь, чтобы детишек напоить, а они маленькие, беззащитные – сердце гноем обливается*¹. Способ лексической замены оказывается продуктивным для образования ряда УСК с компонентом *клык*, напр.: *на клык* от *на лапу* – 'в качестве взятки' [Фёдоров, т. 1, 1991: 274]; *клыком не успеваю шевельнуть* от *не успеешь глазом моргнуть (мигнуть)* – 'молниеносно, мгновенно' [Фёдоров, т. 2, 1991: 222]; *молоко на клыках не обсохло* от *молоко на губах не обсохло* – 'кто-л. совсем ещё молод и неопытен' [Молотков 1987: 252]; *не покладая клыков* от *не покладая рук* – 'усердно, без устали, не переставая' [Там же: 336].

Для русского языка наиболее типичными способами лексической замены являются замены глагольного или субстантивного компонента синонимами. Однако самым распространённым случаем данного типа трансформации в тексте «Республика Ночь» является замена субстантивного элемента не синонимом, а антонимом: *смерть бьёт ключом* (от *жизнь бьёт ключом*); *разгар рабочей ночи* (от *разгар рабочего дня*); *забытый демонами* (от *забытый богом*); *мертвём съедят* (от *живём съедят*); *Чёрный Дом* (от *Белый Дом*); *стиль смерти* (от *стиль жизни*); *ангелы принесли* (от *черти принесли*); *к ангельской матери* (от *к чёртовой матери*). Во всех этих случаях трансформированные УСК сохраняют своё узуальное значение.

Вместо восклицаний *Слава богу!* и под. на страницах «Республики Ночь» встречаем *Слава Дракуле/демонам!*; *Хвала демонам!*; *Дракулы бы хоть побоялись!*; *Клянусь Дракулой!*; *Благодари/возблагодари Дракулу!*; *Мать Дракулова!*; *Не приведи Дракула!* Компонент *Дракула* становится в романе антонимом компонента *бог* и обнаруживается в таких УСК, как *наказание Дракулово*, на

¹ Здесь и далее цитируется по: Зотов, Г. А. Республика Ночь / Г. А. Зотов [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.phantastike.ru>. – Загл. с экрана.

Дракулу уповать, до СД (до смерти Дракулы по аналогии с до Рождества Христова) и даже «народ-дракулоносец».

Часть трансформированных путём лексической замены УСК Г. А. Зотов использует в целях создания образов различных по национальной принадлежности представителей мира вампиров. К примеру, в идиоме, которая имеет исходную форму *как с гуся вода* 'нипочём, безразлично, не производит никакого впечатления' [Молотков 1987: 73], Г. А. Зотов заменяет компонент *гусь* на *слон*. Новую единицу *как со слона вода* автор вкладывает в уста индийского вампира: *Когда триста-пятьсот лет живёшь, ощущение опасности утрачивается, думаешь – ты сам труп, все ужасы тебе, как со слона вода*. А японский вампир восклицает: «**Какого васабиды** он нам сдался!»). Результатом лексической замены компонента стал и окказиональный УСК *бамбука наломать*: *Наши обезьяны и здесь бамбука наломали...* Фразеологизм *наломать дров* имеет в русском языке значение 'наделать глупостей, грубых ошибок' [Молотков 1987: 265], это же значение сохраняет УСК *бамбука наломать*.

Жёстко высмеивая состояние современной России, Г. А. Зотов по аналогии с УСК *нефтяной бум* и *нефтяной олигарх* создаёт обороты *кровавой бум* и *кровавой олигарх*. Пародируя нынешнюю жизнь, писатель формирует оборот *капли Буша* (ср. *ножки Буша*): *На наших оптовых рынках её [кровавую плазму – Н. Х.] покупают только пенсионеры да немущие вампиры <...> в народе эти отходы называют «капли Буша»*.

Многочисленны и случаи преобразования УСК на основе существующей в языке модели. Так, по типу известной русской поговорки *Любовь зла – полюбишь и козла* создана вампирская *Любовь зла – полюбишь и шахтёра серебра*, а по модели *Это ещё цветочки, а ягодки будут впереди* построена вампирская поговорка, которую использует один из героев: *... как говаривала моя бабушка, принеся на ужин сочного дровосека, «ото ещё хрящики, а косточки впереди будут»*. УСК *как мясо в крови кататься* создан по модели устойчивого сравнения *кататься как сыр в масле*, имеющего значение 'жить в довольстве, в достатке' [Молотков 1987: 196]. Вместо УСК *чепуха на постном масле* ('то, что не заслуживает внимания; пустяк' [Молотков 1987: 518]) появляется выражение *чепуха на постной крови*: *Психологи утверждают: ужасники воспитывают в упырях безволие. Чепуха на постной крови*. По модели УСК *вешать лапшу на уши* Г. А. Зотов создаёт две единицы, употребляемые в значении 'врать, рассказывать небылицы' [Фёдоров, т. 1, 1991: 59], – *вешать кишки на уши* и *вешать печёнку на уши*: *Не вешай мне кишки на уши, – огрызаясь я; Пресс-упыри круглые сутки вешают печёнку на уши...*

УСК *зарабатывать себе на жизнь* стало основой для создания двух трансформ в романе «Республика Ночь». В окказиональном УСК *зарабатывать себе на кровь* появление компонент *кровь* вместо *жизнь* стало возможным благодаря тому, что *кровь* в мире вампиров и есть основа жизни: *... каждый сам зарабатывает себе на кровь*. В УСК *зарабатывать себе на смерть* мы наблюдаем приём лексической замены субстантивного компонента *жизнь* на антоним *смерть*: *... но я никогда не любопытствовал, чем именно она [сестра – Н. Х.] зарабатывает себе на смерть*.

В редких случаях автор сам приводит исходную модель, по которой он образовал новый УСК: *Пиар-отделу его фирмы пришлось изрядно зноиться (или, как раньше говорили, «попотеть»)...; Любая баба готова ради мужика отправить карьеру ангелу под крыло... или, как раньше говорили, кому под хвост*. К подобным разъяснениям в последнем примере Г. А. Зотову приходится прибегать из-за того, что выражение *ангелу под крыло* для носителя невампирского менталитета будет означать 'оберегать, защищать', а не 'впустую, даром, зря, напрасно' [Молотков 1987: 505], как в УСК *кому под хвост*.

Примеров контаминации в тексте романа «Республика Ночь» немного. Так, окказиональный УСК *погружать клыки в гранит наук* автор вкладывает в уста главного героя романа – вампира-полукровки Кирилла: *Когда я, будучи юным студентом, погружал клыки в гранит наук, мне попалось исследование византийского богослова... УСК погружать клыки в гранит наук* возникло путём объединения двух единиц со сходной структурой: *грызть гранит науки* 'усердно изучать какую-л. науку' [Фёдоров, т. 1, 1991: 130] и *погружаться с головой* 'целиком, полностью, безраздельно отдаваться чему-л.' [Молотков 1987: 296].

Контаминация наблюдается и в следующем примере: *... упыри будут безмерно благодарны тому, кто вырвет с корнем из асфальта плевелы добра*. Данная трансформация – результат сложного взаимодействия УСК *вырвать с корнем* 'окончательно уничтожить, искоренить' [Молотков 1987: 96] и библеизма *отделять плевелы от пшеницы* 'отделять вредное и плохое от полезного и хорошего' [Дубровина 2010: 464–465].

Большинство УСК, трансформируемых Г. А. Зотовым, являются разговорными или просторечными; отмечены и случаи изменения жаргонных УСК. Так, жаргонизм *накрыться медным тазом* имеет два значения: 'умереть' и 'не реализоваться, потерпеть крах (о планах, надеждах)' [БСРЖ 2001: 580]. Именно во втором своём значении данный оборот предстаёт в тексте «Республики Ночь»: *Зато отечественный производитель, то есть мы, накроется серебряным тазом*.

Лишь небольшая часть трансформированных УСК, встречающихся в романе Г. А. Зотова, является крылатыми выражениями. На основе крылатой единицы *Коня на скаку остановит* из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» [БСКС 2000: 232] был создан окказиональный УСК *Подожгу избу и коня на скаку зарызу* для описания характера женщины-офицера Службы вампирской безопасности. Выражение *Благими намерениями ад вымощен*, приписываемое С. Джонсону [БСКС 2000: 45], Г. А. Зотов трансформирует способом лексической замены компонента *ад* на антоним *рай*: *Благими намерениями вымощена дорога в Рай*.

Анализ небольшого по объёму корпуса УСК романа «Республика Ночь» Г. А. Зотова позволил выявить следующие индивидуально-авторские трансформации УСК, характерные для художественной речи: лексическая замена, моделирование и контаминация. В результате подобных преобразований УСК изменяются в экспрессивно-смысловом плане, с их помощью автор доносит до читателя свою точку зрения, выражает отношение к тому или иному явлению или персонажу.

Фразеологические трансформации используются Г. А. Зотовым как в авторской речи, так и в речи героев. Они призваны создать сатирический образ альтернативной действительности, в которой легко угадываются реалии современного мира людей.

Источники

Зотов [http: Зотов, Г. А. Республика Ночь / Г. А. Зотов \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа : http://www.phantastike.ru. – Загл. с экрана.](http://www.phantastike.ru)

Литература

БСКС 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010.

БСРЖ 2001: Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : «Ниронт», 2001.

Фёдоров 1991: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. : в 2 т. / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991.

Молотков 1987: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Воинова [и др.] ; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1987.

Е. В. Харченко

Южно-Уральский государственный университет

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И КОРПОРАТИВНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Интерес к корпоративным культурам, особенно ясно обозначившийся в наши дни, не случаен: социально-экономические изменения, разрушение привычных ценностей, отсутствие единых политических ориентиров способствуют выделению групп, связанных общей деятельностью, идеологией и т. п. Корпоративные культуры мы разделяем на профессиональную культуру (установки и образ мира, присваиваемые в процессе обучения специальности и/или работе в определённой сфере деятельности), и организационную культуру, под которой, как правило, понимается набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий.

Одной из функций культуры является выработка стереотипов, которые служат для закрепления эффективных стратегий поведения, выработки общей картины мира, отраженной в языковом сознании, объединения ради достижения какой-либо цели. Оптимальные стереотипы эффективного поведения сохраняются для новых членов группы в том числе и посредством закрепления через язык (выделение какого-либо предмета, действия и его название). Не случайно этнологи определяют культуру как «внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности, адаптивный механизм, облегчающий человеку жизнь в мире» [Садохин 2000: 291]. Подобную мысль вы-

сказывает и исследователь организационной культуры Э. Шейн (Edgar H. Schein): «Культура группы может быть определена как паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [Шейн 2002: 32].

Любая культура связана с языком. Именно язык является своеобразным индикатором культуры, благодаря которому можно проникнуть в её глубины, невидимые извне. Об изучении культуры через язык писали в своих работах А. Брюкнер, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Н. И. Толстой и др.

На наш взгляд, явно недооценена роль изучения специфики языка различных корпоративных культур. Особенно это касается выразительных средств, в том числе крылатых единиц. Наличие крылатых единиц позволяет говорить о степени сформированности корпоративной культуры, транслирование высказываний лидера – о степени его влияния, наличие тематического ядра – о направленности деятельности корпорации.

Крылатые выражения мы в своей работе понимаем широко, придерживаясь определения С. Г. Шулежковой, которая считает, что они представляют собой «стройную систему языковых единиц, все члены которой характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источниками (автором; литературным, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т. д.); 2) раздельнооформленностью (они состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка); 3) воспроизводимостью (они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы); 4) устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключаяющей вариантности); 5) стабильностью, устойчивостью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе» [Шулежкова 1995: 21-22].

При исследовании речевого поведения профессионалов мы использовали систему методов, среди которых наиболее интересные результаты дали метод воспоминаний и метод незаконченных предложений. Метод воспоминаний состоит в том, что респондентам предлагается записать запомнившиеся высказывания профессионалов. После анализа данных опроса, в котором приняло участие более 500 респондентов, были выделены крылатые выражения, приписываемые носителям разных профессиональных культур.

Врач: *врач сыт – больному легче// врачу не пожелаешь такого// здоровых людей не бывает, бывают необследованные// кровь и моча – всё, что надо для врача// нет болезней хронических – есть болезни недолеченные// режут баранов, а врачи оперируют// вскрытие покажет// врач сказал в морг – значит в морг// гроб обеспечит вам профсоюз// его болезни – это его проблемы// жить будете, но смысл?// жить будешь, но плохо// как будем лечить или само отвалиться?// лечиться, лечиться и лечиться// могло быть и лучше.*

Учитель/ преподаватель: *ученье – свет, а неученье – тьма// терпение и труд все перетрут// век живи, век учишь// ребята, давайте жить дружно// а*

слона ты и не приметил// без труда не вытащишь...// вечных двигателей нет – есть вечные тормоза// вот такие пирожки с котятками// где мой черный пистолет?!!// гусь свинье не товарищ// дети – цветы жизни, но иногда они растут на кактусах// знание – книга// мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, и воспитаньем, слава Богу, не мудрено и нам блеснуть// не суди, да не судим будешь// с такими зубами грызите гранит науки// учиться, учиться и ещё раз учиться// хорошо смеётся тот, кто смеётся на экзамене// парадом здесь команду я!

Инженер: *жить надо припеваючи// историю вершат пузатые и криволапые// к едрене фене// копать от забора до обеда// корявость не в радость// не знаешь закон Ома – сиди дома// семь раз отмерь – один отрежь// техника любит одного хозяина// точность – знак инженеров// тят-ляп и готово// что нам стоить дом построить – нарисует, будем жить// где бы ни работать, лишь бы не работать// инициатива наказуема// работа не волк, в лес не убежит// с меня взятки гладки// тута вам не здесь, а тама не тут!*

Подробный анализ данного материала может показать «проблемные точки» сферы деятельности, выявить конфликтообразующие ситуации, определить источники высказываний и т. д.

Метод незаконченных предложений использовался при изучении организационной культуры предприятий разных типов. Авторский вариант теста представляет 26 незаконченных высказываний, объединённых общей темой «Работа». Испытуемым предлагалось продолжить 13 из 26 предложений за ограниченный период времени. В результате проведённого исследования мы выявили «сферу тревог» (то, чего сотрудники опасаются) и «сферу надежд» (то, к чему они стремятся). Можно отметить противоречивые тенденции в современном бизнесе: с одной стороны, усиление внимания к материальным ценностям, снятие моральных ограничений: *бить долларом по копчику// все методы хороши, главное – чтобы был результат // деньги капают*; с другой – осознание главных ценностных категорий, определение своего предназначения: *партнерские отношения// в итоге мир стал добрее// горение сердца*.

Интересно и осознание сотрудниками своей роли. Так, мы получили следующие результаты: многие не хотят *быть «тупым» исполнителем// не хочу быть марионеткой в чьих-либо руках// пустым местом // козлом отпущения // «стрелочником» в разборках// быть отработанным материалом*.

Сфера надежд, когда хочется работать: *была пицца для ума и возможность совершенствоваться// есть возможность получить решение нетривиальной проблемы и отдохнуть душой// дело спорится, мне интересно// чётко сформулированы правила «игры» и есть возможность для импровизации// я делу отдаю душу// пинок под зад («шутка»)// чтобы из дома хотелось на работу, а после работы – домой*.

Сфера тревог, когда не хочется работать: *когда расслабляюсь и, естественно, «получаю по шее» // бьют по рукам и не стимулируют // нулевой результат// когда «застоялся на месте»// тупею от одной и той же работы, выполняемой на протяжении пяти лет, и все мои знания, полученные в институте, не востребованы сполна // состояние «стопора» // накапливается мо-*

ральная усталость // когда сдают нервы// когда всё валится из рук // когда «руки опускаются» // захожу в депрессию // начальство не в духе// по жизни ведёт себя как бука// хвастает, выскакивает вперёд всех, и не подставляет плечо коллеге// начинается депрессия и включается ослиное упрямство// портится настроение// пропадает энтузиазм в работе и работа выполняется автоматически// чтобы слова расходились с делом// все время стонет// ржавеют мозги// нулевой результат.

В данной статье мы привели высказывания, полученные в ходе опроса сотрудников разных организаций, что позволяет выявить общие тенденции, характеризующие корпоративные культуры в современных условиях. Диагностика организации позволяет выявить сильные и слабые стороны корпоративной культуры и наметить пути корректировки.

Сформированность корпоративной культуры проявляется в высоком количественном показателе употребления ключевых слов. Так, в одной организации такими ключевыми словами стали **ЕДИНЫЙ ПОДХОД, ЧЁТКАЯ ЗАДАЧА: согласованное руководство// слаженность работы коллектива фирмы// коллектив работал слаженно, как единый механизм// сплочённости и хорошей организации в коллективе// все работают, как один механизм// общее устремление к единой цели// когда работает команда и все знают куда идти// все вопросы решаются коллективно; единый подход к решению стоящих перед ними задач; в коллективе вырабатываю общий подход к решению возникающих проблем; коллектив работал сплочённо, как единая команда// слаженная работа с производством, конструкторами и сотрудниками сбыта, продвижения, рекламы// согласованность в работе// нет единого подхода к решению стоящих проблем**.

Диагностика корпоративной культуры позволяет выявить крылатые выражения, характеризующие культуру конкретной организации, определить болевые точки (поскольку КВ, как правило, связаны с эмоциональной составляющей). Частотность цитирования высказываний конкретного лица позволяет говорить о нём как о явном или скрытом лидере, влияющем на принятие решений.

Литература

Садохин, А. П. Этнология : учеб. пособие для вузов / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – М. : Академия ; Высш. шк., 2000.

Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн. – СПб. : Питер, 2002.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1995.

В. Хлеба
Опольский университет

К ИДЕЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЛОВАРЯ БИБЛЕИЗМОВ

Идея Европейского союза основана на структурном объединении стран-участниц с соблюдением их исторической, культурной и языковой идентичности и уважением их регионального своеобразия. Отражением и символом тако-

го «разнообразие в единстве» мог бы стать предполагаемый европейский словарь библеизмов (ЕСБ). Библия лежит у истоков всей европейской культуры, образуя «духовный код, объединяющий народы христианских культур» [Лилич 1993: 51], «подтекст современной культуры» [Колесов 1994: 24]. Нет также, пожалуй, ни одного европейского языка, который не впитал бы в себя живительные соки текстов Священного писания и не дал плодов в виде корпуса библеизмов – определённого множества выражений, оборотов и фраз библейского происхождения.

Таков общий знаменатель, национальные числители которого, однако, во многом отличаются друг от друга. За каждым национальным корпусом библеизмов скрыта своя, многовековая и сложная, история вхождения Библии в общественный, культурный и речевой обиход, история, начало которой определяется выбором источника перевода Библии и стоящей за ним традиции: западной (римской, или латинской, католической) или восточной (греческой, или православной), – а также сложнейшая судьба самих переводов Библии на национальные языки в отдельных странах [см. Переводы Библии... 1994; Koziara 2001, 2009]. Существенным фактором, повлиявшим на состав национальных корпусов библеизмов, было также своеобразие функционирования Священного писания в повседневной жизни верующих разных христианских конфессий и особенности вероисповедная политика отдельных государств в разные периоды истории.

Европейский словарь библеизмов мог бы показать европейское наследие Библии во всём его многообразии, вписываясь в дискуссии о соотношении уникального и универсального во фразеологии европейских языков. Наличие общего и различного не подлежит сомнению: первые словарные разработки [напр., Walter 2009; Rajnochova 2009; Walter 2010; Chlebdá 2010] показывают, что национальные корпуса библейских единиц оказываются в целом асимметричными как по количеству единиц, так и по их составу, по частным параметрам (грамматическим, семантическим, стилистическим, прагматическим). Показать европейское общее и охарактеризовать национальное своеобразие корпусов библеизмов отдельных языков – так можно было бы в самом сжатом виде определить назначение ЕСБ.

Сегодня создать такой словарь представляется задачей совершенно нерешаемой. Относительно одного только польского языка до сих пор не удалось определить границы и состав национального корпуса библеизмов: видный знаток польской библейской фразеологии Станислав Козыра выделил, напр., «библейский канон», состоящий из 98 единиц [Koziara 2001], словари польского языка содержат, как правило, около 300 единиц (причём далеко не всегда тех же, которые попали в канон Козыры), автор же этой статьи считает, что объём корпуса польских библеизмов составляет не менее тысячи единиц. Причины столь резкого расхождения в оценках можно усматривать в неодинаковом понимании исследователями двух ключевых понятий: понятия библейскости и понятия фразеологичности [см. Chlebdá 1998]. Шкала библейскости определяется полюсом точных цитат из книг Священного писания, с одной стороны, и разнообразием «народных вариаций на библейскую тему» – с другой. Между двумя полюсами простирается и фразеологичность: на одном полюсе – узкое,

или идиоматическое, понимание фразеологичности, на противоположном – широкое с воспроизводимостью как единственным конституирующим её критерием. Мы говорим о фразеологичности, хотя под библеизмами понимаются также слова, но так как их количество не превышает, по всей видимости, 10 % [ср. Шулежкова 2002: 27-28 и 186; Goduń 1995: 20], на практике библеизмы чаще всего отождествляются с фразеологическими единицами.

Итак, перед составителями будущего ЕСБ возникают по меньшей мере три громадных камня преткновения: асимметрия национальных корпусов библейских единиц, неодинаковое в разных национальных традициях понимание библейскости, неодинаковое в научной теории и практике понимание фразеологичности, причём асимметрия корпусов может быть как следствием различного толкования фразеологичности и библейскости, так и фактом, от него не зависящим. Например, никто не оспаривает ни библейскость, ни фразеологичность словосочетаний *chleb powszedni* и *хлеб насущный*, и тем не менее они асимметричны (противоположны по значению) в силу объективных языковых причин.

Путь к реализации идеи ЕСБ далёк и долог. Исследования и работы, которые ведутся сегодня в отдельных странах, можно назвать необходимым подготовительным этапом для создания в будущем ЕСБ. Это, во-первых, попытки установить национальные корпуса библеизмов (или только библейских фразеологизмов) для отдельных языков и описать их лексикографически. Во-вторых, это упоминавшиеся выше первые попытки сопоставительного описания библейской фразеологии в статьях, монографиях и переводных словарях. Такие сопоставления были сделаны, напр., для немецкого и польского, польского и английского, русского и немецкого, чешского и русского, польского и русского, английского, испанского и русского языков (кроме названных, см. также [Жолобова <http://>; Солодухо 1989]). Полученный в ходе этих работ опыт позволяет заключить, что возможно построение будущего ЕСБ по двум принципам: 1) от «общих мест» Библии к языковым формам их выражения во всех или в избранных европейских языках (в порядке появления этих мест в тексте Священного писания); 2) в алфавитном порядке фразеологизмов исходного языка с их иноязычными эквивалентами. В первом случае в центр словарной статьи выносятся широко известный библейский мотив (образ, сцена и т. п.) – такой, как, напр., неудачная попытка построения башни в Вавилоне из книги Бытия или допрос Иисуса перед Анной и Каиафой из Евангелия от Иоанна. В содержании статьи отражаются различные производные данной сцены в отдельных языках (отметим, кстати, что сопоставление русских, польских и немецких фразеологизмов, выросших на почве обеих названных сцен, показывает их существенные формальные и семантические расхождения). Второй путь ведёт к созданию алфавитного переводного фразеологического словаря, необычность которого может заключаться в особом подборе исходных единиц. Так, в разделе «Библеизмы» 5-ого выпуска «Настольного польско-русского идиоматикона» [см. Chlebdá 2010] русские эквиваленты подбирались для 820 польских библеизмов, образующих 7 групп: 1) собственные имена и названия антропонимического и (микро)топонимического характера (*Szymon Cyrenejczyk* – Симон Киринеянин; *Góra Oliwna* – Масличная гора Х Елеонская гора); 2) названия биб-

лейских мотивов и заглавия произведений искусства, выделенные знаком • и прописной буквой (*•Trzy Marie u grobu – Жены-мироносицы у гроба Господня*); 3) заглавия библейских книг и притч; 4) другие номинативные словосочетания с собственными именами как с прямым, так и с переносным значениями (*chusta świętej Weroniki – плат святой Вероники X святой убрис*); 5) именная и глагольная библейская фразеология в собственном (стандартном) смысле слова; 6) устойчивые фразы, обособившиеся от текста Священного писания и производных от него молитв (*Zaprawdę, zaprawdę powiadam wam! – Истинно, истинно говорю вам!*); 7) фразы, образующие литургию католической службы. Такое разнообразие сопоставляемых объектов потребовало и разработки специально-го метаязыка (подробнее см. [Chlebda 2010]).

Отсутствие общего метаязыка европейской фразеологии – большой её недостаток, осложняющий ведение работ по сопоставительному описанию фразеологических систем европейских языков. Разные приёмы лексикографирования фразеологии сосуществуют, однако, и в рамках одного и того же языка. Имея в виду идею ЕСБ, представляется полезным и нужным (хочется верить, что и возможным) создать фразеологические «круглые столы» как для отдельных языков, так и для групп трёх-четырёх языков с целью выработки общих принципов создания такого словаря. В частности, создателям ЕСБ придется дать согласованный ответ на вопрос о выборе оптимальной для такого словаря концепции фразеологической единицы, об одинаковом для всех сторон понимания библейскости отбираемых для словаря единиц и о возможности унифицировать весь метаязык отобранных для сопоставления библеизмов.

Литература

Жолобова [http: Жолобова, А. О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа : <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/43349> – Загл. с экрана.](http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/43349)

Колесов, В. В. Славянорусский и церковнославянский в древних переводах Евангелия / В. В. Колесов // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян : сб. ст. – СПб. : СПбГУ, 1994. – С. 23 – 30.

Лилич, Г. А. Мокиенко В.М., Степанова Л.И., Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках / Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 1993. – Сер. 2, вып. 3. – № 16. – С. 51 – 59.

Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп) : моногр. / Э. М. Солодухо. – Казань : КГУ, 1989.

Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.

Хлебда, В. К описанию библеизмов в двуязычном словаре / В. Хлебда // Przegląd Rusycystyczny. – 2002. – № 4. – С. 86 – 106.

Хлебда, В. К составлению польско-русского словаря репродуктов библейского происхождения / В. Хлебда // Phraseologie und Text / hrsg. A. Savchenko, V. Mokienko, H. Walter. – Sankt Petersburg-Greifswald, 2010. – С. 214 – 226.

Chlebda, W. Библия в языке – язык в Библии / W. Chlebda // Problemy frazeologii europejskiej II / red. A. M. Lewicki, W. Chlebda. – Warszawa : Energeia, 1998. – С. 67 – 74.

Chlebda, W. Europeizmy frazeologiczne (1). Biblizmy / W. Chlebda // Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / red. W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010. – Z. 5 (в печати).

Godyń, J. *Od Adama i Ewy zaczynać*. Mały słownik biblizmów języka polskiego / J. Godyń. – Warszawa-Kraków : TMJP i SW-K, 1995.

Koziara, S. *Frazeologia biblijna w języku polskim* / S. Koziara. – Kraków : WN AP, 2001.

Koziara, S. *Tradycyjne biblizmy a nowe polskie przekłady Pisma Świętego* / S. Koziara. – Kraków : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2009.

Rajnochova, N. Из опыта работы над русско-чешским словарём библеизмов. (Проблема несоответствия библейских текстов) / N. Rajnochova // Wort – Text – Zeit. Phraseologische Einheiten in traditionellen und neuen wissenschaftlichen Paradigmen. – Greifswald : Greifswalder Beiträge zur Slavistik IX, 2009. – С. 85 – 86.

Stěpanova, L. *Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty* / L. Stěpanova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2004.

Walter, H. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etimologischen Kommentaren* / H. Walter, V. Mokienko. – Greifswald : E.-M.-Arndt Universität, 2009.

Walter, H. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etimologischen Kommentaren* / H. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska. – Szczecin-Greifswald : E.-M.-Arndt Universität, 2010.

Е. А. Хомутникова (Коршикова)
Курганский государственный университет

ЭТИМОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ROSE*

В настоящее время в английском языке существует несколько активно функционирующих фразеологических оборотов с компонентом *rose*. Наше внимание привлекли единицы (*there is*) *no rose without a thorn, a rose between two thorns, a rose without a thorn, a rose of Jericho, a rose of Sharon*. Семантический потенциал этих фразеологизмов во многом связан с их библейским происхождением. Безусловно, библейская фразеология английского языка – область активно изучаемая, однако ФЕ с компонентом *rose* исследователи часто обходят стороной. Фразеологические словари английского языка фиксируют некоторые из исследуемых единиц. Так, в словаре А. В. Кунина находим следующие фразеологизмы, на наш взгляд, имеющие своим источником Библию: (*there is*) *no rose without a thorn, a rose between two thorns, a rose without a thorn*. Единицы *a rose of Jericho, a rose of Sharon* в данном словаре не зафиксированы. Происхождение указано лишь у фразеологизма *a rose without a thorn*. А. В. Кунин отмечает, что единица взята из стихотворения «Девушка из Ричмонд-Хилла» ирландского поэта и драматурга Л. Мак-Нелли (1752–1820) [Кунин 1984: 643]. На наш взгляд, сопоставление розы и шипов в пределах одного контекста своим началом имеет, безусловно, Библию.

Этимология исследуемых фразеологизмов связана с Ветхим Заветом, который написан на древнееврейском языке (библейском иврите), за исключением некоторых частей, написанных на арамейском языке. Мы ставим своей задачей найти и указать строки-источники изучаемых фразеологизмов.

Происхождение фразеологических оборотов с компонентом *rose* в сложных случаях удаётся обнаружить, сопоставляя разночтения в переводах Библии

на разные языки. Именно так мы исследовали фразеологизмы (*there is*) *no rose without a thorn, a rose between two thorns, a rose without a thorn*. В «Песни Песней» Соломона (2: 3) есть следующие строки, позволяющие установить источники указанных единиц. На иврите фраза выглядит следующим образом: *תוֹנֵבָה יָיִב יִתְעַר נֶכ מִחוּחָה יָיִב כֹּשׁ וְשֶׁנָּה*. Слово *נֶכֶשׁ* [шошан] переводится с иврита на различные языки как *лилия, роза, нарцисс, анемон*. Ср. лат. ... *sicut lilium inter spinas sic amica mea inter filias*; ит. *come un giglio fra i cardi, così la mia amata tra le fanciulle*; англ. *As the lily among thorns, so is my love among the daughters*; нем. *Wie eine Rose unter den Dornen, so ist meine Freundin unter den Töchtern*; фр. *Comme le lis entre les chardons, telle ma bien-aimée entre les jeunes femmes*; рус. *Что лилия между тёрнами, то возлюбленная моя между девицами*.

Еврейское *נֶכֶשׁ* [шошан] («Песнь Песней» Соломона 2: 16; 4: 5; 5: 13; 6: 2; 7: 3), вероятно, в древности означало не ботанический вид цветка, а цветок в общем смысле. Слово *נֶכֶשׁ* чаще всего переводится как *лилия*, хотя, возможно, в древности лексема означала цветы не одного вида и не только белого оттенка. Так, в «Песни Песней» Соломона (5: 13) лилия может быть красной или розовой. Названия цветов, которым автор уподобляет свою возлюбленную, переводятся по-разному в зависимости от культурных традиций той или иной страны. Странно, что в английском языке при переводе появилась лилия: Англия – страна роз, более того, роза – её символ. Скорее всего, на перевод повлияли латинские переводы Библии. Можно предположить, что из этого источника и появились фразеологические обороты, содержащие компоненты *роза* и *тернии*. Выражение *the lily among thorns*, употребляемое в Библии, претерпело некоторые структурные и семантические трансформации. В современном английском языке производные от него единицы, по данным словаря А. В. Кунина, имеют следующие значения: «(*there is*) *no rose without a thorn* – посл. нет розы без шипов; *a rose between two thorns* – (красивая) женщина, сидящая между двумя мужчинами; *a rose without a thorn* – роза без шипов, исключительное явление» [Кунин 1984: 643].

Обратимся к фразеологизму *a rose of Jericho*. Первое упоминание об *иерихонской розе* мы находим в «Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова» (2: 14): *I was exalted like a palm tree in Engaddi and as a rose plant in Jericho, as a fair olive tree in a pleasant field, and grew up as a plane tree by the water*. В данном случае, происхождение оборота прозрачно. В Библии мы находим выражение *a rose plant in Jericho*, которое, по-видимому, и послужило основой для возникновения фразеологизма *a rose of Jericho* на основе метонимического переноса. Символическое значение этого оборота велико, несмотря на то, что сейчас фразеологизм имеет достаточно конкретное значение в разных языках, даже в языке-источнике – иврите. Напр., онлайн-ый «Иврит-русский, русско-ивритский словарь» Б. Подольского включает в себя оборот *ז' חרית תושש* (*иерихонская роза*), обозначающий болезнь или растение [Подольский [http](http://)].

Оборот *a rose of Jericho* (*иерихонская роза, роза Иерихона*), проникший в большинство мировых культур, имеет терминологическое значение, обладающее символическим потенциалом. *Роза Иерихона* – название однолетнего растения, произрастающего на территории Западной Азии. В сухой сезон клетки

цветка теряют влагу, оно высыхает и выглядит как коричневый шарик. Так оно ждёт дождя, который может пойти даже через несколько лет. Когда на растение попадает вода, оно зеленеет и оживает, «воскресает» прямо на глазах. Поэтому *иерихонскую розу* продают по всему миру как олицетворение воскрешения. Сэр Томас Браун, английский учёный, религиовед, эзотерик эпохи Просвещения, писал о *розе Иерихона* следующее: *The Rose of Jericho, that flourishes every year just about Christmas Eve, is famous in Christian reports; which notwithstanding we have some reason to doubt, and are plainly informed by Bellonius, it is but a Monastical imposture, as he hath delivered in his observations, concerning the Plants in Jericho. That which promoted the conceit, or perhaps begot its continuance, was a propriety in this Plant. For though it be dry, yet will it upon imbibition of moisture dilate its leaves, and explicate its flowers contracted, and seemingly dried up. And this is to be effected not only in the Plant yet growing, but in some manner also in that which is brought exsuccous and dry unto us. Which quality being observed, the subtilty of contrivers did commonly play this shew upon the Eve of our Saviours Nativity, when by drying the Plant again, it closed the next day, and so pretended a double mystery: referring unto the opening and closing of the womb of Mary* [Browne 1650: 180].

Наконец, рассмотрим фразеологизм *rose of Sharon*. В «Песни Песней» Соломона (2: 1) он встречается в следующем контексте: *I am a rose of Sharon, a lily of the valleys*. Не вызывает сомнений происхождения и этого фразеологизма. Хотя, сопоставив приведённую строку с соответствующим местом русского перевода, мы увидим на месте лексемы *rose* слово *нарцисс*. Вариативность связана с различиями переводов оригинала. На иврите соответствующая строка «Песни Песней» строка выглядит так: *אֲנִי רֹז שָׁרׇן לִילִי מִבְּעֵי הַגִּבְעוֹת*. Переводы еврейского названия цветка [хабаццелет] различны в европейских языках (*нарцисс, роза, тюльпан*).

На английский язык еврейское наименование цветка [хабаццелет] было переведено именно как *роза*. Библейское происхождение единицы отразилось на её семантике. Собственное имя *Сарон* обозначает местность Средиземноморского побережья близ Палестины. В буквальном прочтении «Песнь песней» – собрание любовных гимнов, раскрывающих чувства Соломона и Суламиты (Суламифи). В еврейской традиции основная тема «Песни песней» – отношения Бога и еврейского народа. Ряд исследователей выдвигает следующую версию: *роза Сарона* из «Песни песней» – прообраз Богоматери. Майкл Бредли считает, что роза Сарона – сам Иисус. Он приводит следующие доказательства этой гипотезы: 1. У католиков существует традиция писать на пасхальных открытках выражение *Christ arose*, означающее ‘Христос воскрес’. Интересно, что в некоторых случаях слово *arose* разделяется на две лексемы *a rose*. Таким образом, Христос отождествляется с *розой Сарона*, единственным растением, обладающим чудодейственным свойством воскресать и порождать жизнь из терниев. Следовательно, фразеологизмы *a rose of Jericho* и *Rose of Sharon* сближаются по семантике, становятся синонимами, обозначая одно растение – символ воскресения. 2. В Новом Завете проводится любовная аналогия: Иисус зовётся женихом, а церковь его невестой. Символическим выражением любви яв-

ляется роза – самый совершенный цветок, Иисус также отождествляется с розой [Bradley 2003: 250].

Чаще всего исследуемый фразеологизм в английском языке обозначает девушку, еврейку по национальности: *The Rose of Sharon and the Lily of the Valley, – answered the Prior, in a sort of snuffling tone* (В. Скотт. «Айвенго»); *Over by the water hose, Connie and Rose of Sharon stood together, talking secretly* (Дж. Стейнбек. «Гроздь гнева»).

Таким образом, фразеологические единицы английского языка (*there is no rose without a thorn, a rose between two thorns, a rose without a thorn, a rose of Jericho, a rose of Sharon* имеют библейское происхождение и поэтому в определённых контекстах приобретают сакральный смысл.

Литература

Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз., 1984.

Подольский [http: Подольский, Б. Иврит-русский, русско-ивритский словарь / Б. Подольский \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: http://www.slovar.co.il/irisrm.php. – Загл. с экрана.](http://www.slovar.co.il/irisrm.php)

Bradley, M. Of Bible Knowledge Ministries / M. Bradley. – London, 2003.

Browne, T. Pseudodoxia Epidemica, or “Vulgar Errors” / T. Browne. – London, 1650.

А. М. Чепасова

Челябинский государственный педагогический университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТРУКЦИИ ГЛАГОЛ + СЕБЯ¹

... самое страшное и властное слово,
т. е. самое загадочное – может быть
именно слово – будничное
И. Ф. Анненский

1. Удивительными я считаю данные «Частотного словаря русского языка» [Засорина 1977], в котором приводятся следующие факты: из 40 000 слов, употреблённых 1 056 382 раза, местоимения следуют за глаголами: на первом месте существительные (26,65%), на втором – глаголы (17,12%), на третьем – местоимения (13,29%)! Нигде ранее мне не встречалась такая информация. Конечно, эти цифры не очень велики для русского языка, да и погрешности при подсчёте исключать нельзя. Но третье (!) место после глагола! На какое свойство русского языка оно указывает? Не менее удивительным следует считать факт отсутствия морфологических категорий у некоторых местоимений, что делает их до сих пор загадочными.

Из всего класса слов, относимых к местоимениям, для исследования мы избрали лексему *себя* как компонент глагольной конструкции, ограничившись

описанием её свойств в современном русском языке и отдельными экскурсами в историю языка. Добавим ещё: глагольный компонент конструкции обозначает психическую, духовную деятельность человека, а именной компонент обозначает внутренний объект [Чепасова 2006: 45 и след.].

2. Компонентами исследуемой конструкции являются глаголы, обозначающие психическую, духовную, эмоциональную деятельность современного русского человека или человека, владеющего национальным русским языком. По морфологическим свойствам эти компоненты ничем не отличаются от однозвучных глаголов в других сочетаниях, кроме продуктивности некоторых форм одноименных категорий.

Вторым компонентом сочетаний является местоимение *себя*, обладающее целым рядом свойств, которые отмечаются в русской грамматике абсолютно всеми авторами, но никем не объясняются. Это делает лексему *себя* хоть и не страшной, но «загадочной». Существует это слово очень давно, во всяком случае, в памятниках Х в. оно встречается очень часто. Учитывая возраст этой лексемы хотя бы с Х в., на «загадочные» свойства её должна пролить свет историческая грамматика русского и не только русского языка.

Загадочность местоимения *себя* мы видим в том, что оно не имеет форм рода, хотя их имеют глаголы в форме прошедшего времени, и не имеет показателя пола, хотя оно, вместе с глаголом, обозначает деятельность лица. По отсутствию указаний на род и пол местоимение *себя* объединяется в одну группу с местоимениями *я*, *ты* и частично с *кто*, хотя последнее является средством выражения более широкой семантической категории одушевленности. Местоимение *себя* не имеет форм числа (для него одинаково верно *я себя, мы себя, школьники себя, народ(-ы) себя*). Категория падежа сохранилась, совпадает с формами местоимения *ты*, хотя отсутствует (или была невозможна?) форма именительного падежа.

В языке, кроме двухкомпонентной, нередко употребляется трёхкомпонентная конструкция *глагол+сам+себя*. Местоимение *сам(-а, -и)* в русском языке квалифицируется как определительное, хотя одновременно указывается, что оно обозначает лицо или предмет и соотносится со всеми формами лица и числа личных местоимений. Во всех славянских языках, кроме русского, оно входит в разряд возвратных наряду с местоимением *свой*.

3. Выяснению свойств конструкции *глагол+себя* помогают исторические словари, в статьях которых приводится ценная информация по многим вопросам. Мы использовали [СДЯ XI–XIV], [СРЯ XI–XVII], [Перспектив 2006]. Данные названных словарей позволяют ответить на вопрос о времени возникновения исследуемой конструкции: она появилась до Х в.

Информация, представленная в исторических словарях, позволяет говорить об исследуемой конструкции как о древнейшей и, имея в виду современные её проявления, не только как о живой, но и как о развивающейся. Не менее ценную информацию представляют словари по проблеме отношений между формами *себе (себя)* и *ся*. Обе формы одинаково тяготеют к глаголу, как и в современном русском языке, обе создают в глаголах, называемых возвратными, новое лексическое значение, но одна из них – *себе (себя)*, так называемая пол-

¹ Настоящая статья представляет собой извлечение из нашей книги «Конструкции с местоимением *себя* в современном русском языке», готовящейся к печати.

ная форма, как десять и более веков тому назад, образуя возвратный глагол, не соединилась с последним, а составила с ним особую синтаксическую конструкцию, которая обозначает, что выраженное ею действие является осознанной, единственно правильной/неправильной, полезной/вредной, выгодной/невыгодной и т. п. духовной деятельностью лица, выраженного именительным падежом имени.

Краткая форма, *ся*, агглютинированная или неагглютинированная, сочетается с глаголами всех и всяких семантических категорий и ведёт себя как любое глагольное словообразовательное средство. Отсутствие ограничений в сочетаемости *ся* с глаголами обеспечивало и обеспечивает исключительную продуктивность возвратных глаголов в древнерусском и в еще большей степени в современном русском языке.

Процесс разделения *себя* и *ся* на две единицы, динамичность и диалектичность этого процесса можно наблюдать на фактах, зафиксированных в проспекте «Фразеологического словаря старославянского языка»: **вѣзнѣсти сѧ до небесе** [Прспект 2006: 82], **крѣпнѣти сѧ дооужомь** [Там же: 159], **очистити сѧ отъ скверны** [Там же: 210].

4. Сочетание глагола с местоимением *себя* семантически является синтаксическим словом, а формально – глагольным словосочетанием. Местоимённый компонент выполняет две роли. С одной стороны, он создаёт такое значение глагола, которым выражается сложнейшая скрытая духовная деятельность человека, совершаемая «вторым Я», выраженного внешне (формально) именным падежом: *спрашиваю самого себя* – ‘пытаюсь сформулировать вопрос о чём-то, лично неизвестном’, *подтрунивает над собой* – ‘мягко отрицает правильность своих привычек, навыков, действий’.

Если глагол до соединения с компонентом *себя* был однообъектным, то в конструкции с *себя* он функционирует как субъектный: *владеть/овладеть собой, верить в себя, не знает себя*. Если глагол двухобъектный, то его вторая объектная связь оставляет глагольную конструкцию субъектной, но потенциально объектной: *защитить себя (от кого, чего)*; *контролировать себя (в чём)*; *завоевать себе (что)*; *напомнить о себе (кому)*; *успокоить себя (чем)*; *уяснить себе (что)*.

Конструкции с двухобъектным глагольным компонентом, реализовавшие внешнюю объектную связь, функционируют в тексте как сложные по форме простые по значению объектные глагольные словосочетания: *сознавать в себе современного человека*; *впитывать взор в себя*; *сбросив с себя власть*; *ограждал бы себя от покушений*¹.

5. Конструкция *глагол+себя*, по данным нашей картотеки, обнаруживает грамматическое свойство, неизвестное в русской грамматике: местоимённый компонент конструкции способен становиться членом объектного синтаксического ряда, в котором объектные формы повторяют падежную форму местоимённого компонента. *Деятельность человеческого сознания направлена не только на окружающий мир, но и на самого себя, своё бытие в мире* (Т.Г. По-

пова). Особенность такого синтаксического ряда в том, что компонент *себя* является по существу морфемой, подчинённой грамматически главному компоненту, и имеет падежную форму, которую требует от него глагольный элемент, но и одновременно ведёт себя как внешний объект, продолжающий синтаксический ряд, падежные формы которого повторяют падежную форму компонента *себя*. Особенность синтаксического ряда и в том, что компонент *себя* сохраняет при этом оба своих «лица» – морфемное и лексическое, то есть сохраняет свою двойственную природу.

Синтаксический ряд в основном состоит из двух компонентов – местоимения *себя* и другого объекта, но если помнить, что *себя* – это морфема, образующая конструкцию, то строго говоря, никакого ряда нет. Члены ряда в основном связаны союзной связью, все союзы сочинительные. Господствующим является союз *и*, но есть и другие – *не, а, ни-ни, или, да*. Компоненты двух-, трёх-, четырёхчленного ряда могут быть связаны бессоюзной интонационной связью. Членами синтаксического ряда могут быть личные местоимения, существительные, обозначающие лицо, или отвлечённые существительные.

Отметим парадоксальные свойства компонента *себя*: в сочетании с глаголами, обозначающими психическое действие, он уничтожает объектность и делает глагольную конструкцию субъектной, а при субъектном глагольном сочетании невозможен объект, тем более объектный синтаксический ряд, но последний возникает и существует, начинаясь компонентом *себя* или включая его в свой состав. Я не могу пока объяснить этот парадокс.

Литература

- Засорина, Л. Н. Частотный словарь русского языка / Л. Н. Засорина. – М.: Рус. яз., 1977.
СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2008 (издание продолжается).
СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28 (издание продолжается).
Прспект 2006: Фразеологический словарь старославянского языка: более 4 000 ед.: прспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М.; Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006.
Чепасова, А. М. Категория залога и возвратности русских процессуальных единиц: моногр. / А. М. Чепасова. – Челябинск, 2006.

В. Д. Черняк

Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Интертекстуальность на рубеже XX–XXI вв. стала «знаменем вербального творчества и искусства вообще» [Шулежкова 2003: 38]. Сам статус прецедентных текстов различных типов предполагает их наличие в тезаурусе рядового носителя языка. Р. М. Фрумкина отмечает: «В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на

¹ Примеры взяты из книги: Фёдор Иванович Шаляпин: в 2 т. – М.: Искусство, 1960. – Т. 1 – 2.

всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно «про Онегина» [Фрумкина 2002: 133]. Уровень читательского восприятия определяется знанием базовых феноменов отечественной и мировой литературы и культуры, способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, отсылкам, намекам. Интертекстуальная ссылка – это «явление, лежащее на границе языка и культуры» [Костомаров 2001: 3].

Каждое новое поколение присваивает всё новые значимые для него тексты. В то же время произведения, ранее занимавшие значительное место в культурной памяти языковой личности, в силу различных социокультурных причин могут утрачивать свою значимость и, соответственно, выходить за рамки корпуса прецедентных текстов. Особенно заметна динамика прецедентных текстов в последнее время в связи с существенным сокращением и изменением круга чтения нашего современника. Эти обстоятельства не может не учитывать современная беллетристика, чутко реагирующая на запросы читателей.

Интертекстуальность современной литературы отражает «цитатность мышления» и предполагает соответствующий отклик читателя. Так, В. Пьецух назвал свою последнюю книгу «Плагият», в игровой форме обозначив свои интенции: «...Великие предшественники так много начудили по линии художественной обработки, что им остро хочется надерзить. И надерзить предпочтительно на их собственном материале, желательнo устами их же персонажей и по возможности тем же самым каноническим языком. Например, Гоголь доказывал, что в XXI столетии русский человек станет совершенен духом, совсем как Александр Сергеевич Пушкин. А он почему-то получился невежа и оборкот. Так же любопытно было бы перенести чеховских героев, сто лет тому назад бредивших светлым будущим, в наш злополучный век. То-то они заскучали бы по крыжовенному кусту».

Создатель текста посредством интертекстуальных отсылок может сообщить о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: авторы и их произведения, на которые осуществляются ссылки, могут быть хрестоматийными или изысканными, престижными, модными или примитивными, одиозными.

Основной источник цитат, широко используемых в текстах современной беллетристики, – это тот обязательный литературный минимум, который должен осваиваться в школе. В. Пелевин, называя современную культуру «анонимной диктатурой», в одном из своих последних произведений пишет о катастрофическом оскудении базы культурных реминисценций: «Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – всё это забыто. Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истёрты до абсолютной анонимности» (В. Пелевин. «Empire V»).

Интертекстуальность современной массовой литературы апеллирует к культурной памяти усреднённого читателя, к культурному полю, связанному прежде всего с кинематографом и телевидением, с общеизвестными литературными текстами. Авторы массовой литературы эксплуатируют поверхностный слой «культурной памяти» современника, как правило, сопровождая интертекстуальную ссылку метатекстовыми комментариями-подсказками. Маркеры интертекстуальности могут быть представлены в виде прямого (обычно иронического) указания на источник в сносках, в словах персонажей или авторской речи, в заглавиях, эпиграфах и других компонентах текста. Приведём несколько примеров: *Лучше всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. А ещё в начале девяностого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное всё время на память приходит, грызет человека, покоя ему не даёт, сомнения будит* (А. Маринина. Имя потерпевшего – Никто); – *Ни я не был в неё влюблен, ни она в меня... Это была нежность. Её ко мне – за понимание, моя к ней – из сострадания. – «Она его за муки полюбила, а он её за состраданье к ним»? – Примерно так, – кивнул Кис, пытаясь припомнить, откуда цитата. Кажется, Шекспир. Он был мастером точных формулировок...* (Т. Гармаш-Роффе. Расколотый мир).

Нередко в качестве прецедентных текстов, используемых в массовой литературе, выступают популярные песни, названия телевизионных передач, тексты рекламы: *Позвонила начальница Марина Петровна и сказала холодным, как айсберг в океане, голосом, что ждет ее* [Олимпиаду – В. Ч.] *на работе* (Т. Устинова. Дом-фантом в приданое).

Часто на основе прецедентных текстов (пословиц, афоризмов в их исконном или изменённом виде, строк из популярных песен, трансформированных названий литературных произведений, кинофильмов) строятся заглавия произведений массовой литературы (таковы, напр., заглавия практически всех произведений Д. Донцовой) или осуществляется членение текстового пространства (названия глав, эпиграфы к ним и т. п.).

М. О. Чудакова, обеспокоенная уровнем культурной грамотности молодёжи, обнажает стратегии обучающего общения с читателем в своих повестях, адресованных подросткам, и активно включает в них прецедентные феномены, сопровождая их необходимыми «опознавательными знаками». Ср.: *Любимым писателем Тома был Михаил Булгаков, а любимой книгой – его знаменитый роман «Мастер и Маргарита». Он знал едва ли не весь роман наизусть и пересылал любой разговор цитатами, причём всегда к месту: – Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет! – Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет! – Брал, но брал нашими, советскими! – Мне ли бриллиантов не знать? – Подумаешь, бином Ньютона! <...> Особенно он любил спрашивать, предлагая «Фанту» или «Пепси»: – Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?* (М. Чудакова. Дела и ужасы Жени Осинкиной: Портрет неизвестной в белом).

Отмечая особую значимость интертекстуальных связей в современной литературе, М. Эпштейн пишет: «... теперь кавычки уже так впитались в плоть каждого слова, что оно само, без кавычек, несет в себе привкус вторичности, который стал просто необходим, чтобы на его фоне стала ощутима свежесть его повторного употребления» [Эпштейн 2000: 281]. Однако для достижения отмеченного эстетического эффекта (ощущения свежести от повторного употребления) необходимо наличие у читателя общего с автором культурного кода, общего тезауруса и соответствующей текстовой компетенции, позволяющей почувствовать и актуализировать при восприятии представленные в тексте связи. Обмен интертекстами позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить совпадение или расхождение эстетических пристрастий. Приведём выразительный пример диалога двух подростков из книги Е. Мурашовой «Класс коррекции», где включение одним из них в свою речь фрагментов прецедентных текстов служит сигналом культурной идентификации личности: *В этот миг прозвенел звонок на урок. – Тебе знаешь что... знаешь что... тебе надо по капле выдавливать из себя буйнопомешанного буреветника! – гордо сказал Игорь и удалился в сторону кабинета физики. Я сел на подоконник и тихо позвал вслед: – Эй, Овсянников, ты что – Горького с Чеховым читал, что ли?*

Опознавание интертекстуальных ссылок нередко предстаёт как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознавания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на то, чтобы уловить в тексте «интертекстуальное эхо».

Литература

- Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словопотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб. : Златоуст, 2001.
- Фрумкина, Р. М. Размышления о «каноне» // Фрумкина Р. М. Внутри истории / Р. М. Фрумкина. – М. : Новое лит. обозрение, 2002.
- Шулежкова, С. Г. Проблема смерти автора в условиях «тотальной цитатности» / С. Г. Шулежкова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12 – 14 ноября 2003 г.). – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – С. 38 – 45.
- Эпштейн, М. Постмодерн в России / М. Эпштейн. – М. : «Изд-во Р. Элинина», 2000.

Л. А. Шестак

Волгоградский государственный педагогический университет

«СТОЛЕТИЯ-ФОНАРИКИ!» (В. БРЮСОВ): ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ В СТРУКТУРЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Цепь времён непрерывна. На рубеже веков, пытаясь заглянуть в будущее, Валерий Брюсов вспоминал яркие огни предыдущих эпох: Египет, *периклов век, век суетных маркиз*, сноп искр французской революции...

Закономерностями культурной эволюции являются примат формы над содержанием, инверсия причины и следствия [Степанов 1997: 21-28; Леви-Стросс 1999]. Консервативность формы часто приводит к её десемантизации, выхолащиванию смысла или к её переосмыслению: серванты в современных квартирах восходят к античным божничкам [Фрейденберг 1974].

Возможность формы приобретать новое значение превращает образ в носителя и транслятора нового смысла. Предметом теории образности и теории концептуальной эволюции являются поэтому основные понятия культурных парадигм, названные нами **цивилизационными смыслами**, – достижения давней культуры, ставшие наследием планетарных потомков [Гумилев 1989].

Цивилизационные смыслы великих парадигм развития человечества являются безусловной принадлежностью дискурса современной русской языковой личности. Это такие понятия античности, как *гражданин, государство, демократия, патриций, долг, гармония, идеал, кентавр, одиссея*; понятия средневековья *грех, вина, покаяние, иезуит, инквизиция, индульгенция, миссионер, шут, балаган, марионетка, фарс, схоластика* и пр.; выработанные Ренессансом понятия *личности, индивидуального, тривиального, путешествия, утопии, эссе, донкихотства*, введённые Новым временем понятия *атома*, в том числе социального, *механики, вакуума, гравитации, аскетизма, пира во время чумы, профессионализма, природы* как *Книги мира* и *мира как Театра*.

Большинство этих понятий ценностно осмыслено, то есть концептуализировано: *Плебей* [лат. plebejus] 1. 'В Древнем Риме: представитель низшего сословия, лично свободный, но лишённый возможности пользоваться политическими и гражданскими правами и не владеющий общинной землей (в противоположность патрицию)'. 2. 'В Западной Европе в средние века: представитель городской бедноты'. 3. 'Человек недворянского происхождения, выходец из низших сословий (именовавшийся так в дворянских кругах)'. 4. 'Разг. О человеке невежественном, с грубыми, вульгарными манерами' [БТС 2000: 840]; *Шут* 1. 'В старину: лицо при дворе или в барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остроумными, шутками: *Царский шут. Придворный шут. Состоял шутком при барыне*'. 2. 'Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях; паяц' (1 зн.): *Острые реплики шута*. 3. 'Разг. Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем; паяц' (2 зн.): *Строит из себя шута*. 4. 'Разг. В некоторых устойчивых сочетаниях: черт': *Шут с ним. Шут гороховый* [БТС: 1580].

Общим вектором эволюции цивилизационных смыслов является их расширение и переосмысление как механизм приспособления к новым эпохам, перехода из имен экономики и политики в метафоры, средство поэтики, стиливые эмблемы, в *выводное* или *пояснительное* знание: *патрицианский* – а поэтому 'держась с достоинством'; *шут* – а поэтому 'смешной'; *марионетка* – а поэтому 'несамостоятельная'; *развилка* – поэтому 'выбор'; *кентавр* – т. е. 'гибрид'; *утопия* – т. е. 'несерьёзное'. Лингвистически выводное и пояснительное знание оформляется как метафора (*кентавр, шут, иезуит*), переосмысление символического значения – эмблемы (*фортуна* [лат. Fortuna]. 'Судьба, счастливый

случай, счастье': *Верить в фортуна. Переменчивая, слепая фортуна. Любимец, баловень фортуны* (счастливчик). *Фортуна улыбается кому-л.* (кому-л. сопутствует удача, успех). *Колесо фортуны* (книжн.; изменчивое, непостоянное счастье) В древнегреческой мифологии: богиня судьбы (изображается женщиной, стоящей с повязкой на глазах на колесе или шаре) [БТС 2000: 1430]), метонимия (*пенаты*), расширение (*тривиальный*) и сужение (*эпикурец*) значения, синтагматическая цепь (*брат Ромула*), калькирующий перифраз (*trivium – перекрёсток трёх дорог*), лексикализация (*парабеллум* [от лат. para bellum 'готовься к войне'] 'Род автоматического пистолета' [БТС 2000: 780]), прецедентный текст (*Тут, и возникла истина: не когито эрго сум, а люблю эрго сумм* – Ю. Трифонов).

Древние Царства отражены в дискурсе современной языковой личности своими главными символами: *Что на земле прекрасней пирамид Природы, этих гордых снежных гор?* (М. Лермонтов); *Я завидую ей – молодой И худой, как рабы на галере* (Б. Ахмадулина); *Сам Сириус с египетской загробной собачьей головой...* (А. Тарковский); *В эпоху насаждения единомыслия пропагандисты, организаторы, агитаторы, унифицировали и мумифицировали русский язык* (В. Костомаров).

Античные смыслы широко представлены в дискурсе русской языковой личности в информативно-аксиологическом употреблении: *Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода; Во мне не дремлет дух великого народа* (А. Пушкин); *Мы должны прожить все вместе здесь на этой земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее одиссеево море* (М. Волошин); *Лес стянут по горлу петлёю пернатых Гортаней, как буйвол арканом, И стонет в сетях, как стенает в сонатах Стальной гладиатор органа* (Б. Пастернак); *Вот и прожили мы большие полотины. Как сказал мне старый раб перед таверной: «Мы, оглядываясь, видим лишь руины». Взгляд, конечно, очень варварский, но верный* (И. Бродский); *Это её-то, чей «патрицианский профиль», скульптурно очерченный рот, поступь, взор, осанка отчётливо и красноречиво выражали богатство и духовность личности...* (Работница, № 1, 1989: 23); *Ордер на арест Вяхирева будет подписан в ближайшее время, если только «брат Ромула» не выберет альтернативный вариант...* (Завтра, № 42, 1999: 1); *Вот это были прометеи! Их ещё долго после войны в народе называли чекистами, хотя ЧК уже не было* (Завтра, № 7, 2004: 6); *Чазов вскоре стал совмещать преданное служение Гиппократу с ролью фактического тайного агента шефа КГБ Андропова в кругах руководителей СССР и членов их семей* (Завтра, № 7, 2004: 6); *Нужно лишь решительно освободиться от прилипал-конъюнктурищиков и троянских коней любой масти* (Пр., 11.03.1990: 4); *Что принесла эта Мнемозина на своих крыльях?* (РР, 12.06.2002).

В этой же функции используются **средневековые цивилизационные смыслы**: *Стекло – молчун, вещун, астролог повелевает быть легенде* (Б. Ахмадулина); *И тот изящный звездочёт искусств И счетовод безумств витиеватых Не зря не любит излученье уст, Пока ещё ни в чём не виноватых...* (Б. Ахмадулина); *А их заложник и должник, Куда он скрылся? Ах, алхимик! Он,*

как над книгами, поник Над переулками глухими (Б. Пастернак); *И за это за всё – как казнят чернокожицу – Привезу тебя к утреннему крыльцу, Погляжу в дорожные глаза злоумышленницы, На прощанье губами перекрещу* (А. Вознесенский); *Наподобие касания к философскому камню, ночные беседы с женой оказывались волшебным механизмом очищения прошлого...* (Л. Улицкая); *Добровольцы-воспитатели вываливают на стол воззвания площадной демократии* (Пр., 16.05.1990: 5); *На протяжении всей его [Горбачёва – Л. Ш.] карьеры КГБ опекал шулера, пока в августе 1991 г. он не предал и само это достойное ведомство, подведя его под тупологовую дубину марионетки Бакатина* (Завтра, № 8, 2004: 5); *Публичное ограбление науки предвещает её четвертование* (Пр., 26.08.1993: 2).

Ренессансные формулы свободной, деятельной, путешествующей, гармонически развитой личности также отражены в современной речевой практике. Это термины индивидуальный 'неповторимо-ценный', эссе и эссеистичный (стиль, изложение), переосмысленные употребления типа тривиальный 'избитый, пошлый, лишённый свежести и оригинальности', утопия 'фантазия, несбыточная мечта', калька перекрёсток трёх дорог с латинского *trivium*, метафоры архитекτονика души (Г. Гачев), путешествие как 'перемещение пространственное и мысленное' (Б. Окуджава), онимы и деонимы Робин Гуд, Дон Кихот и робин гуды, донкихотствовать, фразеологизм Титаны Возрождения, прецедентный текст *Весь мир – театр* (В. Шекспир). Напр.: *Петербург vice versa Москва – слишком броская, эффектная, «остроумная»* (в барочном смысле) *формулировка проблемы* (В. Н. Топоров); *К тому же они были не совсем втроём, скорее внятером, потому что двое старших уже обзавелись девушками, и они сгрудились над кухонным столом и, опережая неторопливое застолье взрослых, ели принесённый кем-то из гостей многоярусный торт в кремовых оборках, барочный и приторный* (Л. Улицкая); *Разного рода чиновники из аппарата правительства называют цифру сокращения в 10 раз, но это чистый макиавеллизм* (Завтра, № 37, 2002: 7).

Русская культура – исторический выбор отцов, выбор красоты, духовности, книжного знания, греческой веры, античных традиций, французского Просвещения. Эта культура – не только наследие, но и механизм ответа очередным историческим вызовам.

Литература

- БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000.
 Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 2005.
 Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Л. : Гидрометеониздат, 1989.
 Леви-Стросс, К. Мифологии : в 4 т. – СПб. : Универ. кн., 1999. – Т. 1.
 Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
 Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. Фрейденберг. – М. : Наука, 1978.

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПАРЕМИЙНЫМИ ЕДИНИЦАМИ

Бурное развитие современных собственно лингвистических и междисциплинарных исследований приводит к возникновению новых научных дисциплин и субдисциплин. К ним, несомненно, относится и крылатика, предметом изучения которой являются крылатые единицы разного структурного и семантического типа [Шулежкова 2002: 5-34]. Точный статус крылатых единиц среди языковедов до сих пор ещё не определён, о чём свидетельствует их разная квалификация.

В настоящей статье попытаемся установить соотношение вышеперечисленных крылатых выражений с паремийными единицами. Вопрос, на наш взгляд, кажется интересным хотя бы потому, что уже поверхностный просмотр фактографического материала словарей крылатых выражений позволяет заметить в них типичные, пользующиеся широкой известностью паремии, напр.: *а Вася слушает да ест; если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе; не хлебом единым жив человек; одна ласточка весны не делает; Платон мне друг, но истина дороже; мавр сделал своё дело, мавр может уходить* и др. [см. Русско-польский словарь 2003].

Самой главной и существенной теоретической проблемой для нас является вопрос, который поставила в своей монографии проф. С. Г. Шулежкова, ведущий исследователь крылатых выражений: «Действительно ли крылатые выражения имеют языковой статус? И если да, то каким набором дифференциальных признаков они обладают и какое место занимают в языковой системе?» [Шулежкова 2002: 26]. Утвердительный ответ на первую часть вопроса позволил С. Г. Шулежковой обнаружить следующие дифференциальные признаки крылатых выражений: 1) связь с источником; 2) раздельнооформленность (минимум бинарная словесная структура); 3) воспроизводимость; 4) структурная устойчивость с возможной вариантностью; 5) семантическая стабильность и устойчивость, мотивированная языковым узусом [Там же: 29]. Если сравнить перечисленные признаки с дифференциальными признаками паремийных единиц, сразу обнаруживается определённая аналогия:

		ПАРЕМИЙНЫЕ ЕДИНИЦЫ					
		собственная поговорка	календарная поговорка	историческая поговорка	афоризм	сентенция	пословица
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ	буквальное и переносное значение	+	Ø	-	+/-	-	-
	форма предложения	+	+	+	+	+	-
	выражает общую истину, повторяемое явление, ситуацию	+	+	-	+	+	-
	отсутствие синтаксической сочетаемости с другими членами предложения	+	+	+	+	+	-
	стабильность формы, воспроизводимость	+	+	+	+	+	+
	анонимность	+	+	+	-	+/-	+

Конкретные типы паремийных единиц были более точно охарактеризованы нами в отдельном докладе [Szutkowski 2010: 347-355].

Выделенные проф. С. Г. Шулежковой дифференциальные признаки крылатых выражений в принципе совпадают с дифференциальными признаками афоризмов и сентенций. Прежде всего, следует обратить внимание на анонимность, т. е. отсутствие авторства в общественном сознании. Афоризмы сохраняют актуальную связь с автором и/или конкретным источником. Этот факт считается исследователями одним из главнейших для установления статуса единицы как крылатой: «их значения „отягощены“, „чреватые“ генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения» [Шулежкова 2002: 31]. Афоризмы, на наш взгляд, аналогичны (или даже тождественны) крылатым выражениям. Если связь с автором и/или источником изгладится из памяти, то тогда афоризм – в зависимости от семантической специфики – превращается в поговорку, т. е. паремийную единицу с буквальным и переносным значениями (напр., *одна ласточка весны не делает*) или сентенцию, т. е. паремийную единицу только с буквальным значением (напр., *у сильного всегда бессильный виноват*). Хотя, как отмечает проф. С. Г. Шулежкова, «крылатые слова и выражения, в отличие от поговорок и поговорок, принадлежат литературно-образованным кругам» [Шулежкова 2002: 31]. Паремийные единицы, особенно собственные и календарные поговорки, возникли в народной речи, кроме того, они считаются микрожанром народного творчества.

Более чёткие отличия между крылатыми выражениями и паремийными единицами наблюдаются в функциональном аспекте. По нашему мнению, последние выполняют функцию умозаключения, а также обладают образной, мотивированной прагматикой (одобрение, неодобрение, порицание, осуждение, презрение, пренебрежение, восхищение, приказ, требование, рекомендация, совет, просьба, мольба, предостережение и др.) номинации разнообразных ситуаций в обществе и окружающей среде [Шутковски 2010: 77-78]. Функции крылатых выражений гораздо сложнее. Подробно их охарактеризовала проф. С. Г. Шулежкова. Она отмечает, напр., что эти единицы передают суть сложных явлений; служат образным названием единичных, уникальных событий или явлений; выполняют характеризующую функцию или сжато выражают чью-л. жизненную позицию; бывают поводом для словесной игры или средством комического эффекта и др. [Шулежкова 2009: 62-63].

На основе сказанного можно сделать вывод, что крылатые выражения по сравнению с паремийными единицами более полифункциональны. Очень важным, общим признаком исследуемых языковых единиц, на наш взгляд, является лингвокультурный аспект их возникновения и функционирования, т. к. в них отражаются многочисленные и разнообразные факты, свойственные данной языковой общности. Это чрезвычайно богатый и интересный материал для реконструкции менталитета и его элементов.

Таким образом, проведённый нами краткий анализ крылатых выражений и паремийных единиц позволяет осветить ряд их смежных признаков, прежде всего в структурном и семантическом плане, но также и в функциональном ас-

пекте. Несомненно, определённая часть крылатых выражений становится объектом изучения современной паремиологии, и, наоборот, значительное количество паремий входит в круг исследований современной крылатики. Если отнести паремиологию к фразеологии в широком понимании этого термина, то, следовательно, нужно также обратить внимание на смежность фразеологии и крылатики. Как отмечает знаменитый польский исследователь крылатых единиц проф. В. Хлебда, «*trudno byłoby podać powód, dla którego skrzydlate słowa o postaci ponadleksemowej miałyby się oddzielać od frazeologizmów: jedne i drugie należą do ogromnej klasy odtwarzalnych wielowyrazowców...*» [Chlebda 2005: 453]. Таким образом, можно предположить, что современная крылатика и паремиология являются в какой-то степени субдисциплинами широко понимаемой фразеологии.

Литература

- Русско-польский словарь 2003: Chlebda W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda W. M. Mokijenko, S. G. Szuleżkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza „Leksem”, 2003.
- Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С. Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник», 2002.
- Шулежкова, С. Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы / С. Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62 – 73.
- Шутковски, Т. Паремийные единицы с ономастическим компонентом в современных русском и польском языках / Т. Шутковски. – Щецин : Volumina. pl, 2010.
- Chlebda, W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne / W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005.
- Szutkowski, T. Przysłowie właściwe jako centralna jednostka w systemie paremiologicznym / T. Szutkowski // Słowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych / pod red. M. Aleksiejnki i H. Waltera. – Szczecin : Print Group, 2010. – S. 347 – 355.

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

«Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык», – пишет С. Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова 2000: 44]. И с этим нельзя не согласиться, особенно когда приходится сталкиваться с таким понятием, как «ложные друзья переводчика». Иногда иностранная фраза приводит в замешательство не потому, что в основе её лежит необычный образ, а потому, что образ этот даёт совершенно иные ассоциации в родном языке. Фразеологизм же неизменно оказывается камнем преткновения при изучении иностранного языка, особенно языка родственного, так как фразеотворчество зачастую оказывается не надэт-

ническим, понятным представителю любого народа, а внутриэтническим, объясняемым ассоциативными связями, бытующими у представителей данного этноса; при этом родственность языков не является гарантией схожести языкового мышления, но может служить своеобразной ловушкой для чересчур самоуверенного переводчика.

Безусловно, «ложных друзей переводчика» во фразеологическом составе языка значительно меньше, чем в лексическом. Объясняется это хотя бы тем, что и по структуре, и по семантической наполненности фразеологическая единица является более сложной, чем лексема. Тем не менее в родственных языках обнаруживается довольно много фраз, которые могут ввести в заблуждение даже человека, обладающего значительным словарным запасом.

Необходимо отметить, что о фразеологических «ложных друзьях переводчика» в последнее время начинают писать, хотя и не очень активно. Так, одним из первых трудов, в котором были зафиксированы русско-польские фразеологические «ложные друзья переводчика» (согласно терминологии учёного, *мнимые эквиваленты*), является работа И. Дашиньской [Daszczyńska 1987], в которой исследователь говорит о трёх группах межъязыковых фразеологических аналогов: а) мнимые эквиваленты, состоящие из компонентов общего корневого происхождения: *ni za grozi – [ani] za grosz, nie swoim głosem – nie swoim głosem*; б) мнимые эквиваленты, в которых лишь один компонент имеет общее корневое происхождение: *gnąć spinu – gnać kark*; в) мнимые эквиваленты, состоящие из разнокорневых компонентов: *w конечном ście – w ostatnim razie*. В каждой из групп в зависимости от структуры автор выделяет подгруппы мнимых эквивалентов.

К. Кусаль [Kusal 2004] предпочитает говорить только о ложных межъязыковых омонимах в сфере фразеологии. При этом он выделяет **внутриуровневую омонимию** (когда и в русском, и в польском языках сходно звучащие выражения являются фразеологизмами, но имеют при этом разные значения: $\diamond$ *воды не замутит* ‘очень скромн, тих, кроток’ – $\diamond$ *wody nie zamąci* ‘никому не навредит, не помешает’) и **омонимию межуровневую** (когда фразеологизму в одном языке соответствует свободное словосочетание в другом: $\diamond$ *зеленая улица* ‘свободный путь, без препятствий, задержек’ – *zielona ulica* ‘улица, где много зелени’, *два бегуна* (напр., на короткую дистанцию) – $\diamond$ *dwa bieguna* ‘два полюса, две противоположности’).

Безусловно, всегда следует помнить, что от правильного или неправильного восприятия «ложных друзей переводчика» зависит успех или неуспех межкультурной коммуникации. Но когда речь заходит о переводе, особенно переводе учебном, необходимо говорить о «ложных друзьях переводчика» как о более широком понятии, чем межъязыковые омонимы.

Прежде всего, с точки зрения восприятия, следует выделить два типа «ложных друзей». К первому мы относим так называемые переводческие буквализмы, т. е. фразы, которые воспринимаются как эквиваленты при буквальном переводе компонентов. Так, польск. $\diamond$ *iść na rękę* ‘идти навстречу кому-л.’ буквально можно перевести как *идти на руки (на руку)*, а значит, этот фразеологизм может быть подменён русским $\diamond$ *идти на руки (на ручки)*, употребляе-

мым в отношении ребёнка: *ребёнок пошёл к кому-то на руки*, т. е. согласился, чтобы с ним поиграли, держа при этом на руках, на коленях. Польск. $\diamond$ *na czas* ‘вовремя, пунктуально’ буквально можно перевести как *на время*, а бытующие в русском языке обороты *рыцарь на час*, *отлучиться на час* и т. п. неверно уточняют польский фразеологизм: ‘на непродолжительное время’, что уведёт переводчика ещё дальше от истины. Польск. $\diamond$ *jak rydz* ‘как огурчик’ буквально можно перевести как *рыжик*, что выводит польскую устойчивую единицу за рамки русской фразеологии и может привести к непониманию текста. К этой группе относятся и интуитивно выводимые переводы: польск. $\diamond$ *nie ma gwałtu* ‘не к спеху’ буквально в русской молодёжной среде будет переведено как *нет шума, без крика*, $\diamond$ *без разговоров*, $\diamond$ *нет базара*, т. е. ‘конечно, сделаю’; такой перевод не только нарушит семантику, но и уведёт фразу в другую возрастную и социальную среду.

Далеко не всегда идиома в русском языке является идиомой в польском, и наоборот. И в этом кроется ещё один подводный камень перевода. Так, напр., в русском языке словосочетания *белая ворона*, *бить ключом*, *брать в руки* и др. могут быть как свободными, так и фразеологически связанными. В польском языке словосочетания *biała wrona*, *bić kluczem*, *brać w ręki* могут быть только свободными. Более того, омонимичные в русском языке лексемы *ключ*¹ ‘водный источник’ и *ключ*² ‘слесарный инструмент’ в польском языке омонимами не являются: слово *klucz* обозначает лишь слесарный инструмент. Точно так же может привести в недоумение и буквальный перевод польского фразеологизма, не имеющего аналога – фразеологически связанного сочетания – в русском языке. Но если буквальный перевод польских фразеологизмов $\diamond$ *gruba ryba* ‘важная птица’ (букв. *толстая рыба*), $\diamond$ *wykręcić kota ogonem* ‘извратить, переиначить’ (букв. *вывернуть kota хвостом*), $\diamond$ *słono zapłacić* ‘заплатить большие деньги’ (букв. *солоно заплатить*), $\diamond$ *słona cena* ‘высокая цена’ (букв. *солёная цена*) и под. заставит усомниться в его точности, то буквальный перевод польских фразеологизмов $\diamond$ *nie wiadomo, kto z brzegu* ‘неизвестно, кто первый умрёт’ (букв. *неизвестно, кто с берега*), $\diamond$ *posłać na grzybki* ‘уволить, выгнать с работы’ (букв. *послать по грибы*), $\diamond$ *to nie moja (twoja, jej...) broszka* ‘это не моё (твое, её...) дело’ (букв. *это не моя (твоя, её...) брошка*) и т. д. не остановит переводчика, т. к. подобные фразы в принципе возможны в русском языке.

Ко второму типу мы относим фразеологизмы и фразы, компоненты которых являются фонетически сходными. Среди них выделяем межъязыковые омонимы ($\diamond$ *na ząbek* ‘на закуску’ – $\diamond$ *na zúbok* ‘подарок новорождённому’, $\diamond$ *od słowa do słowa* ‘постепенно, по мере развития беседы, дискуссии’ – $\diamond$ *от слова до слова* ‘всё целиком, от начала до конца’), межъязыковые паронимы ($\diamond$ *kurze łapki* ‘морщинки вокруг глаз, гусиные лапки’ – $\diamond$ *курьи ножки*, букв. ‘куриные ножки избушки Бабы-Яги’) и частичные межъязыковые синонимы. Если русско-польские омонимы и паронимы уже были предметом исследования таких учёных, как И. Дашиньска [Daszczyńska 1987] и К. Кусаль [Kusal 2002, 2004], то о частичных русско-польских синонимах ни польские, ни российские исследователи не писали. Между тем они вызывают огромные затруднения при переводе. Как и лексемы, некоторые фразеологизмы полисемичны, причём в рус-

ском и польском языках совпадают далеко не все их значения. Так, в русском языке библейский фразеологизм $\diamond$ *альфа и омега* имеет два значения: 1) ‘начало и конец’; 2) ‘сущность, основа, самое главное’ [Молотков 1994: 29]: *Всё имеет начало и конец, альфу и омегу* (Похоронный портал); *Вооружённость против зла и будущее счастье благоденствующего человека – это альфа и омега всякой учёбы* (А. Лосев). В польском языке основным значением фразеологизма $\diamond$ *alfa i omega* является следующее: ‘o człowieku, który dużo wie i jest niekwestionowanym autorytetem w jakąś sprawach’¹: *Ta samodzielna praca była jeszcze dla niego pewna nowością. W jej oczach był jednak alfa i omega*² (А. Strączek) [Kubiak-Sokół 2007: 2]. Примечательно, что в польском библейском тексте фразеологизм $\diamond$ *alfa i omega* понимается не как ‘начало и конец’, а как ‘сущность, самое главное’: *Ja jestem Alfa i Omega, mówi Pan Bóg, Który jest, Który był i Który przychodzi, Wszeczmogący*³ [Biblia 1975: 786]. Безусловно, значение ‘высший авторитет’ у польского фразеологизма развилось на основе библейского. Таким образом, развитие одного библейского фразеологизма в русском и польском языках пошло разными путями, и это может приводить к непониманию переводимого текста.

Все эти случайные и неслучайные межъязыковые эквиваленты, безусловно, нужно подвергнуть тщательному изучению. При этом необходимо не просто констатировать факт возможности неточного перевода, но и искать его причины.

Литература

- Молотков, А. И. Учебный русско-польский фразеологический словарь / А. И. Молотков, В. Цеслянская. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001.
- Молотков 1994: Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – 5-е изд. – СПб.: Вариант, 1994.
- Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Как соотносятся между собой язык и культура: моногр. / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Слово, 2000.
- Biblia 1975: Biblia. – Warszawa: Brytyjskie i zagraniczne towarzystwo biblijne, 1975.
- Kubiak-Sokół, A. E. Szkolny słownik frazeologiczny PWN / A. Kubiak-Sokół, E. Sobol. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Chlebda, W. Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы / W. Chlebda, A. Gołubiewa, J. Wawrzyńczyk, T. Wielg. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
- Daszczyńska, I. Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne: monogr. / I. Daszczyńska. – Słupsk, 1987.
- Kusal, K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / K. Kusal. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.
- Kusal, K. Русско-польская межъязыковая омонимия в сфере фразеологии / К. Кусаль // *Żmogus ir žodis*. – 2004. – Т. 6, nr 3. – С. 15 – 20.

¹ О человеке, который много знает и является высшим авторитетом в каких-либо вопросах [Здесь и далее перевод наш – И. Ш.].

² Эта самостоятельная работа была для него пока в новинку. В её глазах, однако, он был альфой и омегой (т. е. высшим авторитетом).

³ «Я есть Альфа и Омега», – говорит Господь, Который есть, Который был и Который приходит, Всемогуший.

РАЗДЕЛ III

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Доктор филологических наук, профессор Шулежкова Светлана Григорьевна является автором около 300 публикаций, среди которых:

Лексикографические труды

Романсные и оперные крылатые выражения: Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». – Магнитогорск : МГПИ, 1993. – Вып. 1.

Песенные крылатые выражения (VIII в. – Великая Отечественная война): Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». – Магнитогорск : МГПИ, 1993. – Вып. 2.

Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990-х годов: Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 3.

Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» (кинематограф, телевидение, изобразительное искусство, эстрада). – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 4.

Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000 (в соавторстве с В. П. Берковым, В. М. Мокиенко).

Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1 000 крылатых выражений. – М. : «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

Челябинская область : энцикл. : в 7 т. / редкол. : К. Н. Бочкарёв (гл. ред.) [и др.]. – Челябинск : Камен. пояс, 2003 – 2008 (автор более 40 словарных статей).

Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003 (wspólnie z W. Chlebda, W. M. Mokijenko).

Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009 (в соавторстве с В. П. Берковым, В. М. Мокиенко).

Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 ед. – Магнитогорск : МаГУ, 2009 (автор более 100 словарных статей).

Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. – М. : Флинта : Наука, 2010 (автор более 200 словарных статей).

Научные и научно-методические работы

Структурно-грамматическая характеристика военных и казачьих именных составных терминов (на материале официально-деловых документов южноуральских крепостей VIII века) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1965. – Вып. 1. – С. 42 – 54.

Глагольные устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII века // Вопросы общего русского языкознания : материалы 6 науч.-метод. конф. кафедр рус. яз. и педвузов Уральской зоны. – Оренбург, 1967.

Жанрово-стилистическая характеристика официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII века // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1967. – Вып. 2. – С. 125 – 137.

Лексические и синонимо-лексические варианты субстантивных устойчивых словосочетаний (на материале официально-деловых документов южноуральских крепостей VIII века) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1967. – Вып. 2. – С. 42 – 57.

К вопросу о соотношении синонимических и вариантных языковых единиц // Вопросы лексикологии : сб. материалов 7-й зональной конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. – Свердловск, 1969. – С. 42 – 57.

Особенности проявления грамматических и лексико-грамматических категорий у субстантивных устойчивых словосочетаний (на материале южноуральских официально-деловых документов VIII в.) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1971. – Вып. 4. – С. 37 – 46.

Именные устойчивые словосочетания в Житии протопопа Аввакума // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1974. – Вып. 6. – С. 51 – 61.

Приёмы преобразования фразеологизмов в произведениях А. Н. Толстого // Русский язык в школе. – 1975. – № 1. – С. 57 – 63 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Трансформация фразеологических единиц в творчестве А. Н. Толстого // Русский язык в школе. – 1975. – № 3. – С. 57 – 63 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Устойчивые словосочетания в Житии протопопа Аввакума // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1975. – Вып. VII. – С. 73 – 82.

Морфемные варианты фразеологических единиц в творчестве А. Н. Толстого // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. – Куйбышев, 1976. – Вып. V. Научные труды. – Т. 180. – С. 47 – 53.

Структурно-грамматические модели субстантивных устойчивых словосочетаний (на материале южноуральских официально-деловых документов VIII в.) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1976. – Вып. 7. – С. 51 – 64.

Заметки о языке писателей-старообрядцев (дательный самостоятельный в Житии протопопа Аввакума и старца Епифания) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск : ЧГПИ, 1979. – Вып. 9. – С. 27 – 40.

К вопросу об источниках современной русской фразеологии (крылатые слова из опер и оперетт) // Русский язык в школе. – 1982. – № 3. – С. 70 – 76 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Лексический состав сравнительных конструкций в сочинениях протопопа Аввакума // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии : тез. докл. и сообщ. XX Зональной конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. – Свердловск, 1984. – С. 78 – 79.

Наречные устойчивые словосочетания с временным значением в сочинениях протопопа Аввакума // Эволюция и предыстория русского языкового строя : сб. ст. – Горький, 1984. – С. 55 – 65.

Освоение крылатых выражений современной публицистикой и художественной литературой // Функционирование фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск : ЧГПИ, 1984. – С. 44 – 63 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Звёздные войны // Русская речь. – 1987. – № 3. – С. 153 – 154 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Система контроля в процессе преподавания историко-лингвистических дисциплин // Реализация школьной реформы в вузовском преподавании лингвистических дисциплин : тез. докл. совещ.-сем. зонал. объедин. кафедр рус. яз. вузов Урала. – Курган : КГПИ, 1988. – С. 20 – 22.

Типы единиц в «Словаре крылатых выражений из области искусства» и принципы их толкования // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей : тез. докл. всесоюз. конф. – М., 1988. – С. 206 – 207.

Принципы шаталовской методики в советской школе // Советско-американский педагогический университет : материалы первой сов.-амер. конф. – Магнитогорск : МГПИ, 1991. – С. 288 – 289.

К истории сравнительных конструкций русского языка (на материале произведений протопопа Аввакума) // Становление грамматического и лексико-фразеологического строя русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск : МГПИ, 1992. – С. 30 – 39.

Состояние фонда крылатых выражений в публицистике 1980-х – начала 1990-х годов // Культура речи в разных сферах общения : тез. докл. всерос. конф. – Челябинск : ЧГПИ, 1992. – С. 114 – 115.

Формирование фонетических понятий в процессе преподавания историко-лингвистических дисциплин в вузе // Научные понятия в современном учебном процессе школы и вуза : тез. докл. – Челябинск : ЧГПИ, 1992. – Ч. 1. – С. 129 – 130.

Крылатые выражения-советизмы на страницах русской печати 1980-х – начала 1990-х годов // Диалектические процессы во фразеологии : докл. межвуз. науч. конф. – Челябинск : ЧГПИ, 1993. – С. 150 – 161.

Кому адресован Пустозерский сборник? // Проблемы истории, филологии, культуры : межвуз. сб. – М. ; Магнитогорск : МГПИ, 1994. – Вып. I. – С. 175 – 188.

Крылатые выражения из области искусства как объект описания в учебном словаре // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии : тез. докл. междунар. симпоз. / редкол. : Л. Я. Костючук (отв. ред.) [и др.]. – Псков : ПГПИ, 1994. – С. 108 – 109.

Крылатые выражения из советской массовой песни 1930-х годов // Функционирование фразеологических единиц в различных стилях языка : межвуз. сб. науч. работ. – Магнитогорск : МГПИ, 1994. – С. 44 – 54.

Соотношение понятий «крылатое слово», «крылатое выражение» и «фразеологизм» в лексикографической и фразеологической практике // Научные понятия в учебно-воспитательном процессе школы и вуза : тез. докл. – Челябинск : ЧГПИ, 1994. – Т. II. – С. 124 – 125.

Явление серийности в периферийных областях фразеологии (на материале крылатых выражений, восходящих к искусству) // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск : МГПИ, 1994. – С. 53 – 68.

Авторство как лингвистическая категория // Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск : ЧГПИ, 1995. – Ч. 2. – С. 127 – 129.

Крылатые выражения из советской массовой песни 1930-х годов в современном русском языке // Функционирование языковых единиц современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск : МГПИ, 1995. – С. 44 – 54.

Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. – Челябинск : Факел, 1995 ; 2-е изд. – М. : «Азбуковник», 2002.

Крылатые выражения-советизмы в русских средствах массовой информации последнего десятилетия // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры : тез. докл. междунар. симпозиума. – Оломоуц, 1995. – С. 79 – 80.

Крылатые единицы как объекты лексикографического описания и их языковой статус // Проблемы истории, филологии, культуры : межвуз. сб. – М. ; Магнитогорск : МГПИ, 1995. – Вып. II. – С. 345 – 355.

От земли обетованной к небесам обетованным, Или несколько слов о судьбах библейских крылатых выражений, связанных с искусством кино // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской / Северо-Западной Библейской Комиссии (1915 – 1995). – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1995. – С. 228 – 235.

Искусство как посредник в освоении библейских крылатых выражений // Problemy frazeologii europejskiej – II. Frazeologia a religia / pod red. A. M. Lewickiego i W. Chlebdy. – Warszawa : Wyd-wo «Energeia», 1997. – S. 145 – 152.

Памяти Павла Яковлевича Черных, известного русского учёного, педагога, общественного деятеля // Памяти П. Я. Черных. К 100-летию со дня рождения (1896 – 1970) : материалы межвуз. науч. конф., 20-21 февраля 1996 г. – Магнитогорск : МГПИ, 1997. – С. 3 – 10.

Бием – одолевай! (штрихи к портрету Ивана Неронова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск, 1998. – Вып. V. – С. 183 – 192.

О соотношении понятий «крылатое выражение» и «цитата» // Вопросы методики формирования понятий при изучении предметов гуманитарного цикла : тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск : ЧГПИ, 1998. – С. 19 – 20.

Крылатые выражения Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого : исследования и материалы / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербакова. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 216 – 225.

«Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет...» (заметки о пушкинских крылатых строках) // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : МаГУ, 1999. – Вып. 1. – С. 105 – 121.

Библейские крылатые выражения в поэзии В. С. Высоцкого // Мир Высоцкого : исследования и материалы / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербакова. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2000. – Вып. 5. – Т. 2. – С. 210 – 220.

«Мы крылья и стрелы попросим у Бога...» : библейские крылатые единицы в поэзии В. Высоцкого // Мир Высоцкого : исследования и материалы. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2000. – Вып. 4. – С. 195 – 208.

Скупой рыцарь и другие (заметки о пушкинских крылатых выражениях) // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Вып. 2. – С. 44 – 55.

К вопросу о происхождении оборотов «ехать на ярмарку» и «с ярмарки ехать» // Функционирование стандартных и субстандартных языковых единиц : сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Б. Б. Максимова / под ред. В. А. Саляева. – Магнитогорск : МаГУ, 2001. – С. 158 – 169.

Сладкая жизнь по-русски (К истории возникновения одного крылатого выражения) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск : МаГУ, 2001. – Вып. XI. – С. 439 – 444.

Типы крылатых выражений из области искусства и принципы их толкования в словаре // Frazeografia słowiańska : księga pamiątkowa poświęcona prof. dr hab. Halinie A. Lilicz / red. nauk. M. Balowski i W. Chlebda. – Opole : Uniw. Opolski, 2001. – S. 285 – 293.

Жизни мышья беготня (Пушкин и пушкин в романе Т. Толстой «Кысь») // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : МаГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 30 – 46.

К истории одного из Толстовских крылатых выражений (ещё раз об обороте *живой труп*) // Слово. Фраза. Текст : сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. – М. : «Азбуковник», 2002. – С. 335 – 350.

От *сладкой жизни* к *сладкой парочке* (крылатые выражения-неологизмы с компонентом *сладкий* в современном русском языке) // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas – VI : materiały VI M.-n. konf. nauk. – Szczecin ; Greifswald, 2002. – S. 328 – 333.

Концепт «Память» в русской духовной культуре и средства его вербализации // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 2. – С. 125 – 127.

Метаморфозы концепта «Память» в творчестве Татьяны Толстой // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ : в 2 т. / под ред. Н. О. Рогожиной [и др.]. – СПб. : Политехника, 2003. – Т. 1. – С. 320 – 328.

Проблема смерти автора в условиях «тотальной цитатности» // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – С. 38 – 45.

Фразеология и русская культура // Русский язык и русская культура : 100 очерков и бесед на радио / под ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск : ЧГПУ, 2003. – Цикл VI. – С. 277 – 346.

Выражение *чадо праха* и слово *прах* в сочинениях А. С. Пушкина // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : МаГУ, 2004. – Вып. 4. – С. 45 – 56.

Народная духовная поэзия Южного Урала как объект изучения // VII Ручьёвские чтения. Литературный процесс в зеркале рубежного сознания: философский, лингвистический, эстетический, культурологический аспекты : сб. материалов междунар. науч. конф. – М. ; Магнитогорск : МаГУ, 2004. – С. 54 – 58.

Новая жизнь старых крылатых выражений (сталинский след в фонде крылатых единиц современного русского языка) // Słowo. Text. Czas – VII / pod red. M. Aleksejki I M. Kuczyńskiej : materiały VII M.-n. konf. nauk. – Szczecin : Wyd-wo nauk. Un-tu Szczecińskiego, 2004. – S. 283 – 290.

«Если бы я не был польского происхождения...» (к 160-летию со дня рождения выдающегося русско-польского лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ // Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс : сб. ст. участников междунар. науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – С. 362 – 370.

«... моё скромное имя стало символом здравого смысла» (к 115-летию со дня рождения Е. Д. Поливанова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск : МаГУ, 2005. – Вып. XV. – С. 136 – 140.

Стих о грехе Адамовом, или Рассуждения о духовной народной поэзии как посреднике в освоении библеизмов // Грани слова : сб. науч. тр. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М. : ООО «Изд-во “ЭЛПИС”», 2005. – С. 734 – 743.

«Зачем, братья собрались? Зачем, сёстры притекли?» : (духовный фольклор на Южном Урале: тематика, источники, сфера бытования) // Третьи Лазаревские чтения. Традиционная культура сегодня: теория и практика : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Челябинск : ЧГАКИ, 2006. – Ч. 1. – С. 159 – 164.

Об особенностях проявления грамматической категории числа у предметных устойчивых словосочетаний (по материалам южноуральских официально-деловых документов VIII века) // Деловой язык XVIII – начала XIX в. на Южном Урале и в Зауралье : сб. ст. – Челябинск, 2006. – С. 174 – 184.

Судьба крылатого выражения *Довлеет дневи злоба его* // Славянские языки в свете культуры : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Алексеенко, В. М. Мокиенко, М. Кучинской. – М. : Щецин : Грайфсвальд : ООО «А – Темп», 2006. – С. 335 – 341.

К истории библеизма *отрясать/отрясти прах от ног своих* // Славянские языки и культура. Языковые средства и способы кодировки культурных знаний : материалы междунар. науч. конф. – Тула : ТГПУ, 2007. – С. 138 – 142.

Роль старославянского языка в формировании духовных ценностей будущих филологов // Проблемы классического образования и духовные ценности современной России : докл. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Э. Будейко. – Челябинск : ЧелГУ, 2007. – С. 228 – 232.

Старославянские корни русских фразеологизмов (размышления над фразеологическим словарём старославянского языка) // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. С. Георгиевой. – Варна, 2007. – Т. 2. – С. 333 – 337.

Судьба сверхсловных языковых единиц с компонентом *прах* (от старославянских устойчивых комплексов X – XI вв. к фразеологизмам современного русского языка) // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллективная моногр. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 219 – 227.

Библеизмы в современном русском языке и их лексикографическое описание (заметки по поводу «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной) // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в Ближнем зарубежье : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – С. 45 – 52.

Из наблюдений над фондом крылатых единиц русского языка конца XX – начала XXI в. // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой юбилею д-ра филол. наук., проф. А. М. Мелерович. – М. : ООО «Изд-во “Эллис”», 2008. – С. 524 – 529.

Крылатые единицы-вербализаторы концепта «Революция» в современном русском языке // Идиоматика и когнитивная лингвокультурология : материалы 1-ой Междунар. науч. конф. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. – С. 366 – 369.

Изучение историко-лингвистических дисциплин в условиях перехода на двухуровневую подготовку специалистов-филологов в высшей школе // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. – Тобольск : ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2009. – С. 169 – 170.

Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62 – 73. – **Журнал входит в Реестр ВАК МО и Н РФ.**

Ночные бабочки и железные леди (типы современных женщин, отражённые в фонде крылатых единиц русского языка начала XXI века) // Wort – Text – Zeit. Phrasenologische Einheiten in traditionellen und neuen wissenschaftlichen Paradigmen : Materialien der gemeinsamen wissenschaftlichen Konferenz des Instituts für slavische Philologie der Universität Szczecin und der Lehrstuhls für slavische Sprachwissenschaft des Instituts für fremdsprachliche Philologien der Universität Greifswald. 6. bis 10/ 2009 in November in Szczecin (Polen) und Greifswald (Deutschland) / Greifswalder Beiträge zur Slavistik IX. – Greifswald, 2009. – С. 92 – 93.

Рецензия на словарь: Л. П. Дядечко. Крылатые слова нашего времени : толковый словарь : более 1000 ед. – М. : НТ Пресс, 2008. – 797 с. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. IV. – С. 282 – 285. – **Журнал входит в Реестр ВАК МО и Н РФ.**

Рецензия на учебное пособие: И. А. Шушарина. Введение в славянскую филологию. – Курган : КГУ, 2009. – 302 с. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнито-

горск ; Новосибирск, 2009. – Вып. IV. – С. 289 – 291. – **Журнал входит в Реестр ВАК МО и Н РФ.**

К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян // Фразеология, познание и культура : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии.

Старославянские составные наименования христианских праздников с компонентом **великѣи** и их роль в формировании поля вербализаторов концепта «Праздник» у восточных славян // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития : коллективная моногр. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – С. 5 – 23.

Фразеологическая система как одна из сфер отображения «окультуренного мирозерцания» (к вопросу о принципах создания фразеологического словаря старославянского языка) // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф., посвящённой юбилею д-ра филол. наук, проф. В. Н. Телии : в 2 т. – М. ; Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2010. – Т. 1. – С. 263 – 268.

Учебные издания

Глагол в старославянском языке : метод указ. к курсу старославянского языка для студ. заоч. обучения. – Магнитогорск : МГПИ, 1976.

Опорные сигналы по старославянскому языку : метод. указания. – Магнитогорск : МГПИ, 1979 ; изд. 2-е. – Магнитогорск : МГПИ, 1982.

Фонетика старославянского языка. – Магнитогорск : МГПИ, 1980.

Язык одного из демократических направлений русской литературы 2-й половины XVII столетия (к истории публицистики, созданной писателями-старообрядцами) : учеб. пособие к спецкурсу. – Челябинск : ЧГПИ, 1982.

Внеурочная работа по русскому языку в средней школе : метод. указания для студ. фак. рус. яз. и лит. – Магнитогорск : МГПИ, 1985 (в соавторстве).

Крылатые выражения из области искусства в современном русском языке : учеб. пособие по спецкурсу. – Челябинск : ЧГПИ, 1985 (в соавторстве с О. Г. Сальниковой).

Методические указания к самостоятельной работе по исторической грамматике русского языка для студ. филол. фак. (опорные сигналы, планы практ. занятий, контрольные зад., руководство по анализу др.-рус. текстов). – Магнитогорск : МГПИ, 1986 (в соавторстве с Л. П. Абраменко).

Введение в историю русского языка : метод. рекомендации (из опыта работы каф. рус. яз. МГПИ). – Магнитогорск : МГПИ, 1989 (в соавторстве с Л. П. Абраменко).

Старославянский язык : учеб. пособие. – Свердловск : УрГУ, 1989 ; 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МГПИ, 1991 ; 3-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МГПИ, 1999 ; 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002 (в соавторстве с Г. А. Турбинным [Гриф МО и Н РФ]).

История русского языка : метод. рекомендации для студ. нац. отд-ний пед. ин-тов. – Магнитогорск : МГПИ, 1990.

Методические указания к курсу «Общее языкознание» для студ. филол. фак. пед. ин-тов. – Магнитогорск : МГПИ, 1990.

Введение в историю языка : метод. указания к курсу для слушателей лицея. – Магнитогорск : МГПИ, 1991. – Ч. 1 (в соавторстве).

Основы общего языкознания : метод. указания к курсу для слушателей лицея. – Магнитогорск : МГПИ, 1991 (в соавторстве с Л. П. Абраменко, Б. Б. Максимовым).

Контрольные работы по историко-лингвистическим дисциплинам : метод. рекомендации для студ. – Магнитогорск : МГПИ – МаГУ, 1996, 1999, 2001, 2003. – Вып. 1. Тексты, опорные сигналы, справочные материалы.

Контрольные работы по историко-лингвистическим дисциплинам : метод. рекомендации для студ. заоч. отд-ния филол. фак. – Магнитогорск : МГПИ, 1996. – Вып. 4. Происхождение вторичных согласных.

История звуков [г], [к], [х] // Вопросы общего языкознания и истории русского языка : метод. рекомендации для студ.-выпускников оч. и заоч. отд-ний филол. фак. пед. ин-тов. – Магнитогорск : МаГУ, 1998. – Ч. 1, разд. III. – С. 58 – 61.

Следствия падения редуцированных в русском языке // Вопросы общего языкознания и истории русского языка : метод. рекомендации для студ.-выпускников оч. и заоч. отд-ний филол. фак. пед. ин-тов. – Магнитогорск : МаГУ, 1999. – Ч. 2, разд. II. – С. 23 – 34.

История форм прошедшего времени в русском языке // Вопросы общего языкознания и истории русского языка : метод. рекомендации для студ.-выпускников оч. и заоч. отд-ний филол. фак. пед. ин-тов. – Магнитогорск : МаГУ, 1999. – Ч. 2, разд. III. – С. 58 – 67.

Исторические чередования в современном русском языке // Вопросы общего языкознания и истории русского языка : метод. рекомендации для студ.-выпускников оч. и заоч. отд-ний филол. фак. пед. ин-тов. – Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Ч. 3, разд. I. – С. 3 – 11.

История лингвистических учений : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2004 ; 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006 ; 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2007 ; 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. [Гриф МО и Н РФ.]

Общее языкознание : метод. указания к курсу для студентов-филологов высш. учеб. заведений. – 2-е изд. – Магнитогорск : МаГУ, 2005.

Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения : учеб.-метод. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2010.

Издания, составленные или вышедшие под редакцией С. Г. Шулежковой

Функционирование фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте : межвуз. сб. / гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Челябинск : ЧГПИ, 1984.

Система грамматического разбора в педвузе : метод. указания для студ. фак. рус. яз. и лит. / редкол. С. Г. Шулежкова [и др.]. – Магнитогорск : МГПИ, 1985.

«Гармонии таинственная власть...» : поэт. сб. / редкол. : И. В. Петрова, С. Г. Шулежкова, С. П. Распутина. – Магнитогорск : МГПИ, 1992. – Вып. 1 ; лит.-худож. сб. / под ред. Т. Б. Зайцевой, Л. Д. Пономарёвой, О. В. Станкевич, С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Вып. 2 ; Магнитогорск : МаГУ, 2002. – Вып. 3 / под ред. С. Г. Шулежковой.

Магнитогорский педагогический. Страницы истории. Ч. II. Наставникам, хранившим юность нашу... : краткие очерки о преподавателях МГПИ / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 1992.

Русское слово в художественном тексте и на уроке : сб. науч. студ. работ / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 1992. – Вып. 1.

Функционирование фразеологических единиц в различных стилях языка : межвуз. сб. науч. работ / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 1994.

«Благословенны первые шаги...»: сб. работ мол. исслед. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 1997. – Вып. I ; Магнитогорск : МГПИ, 1999. – Вып. II ; Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Вып. III ; Магнитогорск : МаГУ, 2001. – Вып. IV ; Магнитогорск : МаГУ, 2004. – Вып. V ; Магнитогорск : МаГУ, 2005. – Вып. VI.

Пушкин : альманах / под ред. А. П. Власкина, И. В. Петровой, С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 1999. – Вып. I ; Магнитогорск : МаГУ, 2000. – Вып. 2 / под ред. С. Г. Шулежковой ; Магнитогорск : МаГУ, 2002. – Вып. 3 / под ред. С. Г. Шулежковой.

В. Ф. Романов и его дело : биограф. заметки / сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2000.

«Когда соединим слова и руки...»: к 70-летию МаГУ (очерки о преподавателях и со-трудниках) / под ред. А. П. Власкина и С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2002. – Вып. I.

МаГУ вчера и сегодня : ист. очерк / сост. Т. В. Кружилина ; под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2002.

Максимов, Б. Б. Фильтр базар : словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Около 31 500 слов и устойчивых словосочетаний / гл. ред. С. Г. Шулежкова ; подгот. рук. к изд. и вступ. ст. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2002.

Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2003.

Люди, дела, традиции : энциклопедия МаГУ / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2003; 2-е изд., перераб. и доп. – Магнитогорск : МаГУ, 2007.

Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2005.

Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс : сб. ст. участников междунар. науч. конф. / отв. ред.-сост. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол. А. А. Горбачевский, В. А. Токарев. – Магнитогорск : МаГУ, 2005.

Фразеологический словарь старославянского языка : более 4 000 единиц. Проспект / под ред. проф. С. Г. Шулежковой. – М. ; Магнитогорск : ООО «Издательство “ЭЛПИС”» ; МаГУ, 2006.

«За Уралушкой огонёчек горит...»: Песни казачьих посёлков Южного Урала (тексты и фоноприложение) / вступ. ст., науч. коммент. С. Г. Шулежкова ; сост., расшифровка фонозаписей, прим. А. Г. Серов ; под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2007.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллективная моногр. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. 1 ; Магнитогорск : МаГУ, 2008. – Ч. 2.

Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 ед. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2009.

Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеография в контексте славистики: теория и практика»: материалы симпозиума // Проблемы истории, филологии, культуры / подгот. материалов симпозиума к печати, отв. за вып. С. Г. Шулежкова [и др.]. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. II (24). – С. 62 – 73. – **Журнал входит в Рес-тр ВАК МО и Н РФ.**

Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития : коллек-тивная моногр. / Науч.-исслед. лаб. МаГУ ; отв. ред. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол. М. А. Коротенко. – Магнитогорск : МаГУ, 2010.

Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / Науч.-исслед. слов. лаб. МаГУ ; отв. ред. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол. : М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2010.

Публикации о С. Г. Шулежковой

Шестакова, Н. А. Пример для молодых / Н. А. Шестакова // Педагог. – 1980 (30 апреля). – С. 2.

Кочеткова, И. Повторись в учениках / И. Кочеткова // Магнитогорский рабочий. – 1985 (30 октября). – С. 3.

Полякова, И. М. Выражается метко русский народ (о новой книге С. Г. Шулежковой) / И. М. Полякова // Магнитогорский рабочий. – 1994 (23 марта). – С. 3.

Карелина, Е. «С осторожностью птицелова я ловлю крылатое слово» / Е. Карелина // Магнитогорский рабочий. – 1995 (10 октября). – С. 5.

Павленко, Л. Творческий юбилей С. Г. Шулежковой / Л. Павленко // Педагог. – 1997. – № 3 (24 марта). – С. 1.

Ильясов, Ю. Негромко истина живёт / Ю. Ильясов // Магнитогорский рабочий. – 2002 (24 января). – С. 3.

Дмитриева, Т. Г. Рецензия на кн. Шулежковой С. Г. «Словарь крылатых выражений из области искусства». – М., 2003 // Русская речь. – 2004. – № 3. – С. 116 – 118.

Ланцова, С. Люди эпохи Возрождения / С. Ланцова // Магнитогорский рабочий. – 2006 (19 мая). – С. 3.

Гневэк, О. В. «Шулежковские мы!» / О. В. Гневэк // Магнитогорский металл. – 2006 (7 октября). – С. 7.

Чернюгова, Н. Словарная сокровищница / Н. Чернюгова // Магнитогорский металл. – 2007 (30 января). – С. 7.

Фасхутдинов, Р. Символ Магнитогорской науки / Р. Фасхутдинов // Магнитогорский металл. – 2007 (27 февраля). – С. 5.

Чернюгова, Н. Любимому филфаку – 75 лет! / Н. Чернюгова, Г. Уметбаева // Мой университет. – 2007 (30 марта). – С. 1 – 2.

Фасхутдинов, Р. Миф о лёгкой жизни [беседа с С. Г. Шулежковой] // Магнитогорский металл. – 2007 (14 августа). – С. 5.

Фасхутдинов, Р. Ренессанс русского слова / Р. Фасхутдинов // Магнитогорский металл. – 2007 (30 октября). – С. 4.

Гулькина, Г. Расширяя горизонты науки / Г. Гулькина // Мой университет. – 2007 (23 ноября). – С. 2.

Полоцкий, В. Невзирая на чины и регалии / В. Полоцкий // Мой университет. – 2007 (23 ноября). – С. 4.

Фасхутдинов, Р. Под брендом «МаГУ» / Р. Фасхутдинов, Г. Уметбаева // Магнитогорский рабочий. – 2008 (8 февраля). – С. 7.

Сморodin, К. Марафон длиною в пять лет / К. Смородин // Магнитогорский металл. – 2008 (12 августа). – С. 7.

Гогелиани, Э. Мы не Иваны, не помнящие родства / Э. Гогелиани // Магнитогорский рабочий. – 2008 (10 октября). – С. 1 – 2.

Львов, Р. МаГУ – классический университет инноваций / Р. Львов // Комсомольская правда. – 2009 (6 февраля). – С. 28.

Карякина, М. Карантин славистам не помеха / М. Карякина // М. Карякина, О. Карасик // Магнитогорский металл. – 2009 (24 ноября). – С. 2.

Куклина, Е. Вселенная в алфавитном порядке / Е. Куклина // Магнитогорский рабочий. – 2009 (26 ноября). – С. 3.

Чепасова, А. М. Рецензия на словарь: В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5 000 ед.: в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009 / А. М. Чепасова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. – Вып. IV. – С. 285 – 288. – **Журнал входит в Реестр ВАК МО и Н РФ.**

Дядечко, Л. П. Рецензия на словарь: В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5 000 ед.: в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009 / Л. П. Дядечко // Вестник МАПРЯЛ. – М., 2010. – № 65. – С. 60 – 64.

Кандидатские диссертации, выполненные под руководством С. Г. Шулежковой

Гараева Л. А. Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII – начала XVII вв. (структурный и идеографический аспекты) – 1997 г.

Франчук О. В. История формирования тематических групп «колокол – колокольный звон» и «колокольное дело» в русском языке – 1999 г.

Халитова Н. Р. Лексико-семантические поле названий жителей страны ГУЛАГ (по рассказам В. Шаламова) – 2000 г.

Петрова И. В. Устойчивые словесные комплексы в сочинениях сподвижников протопопа Аввакума (структурно-грамматический и идеографический анализ) – 2001 г.

Соловьева О. И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях Т. А. Аверченко и Н. А. Тэффи – 2001 г.

Прокофьева А. В. Textoобразующие функции фразеологических единиц в поэзии В. С. Высоцкого – 2002 г.

Долгополов О. В. Закономерности формирования фондов крылатых единиц русского и немецкого языков (сопоставительный анализ) – 2004 г.

Анохина С. А. Концепт «Развитие» в русской языковой картине мира и особенности его вербализации в творчестве В. Распутина – 2004 г.

Осипова А. А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980 – 1990-х гг. – 2005 г.

Коротенко М. А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия – 2006 г.

Меркулова Н. В. Вербализаторы концептов «ВРЕМЯ» и «МЯТЕЖ» в следственном деле Емельяна Пугачева как материал для воссоздания языковой личности последней трети XVIII века – 2006 г.

Мишина Л. Н. Вербализация концепта «Мученичество» в старославянских рукописях X – XI вв. и древнерусских памятниках XI – XIV вв.: сопоставительный анализ – 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Гневэк О. В. И вновь продолжается бой... (вместо предисловия) 3

РАЗДЕЛ I. ВЫСОКОПАРНЫХ СЛОВ НЕ СТОИТ ОПАСАТЬСЯ...

Коллеги о юбиляре (Семёнов В. П., Романов В. Ф., Уметбаев З. М., Петров В. Б., Пономарёва Л. Д., Абрамзон М. Г.)..... 6

Глиникова Л. А. О друге и коллеге (к юбилею Светланы Григорьевны Шулежковой)..... 9

Дядечко Л. П. *Вас здесь стояло!*, или К вопросу о роли личности в истории лингвистики (навстречу 70-летию С. Г. Шулежковой)..... 12

Харченко В. К. Профессор С. Г. Шулежкова как редактор и один из составителей «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка»..... 16

РАЗДЕЛ II. НАШ ПАРОВОЗ, ВПЕРЕД ЛЕТИ! (научные статьи)

Авдеева О. И. Грамматический аспект синтагматики фразем-подлежащих..... 20

Алефиренко Н. Ф. Фразеологическая семантика в свете лингвокогнитивистики 23

Андреева С. Л. Значения и употребления фраземы *хрустальный дворец*..... 27

Анохина С. А. Функционирование крылатых выражений в речи персонажей В. Распутина. 32

Анохина С. В. Функционирование лексических и фразеологических антропонимантов в качестве заголовков в произведениях И. А. Бунина 35

Арапов О. А. Устойчивые словесные комплексы – наименования Богородицы в фольклорных духовных стихах XIX в..... 38

Байрамова Л. К. Момент истины..... 41

Бобровская Г. В. Использование фрагментов прецедентных текстов в газетной публицистике..... 44

Бочина Т. Г. Интенсификаторы иронии в русских поговорках..... 47

Будейко В. Э. Русские азбучные и алфавитные фразеологизмы..... 50

Вальтер Х. Русская *сладкая парочка* и немецкая *холодная собака* 53

Варлакова Т. В. Особенности семантики и функционирования многочленных фразеологических омонимов библейского происхождения..... 59

Воронцова Т. А. Фразеологизм как средство речевого воздействия в риторическом произведении..... 62

Вьеллар С. Построение фразеологических парадигм в сборниках пословиц А. И. Богданова и А. А. Барсова (XVIII век)..... 65

Гараева Л. А. Способы замены одного или нескольких компонентов в структуре устойчивого словесного комплекса (на материале устойчивых словесных комплексов, функционирующих в древнерусских воинских повестях XII – XVII вв.)..... 69

Георгиева С. И. Фразеология и межкультурная коммуникация 73

Глухих Н. В. Классификационные признаки делового эпистолярного текста конца XVIII – начала XIX в..... 75

Гневэк О. В. Новое в концепте *женщина* в современной паремиологии..... 79

Голованёва М. А. Афористичность политической драмы конца XX века..... 84

Гриднева Т. В. Реализация когнитивных эмотивных моделей в процессе актуализации крылатых единиц в современной публицистике..... 88

Жуков А. В., Жуков К. А. К вопросу о классификации пословично-поговорочного материала..... 91

Жукова М. Е. Можно ли выкурить трубку мира, не закопав топор войны? (Два выражения американских индейцев в пространстве электронных и печатных СМИ)..... 94

Зыкова Е. И. К вопросу о функционировании крылатых выражений.....	98
Иванова С. Ф. Тэкставыя крыніцы прататыпаў антыцытат у сучаснай беларускай літаратурнай мове.....	101
Іваноў Я. Я. Кагнітыўныя і граматычныя перадумовы фарміравання прыказак як разнавіднасці абгульчана-універсальных выказванняў у антагенэзе мовы.....	104
Кацюба Л. Б. Крылатые единицы как форма выражения языкового паремиологического сознания.....	107
Клиникова И. С. История фразеологизма <i>чёрная смерть</i> в русском языке.....	111
Коротенко М. А. Некоторые особенности языкового портрета Ивана Неронова.....	115
Коришук В. А. «Плебейская» песня «на языке кухонной латыни».....	120
Костючук Л. Я. Слово о проспекте «Фразеологического словаря старославянского языка»..	123
Кудрина Н. В. Индивидуально-авторские преобразования поэтических фразеологизмов в поэзии А. Ахматовой.....	128
Кузнецова И. В. Библийские устойчивые сравнения с компонентом-названием представителя фауны.....	131
Лебедева Л. А. Смысловые приращения крылатых выражений и их компонентов в художественном тексте.....	135
Ломакина О. В. Текстология Л. Н. Толстого как источник крылатых единиц.....	139
Лопуцько О. П. Древнерусская устойчивая формула как архаический иконический знак..	142
Мароевич Р. Н. Судьба праславянских звуковых групп *kti, *gti, *xti.....	145
Меркулова Н. В. Роль фразеологизмов в описании языковой личности (на материале дневника В. М. Пуришкевича «Как я убил Распутина»).....	160
Мишина Л. Н. Особенности вербализации концепта «Чудо» в языке старославянских и древнерусских житий мучеников.....	164
Мокиенко В. М. Коней на переправе не менять!.....	168
Наумова И. О. О судьбе выражения <i>качество жизни</i> в русском языке.....	182
Николаева Е. К. Сладкая жизнь в шоколаде.....	185
Огольцева Е. В. Структурно-семантическая соотносительность устойчивых сравнений и компаративно-производных слов как источник потенциальных образных значений....	189
Осипова А. А. Библийские крылатые единицы в художественной картине мира В. П. Астафьева.....	192
Панина Л. С. Образование фразеологических единиц на базе русских примет и суеверий.....	199
Песина С. А. Сознание и языковой организм.....	201
Петрова И. В. Лексика и фразеология церковно-религиозного стиля на современном этапе развития русского литературного языка (на материале проповедей патриарха Московского и Всея Руси Кирилла).....	206
Плотникова А. М. Устойчивые оценки известности человека в русском языке.....	209
Прокофьева А. В. Особенности индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц в стихопеснях В. С. Высоцкого к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» (из опыта работы спецкурса по фразеологии)..	213
Радченко Е. В. Семантическое развитие предметных фразеологизмов субкатегории отвлечённости.....	217
Ратушная Е. Р. Функционирование фразеологических обращений в художественном тексте.....	220
Родзевич Б. Система ценностей в языковом сознании поляков.....	222
Савельева О. С. Субстантивация как проявление динамических процессов в категории предметности.....	227

Савенкова Л. Б., Панова А. А. Система ценностей христианина в афористике православного монологического дискурса.....	230
Савченко А. В. Цитата как основа формирования фразеологизма (на примере спортивной сферы).....	234
Селиверстова Е. И. Однотипные выражения в языке СМИ.....	237
Семенов Н. Н. Проблема категориальной сущности внутренней формы паремий в свете когнитивно-прагматического подхода.....	241
Сидоренко К. П. «Крылатые раритеты» А. С. Грибоедова и типология словарей интертекстовых единиц.....	244
Степанова Л. И. Крылатые выражения в новом чешском фразеологическом словаре.....	247
Сулейманова Д. З. Марьяжные дамы и крали.....	251
Фесенко О. П. Теория центра и периферии во фразеологии и основные признаки фразеологизма.....	255
Финк Ж. О хорватских и русских фразеологизмах с компонентами <i>letvica</i> и <i>планка</i>	258
Франчук О. В. «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья» (к вопросу о специфике концепта «Веселье» в языковой картине мира древних славян).....	262
Хайдарова В. Ф. О становлении внешней формы фразеологических неологизмов языка Интернета.....	266
Халитова Н. Р. Приёмы трансформации устойчивых словесных комплексов в романе Г. А. Зотова «Республика Ночь».....	269
Харченко Е. В. Крылатые выражения и корпоративные культуры.....	272
Хлебда В. К идее европейского словаря библеизмов.....	275
Хомутникова (Корикова) Е. А. Этимология английских фразеологизмов с компонентом <i>rose</i>	279
Чепасова А. М. Грамматические свойства конструкции <i>глагол + себя</i>	282
Черняк В. Д. Прецедентные феномены в современной беллетристике.....	285
Шестак Л. А. «Столетия-фонарики!» (В. Брюсов): цивилизационные смыслы в структуре русской языковой личности.....	288
Шутковски Т. Крылатые выражения и их соотношение с паремийными единицами.....	292
Шушарина И. А. Русско-польские языковые параллели: ложные друзья переводчика во фразеологии.....	294

РАЗДЕЛ III. НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Лексикографические труды С. Г. Шулежковой.....	298
Научные и научно-методические работы С. Г. Шулежковой.....	298
Учебные издания С. Г. Шулежковой.....	304
Издания, составленные или вышедшие под редакцией С. Г. Шулежковой.....	305
Публикации о С. Г. Шулежковой.....	307
Кандидатские диссертации, выполненные под руководством С. Г. Шулежковой.....	308

Научное издание

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ...

Сборник научных статей,
посвящённый юбилею доктора филологических наук, профессора
Светланы Григорьевны Шулежковой

Редакторы *В. М. Мокиенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова*

Регистрационный № 0250 от 27.07.2006 г. Подписано в печать 09.11.2010 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,36. Уч.-изд. л. 17,56. Тираж 1000 экз. Заказ № 672.

Цена свободная.

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114
Типография МаГУ

ISBN 978-5-86781-810-4

